

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ САЯНО-АЛТАЯ

Рецензируемый
Научный журнал
Номер 1(3), 2012
Периодичность – 2 раза в год
Серия: История
Выпуск 1

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

д-р ист. наук **В. Н. Тугужекова**

Зам. главного редактора

д-р филол. наук **А. Л. Кошелева**

Ответственный секретарь

канд. ист. наук **Н. А. Данькина**

д-р ист. наук **Н. Я. Артамонова** (Абакан),

канд. ист. наук **Ю. Н. Есин** (Абакан),

д-р филос. наук **Р. Н. Ибрагимов** (Абакан),

канд. ист. наук **М. Г. Степанов** (Абакан),

канд. ист. наук **В. К. Чертыков** (Абакан)

УЧРЕДИТЕЛИ:

Министерство образования и науки
Республики Хакасия
ГБНИУ РХ «Хакасский
научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории»
(ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»)

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

655017, г. Абакан,
ул. Щетинкина, 23, ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»
Телефон 8 (3902) 22–31–71
E-mail: **khaknauka@yandex.ru**
Зав. редакцией:
Надежда Анатольевна Данькина

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

канд. юр. наук (Абакан)

И. Г. Смолина (председатель)

д-р филос. наук (Абакан)

Л. В. Анжиганова

член-кор. РАН (Улан-Удэ)

Б. В. Базаров

д-р филол. наук (Кызыл)

К. А. Бичелдей

канд. ист. наук (Горно-Алтайск)

Н. М. Екеева

канд. пед. наук (Абакан)

Г. А. Салата

канд. физ.-мат. наук (Абакан)

Г. С. Сурвилло

д-р ист. наук (Новосибирск)

Ю. С. Худякова

НАШ АДРЕС В ИНТЕРНЕТЕ:

<http://www.haknii.ru>

ISBN 978-5-7091-0545-4

- © Министерство образования и науки Республики Хакасия, 2012
- © ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», 2012
- © ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

К 150-ЛЕТИЮ ХАКАССКОГО УЧЕНОГО, ТЮРКОЛОГА, ДОКТОРА СРАВНИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ, ВОСТОКОВЕДА Н. Ф. КАТАНОВА

Николай Федорович Катанов и современность .. 4
Смолина И. Г.

Наследие великого хакасского ученого
Николая Федоровича Катанова.....10
Салата Г.А.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

Древнейшие изображения повозок
Минусинской котловины.....14
Есин Ю. Н.

Изображения лошади на двух бронзовых
ножах тагарской культуры 48
Амзараков П. Б.

Древнехакасское государство51
Ушницкий В. В.

Комплекс средств индивидуальной защиты от
холода у якутов..... 56
Петрова С. И.

Некоторые представления тувинцев,
связанные с юртой..... 63
Донгак С. Ч.

Магические обряды и ритуалы в верованиях
и обрядах башкир67
Сулейманова М. Н.

Традиционная одежда в коллекции музеев Тувы:
история комплектования и изучения.....71
Дыртык-оол А. О.

ИСТОРИЯ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ

Проблема этнического состава коренного
населения Алтая XVII – первой половины XVIII в.
в отечественной исторической науке.....76
Екеев Н. В.

Повседневная жизнь учащихся гимназий
и прогимназий городов Енисейской губернии
во второй половине XIX – начале XX в.81
Кискидосова Т. А.

Стратегия внешнеэкономических
связей Тувы в 20-е гг. XX в. 90
Саая С. В.

Формирование основных направлений социаль-
ной политики по обустройству демобилизован-
ных в 1945–1946 гг. (на примере Ойротской и
Тувинской автономных областей)..... 96
Харунова М. М.-Б.

Состояние промышленности Горного Алтая
на рубеже 80–90-х гг. XX в.....102
Каташев М. С.

Совершенствование конституционно-правовых
норм как одного из условий развития
политической жизни107
Эшматова Г. Б.

Этнические процессы у калмаков (опыт
интервального исследования)113
Кимеев В. М., Кривоногов В. П.

Роль учебных заведений культуры и искусства
Восточной Сибири в сохранении художествен-
ной культуры тюркоязычных народов.....123
Барабаш В.П.

Композиторское творчество в республиках
Южной Сибири (к вопросу о путях развития
и проблемах изучения).....126
Карелина Е. К.

Развитие профессионально-культурных
установок школьников Восточного Казахстана
в условиях современного рынка труда..... 130
Коновалов А. П.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Проблема политических репрессий
в СССР (1928–1953 гг.) в историографических
исследованиях.....140
Степанов М. Г.

Основные тенденции изучения культурной
революции и интеллигенции Бурятии
в отечественной историографии152
Данькина Н. А.

ПЕРСОНАЛИИ

Н. Ф. Катанов как путешественник
и исследователь Урянхайской земли 158
Махно Ю. К.

Эрдэмто Ринчинович Рыгдылон – исследователь
Хакасско-Минусинского района165
Дацышен В. Г.

Якуб Камалиевич Занкиев – видный педагог
и писатель сибирских татар (к 95-летию со дня
рождения)178
Алишина Х. Ч.

*АННОТАЦИИ К СТАТЬЯМ НОМЕРА
(на английском языке).....186*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....193

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....195

CONTENTS

ON THE 150TH ANNIVERSARY OF THE KHAKAS SCIENTIST, TURKOLOGIST, DOCTOR OF COMPARATIVE LINGUISTICS, ORIENTALIST N. F. KATANOV

- Nickolay Fedorovich Katanov and modernity 4
Smolina I. G.
The legacy of the great khakass scientist
Nikolai Fedorovich Katanov.....10
Salata G. A.

ANCIENT HISTORY AND TRADITIONAL CULTURE

- The most ancient images of wheeled vehicles
of Minusinsk basin14
Esin Yu. N.
Horse images on two bronze knives of the Tagar
culture 48
Amzarakov P. B.
Old Khakass state51
Ushnitsky V. V.
The complex of the Sakha traditional warmth-
keeping kinds of clothes 56
Petrova S. I.
Some notions of Tuvinian people associated
with yurt 63
Dongak S. C.
Magic rites and rituals in Bashkir believes
and rituals67
Suleymanova M. N.
Traditional clothes in collections of Tuvinian
museums: history of acquisition and study71
Dirtik-ool A. O.

HISTORY OF RUSSIA AND ITS REGIONS

- The problem of the ethnic composition of the
indigenous population of Altai XVII — the first half
of XVIII century in the Soviet historical science.76
Ekeev N. V.
Everyday life of the pupils of gymnasias and
progymnasias of the towns of the Yenisey Province in the
second half of the XIX and the beginning of the XX c...81
Kiskidosova T. A.
Strategy of external economic relations of Tuva in
1920-s..... 90
Saaya S. V.
Main Areas of Social Policy Aimed at Providing
the Necessary Amenities for Front-Line Soldiers
demobilized in 1945-1946 (On the Example of Oirov

- Autonomous Oblast and Tuvan Autonomous Oblast).... 96
Kharunova M. M.-B.
Condition of Altay Mountains industry in 80-90-s of
the XX century.....102
Katashev M. S.
Improvement of constitutional legal provisions as
one of the conditions of political life development.107
Eshmatova G. B.
Ethnic processes among Kalmaks113
Kimeyev V. M., Krivonogov V. P.
Role of culture and art educational institutions
of Eastern Siberian preserving of Turkic peoples
artistic culture.....123
Barabash V. P.
The composers Creative in South Siberian Republics
(about development ways and problems of study).....126
Karelina E. K.
Professionally-cultural development of schoolchildren in
Eastern Kazakhstan amid the modern labor market 130
Konovalov A. P.

HISTORIOGRAPHY

- The problem of political repressions in the USSR
(1928-1953) in historiographical studies140
Stepanov M. G.
Basic tendencies in study of the Cultural Revolution
of Buryat intelligentsia in after-October period of
Russian historiography152
Dankina N. A.

PERSONALIA

- N.F. Katanov as a traveler and researcher of
Uryankhay land 158
Makhno Y. K.
Rygdylon E.R. the history of southern Siberia,
Krasnoyarsk region, Khakassia, Minusinsk,
archeology, oriental studies, science and power in
the USSR, Martyanovsky museum165
Datsyshen V. G.
Yakub Kamalievich Zankiev – notable educator and
writer of Siberian Tatars (to the 95th anniversary).....178
Alishina K. C.

ABSTRACTS FOR THE ARTICLES OF THE ISSUE (in English)186

CREDITS193

INFORMATION FOR THE AUTHORS195

К 150-ЛЕТИЮ ХАКАССКОГО УЧЕНОГО, ТЮРКОЛОГА, ДОКТОРА СРАВНИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ, ВОСТОКОВЕДА Н. Ф. КАТАНОВА

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ КАТАНОВ И СОВРЕМЕННОСТЬ

И. Г. Смолина

УДК 929

В статье рассматривается значение трудов Н. Ф. Катанова для современной науки. Автор подчеркивает неоценимый вклад ученого в изучение и сохранение языков, фольклора, литературы и этнографии тюркских народов. Уделяется внимание педагогической, общественной и музейной деятельности Н. Ф. Катанова.

Ключевые слова: этнография, культура, тюркоязычные народы.

2012-й год в Республике Хакасия и ещё в тринадцати странах международной организации тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) официально объявлен Годом Николая Федоровича Катанова, выдающегося востоковеда, исследователя-этнографа, лингвиста и первого хакасского профессора. Значимость научного вклада Н. Ф. Катанова трудно переоценить.

Выдающийся российский востоковед Н. Ф. Катанов (1862–1922) оставил огромное научно-творческое наследие, содержащее обширные научные сведения об этнографии, культуре, языках коренных народов Сибири: современных хакасов, тувинцев, алтайцев, карагасов, а также казахов, киргизов, тюркоязычных сартов Востока, Северного Китая и Монголии. Особую значимость его научные труды приобретают в современности, поскольку процессы возрождения национальных культур хакасов, алтайцев и тувинцев напрямую касаются историко-этнической информации об этих народах.

Для мира науки личность Н. Ф. Катанова связана с изучением и сохранением тюркских языков. Его фундаментальный труд «Образцы народной литературы» вошел в золотой фонд мировой тюркологии. В нем даются сведения по известным науке его

времени тюркским языкам, а также представлены фонетические и морфологические признаки хакасских диалектов. Труд Н. Ф. Катанова представляет собой колоссальный справочник по всем тюркологическим материалам, собранным к началу XX в., и как свод фактических данных по сравнительной грамматике тюркских языков является основой для дальнейших изысканий в этой области.

Н. Ф. Катанов – ученый-полиглот. Он занимался не только изучением тюркских языков, но и владел арабо-персидской группой языков, являлся одним из основателей татарской и башкирской диалектологии как науки. По подсчетам ученых, в своих работах он проводил сопоставительно-сравнительный анализ более 100 европейских и восточных языков. Его изыскания и по сей день не потеряли своего научного значения, а методика исследования Н. Ф. Катанова остается для науки актуальной.

Республика Хакасия и все ее жители гордятся, что плодородная хакасская земля вскормила человека столь грандиозного ума и широчайшего кругозора. Николай Катанов – сирота из сагайского села близ Аскиза, рожденный в семье кочевых скотоводов. Являясь представителем одного из коренных

народов Сибири, не всегда мог рассчитывать на благосклонность уездных чиновников в праве получения образования. С детства он проявлял большое усердие и научные способности в процессе обучения в Аскизском училище и Красноярской мужской гимназии. Получив великолепное европейское образование на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета со степенью магистра, овладев несколькими языками, Николай Федорович, несомненно, заявлял о себе как о потенциальном ученом-исследователе. Вся дальнейшая жизнедеятельность и творческая судьба Катанова явились подтверждением его преданности науке и честного служения народу.

В 1888 г. Императорским Русским Географическим Обществом Н. Ф. Катанов был утвержден в статусе члена-сотрудника и командирован для проведения этнографических исследований в Сибирь, Монголию и Восточный Туркестан для изучения тюркских языков и быта народов Востока. Кандидатура Н. Ф. Катанова наилучшим образом подходила для выполнения поставленной задачи, а именно – провести комплексное изучение тюркских языков специально подготовленным лицом.

В своих путешествиях он останавливался в родном Аскизе для проведения тщательной систематизации записей собранного материала. Вероятно, по пути в Туву он специально на несколько дней останавливался в селениях Сагайской степи, в частности в с. Усть-Есь. Молодой исследователь использовал любую возможность для научных исследований. Так, он среди своих родственников находил информаторов, опирался на сведения односельчан, имевших широкие социальные связи. География путешествий ученого не ограничивалась даже в зимнее время года, несмотря на суровые климатические условия и прочие трудности. Если принять во внимание отсутствие современных средств передвижения, скорость движения путешественника в конце XIX в. в суровых сибирских условиях была достаточно высокой. Благодаря выработанной собственной

системе изучения народов, с первых дней экспедиции Н. Ф. Катанову удалось записать обширную информацию. Об этом свидетельствует огромный объем собранной и систематизированной информации о жизни разнородных племен Минусинского округа, Восточного Туркестана и Северного Китая.

Н. Ф. Катанов в процессе изучения этнического разнообразия Сибири входил в непосредственные контакты с представителями разных племен инородцев. В живом общении, ведя неторопливые беседы, подмечал особенности культуры народов, обычаи и традиции. Всегда отмечая значимость народной мудрости, Н. Ф. Катанов как глубоко образованный человек понимал необходимость просвещения инородцев. В каком бы крае он ни находился, всегда интересовался состоянием народных училищ, школ и роли грамотных людей в просвещении инородцев.

К сожалению, мало утешительного находил он даже в родном «гнезде» – Аскизе, где основная масса населения оставалась безграмотной. Состояние народного образования среди нерусских народов Сибири в конце XIX в. было далеко не блестящим. Позднее, уже работая в Казани, Катанов решительно выступал на страницах «Ученых записок Казанского университета» против отдельных ученых, говоривших о бесполезности изучения и просвещения инородцев, так как они обречены на вымирание.

Можно выделить следующие исследовательские направления Катанова: язык, его всевозможные проявления в речи носителей тюркских народностей; фольклор, его жанры: сказки, предания, легенды, басни, сказания, песни, загадки, поговорки, пословицы, народные приметы, высказывания, религия, философские взгляды тюркских племен; отношение к православию, материальная культура, быт, предметы хозяйствования; культовые предметы и вещи, социально-культурные, товарно-денежные отношения, социальная структура племен, управление, элементы психологии народов, их родственные, родоплеменные, межличностные, межэтнические отношения.

Как видно из вышеперечисленного, ученого интересовали все аспекты жизни сибирских инородцев. В процессе работы с получаемым материалом Катановым были использованы достаточно эффективные методы и приемы научного исследования, что позволяло ему практически овладевать родственными наречиями, диалектами тюркских языков.

В 1893 г. Н. Ф. Катанов был назначен преподавателем восточных языков Казанского Императорского университета, что явилось началом еще одного важного периода его жизни: интенсивной научно-педагогической и общественной деятельности. Это период работы ученого в Обществе археологии, истории, этнографии при Казанском Императорском университете, в котором Николай Федорович состоял в течение 28 лет (1894–1922), из них 16 лет являлся председателем. Целью общества являлось «изучение прошлого и настоящего русского и инородческого населения в территории бывших Болгаро-Хазарского и Казанско-Астраханского царств с прилегающими к ней местностями».

В конце XIX в. территориальные рамки деятельности общества были расширены за счет Сибири и Средней Азии. Кроме организационной работы, Н. Ф. Катанов занимался редактированием материалов «Известий» общества, впервые опубликовал научные материалы по изучению языков народов Сибири. Примечательно, что в годы, когда Катанов возглавлял Общество археологии, истории, этнографии при Казанском Императорском университете, расширились научные связи этого общества.

Об обширности его интересов говорит тот факт, что Н. Ф. Катанов входил в такие научные общества, как Императорское Русское Археологическое, Императорское Русское Географическое, Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, Международное общество наук и литератур в Лёвене (Бельгия), Венгерское этнографическое в Будапеште, Гельсингфорское финно-угорское, а также в Церковно-археологическое общество.

Кроме научно-исследовательской деятельности, Н. Ф. Катанов вел насыщенную общественную работу. Еще, будучи студентом Императорского Санкт-Петербургского университета, он являлся активным участником сибирских землячеств, где выступал за необходимость просвещения народов Сибири, тем самым проявляя глубокую заинтересованность в системе народного образования инородцев. В период работы в Казанском университете у ученого-востоковеда появилась возможность оказывать посильную помощь просвещению тюркоязычных народов. В начале 1900-х гг. Катанов был привлечен к работе в Казанском учебном округе в качестве редактора учебных книг и пособий для «инородцев», а с 1907 г. – председателя Переводческой комиссии при Казанском учебном округе. В 1906–1908 гг. он опубликовал в газетах и журналах ряд статей по вопросам народного образования.

Благодаря деятельности Н. Ф. Катанова, многие музеи России пополнили свои коллекции. Живя в Казани, Николай Федорович поддерживал связь со многими краеведческими музеями, особенно это касалось музеев Сибири. Большой вклад он внес в становление Минусинского краеведческого музея. В 1902 г. Катанов принимал непосредственное участие в подготовке и редактировании «Исторического очерка Минусинского музея», который в ту пору отмечал свое 25-летие. Н. Ф. Катанов занимался коррективированием хакасских текстов и взял на себя заботу об опубликовании их в типографии Казанского университета. Экспонаты, собранные во время научных экспедиций, ученый передавал краеведческим музеям: Минусинскому, Красноярскому, Тобольскому, музею Казанского университета.

Замечательной страницей в жизни семьи Н. Ф. Катанова было ее участие в деятельности Казанского губернского комитета попечительства о народной трезвости. Н. Ф. Катанов читал лекции для членов комитета, публиковал статьи просветительского характера о вреде алкоголя. В 2005 г.

по инициативе Международной независимой ассоциации трезвости в Казани Школьный переулок, где жил Николай Федорович, был официально переименован в Катановский (ранее он уже неофициально носил это название). Ассоциация трезвости предложила также установить в городе памятник Н. Ф. Катанову, восстановить дом, в котором он жил, разместив в нем «Музей трезвости».

Талантливый и трудолюбивый ученый-тюрколог, просветитель и мыслитель Н. Ф. Катанов остается в памяти нашего народа. Сегодня тюркологи всего мира знают работы великого ученого. Творческая жизнь и наследие сына хакасского народа раскрывают непреходящее значение его огромного вклада в отечественную и мировую науку, образование и культуру народов России.

К сожалению, много ценного из научного наследия востоковеда-тюрколога не было напечатано ни при жизни Н. Ф. Катанова, ни в 1920-е гг., ни в последующие десятилетия. Сейчас в Хакасии ведется работа по обработке и изданию его трудов.

Впервые в постсоветский период, в 2000 г., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ХакНИИ-ЯЛИ) совместно с ТЮРКСОЙ издали «Избранные научные труды Н. Ф. Катанова» на трех языках (русском, турецком, хакасском).

В 2007 г. в серии «Рукописное наследие Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова и Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории» была опубликована работа «Этнографические экспедиции Николая Федоровича Катанова (1896) и Степана Дмитриевича Майнагашева (1913–1914) в Хакасии», в которой содержится отчет Н. Ф. Катанова о поездке, совершенной в Минусинский округ Енисейской губернии. В 2011 г. усилиями Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) и Тувинского института гуманитарных исследований были опубликованы «Очерки Урянхайской земли» Н. Ф. Катанова. Конечно, хакасским ученым еще предстоит большая работа, чтобы собрать неопублико-

ванные исследования Н. Ф. Катанова и подготовить монументальное издание «Избранные труды Н. Ф. Катанова». В 2012 г. увидит свет 6-томное издание «Наследие Н. Ф. Катанова», подготовленное коллективом авторов Института гуманитарных исследований ХГУ им. Н. Ф. Катанова.

И ХакНИИЯЛИ готовит «Эпистолярное наследие Н. Ф. Катанова» и «Избранные труды».

Наиболее актуальной задачей для Республики Хакасия является возвращение уникальной коллекции книг Н. Ф. Катанова, которая хранится в институте тюркологических исследований при Стамбульском университете в Турции.

В этой библиотеке Н. Ф. Катанова более девяти тысяч книг по востоковедению и тюркологии. Помимо справочной, исторической, этнографической, археологической литературы, есть книги по устному народному творчеству. Много переводной литературы с башкирского, казахского, киргизского, татарского, туркменского, узбекского, чувашского языков на русский язык.

Библиотека за эти годы три раза меняла свое хранилище, но, несмотря на такие тяжелые периоды в истории государства, Турция сумела сохранить эту библиотеку такой, какой она была у своего владельца до её переезда. Это собрание трудов дало начало Институту тюркологии в Стамбуле. Если в 1922 г. библиотека насчитывала 7325 экз. книг, то в настоящее время книжный фонд вырос до 9000 экз.

В настоящее время желание нашего великого земляка видеть хакасов образованными получает реальное воплощение. Ответственность Республики Хакасия высоко оценила его стремление к просвещению своего народа, к наращиванию духовного потенциала общества и присвоила самым известным образовательным учреждениям и учреждениям культуры имя Н. Ф. Катанова, незаслуженно забытое в советскую эпоху. Так, в 1987 г. был создан Аскизский общественный краеведческий музей им. Н. Ф. Катанова (с 1995 г. – Аскизский районный краеведческий музей им. Н. Ф. Катанова), который

является центром культурной и научной деятельности Аскизского района. 7 июня 2007 г. в селе Аскиз, на берегу реки одноимённой реки, напротив здания местной администрации, был торжественно открыт памятник Н. Ф. Катанову, как дань уважения всемирно известному земляку.

В 1990 г. в целях подготовки высокоэрудированной молодежи Хакасской автономной области Хакасской областной гимназии было присвоено им. Н. Ф. Катанова. Ныне это – Хакасская национальная гимназия-интернат им. Н. Ф. Катанова, выпускающая в год более 100 учащихся, из них – 20 % с золотыми и серебряными медалями. С первых лет гимназия стала «кузницей национальных кадров». Среди бывших выпускников гимназии – доктора и кандидаты филологических и технических наук, профессора и доценты, поэты, прозаики, драматурги, журналисты, актеры, деятели кино и театра, врачи, учителя, успешные организаторы производства, политики и дипломаты.

Учитывая заслуги перед российской наукой и многолетнюю просветительскую деятельность, в 1992 г. постановлением Совета Министров Республики Хакасия от 13 мая № 148 Абаканскому государственному педагогическому институту было также присвоено имя Н. Ф. Катанова (в 1994 г. он стал Хакасским государственным университетом им. Н. Ф. Катанова). С этого же времени в ХГУ имени Н. Ф. Катанова проводятся традиционные «Катановские чтения», на которых свои исследования представляют студенты, аспиранты и преподаватели. В 1994 г. были учреждены две именные стипендии для студентов ХГУ им. Н. Ф. Катанова и одна именная премия лучшему выпускнику Хакасской национальной гимназии им. Н. Ф. Катанова.

В 1994 г. Верховный Совет Республики Хакасия учредил Государственную премию Республики Хакасия имени Н. Ф. Катанова за особо выдающиеся научные исследования, открывающие новые направления и вносящие существенный вклад в развитие гуманитарных наук. В разные годы ее удостоились: биограф Н. Ф. Катанова, корре-

спондент, автор-сценарист, прозаик Ирина Федоровна Кокова; филолог-востоковед, кандидат филологических наук, заслуженный деятель науки РФ, член Союза писателей РФ Валентина Евгеньевна Майногашева; доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН (г. Москва) Игорь Леонидович Кызласов; режиссер документальных фильмов о Н. Ф. Катанове Владимир Георгиевич Коков; заслуженный работник культуры РСФСР, заслуженный деятель искусств Республики Хакасия, член Союза писателей России Валентина Гавриловна Шульбаева; доктор филологических наук, профессор кафедры хакасской филологии, заслуженный деятель науки Республики Хакасия Венедикт Григорьевич Карпов. Всего награждены 11 лауреатов.

В 2007 г. в Абакане на проспекте Ленина (в сквере рядом с ХГУ имени Н. Ф. Катанова) был установлен памятник Н. Ф. Катанову работы красноярского скульптора Константина Зинича. Ученый запечатлен в бронзе во весь рост, с книгой в руке. Открытие памятника стало одним из ярких событий Дней хакасской письменности и культуры в рамках празднования 300-летия добровольного вхождения Хакасии в состав России.

9 августа 2011 г. было принято Постановление Правительства Республики Хакасия № 507 «Об объявлении 2012 г. в Республике Хакасия Годом Н. Ф. Катанова», в котором, в частности, отмечается «огромное значение личности и научной деятельности востоковеда-тюрколога Николая Федоровича Катанова для развития культуры и науки Республики Хакасия». В 2012 г. проводится более 150 различных научных и культурно-массовых мероприятий, приуроченных к юбилею Николая Федоровича Катанова. Публикация книг, олимпиады для школьников, научно-практические конференции для преподавателей и студентов – программа юбилейного года обещает быть насыщенной и яркой. А начало ей положил премьерный показ полнометражного документального фильма «Судьба инородца», повествующий о страницах биографии Николая Федоровича.

В год юбилейных торжеств Верховный Совет Республики Хакасия учредил медаль им. Н. Ф. Катанова для награждения граждан Российской Федерации за научные труды и научные исследования, внесшие существенный вклад в развитие гуманитарных и естественных наук, образования и культуры и получившие общественное признание в Республике Хакасия.

Имя Николая Федоровича Катанова сегодня является символом науки и просвещения не только на его родной земле, в Хакасии. 150-летие ученого будут широко отмечать в Турции и на Кипре, в Узбекистане и Тыве, в Казахстане и Азербайджане – во всех странах, которые объединяет сейчас международная организация ТЮРКСОЙ. Потому как профессор Катанов – это человек, сделавший все, чтобы сохранить для народов тюркского мира их языки, древнюю историю, этнографию и неповторимую культуру.

Степан Павлович Ултургашев (с 1977–1994 гг. ректор Абаканского государственного педагогического института, кандидат исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Хакасия) говорил: «В лице Н. Ф. Катанова мы видим свои корни. В его трудах мы находим стержневую ось нашей жизни сегодня. Он участвует в возрождении хакасской государственности, в формировании наших идеалов и ценностных ориентаций»¹⁰.

Жизнь и деятельность первого хакасского ученого с мировым именем будет служить примером для новых поколений ученых Республики Хакасия.

Хочется закончить свое выступление словами Николая Федоровича Катанова. В свой последний приезд на Родину, обращаясь к будущим поколениям, он говорил: «Посмотрите, как самобытно творчество наших абаканских и кизильских татар – их предания, былины, поговорки, их песни, музыка... Дстойная задача – изучение языка нашего народа. Я кое-что сделал по изучению языка наших татар, но надо сделать гораздо больше».

Думается, эти слова должны стать для нас, современников, ориентиром в продолже-

нии дел, начатых ученым. Искренне рассчитываю на то, что удивительная жизнь хакасского ученого станет для нашей талантливой молодежи примером вдохновения и веры в собственные силы, поможет раскрыть и проявить себя не только в научной сфере, но и в любой другой. На благо нашей замечательной гостеприимной и щедрой республики,

ЛИТЕРАТУРА

1. Валеев, Р. М., Тугужекова, В. Н. и др. Н. Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: очерки истории российской тюркологии. – Казань–Абакан, 2008–2009.
2. Вайнштейн, С. И. Этнографические исследования Н. Ф. Катанова у тувинцев и других тюркоязычных народов // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. – Вып. IV. – М., 1968.
3. Иванов, С. Н. К характеристике лингвистического наследия Н. Ф. Катанова («Опыт исследования урянхайского языка». Казань, 1903) // Н. Ф. Катанов. Материалы и сообщения / Сост. Н. Г. Доможаков. – Абакан, 1958.
4. Катанов, Н. Ф. Очерки Урянхайской земли. – Кызыл, 2011.
5. Н. Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: очерки истории российской тюркологии. – Казань–Абакан, 2008–2009.
6. Наследие Н. Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии: доклады и сообщения Международного научного семинара, 30 июня – 1 июля 2005 г. – Казань, 2006.
7. Николай Федорович Катанов – выдающийся ученый-востоковед, тюрколог, просветитель: монография. – Абакан, 2009.
8. Педагогическая система Николая Федоровича Катанова: монография. – Казань, 2006. – 118 с.
9. Педагогические взгляды Н. Ф. Катанова: коллективная монография // Н. Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: очерки истории российской тюркологии / Р. М. Валеев, В. Н. Тугужекова. – Казань–Абакан. 2008–2009.
10. Ултургашев, С. П. Звезда мировой величины: сборник докладов. – Абакан, 1993.

НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКОГО ХАКАССКОГО УЧЕНОГО НИКОЛАЯ ФЕДОРОВИЧА КАТАНОВА

Г. А. Салата

УДК 929

В статье рассматривается биография Н. Ф. Катанова и его научная деятельность. Показано влияние научных интересов ученого на развитие специальных направлений в изучении тюркских языков, устного народного творчества.

Ключевые слова: наследие ученого, биография, тюркология, катановедение, устное народное творчество.

Минуло 150 лет со дня рождения одного из наиболее ярких, талантливых и плодотворных исследователей двух ушедших веков. Стало привычным, что когда заходит речь об изучении Сибири, в частности Хакасии, то, прежде всего, заходит речь о понятии «первопроходство». Не являются исключением и исследования в области гуманитарных наук. В прославленной когорте первопроходцев-ориенталистов России Николаю Федоровичу Катанову – выдающемуся российскому ученому-тюркологу, педагогу – принадлежит одно из первых мест.

Вот уже девяносто лет нет его с нами. Но фундаментальные идеи и блестяще воплощенная научная проблематика одного из выдающихся ученых отечественной науки конца XIX — начала XX в. остаются предельно актуальными поныне.

Биография и наследие Н. Ф. Катанова представляют не только специальный историко-научный интерес. Его жизнь и труды не следует воспринимать лишь в системе координат истории отечественного и европейского востоковедения. Необходимо принять во внимание широкий социокультурный контекст развития науки во второй половине XIX — первой четверти XX в. Наследие и судьба учёного-просветителя в значительной степени определялись единством и многообразием истории и культур тюркоязычных народов России на рубеже XIX–XX вв.

Н. Ф. Катанов стал олицетворением двух миров – европейского и азиатского.

Н. Ф. Катанов прошел недолгий, насыщенный событиями жизненный путь. Отец и мать Катанова, как и все хакасы 60-х гг. XIX в., вели полукочевой образ жизни. Теплую половину года маленький Николай вместе с родителями проводил на летнике в Сагайской степи, а в холодное время (с сентября до половины апреля) жил на зимнике на берегу Абакана близ озера Саркагель. Детские годы Николая Федоровича связаны с Аскизом, где он смог получить начальное обучение грамоте, счету и письму. Выходец из сагайской степи смог поступить в лучшую гимназию Красноярской губернии, славившейся демократизмом и особым вниманием к гуманитарным наукам. Именно здесь у него пробудилась склонность к исследовательской работе.

Н. Ф. Катанов с гимназической и студенческой скамьи всецело и самоотверженно отдал свой талант и знания служению науки.

Эта самоотверженность принесла обильные плоды, стяжала ему почетное имя виднейшего исследователя-лингвиста, этнографа, археолога, музеолога и историка русского инородчества на востоке России. Не напрасно имя Н. Ф. Катанова ставится рядом с именами выдающихся русских и западно-европейских ориенталистов, среди которых такие имена как В. В. Рад-

лов, барон фон Розен, Н. И. Веселовский, И. Н. Березин.

Гимназист Н. Катанов под влиянием алтайского миссионера В. И. Вербицкого, по совету учителей гимназии А. К. Завадского-Краснопольского, И. И. Бонгара и других, под влиянием Н. И. Ильминского начинает заниматься сначала проверкой образцов народной словесности инородцев Аскизской думы, собранных А. М. Кастреном и В. В. Радловым, а затем сбором новых материалов, обращая внимание на наречия качинцев, койбалов, сагайцев и бельтыров. Руководствуясь своими личными наблюдениями и указаниями современной науки востоковедения, а также данными этнографии и сравнительного языкознания, Н. Ф. Катанов в своих капитальных трудах привел в научную систему или обнародовал огромный, но еще необработанный материал по инородческому вопросу как языковой, так и этнографической, исторической и духовно-религиозной направленностей.

После окончания гимназии в биографии Н. Ф. Катанова обозначился новый личностный и профессиональный рубеж – это обучение на восточном факультете Санкт-Петербургского университета. Особенно значимыми для молодого ученого были уроки по сравнительной фонетике тюркских языков на дому у В. В. Радлова, которые открыли перед молодым исследователем бесконечно многообразную и в то же время логически взаимосвязанную программу языковых исследований. С самого начала Николай Федорович проявил себя горячим и последовательным приверженцем сопоставительного изучения языков, вывода языковых исследований на уровень исторических обобщений, что непрестанно расширяло общий спектр интересов студента Катанова и предопределило в дальнейшем беспримерное по многообразию обращение в целом к тюркскому миру.

Уже будучи профессорским стипендиатом факультета восточных языков Императорского СПб университета от имени Императорской Академии Наук Министерства

народного просвещения, Императорского Русского Географического Общества, он начал научные этнографические исследования по Урянхайскому краю Китайской империи, по Минусинскому и Канскому округам Енисейской губернии, по Нижнеудинскому округу Иркутской губернии, по Средней Азии и Восточному Туркестану (Западный Китай). Это было беспрецедентное по масштабу, целенаправленности и результативности мероприятие, которое дало миру такие труды, как «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений к другим языкам тюркского корня» (1530 с.), за что в 1903 г. Петербургским университетом словесности Н. Ф. Катанов удостоен степени магистра турецко-татарской словесности, а в 1907 г. Казанский университет присудил ему высшую и редкую степень доктора сравнительного языкознания за ученый труд «Наречия урянхайцев, абаканских татар и карагасов» в 2 т. (1346 с.). Эти труды получили похвальные отзывы русских и западно-европейских ориенталистов и лингвистов. Основные научные труды Н. Ф. Катанова оказали значительное позитивное воздействие на ряд складывающихся специальных направлений тюркологии начала XX в.

Одним из ярких периодов жизни Н. Ф. Катанова является казанский период. В Казани Н. Катанов провел почти половину жизни и оставил заметный след в истории края, участвовал в местных изданиях сборников «Известия», «Ученые записки», «Инородческое обозрение», «Деятель», «Казанский Телеграф», состоял в большом количестве общественных организаций. Ярким эпизодом его жизни в Казани является деятельность в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Сначала секретарь, затем 16 лет – председатель общества, он издавал «Известия» этого общества, затрагивая темы народословесные, этнографические, археологические, нумизматические, библиографические. Описания были простые,

но точные. Для него всегда показательны труды, требовавшие терпения, кропотливости, качества. Общественную работу он совмещал с научно-педагогической, работая в университете, Духовной Академии, этнографическом музее, православной академии, а так же военным цензором...

Но наука была для Николая Федоровича абсолютной самостоятельной ценностью. Через его труды чувствуется тот прошедший во времени «аромат» эпохи с его речевыми особенностями, традициями и обрядами, человеческими судьбами. В статьях, журнальных эссе проявляется его уважительное отношение к другим точкам зрения, если их сопровождает хорошо выстроенная аргументация.

За что особенно ценили научные изыскания Н. Ф. Катанова? Прежде всего за то, что лингвистические феномены и их интерпретация являлись для ученого основой широких историко-культурных построений. Особенно хочется подчеркнуть – методологическое, методическое, идейное наследие замечательного ученого еще далеко не исчерпано и еще многие десятилетия будет способствовать как расширению и обогащению тюркологической практики, так и непрерывному и плодотворному развитию творческих идей.

В многогранной научной деятельности Н. Ф. Катанова значительное место занимало изучение хакасского устного народного творчества. Благодаря его усилиям фольклор хакасов прочно вошел в науку и литературу. Н. Ф. Катанов, будучи по своей главной специальности лингвистом, совмещал ее с собиранием фольклора хакасов, тувинцев, карагасов и других тюркских народов Южной Сибири. Ценнейшим достоинством его записей следует признать не только строгую научную паспортизацию каждого образца, наличие хакасского и русского (православного) имен, фамилий, родов (кости) носителей фольклора, но и основных биографических данных сказочника, певца, шамана, а также переводы всех текстов на русский язык. Отдельную ценность пред-

ставляют подробные описания тех мест, где были сделаны записи: по ним можно восстановить не только названия многих ныне исчезнувших в Хакасии аалов, но и их местонахождение.

Н. Ф. Катанов широко и вместе с тем строго определял свой долг и жизненные обязанности, подчиняя их интересам науки. К ним он относил, в первую очередь, просвещение и личное воздействие на профессиональное и нравственное становление научной смены или научного сообщества. Н. Ф. Катанов состоял в Миссионерской переводческой комиссии при братстве святителя Гурия. Работая в комиссии, он участвовал в подготовке «полезных и назидательных книг» общеобразовательного значения, а также занимался переводами православных религиозных книг на тюркские языки.

Каждый этап жизни ученого можно воспринимать как его уроки. Целостно интеллигентская сущность Николая Федоровича – очень ответственное отношение к собственным работам. Он всегда их подвергал тщательной проверке.

Исключительна энергетика влияния Н. Ф. Катанова на развитие отечественного востоковедения XX в. Налицо явление исключительного духовного резонанса жизненного подвига истинного патриота, самоотверженного гуманиста. Природа такого резонанса величественна тем, что с течением времени он не угасает, а, напротив, набирает новую силу по мере продвижения науки по путям и тропам, которые были намечены первопроходцем.

Н. Ф. Катанов как совершенно особая личность внес уникально человеческое в осознание нескольких поколений востоковедов нашей страны. Наиболее актуальной задачей остается исследование феномена Н. Ф. Катанова как одного из выдающихся основоположников, который стоял у истоков современных национальных тюркологических школ России рубежа XX–XXI вв.

Мне представляется, что сейчас можно говорить о катановедении как о сложив-

шейся отрасли знаний в области тюркологии. Жизнь и творческое наследие Н. Ф. Катанова давно стали объектом изучения ученых разных специальностей. Надо признать как научный факт неоднозначность оценки и его личности в прошлом. Н. Ф. Катанов, будучи выходцем из хакасского народа, не принадлежит только ему. Его именем и трудами могут гордиться все народы Республики Хакасия, Красноярск,

где получил он гимназическое образование, Санкт-Петербург, который дал ему основательную научную подготовку, Казань, где протекала основная его научно-педагогическая деятельность. В мире тюркологии он стал звездой мировой величины своего времени. Жизнь и деятельность первого хакасского ученого с мировым именем будут служить примером для новых поколений ученых Республики Хакасия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валеев, Р. М., Тугужекова, В. Н. и др. Н. Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: очерки истории российской тюркологии. – Казань–Абакан, 2008–2009.
2. Наследие Н. Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии: доклады и сообщения Международного научного семинара, 30 июня – 1 июля 2005 г. – Казань, 2006.
3. Султанбаева, К. И. Николай Федорович Катанов – выдающийся ученый-востоковед, тюрколог, просветитель: монография. – Абакан, 2009.
4. Материалы рукописного фонда Института гуманитарных исследований ХГУ им. Н. Ф. Катанова.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

ДРЕВНЕЙШИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ПОВОЗОК МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Ю. Н. Есин

УДК 903.27

Статья посвящена наскальным изображениям повозок второй половины III — начала II тыс. до н. э. из южной части бассейна р. Енисей. Представлены двухколесные и четырехколесные повозки с закрытым и открытым кузовом, с цельными и составными дисковыми колесами. Для них типично составное дышло из двух жердей. Все повозки предназначены для парной запряжки. Тягловыми животными были волы и коровы. Для контроля над животным использовались петля в носу, ошейник, ярмо особого типа. По способу показа кузова выделены три группы изображений: 1) проекция сбоку; 2) проекция сверху; 3) сочетание проекций сбоку и сверху. Изображения первой группы относятся к числу наиболее ранних. Обоснована связь изображений повозок, тягловых животных и возничих с ритуально-мифологической сферой культуры. В результате сравнительно-исторического анализа конструкции и приемов пространственного построения сделан вывод о связи древнейшего колесного транспорта Минусинской котловины с западными районами Центральной Азии. Предложена новая гипотеза генезиса конструкции составного дышла из двух жердей на основе трансформации древнейших вариантов запряжки с оглоблями.

Ключевые слова: повозка, вол, окуневская культура, афанасьевская культура, эпоха бронзы, Центральная Азия, Южная Сибирь, Минусинская котловина, наскальное искусство, археология.

Наскальные изображения повозок являются важным, а для некоторых эпох и регионов Евразии – единственным источником по истории развития колесного транспорта. Этот источник обладает своей спецификой и, конечно, требует критического анализа, что обусловлено рядом причин: 1) при создании изображений использовались отличные от современных приемы пространственных построений; 2) изображалась только часть из имевшихся у реальных повозок конструктивных элементов; 3) на некоторые особенности рисунков могла повлиять сложность нанесения изображений на камень и возможности использованной в конкретных случаях техники их нанесения; 4) на изображения влияла ритуально-мифологическая сфера культуры. Тем не менее опыт изучения различного рода изображений повозок тех территорий, где в ходе рас-

копок были найдены остатки подлинных транспортных средств, в большинстве случаев свидетельствует о достаточно точном воспроизведении ими общего облика прототипов [1, с. 20]. Наскальные изображения повозок позволяют изучать конструкцию, способы запряжки и использования повозок и колесниц, связанные с ними ритуально-мифологические представления. Традиционность некоторых технических решений и изобразительных приемов, сформировавшихся в рамках отдельных культурных центров, позволяют использовать сравнительный анализ колесного транспорта разных территорий для изучения направлений культурных связей древних народов и миграционных путей.

Одним из регионов, где достаточно рано появляются свидетельства знакомства с колесным транспортом, является Минус-

синская котловина на северо-восточной окраине Центральной Азии и евразийского степного пояса, в южной части бассейна р. Енисей. Здесь открыта серия изображений повозок, созданных на заре эпохи бронзы. Их колеса еще не имеют спиц, а в упряжке показаны быки. Они являются древнейшими изображениями колесного транспорта на территории всего Саяно-Алтая и пока важнейшим источником, способным пролить свет на первый этап использования здесь этого технического новшества. Кроме того, эти изображения чрезвычайно важны для анализа актуальных проблем расселения в евразийском степном поясе древних скотоводов, изучения связанных с повозкой мифологических представлений и обрядов.

История изучения. Первые изображения древних повозок в Минусинской котловине были найдены еще в XIX в. Это рисунок на южном склоне горы Тепсей [2, табл. 4, 4], упряжка быков на стеле из окрестностей с. Красный Камень [3, abb. 131] и Рисунок на стеле из с. Знаменка [4, табл. III, 21; 5]. Следующие открытия были сделаны во второй половине XX в. в период активного археологического изучения территории, в значительной мере обусловленного реализацией крупных экономических проектов. Среди них изображения из окрестностей с. Аскиз [6, с. 218], изображения на плитах из курганов окуневской культуры Разлив X [7, с. 83] и Черновая VIII [8, ill. 23; 9, рис. 12, 1, 2], попадавших в зону затопления Красноярского водохранилища, а также в с. Усть-Бурь [10, с. 274].

Расширение количества изображений обусловило появление работ, в которых предпринимался их специальный анализ. Среди повозок были выделены четырехколесные и двухколесные, открытые и закрытые [11, с. 66–69; 10, с. 178–179]. В. А. Новоженев предложил классификацию, учитывающую как особенности конструкции транспортного средства, так и особенности его изображения. Древнейшие изображения колесного транспорта из

Минусинской котловины включены им в группы показанных в профиль запряженных и распряженных четырехколесных фургонов и двуколок [12, с. 97–103]. Не умаляя значения последней работы, следует отметить некоторые противоречия в классификации материала, указывающие на необходимость продолжения исследований в этом направлении.

Первоначально древнейшие изображения повозок связывали с карасукской культурой эпохи поздней бронзы [13, с. 161; 14, с. 88; 15, с. 55, 59]. С открытием окуневской культуры второй половины III – начала II тыс. до н. э. рисунки повозок и каменные стелы, на которых они обнаружены, были отнесены к ней [11, с. 66–68; 16, с. 210; 17, с. 37]. В настоящее время эту позицию разделяет большинство исследователей. Выдвигались также гипотезы об их принадлежности к более древней афанасьевской культуре [18, с. 212–215; 12, с. 152; 19, с. 410] или даже к эпохе неолита [20, с. 273, 277; 10, с. 185], не получившие дальнейшего подтверждения. Имелось и компромиссное предположение, что часть рисунков повозок связана с афанасьевской культурой (вид в профиль), а часть – с окуневской (вид сверху) [21, с. 83].

Четырехколесные повозки по наиболее общим признакам сравнивались с повозками из Передней Азии, Центральной и Восточной Европы [10, с. 179–182; 22, с. 82; 23, с. 43], однако детальное сравнение по конструктивным особенностям не проводилось. Появление изображений повозок в Минусинской котловине на основе самых общих соображений обычно рассматривалось как составная часть процесса расселения в степях Евразии древних индоевропейцев, в частности – прототохаров [23, с. 43; 24, с. 169].

Изображения обычно связывались исследователями с мифологическим образом небесной повозки. При этом либо допускалась их солнечная символика [25, с. 176; 10, с. 199], либо они связывались с божеством ночного и грозового неба [10, с. 199; 26, с. 234]. Существует также мнение,

что изображены окуневские погребальные повозки [27, с. 93].

Новое, более тщательное копирование памятников окуневского наскального искусства, проведенное автором в последние годы, позволило существенно уточнить многие изображения повозок, выявить новые рисунки, устранить некоторые недоразумения. Обновление источниковой базы определяет актуальность нового специального анализа всей серии древнейших изображений повозок Минусинской котловины.

Источниковая база. Всего при подготовке статьи учтено 10 относительно хорошо сохранившихся изображений повозок из Минусинской котловины:

1. Стела из окуневского кургана в с. Усть-Бюрь, использованная в качестве перекрытия могилы 1 [28, № 177]. Хранится в МКМ. Изображение повозки расположено на лицевой плоскости над антропоморфным ликом и является частью первоначальной композиции (рис. 1).

2. Стела из с. Знаменка, использованная в качестве перекрытия могилы андроновской культуры [28, № 74]. Хранится в ККМ. Изображение повозки расположено на боко-

вой грани (с точки зрения первоначальной ориентировки окуневских стел на святилищах – южной). Является вторичным изображением. Среди вторичных рисунков, представленных в основном фигурами крупного рогатого скота, нанесено одним из первых (рис. 2).

3. Стела из окуневского могильника Черновая VIII, служившая стенкой могилы 2 в кургане 5 [28, № 119]. Хранится в ГЭ. Первоначальное изображение – антропоморфный лик без контура. Повозка является вторичным рисунком и частично перекры-

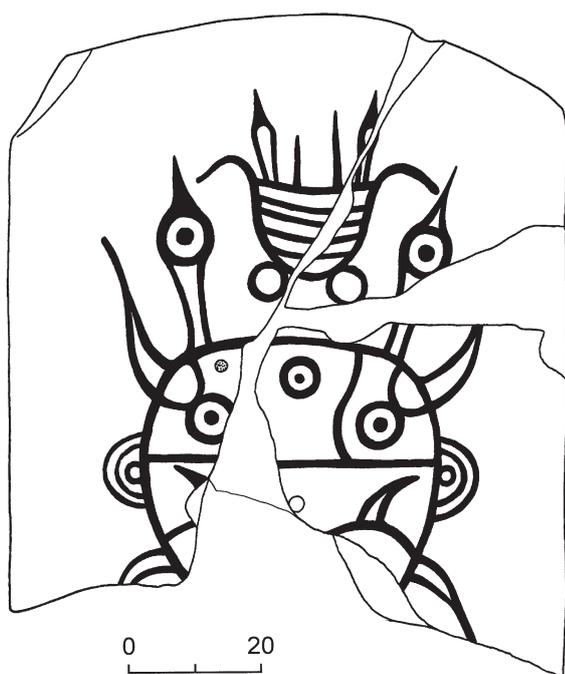

Рис. 1. Стела из с. Усть-Бюрь

Рис. 2. Стела из с. Знаменка

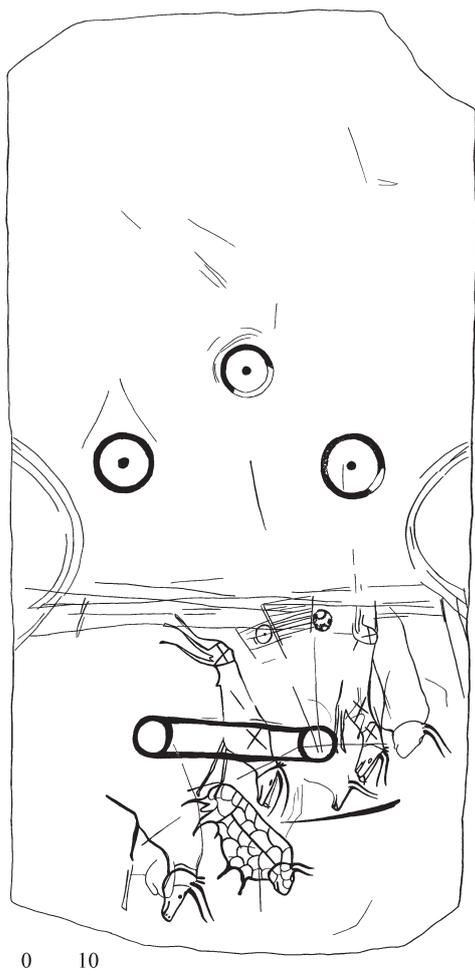

Рис. 3. Стела из могильника Черновая VIII

вает некоторые детали лика. Нанесена на лицевую плоскость перпендикулярно лику. Расположена в ряду разных по экстерьеру, но относительно синхронных фигур крупного рогатого скота (рис. 3).

4. Песчаниковая плитка из окуневского могильника Черновая VIII. Найдена на поле возле курганов. Хранится в ГЭ. На одной широкой плоскости тонкими резными линиями изображены возниче на двух повозках (рис. 4).

5. Фрагмент верхней части стелы из окрестностей с. Аскиз, использованный для сооружения ограды кургана тагарской культуры [28, № 188]. Хранится в МКМ. Первоначальное изображение – антропоморфный лик без контура. Изображены две повозки на лицевой плоскости. Одна расположена вертикально вдоль левого края камня и частично перекрывает некоторые детали лика. Очевидно, она нанесена позднее расположенных правее фигур крупного рогатого скота. Вторая повозка меньше по размеру и хуже сохранилась. Расположена наклонно в правой нижней части плоскости (рис. 5).

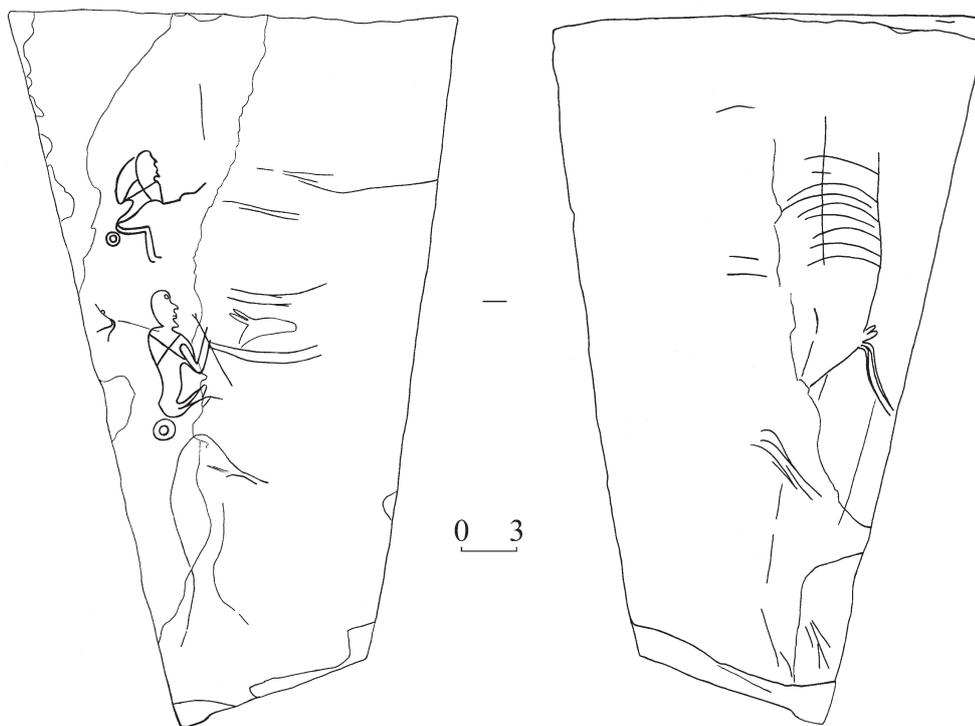

Рис. 4. Плитка из могильника Черновая VIII

6. Стела из окуневского могильника Разлив X, использованная в качестве перекрытия могилы 9 [28, № 222]. Хранится в ГЭ. Рисунок повозки вырезан горизонтально в средней части задней стороны стелы среди фигур крупного рогатого скота (см. рис. 8, 2).

7. Стела со средневекового могильника в окрестностях с. Красный Камень [28, № 80]. Изображение известно только по рисунку 1887 г., тщательно выполненному экспедицией И. Р. Аспелина. Ныне, видимо, не существует. Первоначальное изображение стелы – антропоморфный лик без контура. Повозка принадлежит к числу вторичных рисунков. Изображена горизонтально в верхней части лицевой грани стелы (см. рис. 7, 2).

8. Южный склон горы Тепсей, памятник Усть-Туба II. Сложное изображение, включающее кузов четырехколесной повозки, выбито одиночно на вертикальной скальной плоскости в устье лога, обращено на юго-восток, в сторону р. Туба (см. рис. 7, 3).

Наличие двух окуневских изображений повозок на горе Тунчух, неоднократно фигурировавших в литературе [29, рис. 6, 7; 16, рис. 10в; 30, abb. 1,3], в ходе нового обследования не подтвердилось.

Все объекты, на которые нанесены рисунки повозок, можно разделить на две основные группы: 1) стелы и плиты (9 изображений); 2) скальные обнажения гор (1 изображение). Среди изображений на стелах можно выделить принадлежащие к первоначальному изобразительному тексту (1 изображение) и вторичные, нанесенные на их поверхность в ходе последующего ритуального использования (6 изображений). Изображения выполнены при помощи выбивки (2 изображения), гравировки (7 изображений), выбивки с последующей шлифовкой линий (1 изображение). Пять повозок изображено на стелах и плитах, найденных в курганах окуневской культуры (Усть-Бюрь – 1 изображение; Разлив X – 1 изображение; Черновая VIII – 3 изображения).

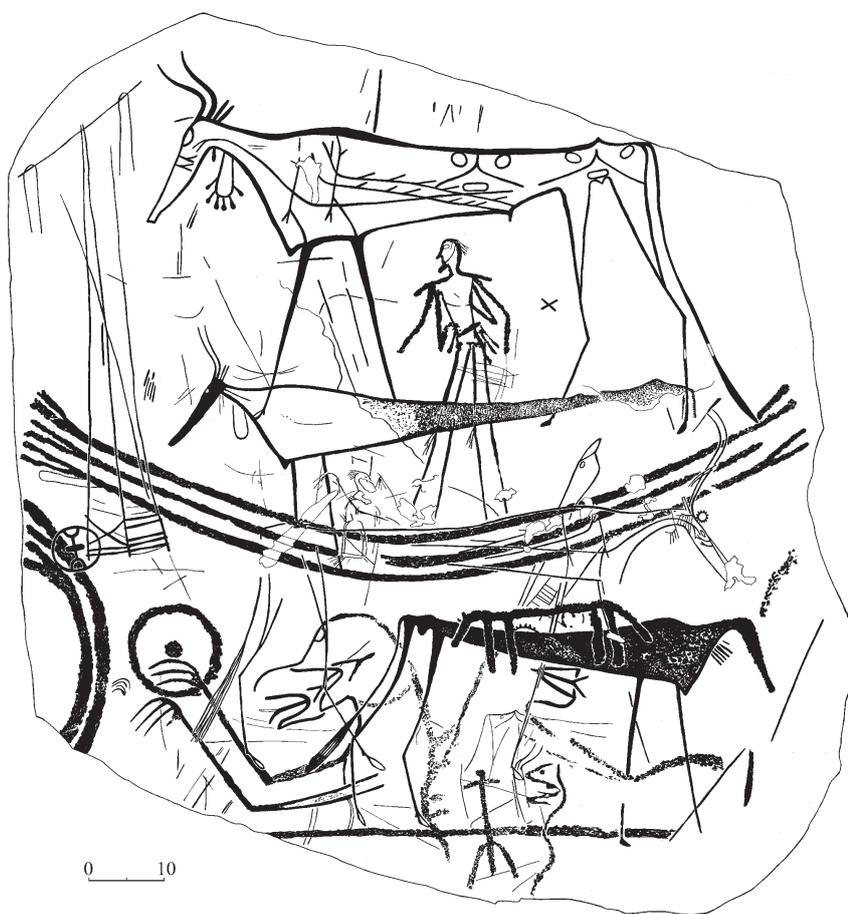

Рис. 5. Фрагмент стелы из с. Аскиз

Конструкция кузова, дышла и способы их изображения. При сравнительном анализе конструкции выделяются две группы повозок: 1) двухколесные открытые (6 шт.); 2) четырехколесные (3 шт.), среди которых имеются как открытые, так и закрытые. У одного рисунка повозки кузов не сохранился.

Четыре двухколесные повозки имеют раму в виде вытянутого треугольника или трапеции (рис. 7, 1; 8). Ее широкая часть является кузовом, а узкая – дышлом. В широкой части этой рамы закреплены поперечные доски, образующие дно кузова. На конце узкой части расположено ярмо. По бокам кузова этих повозок показаны невысокие борта из продольных жердей, которые приподняты над кузовом несколькими вертикальными брусками и распорками в виде

косоугольного креста. Длина бортов равна длине боковых жердей рамы. Жерди бортов соединяются с жердями рамы в месте крепления ярма, что повышает общую прочность конструкции. Перевод древних приемов просторных построек в современные позволил выполнить графическую реконструкцию облика такого транспортного средства из кургана Разлив X (при неизбежной гипотетичности некоторых технических решений) (см. рис. 9).

У четырехколесных повозок кузов имел прямоугольную в плане форму. В одном случае он поделен поперечной перегородкой на два отсека (рис. 7, 3). У повозки на знаменской стеле ранее тоже предполагалось наличие перегородки [31, с. 231] или сиденья [12, с. 148]. Однако после уточнения рисунка обнаружена не одна, а две вертикальные

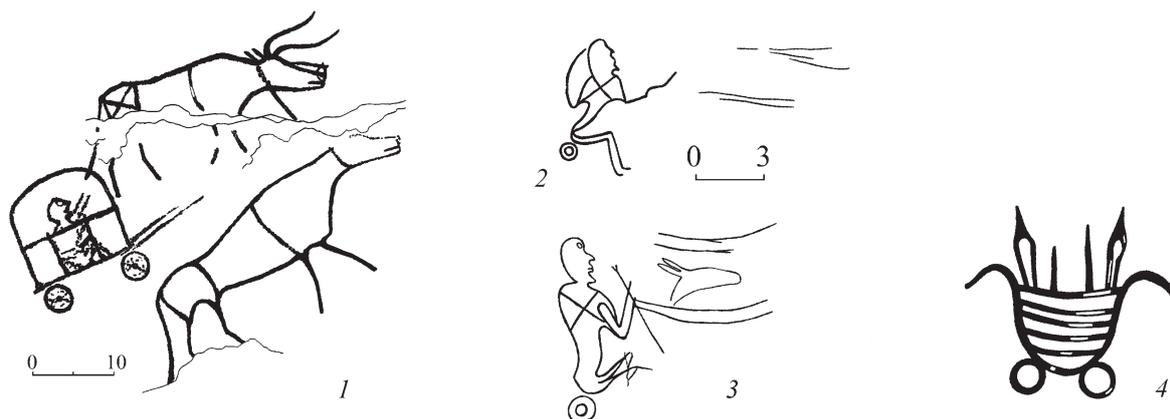

Рис. 6. Изображения повозок в проекции сбоку: 1 – Знаменка; 2, 3 – Черновая VIII; 4 – Усть-Бюрь

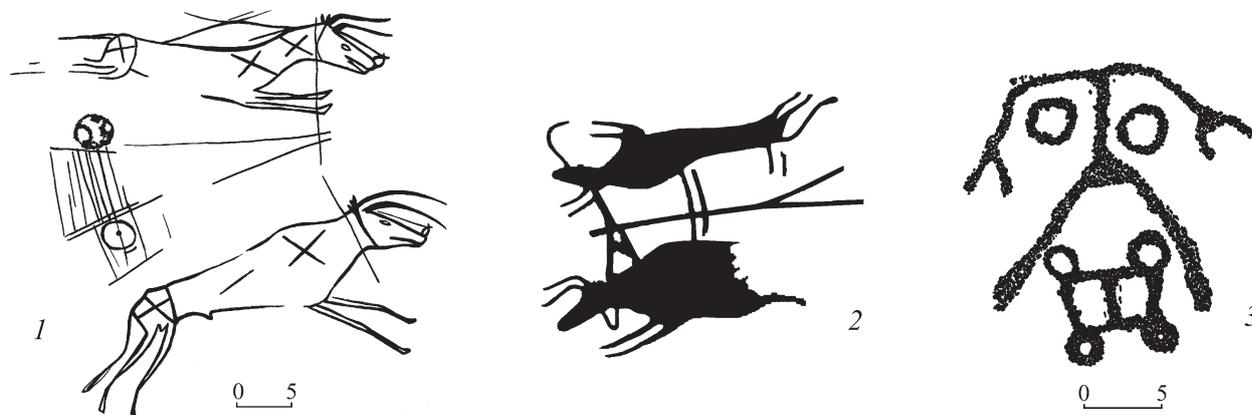

Рис. 7. Изображения повозок в проекции сверху: 1 – Черновая VIII; 2 – Красный Камень; 3 – Тепсей

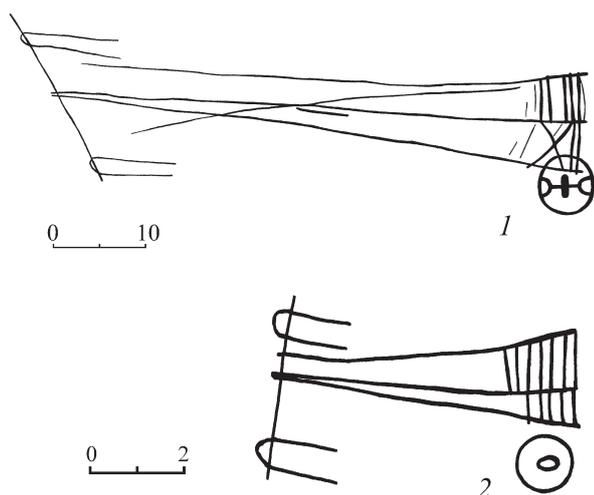

Рис. 8. Изображения повозок, сочетающие проекции сбоку и сверху:
1 – Аскиз; 2 – Разлив X

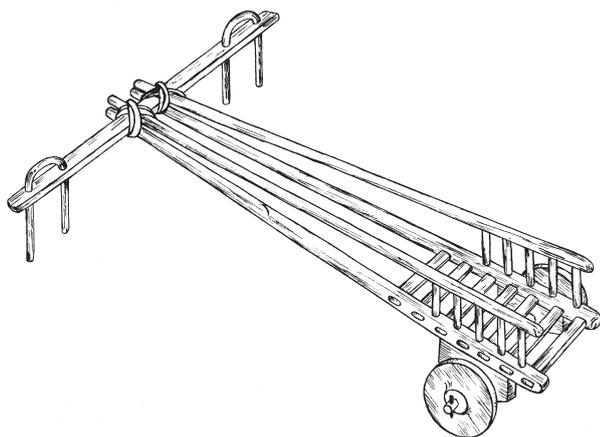

Рис. 9. Реконструкция двухколесной повозки по изображению из кургана Разлив X

линии на кузове (рис. 6, 1), которые более правомерно считать элементами конструкции его бортов, как у моделей повозок с Алтын-депе [32, рис. 4].

Дышло знаменской повозки состояло из двух жердей. Видимо, оно было треугольной или трапецевидной в плане формы как у двухколесных повозок. Но при этом очевидно, имело подвижное крепление к кузову, при котором его передний конец мог подниматься и опускаться. Это очень важное техническое решение, необходимое при движении по пересеченной местности [33, р. 238–239; 34, с. 153]. Другой вариант дышла представлен только одним изображением: оно имеет форму рогатки («Y-роль»), при этом

рогатка направлена в сторону кузова, который, к сожалению, не сохранился (рис. 7, 2).

По способу изображения кузова можно выделить три основные группы: 1) проекция сбоку (4 изображения) (рис. 6); 2) проекция сверху (3 изображения) (рис. 7); 3) сочетание проекций сбоку и сверху (3 изображения) (рис. 8).

Третья группа выделена впервые, так как до сих пор считалось, что древние рисунки повозок Евразии представлены только двумя ракурсами – «план», т. е. вид сверху с развернутыми в той же плоскости колесами («split-representation»), и «профиль» [18, с. 202–203; 21, с. 80–83]. Ранее изображения третьей группы относились к числу профильных [18, с. 214; 12, с. 103]. Выделенное в третью группу сочетание проекций сверху и сбоку уникально и пока не имеет аналогов на других территориях. С точки зрения изучения генезиса этого изобразительного приема важным представляется выяснение последовательности нанесения на изобразительную поверхность отдельных элементов рисунка. Несомненно, что на стелах из Разлива X и Аскиза сначала изображалась боковая проекция кузова повозки, которая расположена точно по центру перекладки ярма, а уже затем добавлялся вид кузова сверху. Этот факт можно интерпретировать как свидетельство появления данного способа изображения повозки на основе развития вида в профиль. Важно отметить, что, несмотря на особый способ пространственного построения, конструкция показанных таким образом повозок идентична другим древнейшим повозкам Минусинской котловины. Например, существуют изображения повозки такой же конструкции в проекции сбоку и сверху (рис. 7, 1).

Специального комментария заслуживает способ изображения повозки с горы Тепсей, т.к. одни исследователи считали ее показанной в боковой проекции фургоном [10, с. 179; 12, рис. 62], другие – рисунком в плане [16, с. 210; 31, с. 231]. На самом деле кузов этой повозки показан в проекции сверху; по бокам изображены колеса, показанные в про-

екции сбоку, но развернутые на 90° относительно реального положения на оси.

Сверху изображенного в боковой проекции кузова знаменской повозки показано дугообразное перекрытие. Оно имеет четкие параллели в конструкции реальных повозок, найденных в памятниках различных культур [12, рис. 84]. Опираясь на них, можно сделать заключение, что, несмотря на профильную проекцию нижней части кузова, покрытие показано в проекции спереди, позволяющей лучше передать его форму. Этот прием в определенной мере сопоставим с пространственными построениями, использованными при изображении некоторых повозок из Передней Азии. Например, на «штандарте» из Ура, несмотря на боковую проекцию кузова в целом, передняя стенка повозок показана в проекции спереди (рис. 12, 3).

У всех двухколесных повозок и у четырехколесной повозки из с. Усть-Бюрь кузов открыт. При этом последний рисунок выделяется из остальной серии необычной трактовкой: дно кузова скругленное, стенки сверху расширяются и завершаются загнутыми в стороны линиями, внутри контура кузова нанесены горизонтальные линии (рис. 6, 4). Все эти признаки и сама позиция повозки на стеле обнаруживают точные соответствия среди изображений ритуальных сосудов того же времени (рис. 10). Обычно они именуются курильницами или светильнями, но фактически являются переносными алтарями, в которых сжигались приношения для богов [35, рис. 9, с. 67]. Нет никаких сомнений, что изображение на стеле из с. Усть-Бюрь сочетает признаки повозки и такого сосуда. Причины этого сочетания требуют особого анализа.

Колеса. Изображения колес представлены несколькими вариантами (рис. 11). Простейшие из них – показанные по контуру или силуэтом кружки, в середине которых, как правило, изображен еще один маленький кружок (рис. 11, 1–4). Такие рисунки могут быть соотнесены с дисковыми колесами, изготовленными из цельного куска дерева. У повозки со знаменской стелы на колесах

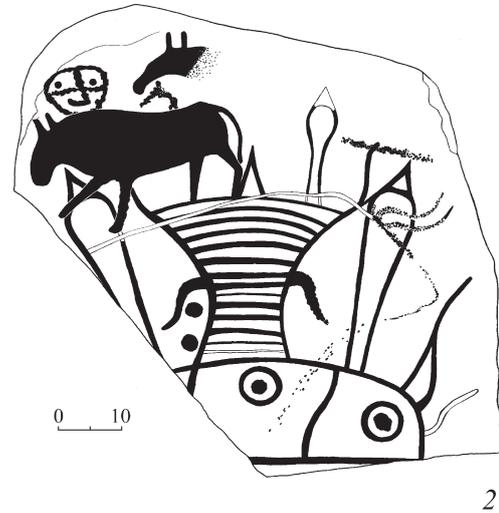
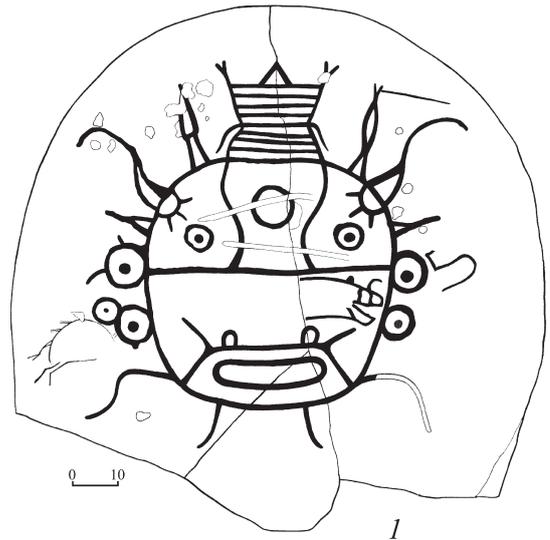

Рис. 10. Некоторые изображения алтарей (1–4) и оригинальное изделие такого типа (5):

- 1 – Ширинский район Хакасии;
- 2 – Итколь-2 (раскопки А. Полякова);
- 3 – Кызлас; 4 – Уйбат V [28, № 236];
- 5 – Тея (фонды ХНКМ)

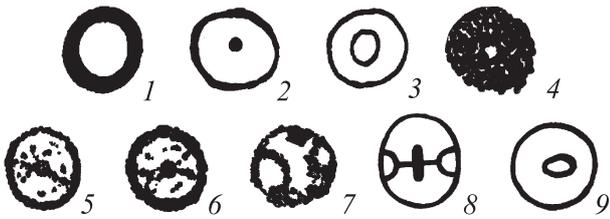

Рис. 11. Варианты изображения колес

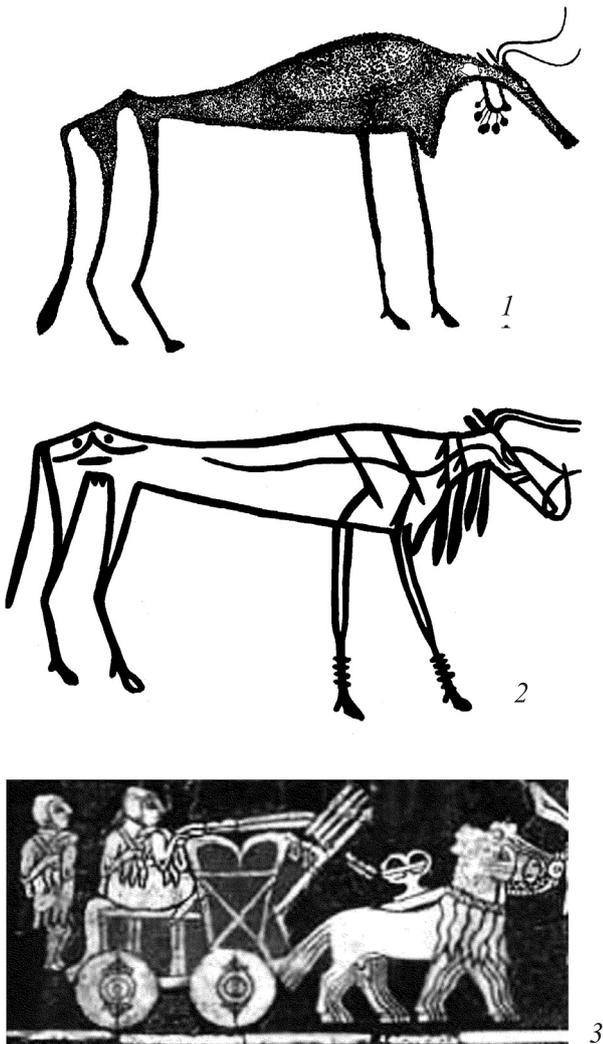

Рис. 12. Тягловые животные с ошейниками в окуневском искусстве (1–2) и на «Шгандарте из Ура» (3)

имеются поперечные линии, делящие диск на две основные части (рис. 11, 5, 6). На две половины разделено колесо аскизской повозки (рис. 11, 8). Вероятно, это свидетельство того, что колесо сделано не из цельного куска дерева, а является составным. Возможность существования такой конструк-

ции подтверждают двухчастные колеса на шумерских повозках из Передней Азии (рис. 12, 3). Появление составных колес в истории развития повозок было обусловлено значительной трудоемкостью изготовления цельного диска большого диаметра. Но и после этого цельные колеса еще продолжали использоваться. Возможно, что в степях Енисея оба варианта конструкции какое-то время сосуществовали. Публиковавшаяся недавно информация о наличии у некоторых окуневских повозок колес со спицами [27, с. 93] является недоразумением, обусловленным использованием неточной копии.

Дважды на колесах встречено изображение двух симметричных дуг (рис. 11, 7, 8). В одном из этих случаев на стеле из окрестностей с. Аскиз дуги соединены линией. Рисунок, напоминающий аналогичное колесо, зафиксирован также на стеле с р. Тея [36, рис. 29a]. Н. В. Леонтьев объяснял дуги на колесе повозки из окрестностей с. Аскиз как декор [11, с. 68], а В. А. Новоженев считал, что так изображены выемки на составном колесе, уменьшавшие его вес [12, с. 103]. Однако сравнение дуг на колесе из Аскиза с выемками на известных составных колесах [12, рис. 1, 2] демонстрирует их отличие по месту расположения на колесе. Выемки на двухчастном колесе в месте стыка его половин у повозки на стеле из Аскиза (рис. 11, 8) могли бы быть только в случае наличия достаточно широкого «обода» по краю. Однако на рисунках его нет. Форма окуневских дуг допускает также сопоставление с дугообразными планками, использовавшимися для скрепления частей составного колеса. Вместе с тем против такого объяснения свидетельствует то, что у той же аскизской повозки линия, делящая колесо на две половины, с внешней стороны дуг не показана. С учетом этого не исключена интерпретация симметричных дугообразных элементов на рисунках колес не как отверстий или соединительных планок, а как деревянных частей. Они могли способствовать большей прочности колеса в процессе движения повозки, уменьшая давление на место стыка двух наиболее крупных

деталей. Исторические примеры, которые могли бы подтвердить это предположение, автору не известны. Вместе с тем, возможно, близкую функцию имели две симметричные клиновидные детали, показанные на колесах повозки конца III тыс. до н. э. Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) из Афганистана [21, fig. 4], хотя сама конструкция этих колес более сложная.

В отличие от аскизской повозки, дуги на изображении колеса из могильника Черновая VIII крупнее. Кроме того, здесь между дугами нет соединительной линии, в результате чего колесо выглядит как изготовленное из трех фигурных досок (рис. 11, 7). Теоретически, наверное, это возможно, хотя исторические примеры составных колес из досок такой формы не известны. Вместе с тем на колесе из Черновой VIII не показана такая существенная деталь, как втулка. Это позволяет предположить, что и некоторые другие особенности реального колеса на этом изображении могли быть «пропущены». Следовательно, данное изображение нельзя рассматривать как достоверно передающее конструкцию колеса. Но является ли такой рисунок следствием простой «небрежности»?

Наличие симметричных дугообразных элементов можно считать важной особенностью конструкции некоторых окуневских колес, но одновременно необходимо допустить возможность объяснения ряда элементов рисунков не только с точки зрения точной передачи реалий. В пользу этого имеется следующий аргумент: в окуневском искусстве изображения двух противопоставленных дуг встречаются и в других контекстах – на днищах сосудов [37, табл. XXVIII, 15], на ликах божеств (рис. 3; и др.), что свидетельствует о наличии у них самостоятельного значения, которое не связано с конструкцией колеса. С учетом этого их акцентирование и значение на колесе, как и в названных выше композициях, тоже могло иметь объяснение в контексте мифологии и ритуала. Заслуживает специального внимания различие во внутренней структуре изображений колес, расположенных на противоположных кон-

цах одной оси (рис. 7, 1), которое дополняется различием техники их исполнения. Это еще один аргумент в пользу наличия у данных изображений определенного мифологического контекста.

Обычно в середине колеса показан контурный или силуэтный кружок, который можно соотнести со втулкой, в которую вставлялась ось колеса (рис. 11, 1–4). Как правило, такую форму втулки имели колеса, независимо вращавшиеся на неподвижной оси (хотя есть и примеры колес с круглой втулкой, вращавшихся вместе с осью). В середине колеса у двух повозок изображен не круг, а короткая линия и овал (рис. 11, 8, 9). В контексте конструкции реальных повозок вертикальную короткую линию можно сравнить с чекой на конце оси, удерживавшей колесо от смещения. Однако для горизонтального овала такое объяснение вряд ли подходит. Если это не погрешность рисунка на камне, так мог быть изображен вставленный в колесо край оси, которая при движении вращалась вместе с колесом. В этом случае торцевым краем такой же оси могла быть и вертикальная короткая линия. Кстати, уже упомянутые выше шумерские двухчастные колеса тоже вращались вместе с осью. Она располагалась в специальных пазах, вырезанных в продольных брусках под основанием кузова и фиксировалась снизу кожаными ремнями [38, с. 186]. Типологически такая ось архаичнее неподвижной, однако она не исчезла с ее появлением и до сих пор используется у традиционных повозок Центральной Азии (в частности в Туве и Монголии).

Судя по соотношению размера колес и кузова, диаметр реальных колес был не очень большим. Например, если допустить, что длина кузова прототипа знаменской повозки составляла около 1,8 м, а длина прототипа повозки из Разлива X – около 3,5 м (принятые для вычислений цифры основаны на размерах конструктивно сопоставимых и хорошо сохранившихся повозок могильника Лчашен в Закавказье [39, с. 142–146]), то диаметр их колес мог быть около 0,5–0,6 м.

Способ запряжки и тягловые животные. Имеющиеся изображения свидетельствуют об использовании только парной запряжки. В частности, три повозки показаны с парой быков (рис. 6, 1; 7, 1, 2). Две другие изображены без животных, но имеют перекладки с ярмом для парной упряжки (рис. 8). Впереди еще двух повозок прочерчено по две пары ремней или веревок для управления парной упряжкой (рис. 6, 2, 3).

Тягловые животные независимо от проекции кузова повозок всегда изображены в профиль. У повозок с профильным ракурсом кузова из Знаменки и плановым ракурсом из Черновой VIII использовался сдвиг тягловых животных по вертикали, в результате чего одно животное расположено над другим, а ноги обоих направлены вниз (рис. 6, 1; 7, 1). Аналогичным образом по вертикали друг относительно друга сдвинуты повозки у двух повозок без тягловых животных из Черновой VIII (рис. 6, 2, 3). У повозки в плановом ракурсе из Красного Камня, в результате использования поворота плоскости проекции, фигуры тягловых животных изображены ногами в противоположные от дышла стороны (рис. 7, 2). На одном рисунке животные идут шагом, а на двух других движутся в стремительном галопе.

Для запряжки животных в повозку использовалось шейное ярмо, что зафиксировано тремя случаями изображения перекладки ярма именно в области шеи (рис. 6, 1; 7, 1, 2). Наиболее детально само ярмо показано у двухколесных повозок без тягловых животных. У них оно изображено в проекции спереди и повернуто на 90° относительно реального положения на дышле (рис. 8, 9). Ярмо состоит из перекладки с двумя дугообразными «рогатками» для закрепления на шее тягловых животных. Менее вероятно, что дугообразные линии передают кожаные ремни, продернутые через отверстия в перекладке, хотя подобное объяснение и допускает рисунок на стеле из с. Аскиз (рис. 8, 1). «Рогатки» скорее всего изготавливались из изогнутого ствола тонкого дерева и вставлялись концами в отверстия на пере-

кладке. При этом, судя по рисунку из кургана Разлив X, сверху перекладки могли быть оставлены небольшие петли. Их могли использовать для пропуска и распределения поводьев. Эту же функцию у повозок из Передней Азии III – начала II тыс. до н. э. выполняла пара специальных металлических колец, закрепленных на дышле при помощи штыря (рис. 12, 3), либо пара отверстий в передней стенке кузова [40, с. 186; 41, рл. 156, 165, 166].

На стеле из окрестностей с. Красный Камень у одного из тягловых животных изображен ошейник, свисающий в виде петли (рис. 7, 2). Разные варианты таких же ошейников, часто дополненных различными декоративными элементами, изображались на шее распряженных животных (рис. 12, 1, 2; 14, 1, 2). Это еще один атрибут домашнего животного. Он мог использоваться двояко: 1) для привязывания распряженного животного, один из возможных способов которого существовал в относительно недавнее время у тувинцев [42, с. 219]; 2) для закрепления на шее животного ярма, как это практиковалось в древности на Ближнем Востоке. Ближневосточные ошейники делались из кожи или ткани, часто были плетеными и, подобно окуневским, украшались свисающими фестонами или несколькими кистями из шерсти [40, с. 189]. У боевых повозок эти подвески выполняли функцию защиты груди животных (рис. 12, 3). Судя по рисунку из окрестностей с. Красный Камень, дышло, крепившееся посредством ярма на шее животных, дополнительно фиксировалось ремнями на спинах в области лопаток (возможно, чтобы уменьшить давление груженой повозки на шею). Схожий элемент упряжи представлен в одиночной бычьей запряжке у тувинцев [42, фото на с. 261].

У некоторых тягловых животных в носу отчетливо показана петля с перекрещенными концами, которая могла быть выполнена из изогнутого металлического стержня или деревянного прута. От точки пересечения концов петли в сторону рогов

тянется веревка для управления животным. Вероятно, она связывала между собой перекрещенные концы петли, а затем могла пропускаться между рогов или обвязываться вокруг их основания (рис. 6, 1 и 7, 1). Петля в носу – древнейший способ управления тягловыми животными, представленный на многих древних изображениях, но сохранившийся и до настоящего времени [43, с. 490; 42, с. 220]. При этом форма окуневского приспособления, вставлявшегося в нос животных, отличается от известных в других древних культурах [44, с. 20]. Среди имеющихся находок окуневским петлям ближе всего металлические стержни с перекрещенными концами, известные в материалах майкопской культуры, а также среди изображений и находок из Месопотамии и Элама [45, с. 49–50]. Однако если концы окуневских петель обычно пересекаются под острым углом, то у данных изделий они загнуты под углом около 180° [46, рис. 106, 14, 21–23 и др.]. В окуневском искусстве, помимо запряженных животных, имеется большая серия тягловых животных с петлями в носу, показанных без повозок (порой, петля показана одновременно с ошейником) (рис. 12, 2).

У всех тягловых животных поджарое туловище с развитой грудной частью, длинные ноги, узкая и вытянутая морда. Такой экстерьер, особенно его наиболее стилизованные варианты, которые получили название разливского стиля (по находкам в кургане РазливХ), не находит точных соответствий у реальных животных. Скорее это изображение идеального тяглового животного, важнейшие особенности которого акцентированы и преувеличены. По экстерьеру эта группа животных резко отличается от имеющихся в окуневском искусстве изображений тучных быков (рис. 3). Это различие дополняется различием в признаках пола: у поджарых животных признаки пола между задних ног и на животе имеют меньший размер либо вообще не показаны. Вероятно, так изображены кастрированные животные – волы, у которых на месте мошонки остается лишь небольшой мешочек. Кроме того, среди

изображений поджарых копытных с петлей в носу имеются животные, между задних ног которых выгравирован элемент, напоминающий вымя с сосками (рис. 12, 2). Это весомый аргумент в пользу предположения, что кроме волов в качестве тягловых животных окуневцы могли использовать и коров. Такой вариант вполне вероятен, учитывая их большую в сравнении с быком покладистость [38, с. 186]. В целом, различия между двумя группами окуневских изображений крупного рогатого скота, вероятно, основаны на естественных различиях в экстерьере животных разного пола и разного хозяйственного назначения. При этом они существенно акцентированы, отражают существовавшее в культуре противопоставление между образами быка-производителя, с одной стороны, и коровы, вола, с другой [47, с. 31]. В рамках такого деления тягловые животные древнейших повозок Минусинской котловины принадлежат к группе волов и коров.

На плитке из могильника Черновая VIII, между поводыев повозки, изображена голова копытного без рогов (рис. 6, 2). Возможно, она тоже символизировала тягловое животное, поскольку других изображений копытных на этой поверхности плитки перед повозками нет и, вероятно, не было (главным объектом изображения здесь были сами возничие). По форме морды и ушей эта голова напоминает животных семейства лошадиных. Любопытны и поводыя этой повозки (а также соседней): для управления каждым животным здесь используется пара ремней. Двойные поводыя для управления каждым животным в парной бычьей запряжке известны по этнографическим материалам [48, с. 118]. Однако среди древних изображений повозок из Передней и Центральной Азии для управления каждым волом используется только один ремень, привязанный к кольцу в носу, а двойные поводыя связаны с появившейся позднее колесницей, лошадиной запряжкой и уздой. Какой-то переходный вариант упряжи с двумя поводыями, при сохранении кольца в носу животного, представлен на оттиске печати XX – XIX вв. до н. э.

Рис. 13. Поперечные линии на мордах лошади и лося Сулекского комплекса памятников наскального искусства

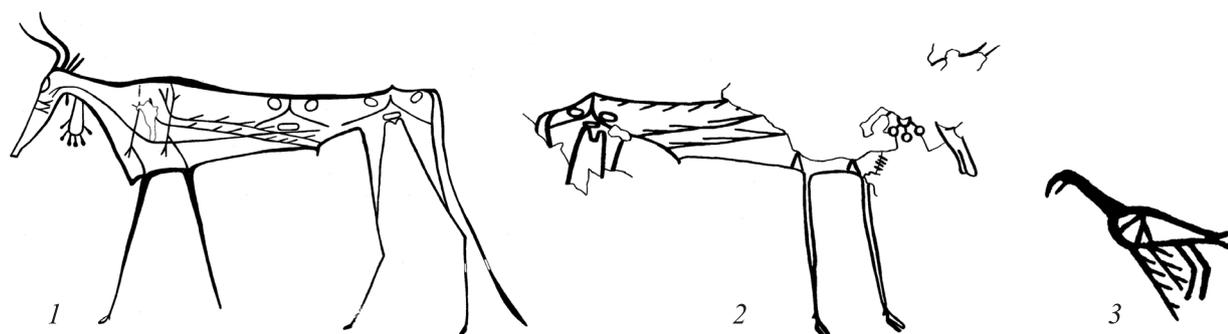

Рис. 14. Изображения крыльев у фигур волов и птицы:
1 – Аскиз; 2 – Сулекский комплекс; 3 – Бутрахты

из Малой Азии: один конец ремня здесь привязан к носовому кольцу животного, а другой находится в средней части ярма двухколесной повозки [49, fig. 28]. Подобная упряжь представлена и на двухколесной повозке эпохи бронзы из Саймалы-Таш [18, рис. 107, 7]. Возможная функция такой усложненной упряжи – обеспечение более быстрых поворотов повозки. Примечательно, что в качестве тягловых животных и на печати, и, возможно, в Саймалы-Таш изображены эквиды. Косвенным указанием на то, что кроме волов окуневцы могли запрягать в относительно легкие двухколесные повозки и лошадей, может служить вырезанная на стеле из окуневского могильника Лебяжье одиночная фигура лошади с ошейником. Несколько изображений лошадей с петлями в носу, уздой или недоуздкой на морде выделила в окуневском искусстве Е. А. Миклашевич [50, рис. 2а, 3а, 4]. Правда, в двух случаях, судя по форме шеи и головы, животные являются все же

волами: отсутствие изображения рогов у одного животного объясняется его комолостью (там же, рис. 3а), а у другого рога, возможно, просто не сохранились из-за повреждения плиты (там же, рис. 4). Имеющиеся материалы не позволяют пока прийти к твердому выводу об использовании окуневцами эквидов в качестве тягловых животных, но не исключают такую возможность.

У некоторых волов и лошадей на морде изображены поперечные линии, которые порой напоминают детали намордника/недоуздки, применявшегося для фиксации повода и управления животным [42, с. 220; 48, рис. 1]. Использование окуневцами такого приспособления, наряду с другими способами контроля, вполне вероятно. Однако похожие линии встречаются и на мордах лосей (рис. 13), что затрудняет их однозначную интерпретацию. Необходимо также учитывать, что поперечные линии у тягловых животных часто имеются не только на морде,

но и на туловище. С их помощью голова отделена от шеи, а туловище разделено на две или три части. Кроме поперечных линий, на туловище изображались косые кресты (рис. 6, 1; 7, 1). В частности, характерен один крест на задней части крупа. У двух волов еще по два креста изображены ближе к голове. По три креста на туловище встречены у двух самостоятельных изображений волов [28, рис. 22, 3]. У некоторых фигур распряженных животных на крупе бывают одновременно показаны один или два антропоморфных лика, элементы анатомического строения, а на морде – пара поперечных линий (иногда с развилками на концах) (рис. 14, 1; 12, 2). Некоторые из поперечных линий на морде допускают сравнение не только с деталями намордника, но и с поперечными линиями на ликах окуневских божеств (в первую очередь это касается линий с развилками на концах) (рис. 5). Поскольку поперечные линии, показанные на ликах божеств окуневских стел, воспроизводились в ритуальной раскраске лиц людей того времени [51, с. 37], можно предполагать, что туловище и морда реальных тягловых животных тоже могли расписываться краской, воспроизводя элементы, известные нам по наскальному искусству.

Еще одно важное обстоятельство, которое следует отметить, заключается в том, что между животными в рамках каждой упряжки имеются различия по размеру корпуса, наличию половых признаков, изображениям на туловище, позе и др. Видимо, это не случайность, а очень важное и намеренное противопоставление, как и в случае с колесами.

Возничие. С четырьмя повозками изображены антропоморфные фигуры. В трех случаях они показаны сидящими в боковой проекции (рис. 6, 1–3). В одном случае фигура изображена стоящей анфас (рис. 7, 3). У одной профильной фигуры на туловище изображен косой крест, у другой – пояс. Их руки согнуты в локтях и направлены вверх. В двух случаях к ним идут линии, изображающие поводья. Одна фигура держит перед грудью в правой руке копьё или стрекало,

наконечник которого показан в виде раздвоенного языка змеи. У другой в левой руке показана извилистая линия – изображение хлыста или змеи; какой-то изогнутый предмет, возможно, хлыст, имеется и в поднятой вверх правой руке. Головы всех профильных фигур имеют высокую и узкую форму, крупный нос, большие глаза, что можно оценить как европеоидные признаки.

Поза сидящих возничих немного различается положением ног: у фигуры внутри четырехколесной повозки они согнуты в коленях и стоят на полу кузова; у фигур двухколесных повозок они тоже согнуты в коленях, но стопы опущены ниже бедер, как если бы возничий свесил их ниже пола кузова (для этого у повозки должен отсутствовать передний борт). Поза сидящих возничих обнаруживает аналогии среди других материалов окуневского искусства. Одна из них – скульптурная мужская фигура на фрагменте жезла из красной яшмы (рис. 15, 1). Параллель явно не случайная, т.к. на конце других таких жезлов изображена голова быка [51, с. 45, рис. 5]. Еще одна параллель – изображение зооантропоморфного божества из Черемушного лога, у которого, кроме сходной позы, имеется еще косой крест и пояс на туловище. У этого изображения показана голова хищного зверя с рогами быка (рис. 15, 2).

В отличие от профильных изображений возничих, фигура с горы Тепсей, показанная анфас, трактована очень схематично. Ее руки заканчиваются схематичным изображением раскрытой пасти змеи, что имеет параллели у других образов окуневского искусства [52, рис. 8] и, вероятно, указывает на смертельность прикосновения. У фигуры нет головы, но при этом весь данный рисунок одновременно ассоциируется с одним из типов антропоморфных ликов окуневского искусства. Глазами этого лика являются кружки, расположенные по бокам «туловища» ниже «плеч», а повозка занимает позицию рта [28, рис. 9]. Не исключено еще одно объяснение этого же изображения: повозка находится внутри схематично показанной раскрытой пасти рогатой змеи; пасть составлена из

двух профилей ее верхних половин с глазами-кружками – прием, зафиксированный в окуневском искусстве у более реалистичных голов хищников и змей [28, № 79, 111]; рога заканчиваются развилкой в виде раскрытой пасти или змеиного языка, чему есть немало параллелей в окуневском искусстве [28, рис. 16, с. 32, 38].

Относительная хронология. Прежде чем перейти к вопросу об относительном возрасте отдельных изображений повозок в рамках рассматриваемой серии, необходимо еще раз специально отметить, что никаких оснований относить какие-либо из них к афанасьевской культуре или эпохе неолита нет. Основные аргументы противников окуневской атрибуции таких изображений были следующие: 1) вторичное использование плит и стел с изображениями в окуневских курганах, что интерпретировалось как свидетельство чуждости этих объектов и их изображений для окуневцев; 2) противоречие между изображениями повозок и первоначальной моделью окуневской культуры как культуры пришедших с севера «таежных охотников». Однако в настоящее время гипотеза «таежных охотников» не подтверждается фактами и имеет лишь историографический интерес [53, с. 52–53; 54, с. 38–40; 55, с. 3–5]. Еще важнее, что с обособлением стел от окуневской культуры не позволяет согласиться постоянно расширяющаяся серия аналогий с раскраской на черепахах окуневцев, с изображениями на керамике, гребнях, различных подвесках-амулетах, жезлах и других предметах из погребений и поселений окуневской культуры. Следовательно, причины вторичного использования стел связаны не с их принадлежностью к иной культуре, а с особенностями ритуальной практики окуневской культуры. В то же время связь всех рассматриваемых изображений с окуневской культурой не исключает, конечно, что какие-то традиции в сфере колесного транспорта, которые, по-видимому, имелись у афанасьевцев, могли сохраниться и получить дальнейшее развитие в окуневское время.

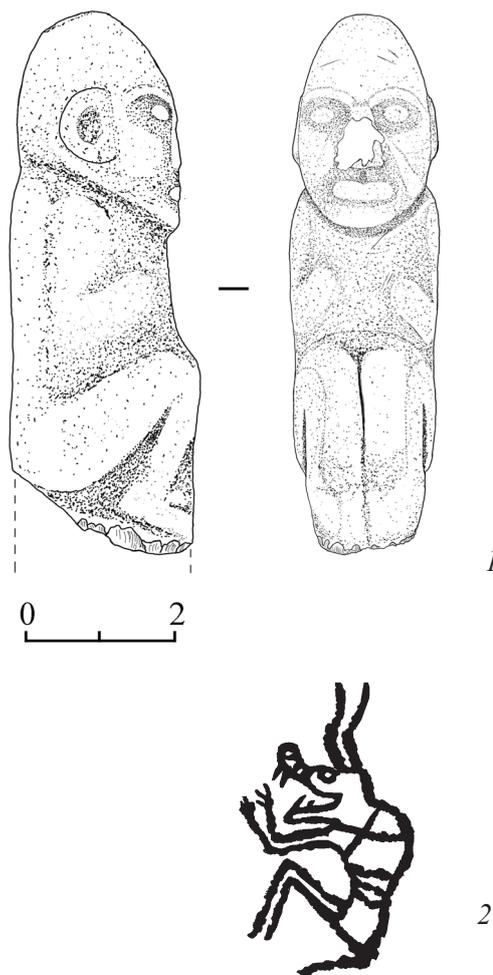

Рис. 15. Самостоятельные изображения в позе возничего:
1 – Калы (фонды МКМ); 2 – Черемушный лог

Уже давно отмечена зависимость между стилистическими особенностями петроглифов из окуневских курганов и возрастом самих курганов, где они обнаружены [56, с. 89–97]. Данный факт свидетельствует о непродолжительном времени, которое проходило обычно между созданием изображения и его попаданием в окуневский курган. Поскольку несколько изображений повозок обнаружено на стелах и плитах из трех разных окуневских курганов, хронологическое соотношение этих погребальных комплексов можно использовать для изучения относительной хронологии изображений повозок, а также их конструкции и используемых изобразительных приемов. При этом целесообразно опереться на современные типологические разработки по погребальному обряду

и материальной культуре окуневцев [54, с. 36–38]. С этой точки зрения самое раннее изображение – повозка в проекции сбоку из раннеокуневского кургана в с. Усть-Бюрь, а изображения из курганов Черновая VIII и Разлив X – более поздние. Кроме этого, следует учесть, с какими рисунками изображения повозок соседствуют. Три повозки – из Аскиза, Красного Камня, Черновой VIII – являются вторичными рисунками на стелах со схожими первоначальными ликами. В двух случаях – на стелах из Аскиза и кургана Разлив X – рисунки повозок относительно синхронны самостоятельным рисункам гипертрофированно поджарых волов в так называемом разливском стиле. Пик популярности этого образа и наибольшее количество рисунков такого стиля связаны со второй половиной периода существования окуневской культуры. Еще одна повозка – из Знаменки – является вторичным изображением на стеле с другим типом сложного лика. Он более ранний, чем лики богов на стелах из Аскиза, Красного Камня и Черновой VIII. Наличие полукружий над кружками глаз (важный в хронологическом плане признак) сближает его с изображением лика на стеле из кургана Усть-Бюрь. Датировка этого лика будет для изображения знаменской повозки нижним хронологическим рубежом. Верхним рубежом будет появление на этом же камне изображений поджарых животных в разливском стиле. Следовательно, изображение повозки на знаменской стеле более раннее, чем рисунки повозок на стелах из Аскиза и Разлива X. Таким образом, к числу наиболее ранних можно отнести профильные рисунки из кургана Усть-Бюрь и со знаменской стелы. К числу наиболее поздних – рисунки на стелах из окрестностей с. Аскиз и кургана Разлив X, сочетающие сразу две проекции кузова. Относительно синхронно им изображение в плановой проекции с Красного Камня. Может быть, чуть старше профильный и плановый рисунок из могильника Черновая VIII. Относительная датировка рисунка в проекции сверху с горы Тепсей пока неясна ввиду его уникальности и оди-

ночного расположения на плоскости. Заслуживает внимания еще один факт: небольшой рисунок повозки в правой нижней четверти фрагмента стелы из окрестностей с. Аскиз, сочетающий проекции сбоку и сверху, перекрыт выбитым рисунком лошади эпохи поздней бронзы (рис. 5).

В целом, анализ относительной хронологии изображений позволяет сделать следующие выводы: 1) повозки разной конструкции (четырёхколесные и двухколесные, открытые и закрытые) использовались параллельно, что, вероятно, обусловлено их разным назначением; 2) в эпоху ранней бронзы в Минусинской котловине параллельно существовали и развивались разные приемы изображения повозок, но с тенденцией постепенного отказа от профильного ракурса кузова (исторически наиболее раннего для региона) в пользу других, более информативных, вариантов; 3) различие в приемах изображения повозок в большинстве случаев не связано с различием их конструкции, т.к. для всех вариантов визуальной передачи повозки характерно составное дышло из двух жердей, одинаковые колеса и способ запряжки; кроме того, все изображения объединяют одни и те же стилистические признаки тягловых животных.

Наиболее существенно по конструкции в рамках всей серии, а также друг от друга обособляются два изображения: а) «сосуд-повозка», входящий в число наиболее ранних; б) упряжка с дышлом в виде одиночной жерди с развилкой в проекции сверху, принадлежащая к числу наиболее поздних; от других рисунков она также отличается способом размещения тягловых животных спинами друг к другу, хотя стилистически они находятся в рамках окуневской традиции. Для «сосуда-повозки» на стеле из с. Усть-Бюрь не исключена определенная связь с наследием афанасьевской культуры. Дело в том, что этот образ связан с группой изображений ритуальных сосудов, наиболее ранние из которых передают конструкцию «курильниц» афанасьевской культуры с ручкой на боку [35, с. 63–68] (рис. 10, 3, 4). Однако

транслирует ли он в визуальной форме представления, имевшиеся у афанасьевцев, или является результатом осмысления такого сосуда в новой (окуневской) культурной среде, сказать сложно. Возможно также, что на развитие колесного транспорта и приемов его изображения могли оказывать влияние контакты с соседними территориями или инновации, попадавшие на Енисей в результате миграции новых групп скотоводов уже в период существования окуневской культуры. Вполне вероятно, что именно эта причина стоит за особенностями изображения упряжки на стеле из окрестностей с. Красный Камень.

Ритуальное и мифологическое содержание изображений. Образы повозок, как и другие изображения окуневских стел, связаны с ритуальной практикой древнего населения региона. Это перекликается с ритуальной функцией моделей повозок в культурах западных областей Евразии, мифологическим контекстом изображений повозок на печатях Передней Азии [1, с. 19, 20], мифологическим значением всех повозок, упоминаемых в Ригведе [57, с. 490, 508]. Поэтому передача конструктивных особенностей транспортного средства не была единственной и главной целью рисунка. Это не могло не отразиться на внутренней структуре изображений и их использовании в изобразительных текстах. Можно уверенно говорить, что в изображениях, наряду с техническими особенностями, получил визуальное воплощение ряд устойчивых метафорических отождествлений и эпитетов, которые, очевидно, употреблялись при описании повозок в существовавших параллельно обрядовых текстах устной традиции. Например, обращают на себя внимание разные колеса у повозки в плановой проекции из Черновой VIII (рис. 7, 1). У двух других повозок из того же могильника вообще не показаны ни платформа, ни дышло: изображены только двойные кружки под возничими и поводыря (рис. 6, 2, 3). При этом двойные кружки сопоставимы не только с формой архаичных дисковых колес, но и со знаками, используемыми в качестве глаз

ликов окуневских божеств. То есть один и тот же знак в одном контексте имеет значение «колесо», а в другом – «глаз». Типологически это явление аналогично метафорическому использованию образов, хорошо изученному в филологии. В его основе ассоциативное отождествление разных объектов по какому-либо признаку [52, с. 44–47]. Выявление такого признака – ключевое условие для понимания метафоры. Что же общего может быть между «колесом» и «глазом»? Каким может быть собственное (моделируемое внутренней структурой) значение изобразительного знака, использованного в обоих контекстах? Единственное собственное значение, возможное для данного знака, которое бы не противоречило обоим контекстным значениям, связано с моделированием формы светила (рис. 16). Такое объяснение является допустимым как для окуневской знаковой системы, так и фиксируется большим числом примеров из древних ритуальных текстов: в мифологических традициях многих древних народов именно со светилами отождествляются и глаза богов [РВ, I, 72:10], и колеса способных передвигаться по небу повозок и колесниц [РВ, VII, 63:2; 58, с. 84]. Разные колеса у повозки в плановой проекции могут в этом случае отождествляться с разными светилами: круг с точкой в центре – с солнцем, круг с двумя симметричными дугами внутри – с луной (дуги внутри круга могут символизировать цикличные изменения формы лунного диска). Возможно, аналогичным образом объясняется противопоставление по способу изображения левых и правых колес у четырехколесной повозки с горы Тепсей: два колеса показаны тонким контуром, два других выбиты силуэтно (оставлены лишь небольшие кружки в области втулки). Противопоставление контур–силуэт здесь могло быть равнозначно оппозиции светлый–темный.

В ритуальном контексте с какими-либо объектами мира могли отождествляться не только колеса, но и другие части повозки. На аскизской стеле распряженная двухколесная повозка изображена вертикально (рис. 5). Ее

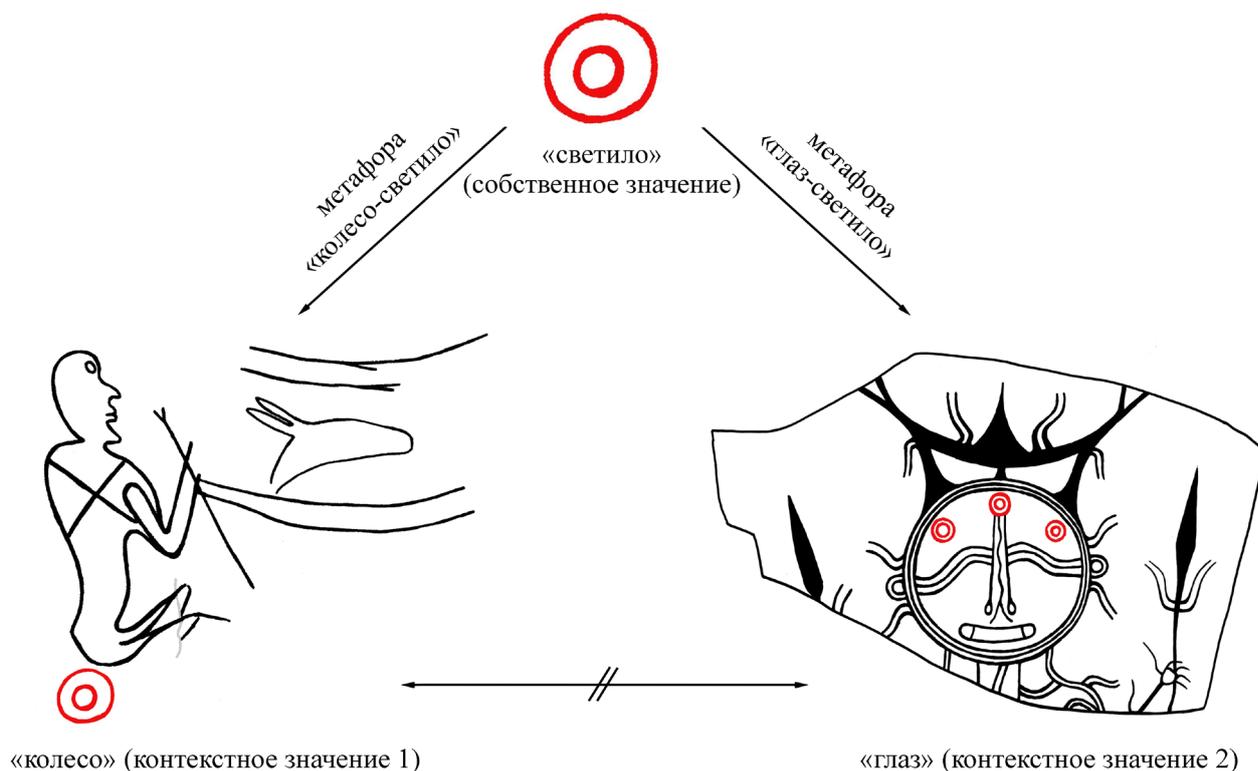

Рис. 16. Схема взаимосвязи двух изобразительных метафор

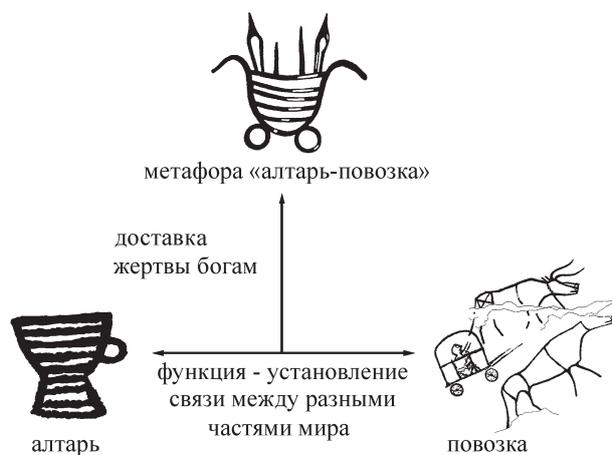

Рис. 17. Структура изобразительной метафоры «алтарь-повозка»

преувеличенно длинное треугольное дышло напоминает важный в окуневской ритуально-мифологической системе образ Мировой горы или столпа, а косой крест в нижней части – символ четырех сторон света. Смысл метафоры «дышло повозки – гора/столп» мог заключаться в том, что одна из функций образа такой горы и ее ритуального эквивалента – обеспечение связи между Нижним и Верхним мирами – аналогична основной роли повозки в мифах. Стоит отметить, что

вертикальные рисунки повозок и волокуш с треугольной рамой-дышлом, потенциально допускающие сходные метафорические отождествления, кроме окуневского искусства, представлены и в некоторых других изобразительных традициях Евразии. Кузов четырехколесной знаменской повозки с дугообразной крышей имеет сходство с окуневскими изображениями в виде полуовала, моделирующими представления о форме небосвода в вертикальной проекции [59, с. 120]. Возможно, что дугообразная крыша этой повозки тоже могла метафорически соотноситься с куполом небосвода. Сопоставимое отождествление крыши повозки и неба зафиксировано в текстах Ригведы [РВ, X, 85:10], реконструировано для модели повозки эпохи Чжоу из Яньчэна в Китае [60, с. 61].

Совмещение в изображении из с. Усть-Бюрь признаков повозки и переносного алтаря, в котором сжигались приношения для богов, тоже следует рассматривать в контексте широкого использования в древно-

сти в обрядовой сфере метафорических отождествлений и эпитетов, которые находили отражение не только в устных текстах, но и в искусстве. Для понимания данного изображения, исходя из принципов интерпретации метафоры, разработанных в филологии, необходимо найти сходство в некоторых признаках двух несовместимых объектов – алтаря и мифической повозки. Наиболее вероятный общий признак связан с их функцией, направленной на установление связей между разными частями мира. Возможно, данное метафорическое отождествление отражало мифопоэтическую формулу, рассказывавшую о том, что алтарь подобно повозке обеспечивает быструю и надежную доставку жертвы богам (рис. 17). Схожие представления о том, что жертвоприношение и молитва людей к богам «отправляются путем колесницы», зафиксированы в Ригведе [58, с. 84], а сам огонь, в котором сжигались приношения, постоянно именуется возникшим [РВ, I, 44:2; I, 72:7; I, 74:6–7; I, 77:3].

Для интерпретации рисунка на горе Тепсей важно учесть возможность отождествления позиции повозки со ртом – органом для уничтожения и проглатывания. Эта образительная метафора раскрывает ее осмысление как средства перемещения в потусторонний мир [28, с. 26–28], что перекликается с использованием повозок в погребальных обрядах различных народов [58, с. 85]. В окуневских курганах захоронений с повозками пока не найдено. Правда, высказывалась идея, что декор в виде косой сетки на внутренних стенках одной из окуневских каменных гробниц может передавать плетеный кузов повозки [61, с. 33]. Однако следует учитывать, что это не единственное возможное его объяснение. Еще одним воплощением той же идеи могли быть четыре дисковидных каменных терочника на борту центральной могилы окуневского кургана с ручья Тибик [62, с. 28]. Они вполне могли символизировать колеса повозки. Кроме того, и сами терочники как орудия для дробления, разрушения связаны с темой перехода из одного состояния в другое. Сходное значение, воз-

можно, имела функционально сопоставимая находка из погребения елунинской культуры эпохи бронзы Приобья. Найденный здесь фигурный каменный оселок [63, рис. 124,1] имеет форму кузова двухколесной повозки или колесницы, показанного в проекции сверху. Рядом положен нож с изображением головы лошади на рукояти, которая могла символизировать тягловое животное [64]. Форма кузова, вид тяглового животного и его стилистические признаки обнаруживают комплексные соответствия среди наскальных изображений колесниц с дышлом из одинарной жерди и парной лошадиной запряжкой в сейминско-турбинском стиле из Восточного Казахстана и Российского Алтая [65, рис. 2, 16, 17].

Если на горе Тепсей образ повозки связан с Нижним миром, то на стеле с Красного Камня повозка показана мчащейся по небу: она была изображена в самом верху плоскости камня, над тремя горизонтальными дугами, обозначающими область неба под куполом небосвода. Повозка из с. Знаменка выбита в средней части стелы и показана поднимающейся вверх. С передвижением по небу хорошо согласуется отождествление колес повозок со светилами, а также наличие у нескольких упряжных животных птичьих крыльев [28, с. 55]. Они показаны на туловище животных в виде пары наклонных линий с короткими параллельными черточками вдоль одного края. В рамках окуневского искусства такой знак полностью аналогичен крыльям птиц на стеле из улуса Бутрахты (рис. 14).

Особенности изображения тягловых животных окуневских повозок позволяют сделать вывод об их отождествлении с мифологическими образами. При этом важно, что правое и левое животные в упряжке противопоставлены друг другу по определенным признакам. Среди имеющих инокультурных параллелей этому факту можно отметить противопоставление священных быков из упряжки бога грозы Тешуба (хурритская и хетто-хурритская мифология), имена которых означают

«Утро» и «Вечер». С противоположными частями суток (день и ночь) соотносились также упряжные животные в колеснице Ашвинов (индоарийская мифология). Сравнимой с окуневской, но другой формой реализации подобного рода противопоставлений являются так называемые «чудесные» упряжки из Саймалы-Таш в Киргизии, запряженные животными разных видов [18, с. 281–285].

Наличие в окуневском искусстве отдельных (рис. 12, 1, 2; 14, 1, 2) либо парных изображений тягловых животных (см., например, фигуры двух волов, выбитых по контуру и силуэтно над повозкой на стеле из с. Знаменка – рис. 2), показанных без повозок, свидетельствует о самостоятельном значении этих персонажей и об особом их почитании. Свидетельством сопоставимого почитания священных тягловых быков являются их самостоятельные изображения конца III — II тыс. до н. э. из Анатолии [66, fig. 21, 71]. Деление туловища окуневских тягловых животных на три части и некоторые другие элементы изображений можно рассматривать в рамках системы метафорического отождествления частей тела животного с элементами модели мира [67]. В рамках этой системы три креста на туловищах некоторых волов подобны трем знакам в виде круга с четырьмя лучами на стелах, которые соотносились с тремя ярусами мира по вертикали. Змеевидная линия на месте пищевода подобна вертикальному изображению змеи на стелах, соединяющему их разные ярусы. Структура лика на задней части крупы некоторых самостоятельных изображений аналогична структуре некоторых ликов верхней части стел [28, с. 55]. С образами двух противопоставленных гор связаны треугольный выступ вершиной вверх на задней части крупы и треугольник вершиной вниз на груди животного. Наличие такого рода космологических отождествлений – признак сакрального, мифологического характера персонажа.

Возничие окуневских повозок, как и возничие на печатях из Передней Азии [1, с. 20], в гимнах Ригvedы являются божествами.

Три рисунка возничих имеют вполне реалистичный человеческий облик. Один персонаж, показанный без повозки, но в позе возничего, наделен головой и когтями хищного зверя, рогами быка. Несмотря на устрашающий полужверинный облик, у него на туловище показан такой же крест и пояс, как у реалистичных изображений. Сложную для понимания многозначную изобразительную структуру имеет фигура с горы Тепсей. Это изображение сочетает сразу три плана содержания: 1) фигура грозного антропоморфного божества без головы на повозке, которую можно рассматривать как ее хозяйина и возничего; 2) лик божества с повозкой на месте рта; 3) пасть рогатой змеи, заглатывающей или выпускающей повозку. Принципиально важно, что совмещение нескольких образов – не случайность, а принцип построения многих окуневских изображений [59, с. 125]. По своей сути это явление аналогично так называемым «загадочным картинкам» с «зооморфными превращениями» в искусстве скифского круга, когда один элемент является частью сразу двух или более образов разного характера [68, с. 374–378]. И в скифском искусстве, и в окуневском эти разные образы неразрывно связаны и принадлежат единому тексту. Несколько уровней содержания окуневского изображения можно рассматривать как взаимодополняющие, позволяющие полнее раскрыть одну тему.

Двое возничих вооружены, но оружие это особое: копье или стрекало с наконечником в виде языка змеи и бич в форме змеи или сама змея. Это свидетельство особой смертоносности, грозности оружия. Копья показаны и внутри повозки-жертвенника на стеле из с. Усть-Бюрь. Но это тоже особое оружие [28, с. 39]. Более крупно и детально два аналогичных копья изображены сверху лика божества на той же стеле (рис. 1). Они включают в себя двойной кружок возле острия, возможная связь которого с солнцем и сиянием отмечалась выше. Видимо, это означает, что показаны небесные, огненные, копья. По занимаемому месту эти два копья напоминают два пучка золотых стрел на передней стороне

мужского головного убора из сакского кургана Иссык [69, табл. 1]. Кстати, еще на одной окуневской стеле те же два копыя имеют на острие наконечников развилку в виде языка змеи (рис. 10, 1).

Не исключено, что две повозки с возничими на одной плитке из Черновой VIII являются единой композицией. В этом случае ее можно сравнить с образом двух возничих – Ашвинов – из гимнов Ригведы. Правда, у Ашвинов в упряжке лошади, а в окуневском искусстве тягловыми животными изображались волы. Но Ригведа связана с более поздним временем и отразила новые достижения в развитии колесного транспорта. Два божества связаны с колесным транспортом с бычьей запряжкой и в хурритской мифологии. Это бог грозы Тешуб и его брат и спутник Ташмишу. Две повозки с парной бычьей запряжкой изображены на более близком окуневскому времени серебряном сосуде из Афганистана, причем в одной из них сидят сразу два мужских персонажа [21, fig. 4]. Две человеческие фигуры показаны в кузове либо по бокам от него у конструктивно близких четырехколесных повозок с парной бычьей запряжкой на памятнике Сюник в Закавказье (рис. 18, 4) и Кульжабасы в Казахстане [70, рис. 1, 3] (рис. 19, 5).

В целом, наличие ритуально-мифологического контекста у окуневских изображений повозок, тягловых животных и возничих вполне очевидно. Сложнее реконструировать цели создания тех или иных изображений, их функцию в ритуале. Вероятно, так же как и у других наскальных изображений окуневского искусства, эта цель была связана с магическим воздействием на мифологический образ с целью получения определенных благ. В этом контексте роль повозки могла быть связана с ее посреднической функцией как инструмента доставки жертвы и просьб от людей богам и определенных благ от богов людям. Это предположение перекликается с целью обращения к Ашвинам в Ригведе: у них просят самые разные дары – богатство,

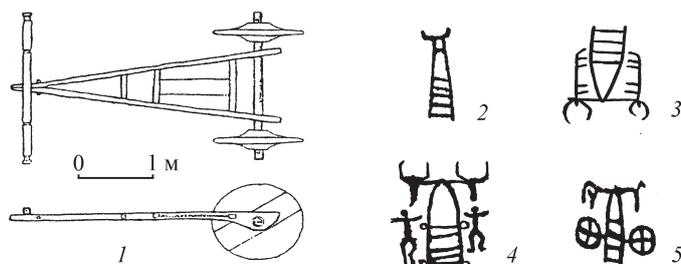

Рис. 18. Повозка из могильника Лчашен (1) и петроглифы Сюника (2–5), Закавказье [73, р. 76; 83, табл. 96,4, 52,1, 48,2, 45,1].

скот, свет, потомство, защиту от врагов, исцеление, жизненную силу и др. [РВ, I, 116–120]. Конкретное содержание просьбы зависело от конкретной ситуации. Окуневские ритуалы, для которых создавались изображения повозок, тоже были различны. Изображение повозки из с. Усть-Бюрь принадлежит к первоначальной композиции стелы, созданной, видимо, для использования в каком-то важном сезонном обряде. Вторичные изображения на стелах и рисунки на плитах, исполнение которых менее трудоемко (часто просто тонкие прочерченные линии), созданы в рамках каких-то менее значимых ритуалов.

Сравнительно-исторический анализ.

Окуневская культура, с которой связаны древнейшие изображения повозок Минусинской котловины, складывается в результате миграции в середине III тыс. до н.э. европеоидного населения со скотоводческим хозяйством. В этой связи поиск инокультурных аналогий окуневским повозкам приобретает особое значение для выявления истоков и путей миграции. Для целей такого сравнительно-исторического анализа особенно важны самые специфические признаки окуневских изображений: с точки зрения способа изображения – профильный ракурс наиболее ранних рисунков; с точки зрения конструкции – составное дышло из двух сходящихся под углом жердей, которые у двухколесных повозок одновременно образуют каркас кузова.

Профильный ракурс кузова наиболее ранних окуневских изображений повозок резко выделяется на фоне плановой проек-

ции, типичной для эпохи бронзы Центральной Азии. Профильная манера изображения характерна для искусства Передней Азии. Там же у некоторых повозок показаны двухчастные колеса, не идентичные, но все же сопоставимые с составными двухчастными колесами у изображений из Минусинской котловины (рис. 12). Вместе с тем найти среди изображений колесных повозок из Передней Азии аналогичную окуневской конструкцию дышла и ярма не удастся. Схожая ситуация и с переднеазиатскими моделями повозок. С окуневской конструкцией дышла может быть сопоставлена только одна терракотовая четырехколесная модель с тентом III тыс. до н. э. из Северной Месопотамии (Тепе Гавра) [71, fig. 2]. Она отличается от прочих моделей повозок региона двумя вертикальными петлями по бокам передней части кузова. По мнению С. Пиггота и П. М. Кожина [34, с. 164], петли могли служить для крепления составного треугольного дышла, подобного находкам из погребений на территории Закавказья. По другой, более убедительной гипотезе, опирающейся на сравнение с некоторыми металлическими моделями повозок III тыс. до н. э. из Сирии и Анатолии, дышло было все же одинарным, крепившимся к поперечной оси, вставленной в эти петли [71, р. 391].

Подлинные повозки, конструкция кузова и дышла которых сопоставима с окуневскими, найдены в погребениях II тыс. до н. э. на территории Закавказья – могильник Триалети (курган 5) и могильник Лчашен. Среди них имеются как двухколесные (рис. 18, 1), так и четырехколесные. Двухколесные повозки из Лчашена имели неподвижную колесную ось, составные дисковые колеса более метра в диаметре, треугольную раму, являющуюся одновременно кузовом и дышлом, которая соединялась с ярмом при помощи ремня или веревки [72, с. 143, 144; 73, fig. 37; 12, рис. 83, 2, 84, 1, 3]. Исходя из конфигурации рамы, они получили название А-образных («A-frame cart»). Четырехколесные повозки имели подвижное в вертикальной плоскости дышло из двух сходящихся

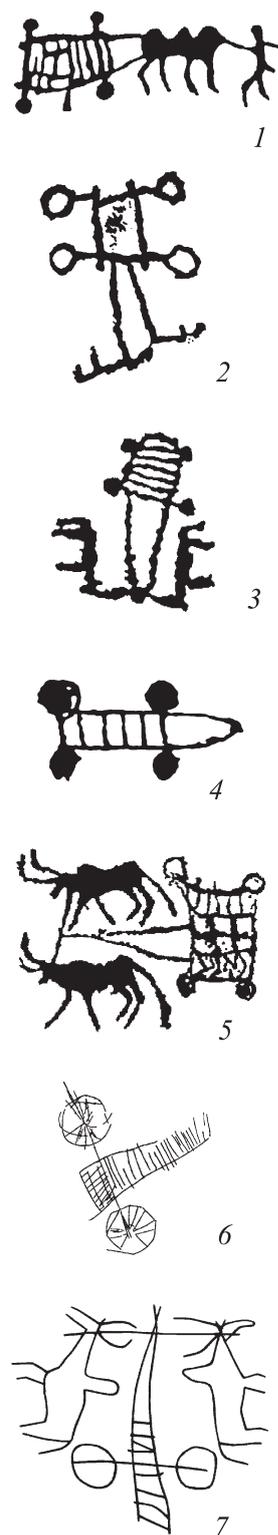

Рис. 19. Повозки с оглоблями и дышлом в виде двух сходящихся под углом брусьев:
 1 – Арпаузен, Казахстан [78, рис. 21, 4];
 2 – Верхний Иртыш, Казахстан [120, fig. 102];
 3 – Нуратау, Узбекистан [121, fig. 12, 4];
 4 – Сауыскандык, Казахстан [81, рис. 37];
 5 – Кульжабасы, Казахстан [122, рис. 8];
 6 – р. Чаган, Российский Алтай [90, рис. 5];
 7 – Инамгаон, Центральная Индия [95, fig. 1]

под острым углом брусьев [72, рис.1, 8–11; 73, fig. 34]. Вместе с тем повозки из Лчашена не идентичны окуневским и представляют несколько иную конструкцию. У двухколесных повозок отсутствуют подобные окуневским борта, иное ярмо, площадка для транспортировки находится не в самой широкой части треугольной рамы, а ближе к середине. Окуневскую конструкцию скорее можно назвать Δ -образной. Несколько ближе окуневским повозкам варианты двухколесных повозок с треугольной рамой и четырехколесных повозок с составным треугольным дышлом среди петроглифов Сюника в Закавказье (рис. 18, 4, 5). Правда, у рисунков двухколесных повозок здесь уже показаны спицы, к тому же все повозки изображены в проекции сверху. Схожая конструкция двухколесной повозки с треугольной рамой, составными колесами без спиц на подвижной оси, парной бычьей запряжкой использовалась в сельских районах Армении вплоть до XX в. [74, рис. 5–7; 75, с. 84, рис. 2, 5]. Изображения двухколесных (колеса имеют по шесть спиц) повозок того же типа с треугольной или прямоугольной рамой в проекции сверху открыты также в Дагестане [76, рис. 138, 2].

Раньше повозки с составным дышлом из Закавказья предлагалось считать особым региональным типом горных повозок [77, с. 174], но в последнее время география находок подобной конструкции значительно расширилась. В сравнительном плане очень интересна конструкция повозок древнеземледельческих центров на юге современного Туркменистана (Алтын-депе, Анау и др.). Первые свидетельства знакомства с колесным транспортом появляются здесь в середине – второй половине IV тыс. до н. э. Этим временем датируются, в частности, глиняные модели двухколесных повозок с одинарным дышлом для парной бычьей запряжки и вращающейся осью. Однако модели двухколесных и четырехколесных повозок второй половины III тыс. до н. э. (периоды Намазга IV и V) демонстрируют уже иную конструкцию: в передней части у них имеются отверстия для двух жердей.

Предполагается, что в такую повозку при помощи оглобель запрягалось одно животное (верблюд или бык), что подтверждают некоторые модели с головой только одного животного на передке [32, с. 28–30]. Изображение повозки аналогичной конструкции на дисковых колесах имеется в петроглифах эпохи бронзы Южного Казахстана (хребет Каратау, памятник Арпаузен) (рис. 19, 1). Пока не известно, как на плоскости изображали повозки жители древнеземледельческих центров, но в Арпаузене кузов показан в проекции сверху. Впрочем, среди более поздних рисунков подобных повозок на колесах с четырьмя спицами из Южного Казахстана есть также профильное изображение [78, рис. 21, 2]. Меньше ясности с тем, как в повозки подобной конструкции запрягали пару тягловых животных, поскольку это тоже практиковалось. Вполне вероятно, в этом случае на конец жердей-оглобель крепилась перекладина ярма, что означает появление составного дышла, подобного окуневскому. Важным аргументом в пользу этой гипотезы служит наскальное изображение тяжелой четырехколесной повозки с дышлом из двух почти параллельных жердей, на конце которых закреплено ярмо. Оно открыто в петроглифах Восточного Казахстана (рис. 19, 2). Реальная четырехколесная повозка (диск каждого колеса диаметром 1 м собран из трех досок) с дышлом подобной конструкции недавно найдена в погребении № 3900 на «царском некрополе» Гонура. Возле переднего края ее кузова обнаружены остатки двух длинных округлых жердей (1,32 м и 1 м). При описании находки они были названы оглоблями [79, с. 146–149; 80, план на с. 49]. Однако это скорее составное дышло подтреугольной формы. В пользу этого можно привести два аргумента: 1) концы жердей по мере удаления от кузова сходятся; 2) две пары копытных животных – ослы и верблюды, которых наиболее разумно считать сменными упряжками, размещены по бокам от жердей как при запряжке дышлового типа (запряжка оглобельного

типа предполагает расположение животных между жердей). Однако конструкция составного подтреугольного дышла для БМАК, видимо, не была единственной: на уже упоминавшемся серебряном сосуде с территории Афганистана у повозок изображено дышло в форме рогатки. Очень важно, что кузов этих повозок изображен в проекции сбоку – в канонах переднеазиатской традиции, что расширяет ареал бытования профильной изобразительной манеры.

Как влияние культуры ближайших древнеземледельческих центров эпохи бронзы на периферию можно рассматривать серию изображений повозок с составным дышлом из двух сходящихся или параллельных брусьев, которые открыты на скалах Казахстана и Узбекистана. Все они пока только четырехколесные и показаны в проекции сверху (рис. 19). Помимо конструкции повозок, влияние культуры передовых центров заметно и в других образах петроглифов этих территорий [81, с. 27–30; 70, с. 89–96; 82, с. 91]. Среди петроглифов Каратау особый интерес представляет рисунок повозки с составным треугольным дышлом с памятника Кульжабасы. При изображении кузова здесь использован редкий прием пространственного построения: помимо дна повозки, показанного в проекции сверху, изображены два высоких продольных борта, показанных в проекции сбоку (изнутри кузова), но развернутых в той же плоскости, что и дно (рис. 19, 5). Аналогичный прием известен у четырехколесной повозки с одинарным дышлом в петроглифах Сюника [83, табл. 5, 1]. Стилистически повозка из Кульжабасы (включая тягловых животных) сильно отличается от повозок БМАК, изображенных на сосуде с территории Афганистана. С точки зрения конструкции, у сравниваемых изображений сходное устройство кузова и бортов, но разное дышло. Аналогичная конструкция кузова с высокими бортами по бокам отличается один из типов повозок с Алтын-депе [84, табл. XIX, 1; 32, с. 29].

Дышло в виде одинарной жерди с развилкой на конце, подобное дышлу повозок

на сосуде БМАК из Афганистана, зафиксировано у нескольких четырехколесных повозок с парной бычьей запряжкой с памятника Сауыскандык в северной части хребта Каратау [85, с. 32; 81]. По мнению И. Н. Швеца, эти рисунки связаны с окуневской традицией и датируются концом III – началом II тыс. до н. э. [86, с. 134–137]. С предложенной датой можно согласиться, т.к. и конструкция повозок, и способ управления животными, «ажурный стиль» некоторых фигур хронологически близки окуневским. Привлекает также внимание композиция из трех кружков на туловищах двух волов [85, рис. на с. 32], что напоминает число косых крестов на туловище окуневских тягловых животных. Сами кружки на крупе быков находят параллели в петроглифах ранней и средней бронзы Российского Алтая и Тувы (Калбак-Таш, Бижикиг-Хая). Вместе с тем форма дышла сопоставима только с одним рисунком из Минусинской котловины, форма носового кольца иная [85, рис. на с. 32; 87, рис. 3, 1], да и стиль изображения тягловых животных от окуневских рисунков сильно отличен. Это не позволяет объединять данные изображения с окуневской изобразительной традицией, хотя и не исключает их определенную близость. При этом стоит обратить внимание на сходство изображений животных Сауыскандыка, с одной стороны, со стилистическими особенностями изображений животных Зеравшанского варианта БМАК [88], а с другой стороны, с петроглифами и изображениями из бронзы сейминско-турбинской традиции. На самом памятнике Сауыскандык упомянутые повозки и вола, несомненно, входят в одну стилистическую группу с изображенными на тех же плоскостях фигурами лошадей в сейминском стиле. Важнейший аргумент в пользу этого – идентичность в форме и положении ног животных. Вероятно, с сейминской традицией эта группа изображений Сауыскандыка имеет самую тесную связь.

Территориально к Минусинской котловине ближе всего двухколесная повозка с подтреугольной рамой в проекции сверху, предназначенная для парной запряжки,

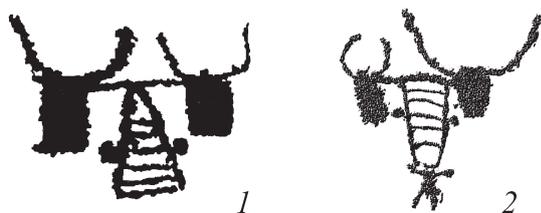

Рис. 20. Изображения Монт Бего, Альпы [98, abb. 9, 2; 123, s. 62]

которая вырезана в эпоху бронзы на скале в долине р. Чаган в Республике Алтай [89, с. 143, 145]. Правда, в отличие от окуневских рисунков, ее колеса уже имеют спицы, что указывает на несколько более позднее время (рис. 19, 6). Подобно некоторым окуневским рисункам, алтайская повозка показана распряженной, но рядом имеются выполненные в такой же технике фигуры быков. Не исключено, что между этими рисунками существовала смысловая связь, и повозка предназначалась для бычьей запряжки. Изображения относительно синхронных повозке быков и антропоморфных фигур с той же плоскости отнесены к «кругу каракольско-окуневских древностей» [90, с. 61, 63, рис. 5]. При этом антропоморфные фигуры, наделенные птичьими головами с косами, палицами, напоминают изображения с памятника Байконур в Центральном Казахстане [91, табл. 31, 14.4–14.5] и, отчасти, птицеголовых божеств, представленных в искусстве БМАК. Изображение повозки на двух колесах со спицами, близкое по конструкции повозке с р. Чаган, известно на территории Синьцзяна [92, табл. I, 7].

Аналогии окуневским повозкам можно найти не только среди изображений, материалов погребений и поселений, но и в древних текстах. В частности, сходную с окуневской конструкцию можно предполагать для двухколесной повозки *ápas-*, фигурирующей в текстах Ригvedы. Она имела дышло из двух сходящихся впереди жердей и запрягалась двумя быками [57, с. 490; 93, с. 256; 94, с. 169]. Возможно, рисунок аналогичной повозки представлен на сосуде раннего этапа культуры Джорве эпохи поздней бронзы из Центральной Индии [95, р. 8; 96, рис. 39, 2] (рис. 19, 7). Дальнейшее развитие такой конструкции в

эпоху железа представляют терракотовая и бронзовая модели двухколесных повозок из Чарсада и Брахмапури. У одной из них имеются два отверстия для составного дышла [93, с. 263]. У другой, имевшей колеса со спицами и крытый верх, дышло состоит сразу из трех брусьев. Два из них являются продолжением боковых брусьев кузова, а третье расположено между ними. Все они стянуты ремнями перед ярмом [93, рис. 25, 1].

Помимо Азии, повозка с рамой, образующей одновременно кузов и дышло, и парной запряжкой представлена в Европе. Например, составное дышло из двух стянутых между собой почти у самого кузова жердей зафиксировано у известняковых моделей колесниц с Кипра [41, pl. 37, 95]. Однако они более поздние, да и от окуневских повозок эта конструкция сильно отличается. Гораздо интереснее параллели конструкции древнейших повозок Минусинской котловины, которые имеются среди сопоставимых с ними по возрасту петроглифов эпохи бронзы в Альпийском регионе, в частности на памятнике Монт Бего (рис. 20). Похожую с повозками из Монт Бего конструкцию, но более молодой возраст имеют также некоторые рисунки повозок и волокуш из Южной Испании [97, abb. 6]. По конструкции транспортного средства и его передаче в проекции сверху альпийские петроглифы близки петроглифам Сюника. К северу от Альпийских гор найдены остатки подлинных транспортных средств с треугольной рамой, датированные первой половиной IV тыс. до н. э. и началом III тыс. до н. э. [98, abb. 10, 11]. Изображения из Альп отличает такая особенность, как показ тягловых животных в проекции сверху. Последний признак очень специфичен и позволяет выделить особый европейский ареал древнейших изображений транспортных средств [99; 100]. Некоторые изображения тягловых животных из Сюника (рис. 18, 2, 4) переданы в похожей манере и могут рассматриваться как юго-восточная периферия этого ареала.

Чем объясняется сходство в конструкции, а отчасти и в приеме изображения

повозок Минусинской котловины и Западной Европы? В настоящее время на этот вопрос сложно дать однозначный ответ, тем не менее маловероятно, чтобы повозки из Альпийского региона и Германии были прототипом окуневских, т. к. их разделяет очень большое пространство. Более актуальна проблема сходства окуневских повозок с закавказскими. Однако решение вопроса о происхождении последних само представляет серьезную проблему. К тому же нет пока достаточной ясности с механизмом и местом возникновения повозки с составным дышлом из двух жердей, которая, безусловно, представляет особый вариант конструкции колесного транспорта. По одной гипотезе, повозки с составным дышлом могли появиться на основе волокуши (в англоязычной литературе – *travois* или *slide car*). Считалось, что все этапы этой предполагаемой эволюции представлены именно в наскальном искусстве Закавказья (рис. 18), откуда затем такие повозки распространились на другие территории [73, р. 76; 12, с. 111]. Однако повозки с составным дышлом из курганов Лчашена и Триалети не имеют прототипов на территории Закавказья среди находок предшествующей эпохи: модели повозок из памятников более ранней куро-аракской культуры демонстрируют иную конструкцию с дышлом из одиночной жерди [75, рис. 2, 3–4]. Это позволяет выдвинуть гипотезу, что возникновение повозок с составным дышлом вообще не связано с Закавказьем, а упомянутые волокуши и конструктивно близкие им повозки, изображенные на скалах, могли появиться и использоваться здесь одновременно. Так, например, армяне в XIX в. параллельно использовали и повозки А-образного типа, и транспорт скользящего типа (волокуши и сани) с близкой по форме рамой и составным дышлом [101, рис. 4, 1, 2]. Согласно одному мнению, конструкция повозок с составным дышлом могла проникнуть в Закавказье во II тыс. до н. э. с севера [49, р. 10]. В ее пользу могут свидетельствовать отмеченное выше сходство некоторых петроглифов Сюника с европейскими и находки в Западной Европе

остатков древних повозок такой конструкции. Однако свидетельств использования подобных повозок или волокуш в III – II тыс. до н. э. на промежуточной территории – в степях Восточной Европы – нет. По другой гипотезе, появление в Закавказье данных курганов с повозками связано с миграцией нового населения с более южных территорий и с распространением в Закавказье печатей митаннийского стиля [102]. Но и эта гипотеза не дает ответа на вопрос: откуда был привнесен такой тип колесного транспорта? Во всяком случае, как уже отмечалось выше, на территории Передней Азии древних колесных повозок с составным дышлом не известно.

В этой ситуации обращают на себя внимание двухколесные и четырехколесные повозки с двумя оглоблями второй половины III – начала II тыс. до н. э. из Туркмении, которые, вероятно, были также известны близкому в культурном отношении населению сопредельных территорий (рис. 21, 1). Данная конструкция вполне могла стать основой для генезиса составного дышла – достаточно было закрепить на конце оглобель перекладину ярма для более мощной парной запряжки. Пока еще не ясно, была ли повозка с оглоблями местным изобретением или заимствована в результате торговых контактов и миграций. Однако в любом случае оглобельный способ передачи тяглового усилия на определенном этапе получил широкое распространение у древних повозок на территории Туркмении и оказал заметное влияние на дальнейшую историю колесного транспорта восточной части Евразии.

Самый древний вариант запряжки с оглоблями известен среди материалов древнеземледельческих поселений Передней Азии второй половины IV тыс. до н. э. Однако здесь такое техническое решение использовалось не у повозок, а у саней: сохранились изображения саней, запряженных одним быком при помощи двух жердей-оглобель или ремней [103, fig. 1, 3; 104, р. 787]. Эти сани имели важное сельскохозяйственное и культовое значение. На одном из рисунков, судя по изогнутой форме и способу крепле-

ния, показана именно оглобля (рис. 21, 2). Правда, предлагалось и альтернативное объяснение деталей переднеазиатских рисунков: наклонная жердь на переднем плане вдоль корпуса животного – это не одна из оглобель одиночной запряжки, а одинарное дышло парной запряжки, которое при боковой проекции должно быть скрыто за корпусом ближайшего быка [49, р. 14]. Аргументы против оглобель приводились следующие: все известные ранние колесные повозки из Передней Азии, генезис которых предполагается на основе саней и плужной запряжки, имели дышло в виде одинарной жерди с ярмом для пары животных; после данных изображений саней повозки с оглоблями на территории Месопотамии не известны на протяжении почти 3000 лет. Однако если исходить не из косвенных соображений, а из изучения самих рисунков, то согласиться с данным объяснением нельзя: никаких признаков наличия в запряжке у саней второго животного нет; у хронологически близких профильных изображений колесных повозок той же традиции, наделенных одинарным дышлом, последнее всегда скрыто за крупом ближайшего животного – нет ни одного отступления от этого правила. Поэтому логичнее допустить сосуществование в Передней Азии на раннем этапе двух вариантов запряжки тягловых животных – оглобельного и дышлового. Первый из них не получил здесь дальнейшего развития, но мог получить развитие где-то на периферии этого очага древнейшей цивилизации. Потенциально генезис колесных повозок с оглоблями и составным дышлом вполне мог происходить на основе таких саней. Пока еще не вполне ясно, появились ли повозки с составным дышлом где-то в одном центре, откуда затем распространились по Евразии, или могли самостоятельно возникнуть на разных территориях. Этот вопрос требует дальнейшего изучения.

В Минусинской котловине конструкция двухколесной повозки с подтреугольной рамой, являющейся одновременно кузовом и дышлом, а также четырехколесной повозки

с треугольным дышлом продолжала использоваться в эпоху поздней бронзы и в скифское время. При этом меняется конструкция колеса (появляются спицы) и ярма [12, рис. 72, 64; 105, рис. 2, 3]. Примечательно, что параллельно с изображениями повозок, сохраняющимися в основе окуневскую конструкцию, в конце II – начале I тыс. до н. э. на скалах котловины изображались и повозки совсем иной («карасукской») конструкции, технология изготовления которых была привнесена сюда более поздними мигрантами. Их отличает иная форма кузова и одинарное дышло [106, рис. 3, 1–8, 12, 13, 18]. Сосуществование двух типов колесных транспортных средств сопоставимо с исторической ситуацией, зафиксированной в Ригведе: в гимнах Ригvedы, кроме повозки *ánas-*, фигурирует колесница *rátha-*, имевшая одинарное дышло и запрягавшаяся лошадьми. Факты параллельного использования повозок разной конструкции в эпоху раннего железа имели место и на Алтае. В частности, остатки реальных повозок, конструкция дышла которых, возможно, была близка окуневской, найдены в погребениях пазырыкской культуры [107, с. 231]. Такие повозки на цельных дисковых колесах малого диаметра, видимо, использовались пазырыкцами для перевозки грузов. Одновременно с ними использовались и повозки совсем иной конструкции с дышлом в виде одинарной жерди [107, с. 233].

Показанному без дышла изображению повозки с горы Тепсей по конструкции и стилистически наиболее близка архаичная повозка на четырех дисковых колесах с горы Алды-Мозага в Туве. Она тоже выбита в проекции сверху и с перегородкой внутри кузова [108, табл. 7, 27]. Предположительно, этот рисунок может датироваться первой половиной – серединой II тыс. до н. э. При этом на передней части кузова у повозки из Тувы изображена голова быка. Такая композиция очень необычна и напоминает глиняные модели повозок с головой животного на передке, найденные на древнеземледельческих поселениях Туркмении.

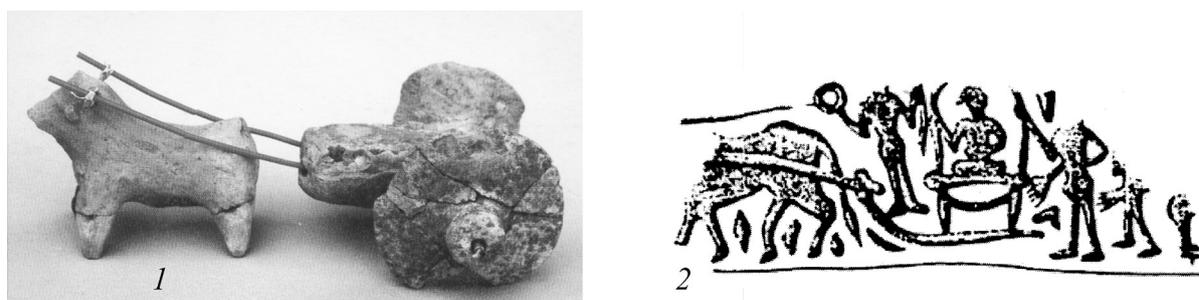

Рис. 21. Древнейшие изображения транспортных средств с оглоблями:

1 – Алтын-депе, Туркмения, 2400 лет до н.э. [32, рис. 7]; 2 – Арслан-тепе, юго-восточная Анатолия, период Урук [103, fig.1]

Проблема происхождения. Подводя итоги проведенного сравнительно-исторического анализа повозок, можно сделать определенные выводы о маршрутах появления древнейшего колесного транспорта в Минусинской котловине, провести переоценку существующих гипотез об истоках миграции его создателей. В частности, гипотеза о миграции населения на Енисей из Передней Азии [109, с. 56; и др.] на рассмотренном материале подтверждения не получает. Скорее здесь можно предполагать лишь опосредованные связи. Согласно еще одной гипотезе, истоки окуневской культуры связывались с Восточной Азией [110, с. 236; 111, с. 155]. Однако в III тыс. до н. э. повозки в Восточной Азии вообще не были известны. Это весомый факт, заставляющий отказаться от дальнейшего рассмотрения данной идеи. Высказывалась также гипотеза о контактах окуневской культуры и Хараппской цивилизации [27]. С позиций сравнения конструкции повозок подтверждения она тоже не находит, т. к. хараппские повозки имеют принципиально иную конструкцию с дышлом в виде одинарной жерди [112, taf. 721, 38; 723, 27–31; 728, 16–19]. Сходные с окуневскими повозки, уже рассмотренные выше, появляются в Индии лишь после арийского завоевания.

По наиболее аргументированной в последние годы гипотезе, истоки окуневской культуры следует искать в среде ямнотакатомбного населения Восточной Европы [54, с. 40; 113, с. 114]. Если это так, то можно было бы ожидать близкую конструкцию транспортных средств эпохи ранней бронзы

Минусинской котловины и степей Восточной Европы. Однако среди находок из Восточной Европы нет повозок с типичным для Минусинской котловины составным дышлом. Лишь в отношении одной повозки из ямного погребения высказывалось неподтвержденное предположение о возможном использовании составного дышла [34, с. 172]. Действительное сходство есть лишь между единичным рисунком дышла-рогатки на стеле из Красного Камня и формой дышла у повозок из Прикубанья [114, с. 21; 115, рис. 2, 2, 3; 53], а также у рисунков двухколесных повозок из Каменной Могилы [116, рис. 3, 1]. По другим конструктивным элементам (ярмо, кузов, колесо), несмотря на фрагментарность имеющихся материалов из степей Восточной Европы, также можно говорить скорее о различиях, чем о близком сходстве. Например, несмотря на большое число найденных здесь остатков колес, двухчастные дисковые колеса среди них пока не известны. Эти факты серьезно ослабляют данную гипотезу об истоках миграции окуневцев. В то же время в Европе в памятниках разных культур имеется серия находок сосудов-повозок, некоторые из которых могли выполнять ту же функцию, что и сосуды-жертвенники («курильницы») окуневской культуры [114, с. 23–24; 115, с. 148; 117, рис. 1, 1–4; 60, с. 56]. Их можно рассматривать как иное воплощение той же идеи, которая представлена изображением жертвенника-повозки на стеле из с. Усть-Бюрь. Однако придавать этому факту решающее значение в контексте происхождения окуневской культуры не стоит.

Идея отождествления сосуда-жертвенника с повозкой, тесно связанная с ритуалом, в эпоху бронзы могла иметь достаточно широкое распространение в степном поясе Евразии, подобно самим «курильницам», найденным уже не только в Восточной Европе и Минусинской котловине, но и на территории Узбекистана [118, рис. 2, 8], Синьцзяна [119, рис. 2, 8].

В целом, исходя из рассмотренных материалов, наиболее перспективен поиск аналогов окуневским повозкам, а значит и истоков окуневской культуры, в более западных или юго-западных по отношению к Минусинской котловине районах Центральной Азии. К сожалению, эпоха ранней бронзы этих территорий пока еще изучена слабо. Пути распространения повозок близкой конструкции по горным долинам и предгорьям указывают наскальные изображения на территории Российского Алтая, Верхнего Прииртышья, в горах Каратау. Теоретически, из западной части Центральной Азии к Саяно-Алтаю возможен еще один, более южный, путь: вдоль южных склонов Тянь-Шаня (Таримская впадина, Турфан и т. д.), но материалов оттуда пока недостаточно для какого-либо заключения. Вместе с тем южный путь мог бы лучше соответствовать особой роли антропоморфных ликов в окуневском наскальном искусстве, которые до сих пор не известны на территории Казахстана, но представлены в северо-западных районах КНР и в Монголии.

Что касается сложной проблемы языковой принадлежности мигрантов, то окуневские изображения дают возможность вместо общих теоретических рассуждений опереться на анализ связанных с самими транспортными средствами мифологических метафор. Они представлены в изобразительной форме, но, несомненно, отражают устойчивые мифопоэтические клише, существовавшие у населения Минусинской котловины. Сравнительный анализ набора таких метафор, с теми, что известны по дошедшим до нас текстам различных традиций, может помочь в изучении этого актуального вопроса. Выявленный набор мифологических метафор наиболее полные соответствия находит в индоевропейской мифологии. Но при этом конструкция повозок и профильная манера изображения указывают на связь традиции таких изображений не с Восточной Европой (степи которой многими учеными считаются источником расселения на восток индоевропейцев), а с западными районами Центральной Азии и, опосредованно, с Передней Азией. Думается, что это весьма важный факт для дальнейшего изучения путей миграции ранних скотоводов. Он требует более глубокого изучения роли в этих процессах древних культур западной части Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузьмина, Е. Е. Этапы развития колесного транспорта Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы (к проблеме миграции индоиранских племен) // ВДИ. – 1980. – № 4. – С.11–35.
2. Спасский, Г. И. О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими // Записки РГО. – Кн. XII. – СПб., 1857. – С. 117–187.
3. Appeltgren-Kivalo, H. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887-1889. – Helsingfors, 1931.
4. Грязнов, М. П., Шнейдер, Е. Р. Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. – Л., 1929. – Т. IV. – Вып. 2. – С. 63–93.
5. Ожередов, Ю. И. Некоторые дополнения к сюжетам двух памятников окуневского искусства // Окуневский сборник 2: культура и ее окружение. – СПб., 2006. – С. 212–218.

6. Максименков, Г. А., Флотский, А. М. Работы Минусинской экспедиции // Археологические открытия 1974 года. – М., 1975. – С. 218–219.
7. Пшеницына, М. Н., Пяткин, Б. Н. Курган Разлив Х – памятник окуневской культуры // Окуневский сборник 2: культура и ее окружение. – СПб., 2006. – С. 82–94.
8. Gruzanov, M. *Siberie du Sud*. – Geneve-Paris-Munich, 1969.
9. Вадецкая, Э. Б., Леонтьев, Н. В., Максименков, Г. А. Памятники окуневской культуры. – Л., 1980.
10. Кызласов, Л. Р. Древнейшая Хакасия. – М., 1986.
11. Леонтьев, Н. В. Колесный транспорт эпохи бронзы на Енисее // Вопросы археологии Хакасии. – Абакан, 1980.
12. Новоженов, В. А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии. – Алматы, 1994.
13. Киселёв, С. В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1951.
14. Грязнов, М. П. Писаница эпохи бронзы из дер. Знаменка // КСИИМК. – 1960. – Вып. 80. – С. 85–89.
15. Киселев, С. В. К изучению минусинских каменных изваяний // Историко-археологический сборник. – М., 1962. – С. 53–61.
16. Савинов, Д. Г. К вопросу о формировании окуневской изобразительной традиции // Окуневский сборник. – СПб., 1997. – С. 202–212.
17. Боковенко, Н. А. Отражение этапов развития транспорта в наскальном искусстве Енисея // Мир наскального искусства: сборник докладов междунар. конф. – М., 2005. – С. 37–40.
18. Шер, Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М., 1980.
19. Клейн, Л. С. Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. – СПб., 2010.
20. Липский, А. Н. Новые данные по афанасьевской культуре // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1961. – С. 269–278.
21. Francfort, H. P. Images du char en Eurasieorientale des origins a'la fin du 1er millenaire AV. J.-C. // Первобытная археология. Человек и искусство. – Новосибирск, 2002. – С. 80–89.
22. Пяткин, Б. Н. Происхождение окуневской культуры и истоки звериного стиля ранних кочевников // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. – Омск, 1987. – С. 79–83.
23. Шер, Я. А. Об одном из «великих переселений народов» // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул, 1994. – С. 42–44.
24. Кузьмина, Е. Е. Предыстория великого Шелкового пути: контакты населения евразийских степей и Синьцзяна в эпоху бронзы // ВДИ. – 1999. – № 1. – С. 163–177.
25. Хлобыстина, М. Д. Древнейшие южносибирские мифы в памятниках окуневского искусства // Первобытное искусство. – Новосибирск, 1971. – С. 165–180.
26. Леонтьев, Н. В. Стела с реки Аскиз (образ мужского божества в окуневском изобразительном искусстве) // Окуневский сборник. – СПб., 1997. – С. 222–236.
27. Соколова, Л. А. Окунево и Хараппа – свидетельства контакта // Древние культуры Евразии: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. – СПб., 2010. – С. 87–94.
28. Леонтьев, Н. В., Капелько, В. Ф., Есин, Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан, 2006.
29. Севастьянова, Э. А. Петроглифы горы Тунчух // Вопросы археологии Хакасии. – Абакан, 1980. – С. 103–107.
30. Devlet, M. A., Devlet, E. G. Felsbildermit Wagentdarstellungen in Sibirien und Zentralasien // Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa. – Mainz am Rhein, 2004. – S. 237–246.
31. Есин, Ю. Н. Семантика изображений рга в окуневском искусстве // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск, 2001. – С. 229–232.
32. Кирчо, Л. Б. Древнейший колесный транспорт на юге Средней Азии (новые материалы Алтын-депе) // АЭАЕ. – 2009. – 1 (37). – С. 25–33.
33. Littauer, M. A., Crouwel, J. H. Chariots with Y-poles in the ancient Near East // Littauer M. A., Crouwel J. H. Selected writings on chariots and other early vehicles, riding and harness. – Leiden-Boston-Köln, 2002. – P. 238–245.

34. Кожин, П. М. Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите – раннем железном веке (палеокультурология и колесный транспорт). – Владивосток, 2007.
35. Есин, Ю. Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник: сборник научных статей. – Барнаул, 2010. – С. 53–73.
36. Миклашевич, Е. А. Изображения на курганных плитах и стелах Хакасии (некоторые проблемы изучения и музеефикации) // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. – Кемерово, 2011. – С. 214–232.
37. Максименков, Г. А. Могильник Черновая VIII – эталонный памятник окуневской культуры // Вадецкая, Э. Б., Леонтьев, Н. В., Максименков, Г. А. Памятники окуневской культуры. – Л., 1980. – С. 3–26.
38. Кожин, П. М. Первые повозки // Вопросы истории. – 1986. – № 7. – С. 185–189.
39. Есаян, С. А. Из истории колесного транспорта древней Армении (по археологическим материалам) // Историко-филологический журнал. – Ереван, 1960. – № 3. – С. 141–151.
40. Горелик, М. В. Боевые колесницы Переднего Востока III – II тысячелетий до н.э. // Древняя Анатолия. – М., 1985. – С. 183–202.
41. Littauer, M. A., Crouwel, J. H. Selected writings on chariots and other early vehicles, riding and harness. – Leiden-Boston-Koln, 2002.
42. Даржа, В. К. Традиционные мужские занятия тувинцев. – Кызыл, 2009. – Т.1: Хозяйство, охота, рыбалка.
43. Радлов, В. В. Из Сибири: Страницы дневника. – М., 1989.
44. Миклашевич, Е. А. Некоторые дополнительные материалы в связи с публикацией плит из могильника Лебяжье // Вестник САИПИ. – 2003–2004. – Вып. 6–7. – С. 17–27.
45. Канторович, А. Р., Маслов, В. Е., Петренко, В. Г. Находка бронзовых элементов управления быками (носовых колец) в 2009 г. и проблема передневосточных связей майкопской культуры Северного Кавказа // Древность: историческое знание и специфика источника: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского. – М., 2009. – С. 49–51.
46. Кореневский, С. Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. – М., 2004.
47. Леонтьев, Н. В. Гравированные изображения животных в могильнике Черновая VIII // Вадецкая, Э. Б., Леонтьев, Н. В., Максименков, Г. А. Памятники окуневской культуры. – Л., 1980. – С. 27–34.
48. Рогудеев, В. В. Происхождение и распространение колесничества в южнорусских степях // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия: материалы III Междунар. Нижневожской археол. конф. (Астрахань, 18–21 октября 2010 г.). – Астрахань, 2010. – С. 116–121.
49. Littauer, M. A., Crouwel, J. H. Wheeled vehicles and ridden animals in the ancient Near East. – Leiden-Köln, 1979.
50. Миклашевич, Е. А. Окуневские лошади: к проблеме появления одомашненной лошади в Южной Сибири // Окуневский сборник 2: культура и ее окружение. – СПб., 2006. – С. 191–211.
51. Есин, Ю. Н. Тайна богов древней степи. – Абакан, 2010.
52. Есин, Ю. Н. Древнее искусство Сибири: самусьская культура. – Томск, 2009. (Труды Музея археологии и этнографии Сибири, Т. 2).
53. Лазаретов, И. П. К вопросу о компонентном составе окуневской культуры // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул, 1994. – С. 52–53.
54. Лазаретов, И. П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. – СПб., 1997. – С. 19–64.
55. Есин, Ю. Н. Окуневское искусство и проблема таежных охотников // Проблемы материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран: тезисы докладов Всероссийской науч. студен. конф. – Сыктывкар, 1995. – С. 3–5.
56. Леонтьев, Н. В. Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: Неолит и эпоха металла. – Новосибирск, 1978. – С. 88–118.

57. Елизаренкова, Т. Я., Топоров, В. Н. Мир вещей по данным Ригведы // Ригведа Мандалы V–VIII. – М., 1999. – С. 487–525.
58. Кузьмина, Е. Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // ВДИ. – 1974. – № 4. – С. 68–87.
59. Есин, Ю. Н. О некоторых проблемах интерпретации изображений эпохи бронзы Центральной и Северной Азии // АЭАЕ. – 2005. – № 2 (22). – С. 114–128.
60. Евсюков, В. В., Комиссаров, С. А. Бронзовая модель колесницы эпохи Чуньцю в свете сравнительного анализа колесничных мифов // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. – Новосибирск, 1984. – С. 52–67.
61. Кубарев В. Д. Памятники каракольской культуры Алтая. – Новосибирск, 2009.
62. Леонтьев, Н. В. Два окуневских кургана долины реки Уйбат // Проблемы изучения окуневской культуры. – СПб., 1995. – С. 26–28.
63. Кирюшин, Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул, 2002.
64. Пяткин, Б. Н. Повозка – колесница – «скифский Арес» (трансформация семантики мотива) // Проблемы археологии степной Евразии: тез. докл. – Кемерово, 1987. – С.125–127.
65. Пяткин, Б. Н., Миклашевич, Е. А. Сейминско-турбинская изобразительная традиция: пластика и петроглифы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М., 1990. – С. 146–153.
66. Akurgal, E. The Hattian and Hittite Civilizations. – Ankara, 2001.
67. Есин, Ю. Н. Анатомический код в искусстве самусьской и окуневской культур // Сборник, посвящ. 80-летию юбилею М. Ф. Косарева и С. В. Студзицкой. – Томск, 2011. В печати.
68. Раевский, Д. С. Скифский звериный стиль: поэтика и прагматика // Древние цивилизации Евразии. История и культура: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Б. А. Литвинского. – М., 2001. – С. 364–381.
69. Акишев, А. К. Искусство и мифология саков. – Алма-Ата, 1984.
70. Рогожинский, А. Е. Образы и реалии древнеземледельческой цивилизации Средней Азии в наскальном искусстве эпохи бронзы Южного Казахстана и Семиречья // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы: материалы Междунар. науч. конф. – Кемерово, 2011. – Т. 2. – С. 87–99.
71. Littauer, M. A., Crouwel, J. H. Terracotta models as evidence for wheeled vehicles with tilts in the ancient Near East // Littauer M.A., Crouwel J.H. Selected writings on chariots and other early vehicles, riding and harness. – Leiden-Boston-Köln, 2002. – P. 380–402.
72. Мнацаканян, А. О. Древние повозки из курганов бронзового века на побережье оз. Севан // СА. – 1960. – № 2. – С.139–152.
73. Piggott, S. The earliest wheeled transport from the Atlantic to the Caspian sea. – London, 1983.
74. Петросян, Л. Н. Страницы из истории развития транспортных средств в Армении // Историко-филологический журнал. – Ереван, 1966. – № 3. – С. 203–214 (на армянском языке).
75. Рогудеев, В. В. Комплексы с повозками позднекаменного времени и проблема колесничества // Происхождение и распространение колесничества. – Луганск, 2008. – С. 70–89.
76. Марковин, В. И. Наскальные изображения предгорий Дагестана. – М., 2006.
77. Кожин, П. М. К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатолия. – М., 1985. – С. 169–182.
78. Кадырбаев, М. К., Марьяшев, А. Н. Петроглифы хребта Каратау. – Алматы, 2007.
79. Сарияниди, В. И., Дубова, Н. А. Новые гробницы на территории «царского некрополя» Гонура // На пути открытия цивилизации: сборник статей к 80-летию В. И. Сарияниди. – СПб., 2010. – С. 144–171.
80. Сарияниди, В. И. Задолго до Заратуштры (археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане). – М., 2010.
81. Мургабаев, С. С. Үлкен Каратау жартас суреттерін мерзімдеу маселесі // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных наук. – Алматы, 2011. – Вып. 3 (282). – С. 26–36 (на казахском языке).
82. Рогожинский, А. Е., Аубекеров, Б. Ж., Сала, Р. Памятники Казахстана // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. – Алматы, 2004. – С. 45–92.

83. Караханян, Г. О., Сафян, П. Г. Наскальные изображения Сюника. – Ереван, 1970.
84. Массон, В. М. Алтын-депе. – Л., 1981.
85. Самашев З. Петроглифы Казахстана. – Алматы, 2006.
86. Швец, И. Н. Сюжеты окуневского изобразительного типа в наскальном искусстве Казахстана // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы: материалы Междунар. науч. конф. – Кемерово, 2011. – Т.2. – С. 134–138.
87. Мургабаев, С. С. Үлкен Каратау жартас суретеріндегі ежелгі жылқы бейнелерін мерзімдеу // Алаш. – 2009. – № 3 (24). – С. 94–102 (на казахском языке).
88. Аванесова, Н. А. Анималистические находки эпохи бронзы Зеравшанской долины // Археология Южной Сибири. – Вып. 25. – Кемерово, 2011. – С. 111–120.
89. Окладникова, Е. А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай (характеристика изобразительных особенностей и хронология) // Материальная и духовная культура народов Сибири. – Л., 1988. – С. 140–158.
90. Черемисин, Д. В. Наскальная композиция с изображением колесницы и «танцоров» из Чаганки (Кара-Оюк), Алтай // АЭАЕ. – 2003. – 4 (16). – С. 57–63.
91. Новоженев, В. А. Петроглифы Сары-Арки. – Алматы, 2002.
92. Черемисин, Д. В., Борисова, О. В. Колесный транспорт в наскальных изображениях Синьцзяна и Внутренней Монголии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2: Горизонты Евразии. – Новосибирск, 1999. – С. 129–134.
93. Щетенко, А. Я. Колесницы и повозки древней Индии // Происхождение и распространение колесничества. – Луганск, 2008. – С. 233–275.
94. Кузьмина, Е. Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М., 1994.
95. Sankalia, H., Ansari, Z., Dhavalikar, M. An Early Farmer's Village in Central India // Expedition. – 1975. – V. 17. – №2. – P. 2–11.
96. Щетенко, А. Я. Первобытный Индостан. – Л., 1979.
97. Züchner, C. Frühbronzezeitliche Wagen und Transportmittel in der Felskunst Süd- und Südwesteuropas // Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa. – Mainz am Rhein, 2004. – S. 399–408.
98. Shlichtherle, Y. Wagenfunde aus den Seeufersiedlungen im zirkumalpen Raum // Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa. – Mainz am Rhein, 2004. – S. 295–314.
99. Слободзян, М. Б. К вопросу о возникновении плановой проекции в изображении колесного транспорта // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М. В. Ломоносова: тезисы докладов юбилейной конференции. – М., 1999. – С. 112–115.
100. Слободзян, М. Б. Изображения повозки и плуга в европейских петроглифах // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. – СПб., 2000. – С. 158–173.
101. Петросян, Л. Н. Армянские народные сухопутные средства передвижения // Кавказский этнографический сборник. – Вып. V. – М., 1972. – С. 98–118.
102. Погребова, М. Н. Печати митаннийского стиля из Закавказья как исторический источник // ВДИ. – 2000. – № 4. – С. 145–150.
103. Littauer, M. A., Crouwel, J. H. Ceremonial threshing in the ancient Near East // Littauer, M. A., Crouwel, J. H. Selected writings on chariots and other early vehicles, riding and harness. – Leiden-Boston-Koln, 2002. – P. 329–335.
104. Bakker, J. A., Kruk, J., Lanting, A. E., Milisauskas, S. The earliest evidence of wheeled vehicles in Europe and the Near East // Antiquity. – 1999. – №43. – P. 778–790.
105. Савинов, Д. Г. Изображение четырехколесной повозки на плите из могильника Есино V // Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. – Кемерово, 2002. – Вып. 5. – С. 27–30.
106. Ковалева, О. В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. – Новосибирск, 2011.
107. Руденко, С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.-Л., 1953.
108. Дэвлет, М. А. Памятники на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). – М, 1998.
109. Бобров, В. В. К проблеме миграции европеоидного населения на территорию Южной Сибири в сейминскую эпоху // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в

- древности и средневековье. – Барнаул, 1994. – С. 53–56.
110. Соколова, Л. А. Характеристика и типология окуневского керамического комплекса // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб., 2002. – Кн. I. – С. 230–236.
111. Наглер, А. К вопросу о типе хозяйства носителей окуневской культуры // Первобытная археология. Человек и искусство. – Новосибирск, 2002. – С. 151–155.
112. Muller-Karpe, H. Handbuch der Vorgeschichte. Bd.3. Kupferzeit. – Munchen, 1974.
113. Подольский, М. Л. Феномен и парадоксы Минусинской степи (смена культурных доминант) // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез: сборник научных статей. – СПб., 2007. – С. 113–128.
114. Избицер, Е. В. Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа III–II тыс. до н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1993.
115. Гей, А. Н. Новотиторовская культура. – М., 2000.
116. Пустовалов, С. Ж. Ямно-катакомбные транспортные средства и критерии выделения боевых колесниц эпохи бронзы // Происхождение и распространение колесничества. – Луганск, 2008. – С. 99–111.
117. Мамонтов, В. И. Глиняные модели «транспортных средств» катакомбной культуры из Волгодонских степей // Древние культуры Евразии: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. – СПб., 2010. – С. 68–71.
118. Аванесова, Н. А., Джуракулова Д. М. Древнейшие номады Зеравшана // Культура номадов Центральной Азии: Материалы международной конференции, Самарканд, 22–24 ноября 2007 г. – Самарканд, 2008. – С. 13–33.
119. Ковалев, А. А. Великая чечурчекская миграция из Франции на Алтай в начале третьего тысячелетия до н. э. // Российский археологический ежегодник. – №1. – СПб., 2011. – С. 183–244.
120. Samashev, Z. Petroglyphs of the East Kazakhstan as a historical sources. – Almaty, 1993.
121. Rozwadowski, A. Symbols through Time: Interpreting the Rock Art of Central Asia. – Poznan, 2004.
122. Байпаков, К.М., Марьяшев, А.Н. Петроглифы в горах Кульжабасы. – Алматы, 2004.
123. Magail, J. Missions archeologiques au Mont Bego // Origin de l'Homme et Peuplement de la Terre. – Monaco, 2007. – S. 60–62.

ИЗОБРАЖЕНИЯ ЛОШАДИ НА ДВУХ БРОНЗОВЫХ НОЖАХ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

П. Б. Амзараков

УДК 903.27

Статья вводит в научный оборот два бронзовых ножа с изображением лошади, связанных с тагарской археологической культурой скифского времени Минусинской котловины. Рассматривается их датировка, приводятся стилистические и типологические аналогии.

Ключевые слова: тагарская археологическая культура, скифо-сибирский звериный стиль, бронзовый нож, лошадь, Минусинская котловина, археология.

Отличительной чертой скифской эпохи является особый анималистический стиль в искусстве, получивший название скифо-сибирского звериного стиля. Изображениями животных в этом стиле декорировались многие категории предметов: оружие, украшения и предметы быта. Раскопки погребений на Алтае показали, что даже тела людей покрывали татуировки с изображениями стилизованных животных.

На территории Минусинской котловины, тоже входящей в ареал скифо-сибирской культурной общности, предметы, выполненные в зверином стиле, распространяются вместе с появлением тагарской археологической культуры. Памятники Минусинской котловины не отличаются хорошими условиями для сохранения органических материалов, но зато выделяются большим количеством различных бронзовых предметов с изображениями животных.

Наиболее часто в Минусинской котловине встречаются образы горного козла, кабана, грифона и оленя. Значительно реже предметы украшают хищные животные, такие как волк или пантера. И, наконец, совсем редко встречается здесь изображение лошади. Известно не более двух десятков предметов, где присутствует этот образ. Данная статья посвящена введению в научный оборот двух таких изделий.

Одно из них – цельнолитой пластинчатый нож размерами 16,6 x 1,7 см с дугообразно изогнутой спинкой и односто-

ронне заточенным лезвием (рис. 1, 1). На конце рукояти ножа изображена объемная фигурка лошади с прямыми заходящими на рукоять ногами. Животное показано с прямой шеей и горизонтально расположенной головой. Анатомические особенности лошади переданы с помощью сглаженных рельефных линий, воспроизводящих округлое бедро, плечевой сустав, щеки, глаз и переднюю часть морды. Под туловищем животного имеется небольшое отверстие, которое, вероятно, могло служить для подвешивания ножа либо для крепления кожаной обмотки рукояти. Поверхность ножа имеет следы покрытия оловянной полудой. Предмет происходит из категории случайных находок и был обнаружен в начале XX в. у деревни Колмаково Минусинского района.

Подобный нож, но украшенный фигуркой лося, был найден в 1930 г. в составе археологического комплекса в могильнике у Подгорного озера (раскопки С. А. Теплоухова). Находка еще одного идентичного ножа зафиксирована М. П. Завитухиной при раскопках могильника Кичик-Кюзюр в 1965 г. Датировка этих предметов по комплексам определяется в пределах VII–VI вв. до н. э. [1, с. 62]. По мнению Н. Л. Членовой, ножи с фигурами животных на конце рукояти, у которых конечности спущены на рукоять, бытовали в Минусинской котловине в течение VI в. до н. э., а к началу V в. до н. э. уже полностью исчезли [2, с. 117].

Следующий предмет с изображением лошади также представляет собой пластинчатый нож с дугообразно изогнутой спинкой (рис. 1, 2). Его размеры – 18,4 x 2,5 см. На месте перехода рукояти в клинок имеется стилизованное изображение головы грифона с клювом в виде S-образного завитка. Глаз показан в виде рельефного кружка с ямкой в центре. Край рукояти, сохранившейся не полностью (небольшой фрагмент ее был утрачен), декорирован рельефными бортиками с насечками, а в центре нанесено выпуклое изображение лошади с выгнутыми вперед ногами. Шея животного образует плавную дугу, голова наклонена вниз, рот приоткрыт, конечности заканчиваются копытцами, переданными в виде шариков. Этот нож, как и описанный выше, относится к категории случайных находок начала XX в. на территории бывшего Минусинского округа. Условия находки и точное место не известны. Датировать этот нож можно только по косвенным признакам. Например, голова грифона, расположенная в месте перехода рукоятки в лезвие, имеет выпуклый глаз, обозначенный кантиком. Этот признак характерен для ранних изображений, существовавших в VI–V вв. до н. э. [3, с. 119]. На ранний возраст указывает также массивность самого предмета и наличие явно выраженного уступа между лезвием и рукояткой. Поздние ножи меньше и тоньше, а рукоять у них неравномерной ширины с изгибом по внутреннему краю [4, с. 5, с. 105]. Кроме того, такой декоративный прием, как оформление рельефными бортиками ручки ножа или кинжала, существовал также на ранних этапах тагарской культуры [4, с. 8].

Аналогичные изделия с подобным изображением лошади, выполненным в бронзе, на сегодняшний день не известны. Такой тип трактовки фигуры животного редко встречается в местном искусстве. Нечто похожее можно усмотреть лишь в петроглифах. Например, на одной из плит кургана Тигей в Усть-Абаканском районе Хакасии (рис. 2), где в сцене охоты показаны животные, сочетающие в себе признаки лошадей и хищников

[5, 105]. Исключая когтистые лапы и загнутый верх «крючок» хвоста, абрис их фигуры сильно напоминает изображение лошади на описываемом ноже.

Таким образом, публикуемые предметы дополняют наши представления об использовании образа лошади в искусстве тагарских племен Минусинской котловины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Завитухина, М. П. Древнее искусство на Енисее. – Л., 1983.
2. Членова, Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М., 1967.
3. Членова, Н. Л. Происхождения и ранняя история племен тагарской культуры. – М., 1967.
4. Завитухина, М. П. Древнее искусство на Енисее. – Л., 1983.
5. Седых, В. Н., Марсадолов, Л. С. О возможных прототипах тагарских бронзовых наверший // Теория и практика археологических исследований. – Вып. 5. – Барнаул, 2009.

Рис. 1. Ножи с изображением лошади:
1. Фонды МКМ, № 4030; 2. Фонды МКМ, № 1976

Рис. 2. Петроглифы на одной из плит ограды кургана Тигей (по: 5, рис. 4)

ДРЕВНЕХАКАССКОЕ ГОСУДАРСТВО

В. В. Ушницкий

УДК 94 (571.513)

Статья посвящена Кыргызскому каганату на Енисее как первому государству на территории Сибири. В статье доказывается, что Кыргызский каганат на Енисее не является кочевой империей, а подпадает под определение раннего государства. Этническая преемственность между кыргызами и хакасами прослеживается в родовом составе хакасского этноса. Анализируется роль и значение эпохи кыргызского великодержавия на территории Центральной Азии.

Ключевые слова: история Сибири, хакасы, раннее государство, кочевое вождество, енисейские кыргызы.

В Минусинской котловине еще в бронзовом веке появились предпосылки для появления предгосударственной организации. Богатая мифология обитателей окуневской культуры, наличие оборонительных сооружений и святилищ свидетельствует о том, что уже тогда, на заре бронзового века, окуневцы стояли на стадии формирования государственной организации. Тагарскую культуру раннего железного века связывают с народом динлин из китайских источников. Массивные каменные курганы типа Барсучьего лога и Салбыкского кургана могли возводить только большие массы народа, имеющие отличную организацию и сильную сакральную власть. Поэтому носителей тагарской культуры связывают с упоминанием в ханьских источниках Динлин-го, при этом иероглиф «го» в китайской традиции обозначает государство. Археолог А. И. Мартынов считает, что уже в раннем железном веке в Южной Сибири образовались государственные организации.

На государственное наследие енисейских кыргызов претендуют два тюркоязычных народа: хакасы и киргизы. Поэтому исследователи этнической и политической истории енисейских кыргызов разделяются на тех, которые отождествляют хакасов со средневековыми кыргызами, и тех, которые связывают с ними Тянь-шаньских киргизов. К ученым, которые считают государство енисейских кыргызов государством предков

хакасского народа, можно отнести С. В. Бахрушина, Л. Р. и И. Л. Кызласовых, В. Я. Бутанаева, С. А. Угдыжекова. К исследователям, изучавшим Кыргызский каганат в качестве государства киргизского народа, примыкают К. Е. Петров, Ю. С. Худяков и И. Б. Молдобаев. Киргизские ученые гибель Кыргызского каганата обычно связывают с вторжением армии Чингисхана, затем Хубилая и с переселением киргизов на Тянь-Шань. Проблема зарождения Кыргызского государства на Енисее чрезвычайно актуальна в связи с тем, что это не только первое самостоятельное государство на территории Сибири, но и, пожалуй, единственное построенное сибирскими народами, если не считать Сибирского ханства, имевшего династические корни в мангытской среде.

В Синь-Таньшу и тексте памятника Кюльтегину о кыргызах-гяньгунях говорится как о малочисленном народе. Поэтому Л. Р. Кызласов предполагал, что кыргызы были не особым народом, а аристократической группой среди древних хакасов. Род кыргыз занимал главенствующее положение в государстве, население которого составляли разноязычные родо-племенные группы, орхонские тюрки и уйгуры, поэтому все население государства обозначали под именем «кыргызы». Для народа государства Енисей Л. Р. Кызласов придумал термин «хакас», взятый им из китайских источников [1, с. 62].

В китайских источниках, относящихся ко времени правления династии Тан, название племени гяньгунь (цзянькунь) эпохи династии Хань и шаньюя Маодунь стало отождествляться со средневековым обозначением кыргызов хягясами, хагасами (сяцзясы): «Хакас есть древнее государство Гяньгунь». В рунических памятниках упоминаются кыргызы, отождествление их с хягясами (сяцзясами) и гянгунями (цзянькунями) в китайских летописях стало неоспоримым [2]. Постольку этнонимы «хакас» и «кыргыз» выступают в качестве синонимов, то, говоря о енисейских кыргызах, мы под ними будем подразумевать хакасов.

Но отдельное мнение по этому поводу имел Н. В. Кюнер, который считал, что этнонимы «хакасы» и «кыргызы» в монгольскую эпоху XIII в. обозначали различные группы (части) одного и того же народа. Для имени кыргыз существуют более ранние транскрипции — гйегу, гйегунь, гяньгунь, поэтому термин «хягас» имеет самостоятельное происхождение [3].

Этноним «кыргыз» считается экзотонимом, поэтому в енисейских надписях этот термин никогда не встречается. Он отмечен в единственной надписи из Суджи, Монголии, на земле кыргызов, после завоевания его кыргызами в середине IX в.: «Я сын кыркызов» [4, с. 311].

Енисейские кыргызы, разгромив своих врагов – древних уйгуров, выходят в степи Центральной Азии и начинают подчинять своей власти древнетюркские и телеские племена. Вероятно, именно в эту эпоху кыргызского великодержавия в Ала-тоо и Тянь-Шань постепенно просачиваются кыргызские племена и начинают ассимилировать другие тюркские племена. Таким образом, власть кыргызского Ажо, объявившего в 820 г. себя каганом, распространяется на обширные районы Центральной Азии. Родственными связями были привязаны к новой Центральноазиатской империи тюргеши и карлуки, ранее имевшие свои каганаты – наследников Древнетюркского каганата [5, с. 355].

Титул государя «древних хакасов» Ажэ Л. Р. Кызласов отнес к самодийской лексике:

ассе – «отец страны» [6, с. 81]. С. Е. Яхонтов и Г. П. Супруненко попытались реконструировать термин «ажэ» как «инал». Как сообщал Абульгази в XVII в.: «Киргизы своего правителя называют Иналь: это слово у них тоже, что у Монголов (каан) и Таджиков падишах». Е. И. Кычанов на основе китайских источников термин «ажэ» считает и титулом, и клановым именем (син) правящего дома [7, с. 123].

Гораздо более убедительным является вывод В. Я. Бутанаева: азы, или народ «ач», древнеенисейских эпитафий соответствует названию династии Ажо. Согласно китайским летописям, фамилия Ажо происходила из одного рода с царствующим в Китае Домом Тан, уходящем своими корнями к знаменитому полководцу Ли Лину. В подтверждение своей версии В. Я. Бутанаев приводит наличие сеока «ажыг» в составе хакасов [8, с. 116].

Период IX–X вв. академик В. В. Бартольд назвал «кыргызским великодержавием». В результате термин «кыргызское великодержавие» настолько прижился в отечественной научной литературе, что не обсуждаются ни его историческая правомерность, ни рамки, в которые включают памятники «кыргызского великодержавия». П. П. Азбелев отмечает тот факт, что в китайской летописи почти не записывали хронику Кыргызской державы. Следовательно, не было «кыргызского великодержавия». Сам термин возник в пору становления киргизской государственности в рамках СССР. В. В. Бартольд по нему предложил публицистическую формулу. Л. Н. Гумилев отводил кыргызам лишь роль разрушителей. По утверждению П. П. Азбелева, часть считающихся кыргызскими признаков, распространившихся в южносибирских культурах в конце I тыс., имеет на самом деле не кыргызское, а восточноевропейское происхождение; кыргызы усвоили их наравне с другими южносибирскими народами [9, с. 112–113].

По утверждению С. А. Васютина, Кыргызский каганат относился к кочевым ксенократическим империям, представлявшим собой суперсложное вождество [10, с. 120–121].

По мнению Н. Н. Крадина и Т. Д. Скрынниковой, власть в кочевых империях опирается не на разветленных гражданских чиновников, не на фискальную систему, государственный суд и письменный закон, а на кочевые традиции и институт престижной экономики (распределение военной добычи, дани). Третья ступень представлена двумя формами: типичными и данническими. В типичной империи номадов данничество охватывает наименее престижные группы кочевников, которые поставляли скот, и оседлое население таежных окраинных областей (кыштымов) [10, с. 122].

Обычно утверждается, что енисейские кыргызы, в отличие от степных предшественников, после разгрома своих противников не распространились по территории Центральной Азии, а продолжали жить в Минусинской котловине, то есть кыргызы не воспользовались плодами своей победы. Только Е. И. Кычанов отнес новые племена: керейтов и найманов, появившихся на территории Монголии в X в., – к племенам «кыргызского великодержавия», которые могли быть племенами, выделившимся из кыргызского союза племен. Намеки на этот счет имеются у Рашид ад-Дина. Так, он считает керейтов племенем, прикочевавшим с запада, с Иртыша, найманов – коренным населением Кема (Енисея), откуда их вытеснили кыргызы. Действительно, керейты, состоявшие из племен сакаит, тунгкаит, тумаут, вполне могли иметь южносибирское происхождение. Сами керейты (керетцы) были представлены в составе енисейских кыргызов в XVII в.

Т. Барфилд поражается неспособности кыргызов осуществлять политику экспансии. Они не создали кочевую империю в Центральной Азии. Кочевая империя требует умелого руководства, кыргызы не создали такого управления. Они, победив уйгуров, не воспользовались плодами своей победы. После их прихода степи Центральной Азии охватил хаос и анархия. Проживая вдали от мировых торговых путей, они не понимали его значение. Превосходные воины оказались

никудышными политиками. Они превратили Монголию в захолустье. Единственным их желанием оказалось захватить Карабалгасун и ограбить его. Таким образом, кыргызы подвергаются исторической критике, так как не вымогали подарков с цивилизованного Китая [11].

Политическая история Кыргызского каганата прекрасно вписывается в геополитическую модель окраинного преимущества Р. Коллинза. Согласно этой модели, общество с наименьшим числом противников на прилегающих территориях имеет тенденцию побеждать в конфликтах и увеличивать свое преимущество. С течением времени окраинное преимущество пропадает, периферия становится центром и подвергается военному давлению извне. Поэтому военные победы кыргызов в Центральной Азии оказались недолговечными.

В эпоху Великодержавия существенно расширились границы каганата на востоке, севере, западе и, как было сказано, на юге. Стали кыштымами кыргызов воинственные племена бома страны Пестрых лошадей, живших на территории современного Красноярского края и Кемеровской области. В результате они полностью исчезают как самостоятельное объединение, вместо них появляется многочисленное племя куштемей. Кыргызы Енисея доходили вплоть до Байкала. На востоке в пределы кыргызских владений вошла долина р. Кан, на севере – Ачинско-Мариинская лесостепь и долина Енисея вплоть до устья Ангары. В этих районах обнаружены кыргызские памятники IX–X вв. н. э. На западе и северо-западе в орбиту кыргызского влияния вошли Северный Алтай, Притомье и лесостепное Приобье [12, с. 141].

В державу кыргызов входила Ангола, в этом названии можно увидеть Ангару. Следовательно, Приангарье, под этим термином подразумевается все Прибайкалье, могло входить в состав Кыргызского каганата. Но под Анголой, т. е. Ангарой, мог подразумеваться Средний Енисей, сливающийся с Ангарой при ее впадении. Само имя бурятов

соотносимо с этнонимом «бурут», выступающий в качестве названия сеока саяно-алтайских тюрков и обозначения тяньшаньских кыргызов.

Енисейские кыргызы могли участвовать в этногенезе саха. Об этом свидетельствует существование якутских легенд о племени кыргысов, проживавшего на Средней Лене во времена прихода с юга прародителей саха – Омогоя и Эллэя. Фольклорные сведения о существовании погребального обряда с трупосожжением у легендарных кыргысов свидетельствует о реальности проникновения на Среднюю Лену представителей енисейских кыргызов, имевших подобный обряд. В то же время в некоторых легендах сами прародители народа происходят от народа кыргыз. Прародитель саха Эллэй в большинстве случаев происходит из племени кыргысов. Кыргыз Сарабай Баай и его дочь Сахары, или Сайсары, считаются предками народа саха. Следовательно, кыргызы реально могли участвовать в этногенезе бурятского и якутского народов на территории Прибайкалья.

В монгольскую эпоху страна кыргызов состояла из пяти областей: Кяньчжоу (р. Кемчик), Иланьчжоу (илан – змея), Анкэла (Ангара), Ханьхана (Хапханас) и Усы. В них входят Енисейский край (Кем), степная часть Южной Тувы, Приангарье, видимо, район Среднего Енисея и Северного Приангарья, высокогорная Тоджа (капкан) и долина реки Ус. Таким образом, можно сказать, что в монгольскую эпоху Кыргызское государство переживало период феодальной раздробленности.

По словам Л. Р. Кызласова, в областях Киргиз и Кэм-Кэмджиут в XIII в. политическое господство принадлежало феодалам из рода кыргыз. По данным «Юаньши», кыргызы возникли в результате смешения 40 девушек земли Хань с мужчинами Усы. По свидетельству Рашид ад-Дина, в областях Киргиз и Кэм-Кэмджиут было много городов [1].

Население Кыргызского каганата платило налоги пушниной, соболями и бел-

ками. Совершеннолетние мужчины всех бу считались военнообязанными и должны были нести повинности, были «теми, кто обязан служить и работать» [7, с. 124]. В Кыргызском государстве налоги и дань взимались натурой. Китайские источники сообщают: «Ясачные вносят подати соболями и белкою». В памятниках рунической письменности встречается слово «йака» – плата, вознаграждение [8, с. 122]. Первыми в Сибири ясак в виде пушнины стали взимать не служилые люди московского государя, не татаро-монгольские завоеватели, а енисейские кыргызы.

Ясак кыргызов был систематическим, почти «окладным сбором», который нормировался только княжеским рангом. Кроме пушнины, железных и других изделий, а также скота, ясак брали с кыштымов и хлебом. Кыргызские князья эксплуатировали кыштымов и путем различных торговоростовщических операций, которые носили кабальный характер. Долговые платежи превращались в тот же албан (ясак), который вносился князьям-кыргызам [1, с. 151].

Кыргызский каган имел свое законодательство. За воровство полагалась смертная казнь. За мятеж, измену и дезертирство из рядов армии также наказывались подобным образом. Кыргызский каган имел ставку в горах, городке, окруженном частоколом [1, с. 125].

Кыргызами управляли семь цзайсянов и три тутука, которые управляли бу (подразделениями государства, крупными административными единицами), десятью посыльными (чжиши), пятнадцатью делопроизводителями (чжанши), непостоянным количеством генералов (сангунов) и тарханов (сборщиков налогов) [7, с. 124].

В енисейских эпитафиях сохранилось полная титулатура аристократии енисейских кыргызов. Так, в рунической надписи, найденной на территории Тувы (Чаа-Холь II), упоминается имя Эльчи-чор Кюч Барс. Чор – наследственный и должностной титул, дававшийся молодым людям, которым предстояло занять высшие посты в государстве, т. е. 'наследный принц'; эльчи означает

присланный, командированный из центра; *барс* отражает родовое имя (фамилию); эпитет *кюч* 'сила' собственное почетное именование меморианта [4, с. 107].

Таким образом, Древнехакасскую державу, или Кыргызский каганат, нельзя назвать кочевой империей, т. е. суперсложным вождеством, зато она вполне соответствует понятию раннего государства. Н. Н. Крадин считает приемлемым называть организацию управления государством, если она состоит из большего числа людей [10]. То есть наличие бюрократии свидетельствует о существовании государства. Как мы видим, у древних хакасов, или кыргызов, существовали разветвленный бюрократический аппарат и взимание налогов.

Признаками наличия раннего государства являются существование специальных чиновников, аппарата судей, письменного свода законов [10, с. 281]. Кыргызский каганат обладал всеми этими признаками.

Фольклорные источники хакасов подтверждают историческую преемственность от кыргызов. Наиболее почитаемым героем хакасских преданий является Ир Тохчын. Он жил в устье р. Абакан под горой Ызых, был великим богатырем и прекрасным хайджи. Имя культурного героя восходит к древнетюркским словам: *ир* – «муж, воин» и титул *тохчын* (туксин) – «человек, занимающий третью после хана ступень в тюркской административной иерархии» [8, с. 159].

Как видно, Кыргызское государство имело все признаки раннего государства. Это и развитая титулатура, показывающая наличие управленческого аппарата, и государственная религия в виде манихейских культов, и взимание ясака – налога, также своя письменность. Наследниками этого государства можно считать и другие тюркоязычные народы Южной Сибири. В период великодержавия кыргызы распространились вплоть до Байкала и Северной Монголии, Западной и Восточной Сибири. Изучение первого сибирского государства может стать чрезвычайно актуальным в связи со значением Сибири в экономике России.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. – М., 1993.
2. Худяков, Ю. С. Проблемы истории древних кыргызов (первоначальное расселение) // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 5.
3. Кюннер, Н. В. Китайские историки-летописцы о хакасах // Зап. Хакасского НИИЯЛИ. – Вып. 3. – Абакан, 1954.
4. Кормушин, И. В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. – М., 2008.
5. Бичурин, Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т. I. – М.-Л., 1950.
6. Кызласов, Л. Р. Городская цивилизация Средней и Северной Азии: исторические и археологические исследования. – М., 2006.
7. Кычанов, Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. – М., 1997.
8. Бутанаев, В. Я. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. – Абакан, 2008.
9. Азбелев, П. П. Об инновациях IX в. в южно-сибирских культурах // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Вып. 6: сборник научных трудов. – Горно-Алтайск, 2007. – С. 106–115.
10. Базаров, Б. В., Крадин, Н. Н., Скрынникова, Т. Д. Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. – Улан-Удэ, 2008.
11. Барфилд, Т. Опасные границы. Кочевые империи и Китай. – СПб., 2009.
12. Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности) / гл. ред. В. Я. Бутанаев; научн. ред. В. И. Молодин. – Абакан, 2008.

КОМПЛЕКС СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ОТ ХОЛОДА У ЯКУТОВ

С. И. Петрова

УДК 903.2

В данной статье дается анализ теплозащитной функции зимней одежды и комплекса средств индивидуальной защиты от холода (протекторы), вышедшие из употребления в начале XX века и в настоящее время хранящиеся в различных музейных фондах. Основное внимание автор акцентирует на описание материала, технологии изготовления и функциональных теплозащитных свойств традиционной зимней одежды и протекторов. В статье рассмотрены и этнокультурные параллели традиционной одежды.

Ключевые слова: одежда, мех, защита от холода, оригинальность, уникальность, налобник, наносник, запястник, набедренник, нагрудник, натазник.

В последние годы возрос научный интерес к комплексному анализу одежды в общей системе материальной и духовной культуры якутов. Появились достаточно основательные исследования историко-этнографического, культурологического характера, посвященные анализу структурно-семантических и художественно-конструктивных особенностей якутской традиционной одежды. Прежде всего следует отметить работу искусствоведа Р. С. Гаврильевой [1], посвященной историко-этнографическому исследованию традиционной якутской одежды. В I главе она рассматривает бытовые и обрядовые функции натазников, ноговиц и набедренников. Л. Н. Расторгуева [2] в своих исследованиях рассматривала очень важную проблему современной разработки и методов проектирования одежды на основе традиционной технологии изготовления якутской одежды. Но в её работе анализ традиционных средств индивидуальной защиты от холода (протекторов) были весьма фрагментарными, основной акцент был сделан на современные технологические приемы изготовления протекторов. Семантическая структура и символический комплекс ритуальных видов якутской одежды рассматривались автором этих строк, но теплозащитная функция одежды осталась вне поля исследования, так как основной акцент был уделен ритуально-обрядовой функции одежды [3]. Неко-

торые элементы старинных протекторов, как меховое боа, нагрудники, были рассмотрены в работе М. А. Тырылгина [4]. Искусствоведческие аспекты якутской народной одежды отражены в работах искусствоведов З. И. Ивановной-Унаровой [5] и З. М. Заболоцкой [6], в которых анализированы некоторые виды верхней одежды и специальных утеплителей из коллекции Американского музея естественной истории с точки зрения искусствоведческой науки. Но, несмотря на это, и сегодня существуют некоторые проблемы в реконструкции одежды и традиционных индивидуальных средств защиты от холода и её адаптации в современном социокультурном пространстве.

Целью данной статьи является анализ теплозащитной функции традиционной зимней одежды и реконструкция комплекса средств индивидуальной защиты от холода по материалам республиканских и российских музеев и по полевым материалам автора.

В данной статье были использованы этнографические материалы Музея антропологии и этнографии им. Миклухо-Маклая, Российского этнографического музея г. Санкт-Петербурга. Интересные материалы в контексте нашего исследования дали коллекции из фондов республиканских и улусных историко-краеведческих музеев Республики Саха (Якутии). В фондах данных музеев в

единичных экземплярах сохранились некоторые виды протекторов.

Якутия по своим природно-климатическим условиям является наиболее суровой территориально-климатической зоной для проживания. Но тем не менее народы, населяющие эту огромную территорию, в том числе якуты, за свой многовековой период истории проживания плодотворно занимались всеми видами охоты, занимались хозяйственной деятельностью. Их необходимая адаптация к низкой температуре, сильным стужам и морозам, порой доходящих до 50–60 градусов ниже нуля, влияли на необходимость одеваться в многосоставные виды одежды в основном из мехов и шкур домашних и диких животных. В таких необычайно суровых климатических условиях якуты были очень изобретательными в отношении утилитарности и приспособленности своей традиционной одежды к низким температурам и придумывали комплекс различных индивидуальных средств защиты от холода – протекторов.

Современные исследования по изучению художественно-композиционного решения одежды показывают, что особенностью одежды, адаптированной к условиям Севера, являются технология пошива (дублирование, т. е. покрытие меха мехом), конструктивное решение одежды (большой объем, застежка переда глубоким запахом) и ее декоративная отделка (широкая окантовка мехом в два или три ряда по краю низа одежды, рукавов, заднего разреза спины и предплечья) [3, с. 5–21; 6, с. 6–10].

Обработанные шкуры домашних и диких животных использовали снаружи верхней одежды как декоративные отделки, так и с их внутренней стороны – как материалы-утеплители. Древние мастерицы старались передать грубой шкуре любого животного особую мягкость и эластичность. Первые противоречивые описания традиционной выделки материалов для одежды из кожи и шкур принадлежат К. К. Нейману и В. Л. Серошевскому. По словам первого, выделанная «по-якутски» кожа имела весьма

невысокое качество [7, с. 59], а по мнению В. Л. Серошевского, якутами выделялась красивая, мягкая кожа с хорошим качеством, мало поддающаяся влиянию сырости [8, с. 358]. Как показывают материалы из музейных фондов, у якутов, как и у других северных народов, достижения в этом отношении изумительны, и они являются неоспоримым доказательством вековой самобытности технологии их изготовления.

В документах XVIII и XIX вв. в основном фигурируют меховые архаичные виды одежды. В дальнюю дорогу мужчины и женщины поверх коротких меховых и кожаных пальто (*сон*) одевали меховые дохи – *сангый-ахи* (*арбагас*, *кеннюгэс*, *хотойдоох сон*) мехом наружу¹. Во многих случаях они шьются без подкладки, но иногда внутренняя подкладка у них бывает суконной [8, с. 322; 9, с. 232]. Дорожные дохи бывают длинными, что способствует защите от холода с ног до головы. Они шьются из тарбаганьих, лисьих шкур или из шкур оленя, бобра, рыси, а подкладка – из сочетания шкур белки и горностая, так как они более износостойкие. Для подкладки одной дохи в основном использовалось около 250–300 шкур белки или горностая. В прошлом распространены были и суконные шубы с меховой подкладкой, которые обязательно имели разрез сзади с меховой опушкой по всему краю одежды, для того чтобы вовнутрь одежды не проникал холодный воздух. Нижняя часть шубы сильно расширялась за счет свободно болтающихся вставок – *кокуора оноо*. Такие вставки использовались не в декоративных, а в практических целях: за счет расширения одежды такими вставками плотно запахивалась передняя часть одежды, таким образом, при верховой езде на лошади или в сидячем положении на санях такая шуба хорошо защищала от холода ноги и паховую часть. Как описывается в материале Всероссийской гигиенической выставки: «Рукава на плечах имеют буфы со свободным пространством

¹ Среднеколымский краеведческий музей. Шуба меховая – *хотойдоох сон*, инв. № 95. г. Среднеколымск, Республика Саха (Якутия).

для скопления согретого плечевыми суставами воздуха, что значительно предохраняет эти суставы от простуды...» [4, с. 174] Буфы на многих шубах из музейных фондов имеют еще и меховую опушку, которая, несомненно, защищала от холода плечевую часть. Передняя часть шубы застегивается двухсторонним глубоким запахом, таким образом, защищается от сильного ветра грудь. Меховые воротники бывают широкими, чтобы защитить затылочную часть головы, а рукава – длинными и также оторочены мехом.

К таким видам одежды относится и нарядная шуба – *бууктаах сон*, которая становилась достоянием более богатых, именитых представителей общества, так как в отделке одежды, кроме дорогих мехов, в основном использовались серебро и золотное шитье, дорогие шелковые и суконные ткани, которые были недоступны бедному населению. Богато украшенные и декорированные шубы выставлены в экспозициях Российского этнографического музея. Особенность костюма представляют торчащие крыловидные вставки на боках на 37 см ниже плеча – *кокуора оноо*¹, которые использовались не в декоративных целях, а в практических целях как элемент, расширяющий нижнюю часть одежды и одновременно защищающий нижнюю часть тела от мороза при длительной верховой езде [3, с. 56].

Весьма примечательно, что параллели данной якутской шубы – *бууктаах сон* находим с хакасской свадебной шубой – *идектиг тон* с меховой подкладкой, оторочкой и с верхней женской одеждой некоторых этнических групп народностей Тибета². По нашим наблюдениям, они идентичны в использовании материала, в покрое и по оформлению отделки. Якутская шуба – *бууктаах сон* обшивалась шелковой тканью и мехом по краям, имеет отложной широкий воротник. Как описывает В. Я. Бутанаев, воротник хакасской шубы также отложной, из меха

выдры или бобра, обшивался дорогой шелковой каймой [10, с. 566].

В некоторых случаях верхняя мужская одежда опушивалась собольим мехом вдоль бортов, подола и заднего разреза шириной 4 см и завязывалась тремя-четырьмя парами ремешков из ровдуги. Она также имела меховую подкладку [11, с. 47–48].

Отличительной особенностью якутской одежды является многосоставность. Мужчины и женщины носили двойной головной убор: нижние капоры из меха плотно облегли головы, верхние меховые головные уборы имели большой объем. Обычно в конструкции верхних шапок использовалось несколько видов меха – рыси, волка, лисы, россомахи и соболя, со снятыми шкурами с головы животного, они имели еще и внутреннюю подбивку из меха мелких животных – зайца, белки, горностая или из лапок лисицы, что способствовало усилению теплозащитной функции одежды. Подробные описания головного убора можно найти в архивных материалах. Например, в «Записках...» этнографа С. И. Боло опушка шапки – *нуогайдаах бэргэсэ* (шапка с перьевым султаном на верхушке) описана как выполненная из шкуры черного годовалого жеребенка с пушистым мехом. Её затылочная часть шилась из тонкой шкуры черного жеребенка-сосунка, без подшерстка, а оторочка затылочной части – из шкуры солового годовалого жеребенка с пушистой шерстью³. Летние варианты головного убора шили из различных кусочков меха, кожи и ткани, которые также носились в зимнее время под верхней шапкой. Бедные слои населения носили головные уборы из шкур утиных голов – *кус баттага бэргэсэ*, из телячьих лобков – *торбос баттага бэргэсэ*, из обработанного мочевого пузыря животных – *хабах бэргэсэ*, при этом конструкция этих головных уборов была очень оригинальной.

Интересна по своей конструкции шапка – *дыабака*, которая состояла из нескольких

¹ Российский этнографический музей (далее – РЭМ), инв. № 478-2. г. Санкт-Петербург, Россия.

² Полевой материал автора. Культурологическая экспедиция в государство Непал. 2003 г.

³ Архив Якутского Научного Центра СО РАН.

Боло С. И. Этнографические материалы 1938 г. Ф. 5. ОП. 3. Д. 27. Л. 8.

частей. Переднюю меховую часть шапки называли *харата* (черная сторона), которая надежно защищала лобную часть головы; тыльную, тоже из меха, – *юрюнэ* (белая сторона). Отороченный мех шапки назывался *буодьута* – опушка, а меховая нижняя часть тыльной стороны называлась *хадьяасына*, которая была длинной и полностью закрывала затылочную часть головы и плечо [9, с. 228]. В XIX в. мужским нарядным головным убором была шапка из лисьих камусов – *курааскы*. Она по своей форме напоминает шапку южных алтайцев – *алтай берик*, которая имела цилиндрическую форму. Внутри шапка была подбита мехом, снаружи покрывалась лисьими камусами – *тыс* так, чтобы черные края камусов сходились на макушке. По нижнему краю она оторачивалась мехом морского котика или камчатского бобра.

В суровых условиях зимы якуты защищали себя оригинальными и удобными приспособлениями – средствами индивидуальной защиты от холода, такими как: меховой ошейник, нагрудник, налобник, наносник, напальчники, утеплитель для запястья, накладки для рук без пальцев, набедренник, набрюшник и т. д. Они по своей конструкции были очень простыми, в основном прямоугольной и цилиндрической формы, их внутренняя подкладка обязательно подбивалась мехом и плотно прилегалась к телу, чтобы не проникал холодный воздух.

Утеплители, которые использовали под одежду, в основном изготавливали из простых заячьих мехов, а те, которые, кроме утилитарной, носили и эстетическую функцию, особенно женские, шили из шкур соболя, лисицы и декорировали бисером, вышивкой, металлическими бляшками. Например, налобник – *сююс сабыыта*, утеплитель для подбородка – *сэнийэ самнага*, которые сохранились в фондах Российского этнографического музея¹, красочно вышиты бисером и металлическими бляшками. Есть сведения информантов и о том, что в старину носили

¹ Наручники – инв. № 437-1/1-2; нагрудник – инв. № 437-2; налобник – инв. № 437-3.

меховые запястники, накулачки и наносник².

К типам утеплителей органов дыхания относятся длинный меховой ошейник (боа) – *моойторук* и нагрудник – *тюсюлюк*. «В ошейник прячут они в дороге подбородок, рот, щеки, часть носа. Они дышат сквозь мех ошейника и таким образом в жесткие стужи немного умеряют холод глотаемого воздуха. Когда дыхание увлажнит ошейник настолько, что прикосновение к нему становится неприятным, его поворачивают другой стороной; в то время влажная часть быстро обсыхает в морозном воздухе и при обтряхивании совершенно очищается от льдинок» (12, с. 262). Ошейник был очень удобен и универсален, хорошо защищал от холода переднюю грудную часть, горло и затылок. Традиционный якутский боа – *моойторук* шили из 100–150 предварительно обработанных беличьих хвостов путем нанизывания на нитку. В зависимости от количества нанизанных хвостов боа бывают разной длины, достигая иногда до 1,5–2 м. Боа из историко-краеведческого музея с. Майя имеет длину по внешнему кругу 115 см, диаметр ее поперечного сечения составляет 11 см³. В музейных фондах редко встречаются ошейники из заячьей шкуры и лисьих хвостов.

Существовали боа со своеобразным элементом, использующимся для стряхивания льдинок с ошейника. Единственный экземпляр такого мехового боа хранится в Музее этнопедагогики Верхне-Виллюйского улуса. Элемент состоит из семи ярких разноцветных лоскутков из шелковых тканей и имеет удлиненную пятиугольную форму с кисточками в нижней части⁴.

Меховой нагрудник – *тюсюлюк* имеет трапециевидную форму. По своей конструк-

² Полевой материал автора, 1996 г. Жиганский историко-краеведческий музей. Научная паспортизация экспонатов не произведена. Информация А. П. Шадринной.

³ Инв. № Э-175.

⁴ Полевой материал автора, 1996 г. Музей этнопедагогики Верхне-Виллюйского улуса Республики Саха (Якутия). Научная паспортизация экспонатов не произведена.

ции он бывает коротким или длинным. Последние завязывались сзади на шее и снизу у поясницы и таким образом прекрасно защищали от холода грудную часть тела. Женские нагрудники обычно вышивались цветными нитками или бисером. Также в книге В. Л. Серошевского есть материал о мужском нагруднике, украшенном металлическими бляшками [8, рис. 100, с. 376].

Интересными дополнительными элементами верхней одежды являются поясные виды одежды: набрюшник – *бааччы*, набедренник – *бэлэпчи*. Первый из них представляет собой широкий меховой пояс мехом внутрь, великолепно предохраняющий от простуды нижнюю часть живота. В. Ф. Троцанский отмечает, что якуты «всю зиму носят набрюшник» [13, с. 120]. По описанию З. И. Ивановой-Унаровой, интересные экземпляры набрюшников хранятся в Американском музее естественной истории. Как автор отмечает, первый из них сшит из заячьей шкуры, а второй – из лисьей и украшен снаружи металлическими бляшками [5, с. 58].

Ранние сведения о набедреннике были в работе Г. А. Сарычева. Он указывал на то, что «достаточные якуты сверх платья носят привязанные к поясу два набедренника, состоящие из двух четверсторонних лоскутков красного и синего сукна» [14, с. 42–43]. Набедренники бывают оторочены и меховой опушкой. В материалах альбома «Народное декоративно-прикладное искусство Киргизии» есть интересные сведения о том, что этот вид одежды якутам и западным бурятам, вероятно, достался в наследство от курыканов – их общих тюркоязычных предков в Предбайкалье, а киргизам – от енисейских кыргызов. Название, видимо, произошло от древнетюркского слова *бэл*, что означает поясница [15, с. 268]. Якутский набедренник – *бэлэпчи* в основном был предназначен для предохранения меха шуб от стирания при верховой езде, а также имел функцию защиты от холода.

Теплый натазник – *сыалдыа*, который носили зимой, шили из кожи мехом внутрь, а летний *сарыы сыалдыа* из мягкой ров-

дуги¹. Есть сведения, что в дальней дороге под натазники надевали утеплитель мехом снаружи для паховой части – *хабах хаата* (дословно переводится «мешочек для мочевого пузыря»). Интересна его конструкция, он имел форму трусов, но совершенно открытый с двух боковых сторон, завязывался сбоку четырьмя кожаными завязками. Самая интересная часть – задняя, в которой имелся специальная прорезь². Такой оригинальный вид теплой одежды наверняка был удобен во время холодных дальних поездок и прекрасно предохранял от заболеваний женских органов и почек.

У якутов в старину имелось много видов бытовых, дорожных и охотничьих рукавиц. Последние шили из лапок лисицы, волка, меха собаки.

Рукавицы были меховыми снаружи и внутри. Для подкладки внутренней стороны использовали шкуры зайца, песца и белки. У северных якутов-оленоводо-в были распространены дорожные рукавицы, доходящие до локтя и сшитые из медвежьей шкуры или оленьего меха шерстью наружу, с вложенными вовнутрь рукавицами из заячьей шкуры [16, с. 90]. Детские рукавицы шились мехом внутрь и без напальчников, с длинными ровдужными вязками; назывались они *купчуу*³.

Почти все виды рукавиц имели поперечный разрез у запястья со стороны ладони и кисти – *уостаах ютюлюк* (букв.: рукавицы с разрезом), что позволяло вынимать руки для работы, не снимая рукавицы, при этом тыльная часть рук оставалась покрытой. Более подробное описание значения выреза рукавицы оставил Р. К. Маак: «Во время дороги очень часто приходится в сильные морозы выставлять руки, чтобы пальцами завязать или развязать ремень и т. п., в упряжке или на охоте исправлять поставленные для мел-

¹ Российский этнографический музей, инв. № 1071-73.

² Полевой материал автора, 2010 г. Экспедиция в с. Байага, Таттинского улуса, Республики Саха (Якутия). Информация народного мастера Б. Ф. Неустроева.

³ Полевой материал автора. Жиганский улус, Республика Саха (Якутия), 1995 г. Информация А. П. Шадринной.

ких зверей ловушки или, наконец, вынимать зимою рыбу из сетей, верши или с крючьев. Во всех таких случаях разрез на рукавицах является весьма практичным приспособлением» [9, с. 228]. Рукавицы такого типа также бывают подбиты мехом.

Зимой во время работы очень удобны были меховые накладки без пальцев с завязками – *бэлэпчи*, которые одевались под рукавицу. О бытовании накладок из шкуры водяной крысы имеются сведения в словаре Э. К. Пекарского [17, с. 39]. В дальнюю дорогу под рукавицу на каждый палец надевали меховые напальчники из заячьей шкуры¹.

Набедренник и накладка для тыльной стороны рук имеют общее название – *бэлэпчи*².

К теплым видам обуви относится охотничья меховая обувь с высокими голенищами – меховые *куруму* и *буурпэх* из замши. Один экземпляр подобного вида обуви хранится в фондах Российского этнографического музея³. Такую обувь обычно надевали охотники, она была очень удобна для прохождения зимой по глубокому снегу, весной и осенью – по болотистым местам и обработана таким образом, что не промокала.

В состав зимней обуви входили также меховые ноговицы – *сутуруо*. Ноговицы обычно привязывались к натазникам, доходят до щиколоток ног. Верхние края глубоко закрывали проймы натазников. В зависимости от сезона они шились из ровдуги или меха. Такой своеобразный вид одежды из составных частей, видимо, был обусловлен суровыми климатическими условиями. Интересные ноговицы из меха гагары автору удалось обнаружить в Жиганском историко-краеведческом музее. Очевидно, мех гагары был использован из-за непромокаемых свойств. Натазники вместе с ноговицами

составляли единую, взаимно дополняющую друг друга одежду, в целом заменяющую штаны⁴.

К особым видам зимней обуви относятся меховые наколенники, чулки и очень короткая меховая обувь – *олооччу*. Его шили мехом вовнутрь и носили зимой в дальней поездке поверх основной меховой обуви. При длительных переездах *олооччу* был очень удобен, на остановках их снимали и просушивали на костре. Зимний дорожный комплект обуви состоит из чулок, сшитых из зипунного сукна или из выделанных оленьих лапок – *чараас кээнчэ*. Поверх таких чулок надевается вторая пара, более теплые меховые чулки – *истээх кээнчэ*, только после этого – основная обувь из оленьего камуса – *этэрбэс*. *Кээнчи* из телячьих, жеребьячьих и пыжиковых шкур шили мехом вовнутрь. Матерчатые чулки обшивали внутри заячьей шкуркой, иногда с подкладкой из тонкой ткани. Покрой *кээнчи* почти такой же, как у кожаной обуви, но более упрощенной формы и без носочков. Образцы таких чулок были найдены в мужском погребении № 27 И. В. Константиновым. Это – две пары чулок из телячьих шкур шерстью внутрь. Третья пара составлена из обрезков лисьих шкур мехом внутрь [11, с. 75]. Меховые *кээнчи* охотники надевают и в настоящее время.

Ноги утеплялись также подстилками из сухого сена или меха. Таким же способом, вложением сена и меха во внутрь, утеплялись и рукавицы. Своеобразны были подстилки из конского волоса – *угунньа*⁵. К тому же они были доступны и отлично сохраняли теплозащитные свойства в процессе носки. Интересные заметки по поводу порядка одевания обуви у якутов были написаны В. Л. Серошевским: «Одеваясь в дорогу, якут прежде всего переменит в обуви подстилку из сухой травы, затем наденет на голую ногу чулки из заячьей или телячьей кожи шерс-

¹ Полевой материал автора, 1996 г. Жиганский историко-краеведческий музей. Научная паспортизация экспонатов не произведена. Информация Д. И. Иванова.

² Почему накладка для рук названа *бэлэпчи*, сведений ни у наших информантов, ни в словаре Э. К. Пекарского (Т. 1–3, 1958, 1959) и др. мы не нашли.

³ РЭМ, Санкт-Петербург. Инв. № 437-30.

⁴ Полевой материал автора, 1996 г. Жиганский историко-краеведческий музей. Научная паспортизация экспонатов не произведена. Информация А. П. Шадринной.

⁵ Полевой материал автора, 2009 г., Верхне-Вилуйский улус, Республика Саха (Якутия). Информация С. Д. Борисовой.

тью вниз, на них – мелкие тапочки из того же меха шерстью наружу и поверх натянет сапоги из сары и торбаса. Наколенники штанов засовываются всегда в голяшки; а на них натягивают дорожные меховые наколенники – *сутуруо* шерстью наружу. Наколенники стягиваются крепко под коленом, а вверху подвязываются к медным кольцам штанов. Они достигают паха и свободно обхватывают бедро и не допускают ни снега, ни дождя, ни ветра до нижнего платья, о котором якут старается, чтобы оно было сухое. Приехавши на место, якут прежде всего снимает *сутуруо*» [8, с. 327].

Таким образом, старинная якутская зимняя одежда была очень практична и удобна в условиях низких температур. Теплозащитная функция одежды определялась использованием меховых материалов и конструктивным покроем самой одежды. Её своеобразная конструкция, отделка и уникальные дополнительные средства индивидуальной защиты от холода придавали большую объемность фигуре, но они надежно обеспечивали комплексную защиту человека от стужи и холода. В этом способствовали материалы: мех, шкуры домашних, диких животных, пушных зверей. Эти уникальные виды одежды уже к началу XX столетия вышли из употребления в связи с привозом и повсеместным распространением европейских типов одежды. Как артефакты материальной культуры они становятся только предметом рассмотрения и любования. Но следует отметить, что в настоящее время охотниками употребляются некоторые элементы, например нарукавники и меховые подстилки обуви. При изготовлении зимней одежды и их дополнительных элементов мастерицы раньше особое внимание уделяли их жизнеобеспечивающей функции, но при этом не забывалась и эстетическая функция. Зимняя одежда украшалась вышивкой цветными и золотными нитками, бисером в сочетании с серебряными металлическими бляшками, она была не только очень теплой, но и красивой, нарядной и удобной в использовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврильева, Р. С. Одежда народа саха конца XVII – начала XVIII века. – Новосибирск, 1998.
2. Расторгуева, Л. Н. Средства индивидуальной защиты человека на Севере: традиции и современные разработки. – Якутск, 1999.
3. Петрова, С. И. Свадебный наряд якутов: традиции и реконструкция. – Новосибирск, 2006.
4. Тырылгин, М. А. Истоки феноменальной жизнеспособности народа саха. – Якутск, 2000.
5. Иванова-Унарова, З. И. Якутская коллекция в Американском музее естественной истории // Диалог: музей и общество: материалы Междунар. научно-практ. конф. – Якутск, 2001.
6. Заболоцкая, З. М. Художественно-композиционное решение традиционной якутской одежды. – Якутск, 2006.
7. Нейман, К. К. Несколько слов о торговле и промышленности северных народов Якутской области // Изв. Сиб. отдела Императорского Русского Геогр. Общ-ва. – Иркутск, 1872. – Т. 23. – № 2. – 25 мая.
8. Серошевский, В. Л. Якуты. (Опыт этнографического исследования.) – М., 1993. – 2-е изд.
9. Маак, Р. К. Вилуйский округ Якутской области. – М., 1994. – Изд. 2-е.
10. Бутанаев, В. Я. Хакасы // Тюркские народы Сибири. – М., 1997.
11. Константинов, И. В. Одежда и украшения якутки. – Якутск, 1971.
12. Народы России: этнографические очерки. – СПб., 1980. – Т. 2, ч. 2.
13. Троцанский, В. Ф. Наброски о якутах Якутского округа. – Казань, 1911.
14. Сарычев, Г. А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. – М., 1952.
15. Народное декоративно-прикладное искусство Киргизии. – М., 1968.
16. Гурвич, И. С. Культура северных якутов-оленоводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. – М., 1977.
17. Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. – 2-е изд. – М.-Л., 1958. – Т. I; 1959. – Т. II; 1959. – Т. III. – 3858 стлб.

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ТУВИНЦЕВ, СВЯЗАННЫЕ С ЮРТОЙ

С. Ч. Донгак

УДК 94(47)

В данной статье автор впервые в отечественной историографии освещает некоторые вопросы, связанные с сакральными аспектами тувинской юрты: месторасположение, внутреннее расположение, внутреннее убранство юрты.

Ключевые слова: традиционное жилище тувинцев, внутреннее убранство юрты, месторасположение.

Основным видом жилища у тувинцев, как и у других тюрко-монгольских кочевников, являлась юрта – *өг*, история которой насчитывает несколько столетий. Данный вид жилища народов Центральной Азии зафиксирован в китайских источниках, относящихся еще к I в. н. э. [1, с. 10].

Сакральность тувинского жилища начинается уже с его месторасположения. Известно, что типом поселения тувинских кочевников являлся *аал* – сосредоточение нескольких юрт. При установке их учитывался рельеф местности и очертания ближнего горизонта. Основным критерием выбора места являлся доступный для обозрения горизонт. В одних местах, если на дальнем горизонте между складками гор имелась расщелина, дверной проем юрты ставили чуть наискосок от неё, полагая, что, открывая дверь по направлению к расщелине, можно упустить благополучие семьи. В других местах перед дверным проемом должен был быть объект – холм или дерево, т. е. то, что «удерживало» бы богатство и благополучие семьи. Это надо было учитывать еще и потому, что в теплое время года дверь юрты практически всегда бывала открытой. Следует сказать, что еще в начале XX в. дверной проем закрывался куском войлока. В теплое время года и светлое время суток он сворачивался в рулон и завязывался в верхней части проема, поэтому дальний горизонт всегда был в поле зрения у людей. Единым воззрением для всех тувинцев было то, что дверь юрты

нельзя ставить перед рекой, полагая, что с течением воды может уйти благополучие семьи.

Представления относительно объектов перед дверным проемом носили, таким образом, местный характер. Однако при установке юрты, учитывавшей части света, это имело общее значение, хотя у части тувинцев и оно подверглось переосмыслению. В основном тувинцы придерживались древнетюркской традиции, ориентируя дверной проем в сторону восхода солнца – на восток. Исключение стали составлять южные тувинцы, которые переориентировались на юг. Связано это было с распространением буддизма. Для буддистов на юге находились священный Тибет, Далай-Лама, Панчен-Лама, Богдо-Геген... Таким образом, направление дверного проема и местоположение юрты закладывали начало сакрального содержания жилища у тувинцев. Кроме этого, юрта естественным образом должна была вписаться в рельеф местности, не нарушая его природной гармонии.

Другим моментом было то, что юрта главы общины всегда ставилась несколько обособленно. Тувинцы с первого взгляда безошибочно угадывали ее. Юрта, где проживали родители, а она, как правило, считалась главной, в отдельных местах называемая *улуг өг* – «большая юрта», в смысле «главная юрта», ставилась несколько обособленно от других. Кроме того, главная юрта, в отличие от других жилищ, располагалась дальше от загонов для скота.

Внутри самого жилища сакральность принимала характер практического порядка. Так, юрта тувинцев, как и у других тюрко-монгольских кочевников, условно делилась на женскую (правую от входа) и мужскую (левую от входа) части (в этнографической литературе принято рассматривать внутреннее расположение юрты именно так – от входа). На женской половине находилась кровать – *орун*, ниже нее, ближе к двери, – шкаф – *үлгүүрге*, в котором хранилась кухонная утварь. На мужской половине юрты содержали объемные подвешенные кожаные мешки для молочного продукта – *хойтпак*, различный домашний скраб – *чүрк* – одеяла, одежду и пр. Следует отметить, что традиционно в этой части юрты не было кровати, она появилась только в 30–40 гг. XX в. Ниже скраба, т. е. ближе к двери, держали конское снаряжение, отдельные орудия труда. Кроме того, весной, во время приплода скота, на этой же части содержали молодняк мелкого рогатого скота. Посторонний человек, вошедший в юрту, всегда проходил и проходит до сих пор на левую, т. е. мужскую, половину и никогда – на правую.

Исключение в этом плане имеет внутреннее расположение юрты жителей в одном из районов юго-западной части Тувы – Монгун-Тайги. Там в правой от входа части юрты располагается мужская половина с соответствующими для этого атрибутами – домашним скрабом, конским снаряжением и т. д. В левой части – женская половина – с кроватью и посудой, т. е. зеркальная противоположность расположения вещей, чем во всей остальной Туве. Такое расположение вещей приводит в замешательство любого человека, прибывшего из других местностей Тувы и впервые переступившего через порог юрты монгун-тайгинца. Он, как правило, в растерянности останавливается на пороге. На наши многочисленные расспросы информантов о причине такого положения вещей в юрте никто не смог ответить, говоря, что это традиция монгун-тайгинцев. Ответ, на наш взгляд, можно увидеть на примере тувинцев сумона Ценгел в соседней Монголии. По словам уроженца тех мест Б. Баярсайхана, перемена мест в юрте

на несколько дней производилась в случае смерти ребенка. По истечении этих дней все вещи возвращали к исходному положению. Так же поступали, к примеру, и туркмены-иомуты, човдуры и текинцы. У них в том случае, если «...в семье часто умирали мужчины или хозяйка юрты была бездетна и страдала какой-нибудь болезнью, допускалась перемена местами мужской и женской половинами юрты» [2, с. 159]. Можно предположить, что в основе традиции монгун-тайгинцев лежали подобные же причины. Известно, что у народов, объединенных едиными историческими корнями (в данном случае тюркоязычных), древние традиции в архаической форме иногда сохраняются у каких-либо групп. У жителей Монгун-Тайги это могло быть тем самым случаем, когда перемена вещей в чьей-либо юрте привела к положительному результату, например, в семье перестали умирать люди. В таком случае другие люди могли последовать их примеру. Постепенно это могло войти в традицию, об изначальных причинах которых современные монгун-тайгинцы забыли. Утверждая это, мы учитываем еще и тот факт, что у тувинцев было принято «путать следы» перед нечистой силой, которая разными способами вредила людям.

Следует отметить, что в основе деления юрты на мужскую и женскую половины (и более сакрального порядка), по большому счету, лежало предписание поведения людей в данном пространстве. Оно, как правило, было основано на запретах различного порядка. Ограничения относительно поведения людей в юрте начинались не только с социального статуса человека, родственных и неродственных отношений, но и различия по полу. Посторонние люди – соседи и путники – всегда проходили в левую от входа часть, т. е. в мужскую половину юрты. В Монгун-Тайге, как было сказано, – в правую от входа часть. Почетных гостей хозяева приглашали в почетную часть юрты – *дөр* (об этом будет сказано ниже). Предписано было даже местоположение хозяев, хотя их перемещение в юрте было свободным. Так, местом главы семьи была почетная часть жилища, противо-

положная от двери, называемая *дөр*. Место жены, матери, малолетних детей – на женской половине юрты. Детям не возбранялось сидеть и на отцовском месте, однако только в отсутствии посторонних людей.

Особо строгие правила предписывали поведению невестки в юрте у родителей мужа. В их жилище невестка могла находиться только на женской половине и никогда – на ее почетной части – *дөр*. Кроме того, ей запрещалось поворачиваться спиной к домашнему очагу, поэтому при выходе из юрты она должна была пятиться назад. Соответственно поведению невестки, свекор в юрте сына не имел права проходить на женскую, в данном случае невесткину, половину.

Деление юрты на женскую и мужскую половины и поведение людей в жилище, таким образом, было регламентировано, однако особенно сакральными и по этой причине требующими к себе особого отношения были три места: порог – *эргин*, очаг – *от* и почетная часть – *дөр*. Почетным, называемым *дөр*, как было сказано выше, считалось место, противоположное от двери. Для тувинцев в целом это обозначало «высокое место». Следует сказать, что это тюркское слово, с различными вариациями существующее и у других тюркоязычных народов. По мнению исследователей, оно происходит от древнетюркского глагола *торумек/тору*, обозначающего «закон», «положение» [3, с. 167]. В тувинском языке слово *төре* обозначает «общество», «государство». И хотя в бытовом использовании для тувинца термин *дөр* обозначает «почетное (высокое) место [в юрте]», а *төре* – «государство», нет сомнения в том, что это однокорневые слова. Таким образом, в смысле «высокое место» данная часть юрты предполагает и «государственное» место. Место, которое может занимать только глава семьи (или могут находиться дети) и, по желанию хозяев, – гости-мужчины или почетная гостя-женщина. Следует сказать, что тувинцы и в современных домах сохранили это понятие, и гостей, как правило, приглашают словами: *дөрже эртиңер* – «пройдите в *дөр* [выше]», имея в виду «высокое место» в помещении, т.

е. на сиденье (стул, кресло или диван), расположенное, на их взгляд, в почетной части комнаты.

В начале XX в. в почетной части *дөр* у тувинцев находился буддийский алтарь – *Бурган ширээзи*. Алтарей, поставленных в ряд, могло быть и до трех, о чем свидетельствуют не только наши пожилые информанты, но и, к примеру, дореволюционные фотоснимки. По буддийским традициям, центральный алтарь обязательно полагался Будде, по обеим сторонам – другим божествам. На них соблюдались все полагающиеся атрибуты: бронзовые или позолоченные статуэтки Будды – *Бурган Башкы*, других божеств, подношения, священные тексты – сутры и т. д. Тувинскую элиту от простых людей отличало не только классическое содержание алтаря, но и богатство его атрибутов и подношений. Бедные люди в качестве алтаря использовали традиционные расписные сундуки, устанавливая изображения буддийских божеств на центральном из них. По левую сторону от алтаря (т. е. на женской, правой, половине, выше кровати) находились и другие священные для тувинцев объекты, как, например, оберег *амырга-моос* – кукла наподобие дракона. Там же находилась детская колыбель – *кавай*, которую держали в подвешенном состоянии за верхние балки юрты. Таким образом, *дөр* для тувинца – это высокое не только в его расположении в юрте, но и астральном уровне место.

Особым объектом, который не просто почитали, но и для которого устраивали специальный обряд поклонения, был домашний очаг. Культ огня, как известно, существовал у всех народов мира. Для тувинцев огонь содержал в себе понятие – *от чаякчы* – «огонь-создатель». В этом сжатом, но емком представлении и проявлялось отношение к нему. Почитание его начиналось с чистоты содержания домашнего очага – в огонь нельзя было кидать мусор, остатки пищи, детям – плевать в него и т. д. Ежедневная трапеза в тувинской юрте начиналась с того, что хозяйка юрты клала в огонь небольшие кусочки нетронутой никем пищи. Однако нежелательным было то, чтобы из кипящего котла убежало, поскольку

предполагалось, что хозяину очага не нравятся шипящие звуки и запахи пригоревшей пищи, кроме тех случаев, когда совершался специальный обряд его кормления. Кроме того, такие запахи не должны были исходить из сакрального, центрального, места жилища. Однако во время проведения обряда *от дагыыр* – «поклонение огню», устраивавшегося осенью, когда в достатке была молочная и мясная пища, т. е. в сытное время года, запахи сытости (в огонь клали топленое масло и жирные куски мяса), исходящие из центрального места юрты, были желательны.

Еще одно наделенное тайным значением место тувинского жилища – это порог – *эргин*. Отношение к порогу начиналось с того, что через него можно было только переступить и ни в коем случае не спотыкаться и тем более садиться на него, что нередко делали малолетние дети, которых тут же сгоняли с порицанием. Подобное отношение к порогу существовало, как известно, и у других тюркомонгольских кочевников. У тувинцев отношение к домашнему порогу имело двойное содержание. По одному из них, на порог нельзя было наступать или садиться, потому что под ним обитало некое существо, которое при небрежном обращении с ним может навредить семье. По другому значению, на порог нельзя было наступать, потому что благое и доброе привлекали чистота и беспрепятственность, поэтому он должен был находиться в безупречном состоянии. Поскольку через порог в семью могло прийти как благополучие, так и плохое (болезни, нищета и пр.), дверной проем в целом (в том числе и порог) укрепляли не только защитными, но и приносящими удачу символами. Так, в охранных целях по левую сторону от входа вешали ветку караганника и топор, значение которых в целом понятно. Караганник как кустарник с острыми колючками и особенно с красным стволом для тувинцев имел отпугивающее значение для потусторонних сил. Представление подобного характера, что злые духи боятся колючих кустарников, существовало, к примеру, и у алтайцев [4, с. 145]. Топор также имел устрашающее значение для невидимых врагов.

Для призывания благополучия и сытости над верхним косяком двери вешали бедренную кость овцы. Она являлась символом благополучия и сытости. Следует отметить, что выше-названные защитные обереги, особенно топор, вешали первые несколько дней наступившего Нового года по лунному календарю или же на месте нового кочевья, затем убирали. Однако некоторые хозяева веточку караганника и кость могли постоянно держать возле двери. Таким образом, порог и вместе с ним дверной проем в целом для тувинцев были объектами, требовавшими к себе внимательного отношения.

Другой сакральной точкой жилища тувинцев был верхний проем юрты, игравший роль своеобразного окна – *өреге*. Он был продолжением куска войлока, которым покрывали верхнюю, дымовую, часть юрты со специальными веревками на конце для закидывания и снятия его с купола. Роль *өреге* заключалась в том, что через этот проем в юрту проникал дневной свет. Издревле у тувинцев полагалось, чтобы на рассвете первой в семье вставала женщина и открывала этот кусок войлока. У проснувшегося в юрте человека взгляд, таким образом, в первую очередь упирался в небо, поэтому вхождение его в окружающее пространство начиналось с неба. По причине того, что *өреге* и вместе с ним верхняя часть жилища у тувинцев в целом ассоциировались с небом, купол юрты также наделался сакральным содержанием. Так, имелись приметы, которые считались неблагоприятными при обращении с верхней частью юрты. Например, если на верхнюю часть юрты вскакивала собака или овца, это считалось дурным знаком, и животных сразу умерщвляли – собаку пристреливали, а овцу резали на том месте, откуда она прыгнула на юрту. В быту ленивых хозяев, вернее хозяйку, высмеивали тем, что *өреге* она открывает после восхода солнца. Под этим не просто понималось то, что хозяйка ленива, а то, что юрта на какое-то время оставалась в темном, замкнутом мире. Для тувинца это обозначало потерю в начале дня связи с окружающим пространством.

Говоря о сакральности тувинской юрты, следует сказать в целом об отношении тувин-

цев к своему жилищу. Так, согласно тувинскому мифу, юрта имела небесное происхождение [5, с. 83]. И хотя сама юрта являлась результатом человеческого ума и труда, благо-

дарность кочевников своему жилищу приписала ей такое происхождение. Таковы в самом кратком и общем виде воззрения тувинцев на свое жилище.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крюков, М. В., Курылев, В. П. К ранней истории юрты (по китайским источникам III в. до н. э. – XIII в. н. э.) // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М., 2000.
2. Оразов, А., Чарыев, Д. Некоторые верования туркмен, связанные с юртой (XIX – начало XX века) // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М., 2000.
3. Толеубаев, А. Юрта в представлениях и обрядах казахов // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М., 2000.
4. Кыпчакова, Л.В. К вопросу о культуре деревьев у алтайцев // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1983.
5. Мифы, легенды, предания тувинцев. – Новосибирск, 2010.

МАГИЧЕСКИЕ ОБРЯДЫ И РИТУАЛЫ В ВЕРОВАНИЯХ И ОБРЯДАХ БАШКИР

М. Н. Сулейманова

УДК 39(470.57)

В статье сделана попытка анализа принципов, лежащих в основе многих магических обрядов и ритуалов башкир, возникших в доисламский период и в пережиточной форме дошедших до наших дней. Представленный материал показывает, что магия является осколками древнейших знаний людей о Природе, мироустройстве, законах Вселенной, о возможности влиять (направлять и даже управлять) природными стихиями, явлениями и свидетельством их мудрости в освоении окружающего их пространства. Иначе различные виды магии (любовная, вредоносная, лечебная, охранительная, хозяйственная, погодная) представляли собой способы взаимодействия Человека с окружающей его Природой. Но сегодня еще сохраняющиеся ритуалы совершаются по привычке и глубинный смысл их не осознается. На башкирском материале находит подтверждение два основополагающих принципа магии, предложенные в свое время известным ученым-этнографом Дж. Фрэзером, – принципы *подобия* и *соприкосновения*. Их действие прослеживается во всех компонентах традиционных доисламских верований башкир, в том числе связанных с явлениями и стихиями Природы, животным и растительным миром, культом предков, демоническими представлениями.

Ключевые слова: магические обряды и ритуалы башкир; принципы магии *подобия* и *соприкосновения*; традиционные доисламские верования башкир; древнейшие знания людей о Природе и мироустройстве, законах Вселенной; магические способы взаимодействия Человека с Природой.

Магия является неотъемлемой составляющей доисламских верований башкир, в которых можно выделить три важных ком-

понента – «Природа», «Человек», «Взаимодействие Человека и Природы». Первые два компонента отражают древние знания людей

о Природе, ее силах, стихиях и самом Человеке, третий компонент – свидетельствует о стремлении людей использовать силы Природы во благо себе и окружающему миру. Основным средством здесь являлось то, что мы называем магией. С помощью различных магических действий и манипуляций достигалось желаемое или предотвращалось нежелательное. Вряд ли можно и нужно сегодня продолжать считать неоспоримым некогда распространенное убеждение о страхе и слабости, незнаниях человека перед стихиями Природы. (Хотя, конечно же, физически человек был и остается слабым перед величайшими природными явлениями.) Магия, верования, обряды являются осколками древнейших знаний людей о Природе, мироустройстве, законах Вселенной, о возможности влиять (направлять и даже управлять) этими природными стихиями, явлениями и свидетельством их мудрости в освоении окружающего их пространства.

Судя по пережиткам верований и способам воздействия на силы Природы, нашим далеким предкам были доступны глубокие знания о мироустройстве и месте человека в нем. Но и этот же материал в силу своей разрозненности и неосознаваемости глубинного смысла тех или иных действий не позволяет определить «границы» некогда существовавшей, по-видимому, четкой системы верований, включавшей в себя в том числе способы взаимодействия Человека с окружающей его Природой. В своем большинстве сегодняшние ритуалы совершаются по привычке. Глубинный смысл их не осознается. Но их многообразие удивляет и наталкивает на мысль: как много было дано изначально Человеку и как много им утрачено.

Сегодня в свете открывающихся духовных знаний вряд ли можно продолжать утверждать о насмерть запуганных и бессильных перед силами Природы предках. Дошедшее до нас многообразие магических обрядов, действий, ритуалов опровергает это предубеждение и свидетельствует об обратном – о знании древним человеком своих возможностей и рациональном их использова-

нии во взаимодействии с могущественными силами и стихиями окружающей Природы. Магия служила одним из «инструментов» в этом «Диалоге».

Магия являлась объектом исследований многих ученых. В научной литературе представлены попытки классифицировать ее. Одной из самых ярких и значимых работ, посвященных магии народов мира, является знаменитое исследование Джеймса Фрэзера «Золотая ветвь». Его можно назвать энциклопедией магических обрядов народов мира. Их изучение позволило ему сделать ряд обобщающих выводов, не утративших своей значимости и по сей день. По утверждению Дж. Фрэзера, магическое мышление основывалось на двух принципах – *подобия* и *соприкосновения*. Согласно первому принципу – «...подобное производит подобное, или следствие похоже на свою причину». Согласно второму – «...вещи, которые раз пришли в соприкосновение друг с другом, продолжают взаимодействовать на расстоянии после прекращения прямого контакта» [1, с. 20]. «Первый принцип может быть назван законом подобия, а второй – законом соприкосновения или заражения» [1, с. 20].

Выделенные названным ученым принципы находят великолепное подтверждение в башкирских верованиях и обрядах, возникших в доисламский период и в пережиточной форме дошедших до наших дней. Их действие, например, прослеживается в верованиях башкир, связанных с явлениями и стихиями Природы, животным и растительным миром. Остановимся на некоторых из них.

В широко распространенном как в прошлом, так и сегодня обряде «*ямгыр телэге*» (вызывание дождя) такие магические действия, как разбрызгивание, обливание водой, закалывание животного темной масти, опускание в воду железных предметов, старых котелков вверх дном, надевание одежды наизнанку, сбрасывание священнослужителей в водный источник и др. с целью вызвать дождь основаны на принципах имитации и соприкосновения. Эти же принципы мы видим в действиях, противоположных по характеру

приемам первого обряда и направленных на прекращение дождя: закалывание жертвенного животного, но уже белой масти, забирание из воды ранее опущенных железных предметов, выставление железной косы и проч.

Имитативный и контагиозный характер имели также ритуальные обливания и купания во время весенне-летнего обряда «*Набан һыуы*» (вода весеннего сева). Или закапывание вместе с семенами мелких яиц во время посевной, чтобы урожай был обильным. При трудных родах повитухи в прошлом опускали сомкнутый лист какого-либо растения в воду или пропускали рожениц через высушенную и сильно растянутую волчью губу. Эти же принципы лежат в основе стремления людей соприкоснуться с чудодейственной силой земли во время первого весеннего грома или первого кукования весной кукушки, для чего они (башкиры) скатывались со склонов холмов, перекатывались на траве или брали горсть родной земли, отправляясь в дальний путь. Элементы названных принципов мы можем также найти в почитании башкирами животных, прежде всего медведя, волка и птиц. Так, комплекс обрядов, связанных с «Медвежьим праздником» – «*Айыу туйы*» (*туй* – свадьба, праздник) и восходящих к древнейшему евразийско-американскому пласту верований, включает в себя такие магические приемы, как использование клыка, ногтя, соблюдение обрядов в отношении костей и черепа медведя и др. В основе их лежала сильная вера, что через использование частей тела, шкуры или поедание медвежьего мяса человеку передается сила и мощь этого животного. Такими же магическими, чудодейственными свойствами наделяли части тела волка – голову, клыки, когти, шерсть, высушенную губу. В качестве амулетов до недавнего времени широко использовали перья и пух лебедя, гусей, уток. При помощи камней из желудка птиц вызывали дожди. Их называли «*йэй ташы*», «*яза таш*»¹.

Хозяйственная деятельность – та сфера жизни, в которой человек стремится макси-

мально обеспечить себя гарантией успеха. Неудивительно, что любой род деятельности человека в прошлом сопровождался многочисленными магическими обрядами и ритуалами, призванными гарантировать нужный результат.

Особо значимым в жизни башкир как недавних кочевников было скотоводство, с которым было связано огромное число всевозможных религиозно-магических способов, запретов и примет, направленных на обеспечение сохранности и увеличение поголовья скота. Одним из ярких примеров проявления принципов подобия и соприкосновения является процедура купли-продажи скота, во время которой стремились сохранить так называемый «*кот*», олицетворяющий в башкирских верованиях некую жизненную силу, удачу, благополучие, душу. С этой целью хозяин незаметно должен был выдрать в трех местах по клочку шерсти, трижды приговаривая: «*Котон калһын узен кит*» (пусть кот остается, сам уходи). Выдранные клочки шерсти позже затыкали в щель между бревнами. Считалось, что после этих действий кот не «уйдет» к покупателю и оставшийся скот будет цел и невредим. То же самое старался проделать покупатель, но приговаривая про себя также трижды: «*Котондо алам*» (забираю твой кот). Во время непосредственного обмена обеим сторонам запрещалось дотрагиваться голыми руками до предмета купли-продажи (овцы, козы, лошади и т. д.), очевидно, для того чтобы эта сила – кот – «не ушла» через соприкосновение. Поэтому передавали косою или обернув руку подолом [2].

Те же магические принципы лежат в основе многих манипуляций, например, чтобы воздействовать на приплод, к рогам барана-производителя прикрепляли бараньи рога. Или, чтобы обеспечить в будущем году телку или бычка, давали пить молоко соответственно девочке или мальчику. Огромна была также роль всевозможных амулетов, популярных и сегодня. В рамках данной небольшой статьи, конечно же, рассмотреть все это многообразие невозможно.

¹ У древних тюрков эти камни считались шаманскими.

В целом, все наиболее важные моменты ухода за животными у башкир сопровождались магическими действиями так же, как и возведение жилища или проведение весенне-летних посевных работ [2].

Как видим, башкирский материал даже на основе приведенных отдельных примеров подтверждает, что в основе многих магических обрядов и ритуалов лежат два принципа, описанных Дж. Фрэзером. Они достаточно ясно показывают то, как люди стремились достичь нужного результата. В основе совершаемых манипуляций всегда присутствует его мыслительная составляющая в виде подобия (имитации, гомеопатии) и/или соприкосновения (заражения).

В научной литературе описаны также и другие виды классификаций магических обрядов, в частности, выделяют магию любовную, вредоносную, лечебную, охранительную, хозяйственную, погодную. Здесь деление магии определяется конечным результатом совершаемых действий.

В магии башкир также могут быть выделены те или иные обряды, действия, приемы, которые должны были привести к исцелению или вызвать страсть в другом человеке, нанести вред или оберечь, обеспечить успех на охоте и т. д. [3]. В настоящее время, безусловно, степень сохранности древних видов магии башкир и связанных с ней обрядов различна. Судя по фольклорно-этнографическим материалам, в наибольшей степени сохранились лечебная и охранительная магии, в меньшей – любовная, животноводческая, погодная. И почти полностью исчезли промысловая и вредоносная магии [3, с. 7].

Огромное многообразие магических приемов и ритуалов сложно, если вообще возможно, уложить в какую-либо классификацию. Однако, как нам представляется, именно вышеописанные законы подобия и соприкосновения лежат в основе любого вида магии, будь то любовная, лечебная или вредоносная и др. Башкирские магические верования и обряды подтверждают сделанный нами вывод. Рассматривая их с точки

зрения того, как, каким образом они совершались, с какой целью или для достижения какого результата, мы можем приблизиться к пониманию рационального подхода в жизнедеятельности предков, великолепно знавших и чувствовавших Природу, не стремившихся властвовать над ней, покорить или подчинить ее. В основе их отношения к окружающей среде лежали принципы взаимодействия с ней. Осознание этого, на первый взгляд, столь простого и доступного для понимания условия существования человека на Земле, так необходимо сегодняшнему человеку, практически полностью утратившему связь с Природой и расплачивающийся за это. Следовательно, пережитки традиционных верований любого народа, равно и башкир, в том числе и о магии, содержат в себе ценнейшую информацию для осознания человеком его взаимосвязи с окружающей Природой, его места во Вселенной и принципов взаимодействия с ней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фрэзер, Дж. Золотая ветвь. – М., 1980.
2. Сулейманова, М. Н. Доисламские верования и обряды башкир. – Уфа, 2005.
3. Лечебная и охранительная магия башкир. Тексты / составление, подготовка текстов Ф. Г. Хисамитдиновой. – Уфа, 2009.

ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА В КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЕВ ТУВЫ: ИСТОРИЯ КОМПЛЕКТОВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

А. О. Дыртык-оол

УДК 391

В статье показано формирование фондовых коллекций различных типов традиционной одежды в Национальном музее Республики Тыва. Автор дает характеристику одежде тувинского чиновника, тувинца-скотовода, богатой женщины. Значительное внимание уделяется коллекциям головных уборов, обуви, хранящихся в музее.

Ключевые слова: головные уборы, обувь, национальные костюмы, музейные коллекции, этнография.

Традиционная одежда – одно из проявлений материальной культуры того или иного народа. В ней отражаются традиции, коренящиеся в этнической истории, социальные отношения и некоторые элементы идеологии – верования, эстетические нормы [1, с. 3]. Одежда является ценным источником для изучения истории того или иного народа. Материал по одежде доказывает историческую общность народов какого-либо региона или местности, указывая на внешнее сходство или элементы костюма. Покрой одежды можно использовать для сравнительного анализа с традиционной культурой родственных народов.

Сведения о традиционной одежде тувинцев имеются в отчетах русских путешественников и ученых в конце XIX – начале XX в. [2, с. 16, 55–56, 105–108, 109–112]. В советское время изучение тувинского костюма значительно расширилось. Традиционная одежда освещена в монографиях и статьях, написанных на основе полевых материалов [3; 4; 5; 6; 7]. Философско-нравственное содержание традиционного тувинского костюма показали в своей работе М. Сиянбиль и А. Сиянбиль [8].

В коллективной монографии «История Тувы» (2001) мы находим, что «одежда тувинцев, как и вся сложившаяся веками материальная культура, была приспособлена к кочевому быту в условиях горно-степной и горно-таежной природной среды» [9, с. 248]. Этнокультурные и исторические события, происходившие на территории Тувы с середины первого

тысячелетия нашей эры, наложили определенный отпечаток на материальную и духовную культуру местных племен. До настоящего времени вопрос об окончательном формировании того или иного вида традиционной одежды тувинцев вызывает много споров у исследователей народной культуры. Исследователи М. О. Сиянбиль и А. А. Сиянбиль считают, что тувинский костюм претерпел значительные изменения на протяжении нескольких веков и «с середины XVIII в. сохранил свой основной облик до наших дней... Захватчики (китайские захватчики. – авт.) заставили подавленные народы изменить свой национальный костюм на маньчжурский манер. Это были последние заметные изменения в формировании традиционного тувинского костюма, и в таком виде он сохранился до наших дней» [8, с. 5–6].

Традиционная одежда тувинцев хранится и экспонируется в основном в Национальном музее РТ (НМРТ), и имеется несколько экземпляров в музее «История и материальная культура народов Центральной Азии» Тувинского государственного университета. Изготовлены и сшиты они из различных материалов: выделанных шкур домашних и диких животных, шелка, войлока и недорогой ткани (например далембы или ситца), а в наше время из искусственных материалов (кожзаменителей).

Начало формирования фондовых коллекций материальной культуры, в том числе и одежды, связано с основанием Государственного музея Тувинской Народной Республики.

Предысторией комплектования фондов музея является конфискация имущества покойного князя Идам-Сюрюна, бывшего правителя Салчакского хошуна. Первый директор В. П. Ермаляев, свидетель выступления аратов на собрании по поводу раздела княжеского наследства в 1928 г., позже вспоминал: «Было отобрано большое количество ценных предметов, одежды, обуви, различной посуды, домашнего обихода, личных вещей нойона и его семьи. Тогда возник вопрос о создании Тувинского государственного музея» [10, с. 22]. Таким образом, эти вещи являются первыми экспонатами музея, некоторые из них до сих пор экспонируются в одном из залов Национального музея РТ.

Особое внимание посетителей Национального музея РТ привлекает нарядная одежда тувинского чиновника, сшитая из китайского шелка, на груди которого изображен дракон (ручная вышивка). На наш взгляд, образ дракона появился в тувинской традиционной культуре примерно с середины XVIII в., когда северный буддизм был объявлен официальной религией тувинцев. С 1756 г. маньчжурская династия Цин сокрушила Джунгарское ханство, и территория Тувы оказалась под ее властью [8, с. 216]. Цинское правительство, ликвидировав старые титулы и звания монгольского времени, учредило новые звания, чины и знаки их отличия. И это отразилось на одежде тувинских чиновников высшего ранга.

В мифологии Китая драконы занимают центральное место. Среди четырех священных животных Поднебесной – дракон, феникс, цилинь и черепаха – дракон считается самым главным. С глубокой древности китайские драконы служили символом высшей власти и, что особенно важно, мудрого правления. К людям они, как правило, относились благожелательно. За это жители Поднебесной своих драконов искренне почитали. Одежда в Китае определялась не личным вкусом каждого и не его достатком, а законом. И ткани, и элементы украшения костюма должны были строго соответствовать социальному положению его хозяина. Шелковые ткани позволялось носить чиновникам высшего ранга [11, с. 31]. Цинские власти установили для тувинских князей жалованья

соответственно их рангам, определили типы церемониальной одежды, убранства жилища. По их установлению в жалованье нойону в чине бэйли ежегодно выделялось 800 лан серебра и 13 кусков парчи и шелковых тканей [8, с. 221]. В Туве шелковые ткани приобретались через китайских купцов, и, конечно, они были доступны только зажиточным людям. Известный русский путешественник Ф. Кон писал, что «Китай доставлял материал для одежды богачей и чиновников».

Для тувинцев и других кочевых народов Азии характерны распашные кимонообразные одежды, которые бывают нательными и верхними. У кочевых народов сложился особый тип одежды, удобный для верховой езды – широкий халат у мужчин и женщин. Общим наименованием для тувинской национальной одежды является слово «тон» [3, с. 210] или «хеп», собирательное «хеп-сын», «идик-хеп» [8, с. 248].

По словам С. И. Вайнштейна, «кочевые и полукочевые скотоводы горно-степной зоны, составляющие основную часть населения Тувы конца XIX – начала XX в., «тоны» шили главным образом из выделанных шкур домашних животных и ткани; кочевые и полукочевые охотники-оленоводы горно-таежной зоны изготавливали верхнюю одежду из выделанных шкур диких животных, а кочевые и полукочевые охотники-скотоводы горной таежно-степной зоны в промысловой одежде были сходны с таежными охотниками-оленоводами, а остальные виды одежды были аналогичны тем, которыми пользовались горно-степные скотоводы» [12, с. 8–10]. В НМРТ и университетском музее имеются в малом количестве разновидности одежды охотников-скотоводов таежной зоны, о которых писал известный этнограф.

Всегда была очень важна знаковая одежда, отражающая социальное и имущественное положение человека. Н. Ф. Катанов заметил, что «у богатых сойотских женщин шубы покрываются шелковой материей; сверху материи нашиваются в виде каймы внизу шубы кругом черные и красные шириной в $\frac{3}{4}$ вершка ленты. Такие же двух цветов ленты идут вокруг шубы под поясом и по краю шубы и воротника. Воротники (*чага*) делаются узкие, в $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$

вершка, и застегиваются медною шарообразною монгольской пуговицею [13, с. 56]. К сожалению, описанной ученым одежды в НМРТ всего несколько экземпляров, большую часть коллекции составляют мерлушковые шубы, покрытые шелком.

В фондах Национального музея РТ представлены все виды традиционной одежды тувинцев: сезонная (зимняя, летняя и демисезонная), половозрастная, социально-имущественная, обрядовая, культовая.

Главный хранитель Национального музея РТ Р. Б. Ховалыг справедливо поднимала следующие проблемы:

– состояние этнографических коллекций, которые хранились еще в старом здании музея: из-за отсутствия нормального температурно-влажностного режима некоторые предметы из коллекции одежды пришли в негодность, что музей вынужден был их списать;

– недостаточное комплектование фондов по одежде, а именно – в музее отсутствует полный костюм тувинских оленеводов [14, с. 72].

В 2006 г. ею же ставился вопрос о проблеме комплектования, реставрации и консервации одежды Национальным музеем РТ [15]. Вышеназванные проблемы можно решить: заказать тувинским мастерам разновидности одежды, внимательно изучив фотографии первого директора Тувинского музея В. П. Ермолаева.

В Национальном музее РТ представлена коллекция головного убора, подразделяющаяся на такие разновидности, как половозрастная (детская, мужская, женская), социально-имущественная (например чиновничья), сезонная, обрядовая и промысловая. Для их шитья были использованы различные материалы: шелк, бархат, шкуры таежных зверей (белки, соболя, степного сурка и др.) и домашних животных. Представлены большей частью конусообразные шапки с плетеным узлом (дошка) на вершущке и лентами (в основном красного цвета) сзади. Это самые распространенные виды головных уборов, или *маактыг борт*, что означает «шапка с лентами». Эта удобная шапка предназна-

лась для зимних периодов. Вот как отметил Н. Ф. Катанов: «Сойоты имеют на своей шапке шарик (*токша*), одну красную (*чала*) ленту наверху шапки, а две такие же ленты (*мак*) спускаются на спину с задней стороны шапки. У детей шариков не бывает; но только если они дети дворян, то имеют шарик с детства; в противном случае шарик дается с 10–15-летнего возраста» [13, с. 26].

«Шапки женские имеют один фасон с мужским, по крайней мере, шапки, виденные мною, до сих пор на Джакуле (*Чаа-Холе*. – от авт.), Баин-Коле (*Баян-Коле*. – от авт.) и Булуке. Как мужские, так и женские шапки снабжены большими овчинными наушниками для защиты ушей от сильных морозов. Во время жары эти наушники приподнимаются и привязываются находящимися на их концах ситцевыми или шелковыми ленточками к шарик, прикрепленному на макушке; во время холода наушники связываются под подбородком. У богатых шапки обшиваются дорогими лентами (красными, голубыми), два конца которых свешиваются на спину. У крупных чиновников, по рассказам сойотов, на шапках есть павлиньи перья, воткнутые в них сзади» [13, с. 56].

Н. Ф. Катанов обратил внимание на шапку, «покрытую шелковой материею и рисунком вокруг шарика или шишки... Рисунок этот, вышитый на шелковой крыше шапки синим и красным шелком, называется *угулза*. Часто передняя часть шапки делается шире и выше наушников передней части и покрывается снизу вместо мерлушки собольею шкуркою (у богатых)» [13, с. 63]. В фондах Национального музея РТ хранятся аналогичные шапки, приобретенные в разные годы во время научных командировок или этнографических экспедиций.

В состав одежды включают и обувь, которая также представлена в вышеназванных музеях. Имеются такие виды, как половозрастные, промысловые, обрядовые, т.е. это детские, мужские и женские, шаманские, охотничьи. Обувь бывает на твердой подошве (*кадыг идик*) и на мягкой (*чымчак идик*). Орнаментированную обувь по-тувински

называют «угулзалыг идик», буквально – обувь с орнаментами.

Хакасский ученый в свое время поставился дать точное описание тувинской обуви: «Сойотские сапоги имеют заостренный конец. Подошва сапога у всякого сойота делается очень толстая, толщиной в $\frac{3}{4}$ вершка кругом. Каблук не делается никогда. Подошва состоит из кочмы или бересты толщиной в $\frac{1}{4}$ вершка, на которых снизу и сверху наложена кожа, смиренная по подошве ноги и увеличенная на палец. Подошва пришивается к сапогу нитками из сухих воловьих жил. Шитьем занимаются только женщины». В одном из музейных паспортов так дается описание обуви научным сотрудником музея Е. Ш. Байкара: «Кадыг идик изготовлена из черной кожи. Характерен загнутый вверх носик (*идик думчуу*). Отделку (шов) по-тувински называют *ыскыт*. Подошва из кожи белого цвета от загнутого носика до пятки обуви имеет лыжеобразную форму, а подошва от носка зауживается и в пятках закругляется. Внутри обуви чулок из войлока. Голенище кроится из двух кусков выделанной кожи, а головка (*края обуви*. – от авт.) *идик майыы* также кроится из двух кусков кожи. Подошва изготавливается из толстой кожи, к которой пришивается несколько слоев войлока, такого же размера. Шов *ыскыт* с подкладкой прижимали при пошиве обуви». Таким образом, и ученый в XIX в., и музейный работник во второй половине XX в. дали точное описание тувинской обуви, но каждый по-своему.

Анализ научно-справочного аппарата Национального музея РТ показал нам наличие тематической картотеки, где с 1950-х гг. были составлены разделы о следующих разновидностях тувинской национальной одежды, хранящихся в его фондах: спортивная, детская, зимняя, демисезонная, женская и мужская, обрядовая, брюки, головные уборы и обувь.

По сведениям Р. Б. Ховалыг, в фондах музея хранятся 294 единицы предметов одежды, из них 92 датируются концом XIX – началом XX в. [15, с. 240]. Общая численность этнографических предметов на 1 января 2011 г. составляет 9783 ед. хранения, из них основного фонда – 8260, научно-вспомогательного – 1523. За

период с 2007 г. по настоящее время не было новых поступлений по традиционной одежде, кроме двух, зарегистрированных в 2008 г. Это стилизованные концертные костюмы, выполненные по эскизам модельера В. О. Донгака, ныне министра культуры Республики Тыва: женский тон из бархата и конусообразная шапка из парчи. Украшает последнюю наверхшие из узла *дошка* и три шелковые ленты.

Пополнялись музейные собрания за счет закупки от самих авторов – народных мастеров или владельцев одежды, некоторые образцы приобретались на месте, т. е. во время этнографической экспедиции (1962).

В Книге регистрации новых поступлений за № 1 зафиксирована запись о предметах, закупленных от Тувинского музыкально-драматического театра в 1954 г. По словам информатора, бывшей артистки, ныне покойной М. Б.-С. Баир, в 1940-е гг. музейные экспонаты, т. е. одежда и украшения, использовались артистами во время спектакля «Хайыраан-бот» тувинского драматурга В. Кок-оола. А по сведению С. Д. Чимит, работавшей много лет заведующей костюмерным цехом, в театре хранилась одежда бывших чиновников и зажиточных баев, которые также использовались артистами, а позже мастерица создала их точные копии, а оригиналы были переданы в музей. В 1990-е гг. по просьбе автора данной работы, работавшей главным хранителем музея, народная мастерица сшила несколько видов женской и мужской одежды, шапок, костюмов для борцов. Непаспортизованные предметы из старых коллекций и новые приобретения музеем неустановленного происхождения частично были определены и научно обработаны.

Из обрядовой коллекции в музее представлены шаманские и ламские костюмы. Первые поступили в фонды музея благодаря активной собирательской работе С. И. Вайнштейна, работавшего в НМРТ в начале 1950-х гг., и ветерана музейного дела М. Б. Кенин-Лопсана. Одежда тувинских монахов, в том числе для ритуального танца во время буддийских праздников, приобретена музеем в 1950-е гг. Первая одежда тувинского шамана поступила в НМРТ в 1954 г. Шаманскую коллекцию составляют предметы

из восьми халатов, семи головных уборов и пяти пар обуви. К сожалению, пока нет атрибуции и научного изучения этих вышеназванных интересных вещей, свидетельствующих о древней и поздней религии тувинцев. Думаем, что эта тема ждет своих исследователей.

Музей «История и материальная культура народов Центральной Азии» создана в 2009 г., однако за этот период были приобретены уникальные, неповторимые материалы по этнографии Тувы, в том числе предметы быта тоджинских оленеводов. Макет чума, предметы домашней утвари, а также небольшую коллекцию одежды передал знаток народных традиций С. М. Арандол. В экспозиции представлены сшитые из обработанной шкуры детская обувь, охотничья летняя шапка, куртка и штаны, а также тон из белой мерлушки, покрытый синей тканью с тувинскими пуговицами. Фонды пополнились несколькими экземплярами одежды (детской, мужской и женской). С помощью студентов исторического факультета в музей поступили шапки, правда, стилизованные и сшитые из современных материалов. Университетскому музею предстоит большая работа по комплектованию фондов по материальной культуре народов Центральной Азии с привлечением студентов во время полевых работ.

Таким образом, в фондах музеев Тувы (Национального РТ и университетского) хранятся те разновидности одежды (тон, головных уборов, обуви), которые кратко описал в своих дневниках знаменитый ученый-тюрколог, этнограф, лингвист Н. Ф. Катанов. Однако есть еще проблемы, связанные, прежде всего, с научной обработкой предметов по этнографии. Как было указано выше, большая часть предметов не имеют полного научного описания. Это связано с отсутствием музейного этнографа в Туве, специалиста по материальной культуре, который занимался бы атрибуцией вещественных источников. Хочется привести слова Р. Ф. Итса: «Этнограф работает с музейными коллекциями, пытаясь заставить вещи заговорить, рассказать о том времени, когда они были сделаны, и о тех, кто их создавал» [16, с. 83, 136–138].

ЛИТЕРАТУРА

1. Сухарева, О. А. Вопросы изучения костюма народов Средней Азии // Костюм народов Средней Азии: историко-этнографические очерки. – М., 1979.
2. Традиционная юрта тувинцев глазами иностранцев. – Кызыл, 2003.
3. Потапов, Л. П. Очерки народного быта тувинцев. – М., 1969.
4. Сат-Бриль, Л. Ш. Традиционная одежда тувинцев // Культура тувинцев: традиция и современность. – Кызыл, 1988.
5. Дьяконова, В. П. Материалы по одежде // Труды ТКАЭЭ, 1957–1958 гг. Т. 1. – М.-Л., 1960.
6. Вайнштейн, С. И. Тувинцы-тоджинцы. – М., 1961.
7. Вайнштейн, С. И. Мир кочевников Центра Азии. – М., 1991.
8. Сиянбиль, М. О., Сиянбиль, А. А. Традиционный тувинский костюм. – Кызыл, 2000.
9. История Тувы // под общ. ред. С. И. Вайнштейна и М. Х. Маннай-оола. – Том 1. – Новосибирск, 2001.
10. Дыртык-оол А. О. История музейного дела в Туве (1920–1940 годы). – Кызыл, 2007.
11. Драконы великие и ужасные / отв. ред. Е. М. Стрельцова. – М., 2010.
12. Вайнштейн, С. И. Историческая этнография тувинцев. – М., 1972.
13. Катанов, Н. Ф. Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской Академии Наук и Императорского Русского Географического Общества / подг. к рукописи, вступ. слово и комментарий А. К. Кужугет. – Кызыл, 2011.
14. Ховалыг, Р. Б. Проблемы сохранения музейного фонда Республики Тыва // Музей в XXI веке: проблемы и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Кызыл, 21–24 сентября. – Кызыл, 2005.
15. Ховалыг, Р. Б. Коллекция одежды в фондах Национального музея Республики Тыва: проблема комплектования, реставрации и консервации // Вопросы изучения истории и культуры народов Центральной Азии и сопредельных регионов: материалы Междунар. науч.-практ. конф. к 80-летию со дня рождения С. И. Вайнштейна. – Кызыл, 2006.
16. Итс, Р. Ф. К людям ради людей: этнографические новеллы. – Л., 1987.

ИСТОРИЯ РОССИИ И ЕЁ РЕГИОНОВ

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Н. В. Екеев

УДК 391/395

В статье на основе анализа исторической литературы установлены отличия в порядке расселения и этническом составе кочевого и оседлого населения Алтая на протяжении XVII – первой половины XVIII в. В составе и порядке расселения оседлого населения Северного Алтая (бассейна реки Бии) из-за раннего включения его в состав России существенные изменения не произошли. Кочевники-скотоводы, наоборот, постепенно мигрировали с приобской равнины в предгорья и горы Алтая. Это привело к усложнению их этнического состава.

Ключевые слова: Алтай, Джунгария, оседлые охотники, кочевники, белые, чёрные калмаки, теленгуты, сойоны, телёсы.

Этническая история коренных жителей Российского Алтая изучается отечественными исследователями более двух с половиной веков. За это время накоплена большая литература. Она в той или иной степени уже подвергалась анализу в работах авторов дореволюционного времени (XIX в. – 1917 г.), советского и современного периодов. Настоящая статья посвящена историографическому анализу проблем этнического состава коренного населения Российского Алтая XVII – первой половины XVIII в.

Вначале обратимся к сведениям второй половины XVII в. Данные о племенах и родах Алтая имеются в чертежах Сибири, росписях к сибирским чертежам, дневнике Н. Спафария, летописи «Описание Сибири». Эти исторические источники достаточно подробно исследованы и прокомментированы в трудах Г. Н. Потанина, А. И. Андреева, М. Розена, А. П. Уманского и других авторов. Поэтому сначала кратко остановимся на общепринятых фактах, затем подробнее – на спорных вопросах, связанных с определением названий, этнической принадлежности племен Алтая и их расселения.

Исследователи установили, что в выше-названных исторических источниках XVII в. наиболее точно передавались названия племен и родов северной (таежной) части Алтая: *куманды*, *кузен*, *комдош* (*комнош*), *кергеиш* (*тиргеиш*), *чагат* (*чаат*) и *шалканду*. И это вполне объяснимо, ибо они в первой половине XVII в. были включены в сферу влияния Российского государства.

Следующий сложный этноним *таутелеуты* (горные телеуты) – это название группы телеутов (теленгутов), живших в предгорьях Алтая, по чертежам С. У. Ремезова – в долинах рек Наймы и Ишы, правых притоков Катуня. Известны некоторые их роды: *мундус* (*мундусцы*, *мундужцы*, *яу-мундужцы*), *тодош* и *кергил* (Тотушская и Кергилская волости в ясачных книгах) [1, с. 106, 114].

Носители этнонима *карасагалцы* (*карсагалы*, *карасайгальцы*), т. е. черные сагалы, в источниках XVII в. фиксируются сначала в верховьях р. Томи, а затем – по низовью Бии и Катуня. Согласно современной этнографии, они являются родами алтайцев (*сагал*, *саал*) и тувинцев (*кара-саал*). В основе сле-

дующих названий – *карагайцы*, *караганцы*, *карабитцы* – скорее всего лежит топоним *карагай*. В документах XVII – начала XVIII в. он часто упоминается как местность *Кан-Карагай*, или *Кан-Карагайская земля*, локализуемая в верховьях Чарыша и Катуня. Другая группа терминов – *теленбинцы*, *теленбуты*, *телен-орда* – явно описка, неточная русская передача этнонима *теленгут*. Под термином «*каймайцы*», также опиской, принято считать этноним *найман* [2, с. 300–319; 3].

В документах и чертежах Сибири XVII в. часто упоминаются *саянцы* (*саяны*, *сойоты*), которые также привлекали внимание исследователей. Г. Н. Потанин считал, что «название *урянха* придает этому народу монголы, сами же зовут себя *туба*, или *тува*» [4, с. 7]. Его современник В. В. Радлов, имея в виду тувинцев (названы «татарами»), утверждал, что «монголы называют татар «урянхай», у русских называются «саянцы», а у алтайцев и абаканских татар – под именем «сойонг». Сами себя называют *туба*» [5, с. 11]. Следовательно, слово «саянцы» и его различные варианты попали в русские документы через алтайский (телеутский) или хакасский языки. На чертежах XVII в. саянцы (сойоны) отмечены и как жители юго-восточных районов Российского (Горного) Алтая. Это подтверждается как историческими документами, так и преданиями алтайцев [6, с. 61; 7].

По данным современной этнографии, этноним *сойон* (*сойан*) имеется в составе алтайцев, тувинцев, а также среди алтайских урянхайцев и урянхайцев-мончок (тувинцев) Западной Монголии [8, с. 31–32; 9, с. 26–27]. У алтайцев род *сойон* образовался от потомков людей Саянской волости, которые в 1756–1757 гг. вместе с теленгутами добровольно приняли подданство России. В конце XIX в. род *сойо* учтен только в группе алтай-улус, т. е. среди населения семи алтайских дючин [10]. Данный факт наводит на мысль, что сойоны вместе с родственными сеоками *иркит* и *коболу*, иногда считавшимся подразделением сойонов [11, с. 19], вероятно, не входили в состав теленгутов и

значительно раньше. Иначе говоря, в XVII в. алтайские сойоны (саянцы) могли представлять самостоятельное племя.

В отечественной историко-этнографической науке нет единства взглядов по вопросу о том, почему в официальных сибирских документах и чертежах XVII – начала XVIII в. одна группа калмаков (калмыков) Алтая и Верхнего Приобья называлась «белыми», а другая – «черными калмаками». По данному вопросу существуют две основные гипотезы. Сторонники первой гипотезы за основу цветового обозначения в указанных этнонимах брали внешние (антропологические) признаки их носителей. Так, Г. Ф. Миллер, объясняя значение термина «белые калмаки» (имея в виду телеутов), считал, что они «лицом блее и больше походят на татар» [12, с. 179]. И. Г. Георги отмечал, что белые калмыки вышли из Алтайских гор, покрытых белыми снегами. Правда, слово «белый» в данном сочетании он связывал и с понятием «вольность, благородство и независимость» [13, с. 155].

Авторы второй гипотезы (И. Э. Фишер, Г. И. Спасский, Г. Н. Потанин) считали, что в сибирских документах белыми и черными калмаками назывались теленгуты и другие родственные им племена, а цветовое обозначение к ним придано для отличия их по политическому отношению к Российскому государству. Например, И. Э. Фишер писал: «В российских показных делах они (перешедшие в подданство России телеуты) называются «белыми калмаками» для отличия, как сказывают, от контайшенных калмаков, которых именуют иногда «черными» [14, с. 52]. По мнению Г. И. Спасского, указанные названия приданы «им для отличия их между собой, либо от образа их жизни и преимущественной верности России одних пред другими» [15, с. 8]. В современных исследованиях доказано, что белые калмаки – приобские теленгуты, считавшиеся в официальных документах XVII в. «подданными» русского царя, фактически номинально зависели от правительства России. Их князья

периодически выступали в роли временных союзников томских и кузнецких воевод [1; 3].

Исключением являлись так называемые «выезжие» белые калмыки. Основной их контингент составляли теленгуты, которые по разным причинам «выезжали» (убегали) с владений джунгарского хана и принимали российское подданство. Они поселялись около городов Томска, Кузнецка и пополняли местное ясачное население и ряды сибирских служивых татар. Эта группа белых калмыков составила ядро кузнецких и томских телеутов.

По отношению к черным калмыкам правительство России особых притязаний не выражало, ибо они были подданными Джунгарского ханства.

В российских документах XVII – начала XVIII в. цветовые обозначения употреблялись в отношении других восточных народов. Известны, например, белые и черные кыргызы Енисея, волжские белые калмыки [16, с. 127; 17, с. 77–78]. Здесь мы имеем дело с достаточно распространенным явлением. В данном случае цветовая символика имела не этническое (антропологическое), а скорее всего социально-политическое значение [18, с. 116–119].

Если белых калмыков принято относить к телеутам (теленгутам), то исследователи неоднозначно подходят к вопросу об этнической принадлежности черных калмыков Алтая. Сторонники гипотезы об их принадлежности к западным монголам (Л. П. Потапов и др.) в качестве аргумента приводят тот факт, что на левобережье Катуня кочевали люди Матуратайши, Кокен-батыра и других князей, которые якобы были джунгарами. Если обратимся к историческим сведениям, то они будут свидетельствовать обратное. Так, Матур-тайша или Матур Самарганов и его отец Самарган Иргай во второй половине XVII в. возглавляли группу саянов, мунгатов и точей [19, с. 42; 20, с. 36–37]. В XVII в. ближайшими соседями белых калмыков были кужугеты и орчаки, которые иногда причислялись к черным калмыкам [21, с. 21–28]. По данным современной этнографии, кужугеты и орчаки (орцики) входят в состав тувинцев и алтайских урянхайцев Монголии [22, с. 387–389].

Таким образом, черными калмыками (калмаками), применительно к населению Горного Алтая XVII в., назывались подданные Джунгарского ханства, в этническом плане принадлежавшие теленгутам и другим родственным племенам. Примечательно то, что после ухода приобских теленгутов вглубь гор Алтая и Джунгарию термины «черные калмыки» и «белые калмыки» перестают употребляться.

Перейдем к анализу этнического состава населения Горного Алтая в первой половине XVIII столетия. По оценкам исследователей, в названиях северных алтайских племен и в системе их расселения особых изменений не произошло. Кочевья тау-телеутов заметно расширились к югу до долины Семы – левого притока Катуня. К юго-западу от волости тау-телеутов находились джунгарские «Кан-Каракольские волости». Названия волостей возникли от рек Кана и Каракола, где находились ставки зайсанов. Население этих волостей (отоков) называлось «зенгорскими канскими и каракольскими калмыками». Далее к югу и юго-востоку от Кан-Каракольских волостей, т. е. в верховьях Катуня (по Уймону), Иртыша (по Бухтарме, Нарыну), Чуи и Аргута, кочевали саянцы (сойоны) и «уряньхайцы» [16; 6; 23].

Данные, которыми мы располагаем, позволяют сказать, что «уряньхайцами» в Горном Алтае назывались чаще всего алтайские сойоны, изредка теленгуты [16, с. 114]. Вообще говоря, слово «уряньхай» попало в русские источники конца XVII – начала XVIII в. из джунгарских и монгольских дипломатических документов. Например, в джунгарских документах урянхайцами назывались зависимые от джунгаров тюркоязычные роды и племена Саяно-Алтая. Исключения допускались только в отношении теленгутов, енисейских киргизов, мингатов и некоторых других племен, составлявших 12 «новых» отоков Джунгарского ханства [24; 18, с. 160].

Согласно русским документам первой половины 50-х гг. XVIII в., на территории Горного Алтая существовали Канская, Каракольская, Саянская, Урянхайские и Теленгутские волости. Канская волость располагалась в верховьях долин Чарыша и Ануя. Теленгутские

волости стали отмечаться позднее, чем Канская и Каракольская волости. Среди глав Теленгутских волостей (отоков) фигурировали зайсаны: Кутук Кутуйгулин (род кыпчак), Буктуш Кумеков (мундус), Намыкай Малаев (тодош), Кымык Яманаков (мундус) и Бурут Чекугалин (тодош). Зайсан Кутук и его брат Мамут кочевали по Кеньге и Бешу (Песчаной). Кочевья зайсана Буктуша находились на правом берегу Катуня и по Семе; Намыкай Малаева – по Кайырлуку; Бурута Чекугалина (Амугулова) – по Найме и Семе. В документах отмечены зайсан Саянской волости Имзынак Кубашев и Будюки Куранаев (род кара-иркит), зайсаны Урянхайских волостей Кульчукай (род јети-сары), Бокол Субояков и Намжил Тысов (оба рода сойон). Их кочевья располагались в верховьях Катуня (в Уймоне) и Иртыша (по Нарыну, Берели). В документах упомянут также зайсан Телесской волости Кочелей Оксунув [7, с. 70].

На основе анализа материалов можно заключить, что в первой половине XVIII столетия в Горном Алтае расселялись тюркоязычные племена. Теленгуты (они же тау-телеуты, отчасти кан-каракольские калмыки) кочевали в междуречье Катуня и Иртыша за российско-джунгарской границей. Тёлёсы (телесцы, телесы) занимали южный берег Телецкого озера, долины Чулушмана и Башкауса. Алтайские сойоны (саянцы, урянхайцы) кочевали в долинах Чуи, Аргута и Катуня (в верхней и отчасти средней части). Порядок расселения родов и племен долины Бии с притоками оставался без особых изменений.

Середина 50-х гг. XVIII столетия стала переломным рубежом в истории алтайского народа. В сложной международной обстановке, сложившейся в результате разгрома Джунгарского ханства цинским Китаем, основная масса племен Горного Алтая добровольно приняла подданство Российского государства. Значительная группа теленгутско-урянхайского населения (2284 человек) после принятия российского подданства подверглась принудительному переселению на Волгу к калмыкам [25; 23]. На Алтае осталась лишь часть теленгутов и урянхайцев (сойонов, киргизов и др.), которая уклонилась от переселения под видом

двоеданцев или скрывалась в труднодоступных горах, отбиваясь от опустошительных цинско-монгольских и казахских набегов. Территория кочевий алтайских племен, бывших джунгарских подданных, теперь ограничивалась долиной Катуня на востоке и юге и верховьем Чарыша на западе. В административном отношении они были распределены на пять дючин Бийского округа.

К востоку от них, по долинам Чульшмана, Башкауса и Чуи, проживала другая группа теленгутов, принявшая подданство цинского Китая. Но они добровольно вносили ясак в российскую казну. Поэтому их называли калмыками-двоеданцами, или чуйскими двоеданцами. И лишь через столетие (в 1864 г.) они полностью перешли в подданство Российского государства.

Историографический анализ работ отечественных исследователей позволяет подвести некоторые итоги изучения интересующей проблемы. На протяжении полутора веков, несмотря на сложные исторические события, сохранилась этническая преемственность населения Алтая. Наиболее крупным этносом этого времени являются теленгуты (телеуты). В начале рассматриваемого времени они занимали земли к югу от Томска и Барабинских степей на севере до гор Алтая на юге. На востоке их кочевья доходили до Салаирского кряжа, а на западе – до Иртыша. В конце XVII в. они кочевали южнее, на левобережье Оби и прилегающих горах Алтая. В русских документах того времени они назывались, помимо собственного имени, «белыми» и «черными калмыками», «тау-телеутами». Восточная их ветвь, занимавшая земли около восточного берега Телецкого озера, низовье Чульшмана и Башкауса, фигурировала под названием тёлёс (телес, телесцы). К югу и юго-востоку от теленгутов располагались кочевья алтайских сойонов.

В начале XVIII столетия в связи с изменением политической ситуации на юге Западной Сибири приобские теленгуты (белые калмыки), как и енисейские кыргызы, подверглись переселению в верховья Иртыша и район Или. Подобное переселение оказало существенное влияние на этнический состав населения Алтая. В офи-

циальных российских документах произошло некоторое смещение и путаница в названиях племен Алтая, входивших в состав Джунгарского ханства. Так, «канскими и каракольскими калмыками» стали называться те, кто ранее были известные как «караганцы, карагайцы, черные калмыки, саянцы». А новый (для русских документов) термин «урянхайцы» стал использоваться в отношении прежних сойонов и даже части «канских и каракольских калмыков», т.е. алтайских теленгутов.

Этнический состав населения северной (таежной) части Алтая, т. е. бассейна Бии, на протяжении рассматриваемого времени не претерпел больших изменений. Объясняется это тем, что северо-алтайские этнические группы (куманды, шалканду, кузен, юс, тиргеш, комдош) с конца первой трети XVII столетия были в основном включены в административно-податную систему управления Российского государства. На протяжении рассматриваемого периода они составляли одноименные ясачные волости.

После присоединения Горного Алтая к России начался новый этап этнической

истории двух основных этнических общностей – алтайских теленгутов и сойонов с примкнувшими к ним «осколками» родов енисейских киргизов и джунгаров (ойратов). Первоначально они составили пять алтайских (тау-телеутских, калмыцких) дючин, затем их число возросло до семи.

Обратим внимание на особенности этнополитической истории теленгутов. Примерно с 50-х гг. XVII в. начался распад единой теленгутской общности с отделения так называемых «выезжих белых калмыков», ставших ядром кузнецкой (баятской) группы телеутов. В середине XVIII столетия в связи с разгромом Джунгарского (Ойратского) ханства теленгутов постигла трагическая участь всех ойратов. Джунгарские теленгуты, которые в 1750-х гг. добровольно приняли подданство России и сумели вместе с тау-телеутами остаться на Алтае, составили вторую алтайскую группу. Третью, чуйскую, группу образовали теленгуты, принявшие подданство Цинского Китая. Однако в 1864–1865 гг. чуйские теленгеты полностью перешли в российское подданство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долгих, Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М., 1960.
2. Потанин, Г. Н. Рецензия на книгу: Чертежная книга Сибири, составленная С. У. Ремезовым в 1701 году. – СПб., 1882 // Журнал министерства просвещения. – СПб., 1883. – Ч. 227 (июнь).
3. Уманский, А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. – Новосибирск, 1980.
4. Потанин, Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – Вып. 2. – СПб., 1881.
5. Радлов, В. Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии. – Томск, 1887.
6. Моисеев, В. А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII веке. – М., 1983. – С. 61.
7. Алтайцы (Материалы по этнической истории) / сост., предисл., коммент. Н. В. Екеева. – Горно-Алтайск, 2005.
8. Ральдин, Х. Ц. Этнический состав современного населения Монгольской Народной Республики // Проблемы этнографии и этнической истории народов Восточной и Юго-Восточной Азии. – М., 1968.
9. Екеев, Н. В. Коренные народы Российского и Монгольского Алтая (опыт сравнительного изучения этнического состава и традиционной культуры) // Актуальные проблемы этнической, культурной и религиозной толерантности коренных народов Русского и Монгольского Алтая / ред. колл.: В. Г. Бабин, Н. С. Модоров, Н. Х. Цэдэв. – Горно-Алтайск, 2006.
10. Швецов, С. П. Горный Алтай и его население. Т. 1. – Вып. 1. Кочевники Бийского уезда. – Барнаул, 1900. Приложение.
11. Токарев, С. А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. – М.-Л., 1936.
12. Миллер, Г. Ф. История Сибири. Т. 1. – М.-Л., 1937.
13. Георги, И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. – СПб., 1799. – Ч. 2.
14. Фишер, И. Э. Сибирская история. – СПб., 1774.

15. Спасский, Г. Телеуты или белые калмыки // Сибирский вестник. – Ч. 13. – СПб., 1821.
16. Материалы для истории Сибири / сост. Г. Н. Потанин // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1866. Кн. 4.
17. Титов, А. Сибирь в XVII веке. – М., 1890.
18. Екеев, Н. В. Население Горного Алтая в первой половине XVIII века: этнический состав и расселение // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: материалы VIII Междунар. конф.. – Горно-Алтайск, 2007. – Т. 1.
19. Дополнения к Актам историческим. – Т. 8. – СПб., 1862.
20. Спасский, Г. Путешествие к алтайским калмыкам // Сибирский вестник. – СПб., 1823. – Ч. 4.
21. Уманский, А. П. Телеуты и тувинцы в XVII столетии // Некоторые вопросы истории СССР. – Барнаул, 1974.
22. Сердобов, Н. А. История формирования тувинской нации. – Кызыл, 1971.
23. Самаев, Г. П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в.: Проблемы политической истории и присоединения к России. – Горно-Алтайск, 1991.
24. Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII в.). Документы и извлечения / сост.: В. А. Моисеев, И. А. Ноздрин, Р. А. Кушнерик; отв. ред. В. А. Моисеев. – Барнаул, 2006.
25. Потанин, Г. Н., Семенов, П. П. Дополнения к тому III // Риттер, К. Землеведение Азии. – Т. 4. – СПб., 1877.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ УЧАЩИХСЯ ГИМНАЗИЙ И ПРОГИМНАЗИЙ ГОРОДОВ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Т. А. Кискидосова

УДК 94(47)

В статье рассматривается повседневная жизнь учащихся гимназий и прогимназий Енисейской губернии. Показаны проблемы преподавания некоторых учебных дисциплин, материальные и организационные трудности школы, а также внешкольное времяпровождение учеников. Особое внимание уделено отношению учащихся к учебе и учителям. В работе были использованы архивные источники и материалы периодической печати. Недостатки преподавания в учебных заведениях вызывали недовольство учащихся, стремившихся получить качественное образование.

Ключевые слова: повседневная жизнь, гимназия, учащиеся, Енисейская губерния, урок, перемена, преподаватель.

В условиях реформирования современного школьного образования интерес представляет история школы и учеников дореволюционного периода. Повседневная жизнь школы является одной из актуальных тем в последнее время. Она включает в себя учебный процесс (уроки, экзамены, домашние задания), взаимоотношения учеников друг с другом, учителями и родителями, организация досуга школьников и т.д. История повседневности учащихся гимназий Сибири

во второй половине XIX – начале XX в. была затронута в ряде работ [1; 2; 3; 4]. Авторы рассмотрели некоторые аспекты повседневной жизни учебных заведений и пришли к выводу, что распространение образования в сибирском регионе способствовало изменению культурной и общественной жизни городов. За последние несколько лет применительно к истории образования Енисейской губернии в дореволюционный период можно назвать работы А. А. Клюквиной,

В. В. Бибиковой, П. Н. Мешалкина, Е. В. Комлевой [5; 6; 7; 8; 9]. Однако повседневная жизнь учащихся гимназий и прогимназий Енисейской губернии остается малоисследованной темой. Предметом исследования являются особенности повседневной жизни учащихся гимназий и прогимназий приенисейских городов. Рассмотрим такие стороны повседневной жизни гимназистов Енисейской губернии, как условия, в которых они получали образование, отношение учеников к учебе, а также проведение досуга в свободное от учебы время.

В данной статье используются документы личного происхождения (мемуары и дневник), которые содержат ценный материал о повседневной жизни гимназистов. Особый интерес представляют воспоминания красноярского краеведа и ученого Александра Леопольдовича Яворского о детских годах в Енисейске и Красноярске. В его воспоминаниях представлено красочное описание повседневной жизни горожан и, в частности, есть сведения об учебе в Енисейской прогимназии и в Красноярской гимназии¹. В статье также были использованы отрывки из дневника красноярской гимназистки Кати Гайдукович. Она делилась впечатлениями об учебе, давала оценку некоторым преподавателям, описывала проведение досуга учащихся². Повседневную жизнь горожан и, в частности, учебных заведений широко освещала периодическая печать. Материалы местной периодики занимают важное место в данной работе. На страницах местных газет представлена информация о различных проблемах гимназий и прогимназий, успеваемости учеников, проводимых учебными заведениями мероприятиями и т. д.

В Енисейской губернии до 1868 г. основным типом городских школ оставались двухгодичные приходские училища. Кроме приходских школ действовали казачья и частная школы. Уровень преподавания в

этих учебных заведениях не способствовал подготовке учеников для дальнейшего продолжения образования. Как правило, зажиточные горожане предпочитали для своих детей нанимать платных учителей на дому. Однако частные учителя не могли в полной мере обеспечить учеников знаниями. Дети знати и чиновников для получения образования в гимназии отправлялись в Томск или в Иркутск. В пореформенный период резко возросла потребность в организации в Енисейской губернии начальных и средних учебных заведений. В 1866 г. в Красноярске на собранные пожертвования было куплено здание для гимназии, также устроена библиотека и физический кабинет³.

Усилиями общественности 1 июля 1868 г. в Красноярске открылась мужская гимназия. Через год после открытия мужской гимназии начала действовать женская прогимназия, преобразованная в 1878 г. в женскую гимназию. С 1881 г. в Енисейске появилась женская гимназия. В 70–90-е гг. XIX в. в городах Енисейске, Ачинске и Минусинске стали действовать женские и мужские прогимназии. Обычно ученики, окончившие прогимназии в своих уездных городах, переезжали в Красноярск с целью продолжения образования в гимназии. В начале XX в. прогимназии Енисейска, Ачинска и Минусинска были преобразованы в гимназии. Высшие учебные заведения в губернии отсутствовали, выпускники гимназий отправлялись в университеты Томска, Казани, Петербурга, Москвы и других городов [10, с. 90–91]. К 1914 г. в Красноярске насчитывалось 3 гимназии (1 мужская и 2 женские) и 1 женская прогимназия, в уездных городах – 5 гимназий (1 мужская и 4 женские). Общее количество учащихся приенисейских городов составляло: в мужских гимназиях – 728 чел., в женских – 2143 чел., в прогимназии – 131 чел. [11, приложение 8].

С самого открытия гимназий и прогимназий в губернии среди учащихся преобладали дети привилегированных сословий.

¹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 2120. Оп. 1. Д. 28, 29, 31.

² Красноярский краевой краеведческий музей (КККМ). О/ф. 4733-1. Пир 494.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1281. Оп. 7. Д. 78. Л. 33.

Обучение в этих учебных заведениях было платным и поэтому позволить учиться своим детям могли только состоятельные родители. В мужской классической гимназии состав учеников комплектовался в основном из детей дворян, чиновников и купечества. В последующие несколько десятилетий поступление в среднее учебное заведение детей из демократических сословий оставалось ограниченным. С конца 1890-х гг. и особенно после революции 1905–1907 гг. в составе учащихся происходил рост процента детей мещан, ремесленников и крестьян. С 1896 по 1917 г. в женской гимназии Красноярска произошли следующие изменения: число детей дворян, чиновников и купечества уменьшилось с 59,9 % до 19,9 %, духовного звания – увеличилось с 1,9 % до 3,9 %, мещан и ремесленников – с 26,5 % до 30 %, крестьян – с 9,1 % до 33,8 %, ссыльных – с 0,3 % до 3 % и казаков снизилось с 1,2 до 0,4 % [7, с. 10].

В отличие от гимназий и прогимназий, в приходских школах, начальных и реальных училищах учились в основном дети мещан, ремесленников и крестьян. Ученики этих учебных заведений враждебно относились к гимназистам и нередко вступали с ними в конфликт. Особенно ярко эти столкновения проявлялись в уездных городах. Считалось, что в гимназии обучались дети родителей, материально обеспеченных и занимавших привилегированное положение в обществе. А. Л. Яворский констатировал: «Попасть в прогимназию труднее, чем в приходское училище, ощущалась разница в образовании. Постоянная злоба между прогимназией и приходским училищем доходила до сражений. Из-за пустяков в ход шли палки, камни и ремни. Разнимать драку выходили преподаватели обоих заведений»¹.

Гимназии и прогимназии Енисейской губернии испытывали ряд трудностей организационного и материального характера. В частности, мужская гимназия в первые годы своего открытия не имела библиотеки, существовала постоянная нехватка учебной литературы, кабинеты не были

оборудованы должным образом [12, с. 238]. Здания учебных заведений часто находились в неудовлетворительном состоянии. По воспоминаниям современников, в женской прогимназии стоял невообразимый холод, особенно в кабинетах II–IV-х классов, расположенных под магазином. Отопительная система находилась в неисправном состоянии. При усиленной топке печей возникал едкий дым, вредный для здоровья и тормозивший процесс обучения. В таких случаях окна и форточки открывались настежь, что приводило к усилению холода в помещении. Кабинеты женской прогимназии были тесны и неудобны, в комнате IV класса помещались только две парты [13, с. 18]. Подобная ситуация сложилась и в новом здании красноярской мужской классической гимназии. Плохое устройство печей способствовало постоянной сырости и угару в классах [14].

Материальные проблемы были у женской гимназии в Енисейске. В новом здании оставался долго недостроенным второй этаж, в зимнее время ученицы мерзли на уроках. Городская общественность требовала, чтобы попечительский совет своевременно ходатайствовал перед министерством, пока не израсходованы деньги, назначенные на строительные работы [15]. Нередко не хватало средств для проведения ремонта зданий учебных заведений. Так, например, для внутренней отделки красноярской мужской гимназии не хватило средств, отпущенных на ремонт. Из-за того, что ряд классов не был подготовлен для учебных занятий, гимназистам в очередной раз пришлось сильно потесниться [15].

Одной из острых проблем учебных заведений приенисейских городов, как и в целом по Сибири, была нехватка педагогических кадров. Для поступления на службу в среднюю школу нужно было закончить хотя бы курс гимназии. Окончание VIII класса гимназии давало возможность преподавания лишь в младших и средних классах школы. В старших классах гимназии вести обучение имели право только лица, окончившие высшее учебное заведение, в основном к ним относились

¹ ГАКК. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 28. Л. 5.

мужчины [3, с. 178]. В женскую прогимназию, а позднее в гимназию в качестве преподавателей поступали учителя гимназий и преподаватели уездных училищ. Учителями назначались лица, окончившие чаще всего женские институты [13, с. 22].

Красноярская мужская гимназия носила гуманитарно-классическое направление. Главными предметами считались русский и церковнославянский языки, словесность, история отечественная и древних классических народов, древние языки и литература, а также на выбор один из двух современных иностранных языков (немецкий или французский). Несмотря на гуманитарную направленность учебного заведения, большое значение уделялось математике. В гимназии было ограничено количество уроков чистописания, рисования и черчения. Последние два предмета предлагались только в особые часы для желающих. К обязательным предметам также относились музыка и пение, они велись за отдельную плату. Гимназисты обучались игре на духовых и музыкальных инструментах [5, с. 66].

Одними из сложных предметов для учеников являлись классические древние языки (латинский и греческий), основанные на постоянной зубрежке. Об изучении классических языков в красноярской гимназии А. Л. Яворский писал: «Греческий язык преподавали в IV классе, а латинский в течение всех восьми лет. К окончанию гимназии мы хорошо ориентировались во всяких «Акузативус кум инфинитива» в «Ут финале» с латинского исключения, подобранные для лучшего запоминания. В рифму чеканили с таким пафосом, что я помню их спустя 60 лет. Переводили Овидия, Вергилия, Тита Ливия, Цицерона и других авторов»¹.

В курсе женской гимназии преподавались: Закон Божий, русский и церковнославянский языки, литература, математика (арифметика, геометрия и тригонометрия), отечественная и всеобщая история, физика, география, рукоделие, чистописание. К необязательным предметам относились французский язык, рисо-

вание, пение, танцы и музыка. Преподавание немецкого языка, являвшееся необязательным предметом и пользовавшееся малым спросом среди учениц, часто не входило в учебный план гимназии. В старших классах добавлялись такие обязательные предметы, как педагогика, дидактика, методика русского языка, арифметики и географии, обучение отечественному языку [13, с. 21, 47].

На качество знаний в женских прогимназиях обратил внимание еще Н. Н. Бакай. В ходе проверки, проведенной в 1871 г. в красноярской женской прогимназии, было установлено то, что ученицы проявили слабые знания по русскому языку, они «не умели излагать свои мысли на бумаге, а чтение идет весьма дурно» [13, с. 19]. Посетивший Красноярскую женскую гимназию в 1883 г. главный инспектор училищ Восточной Сибири Н. И. Раевский рекомендовал уделять больше часов в женской гимназии такому предмету, как рукоделие. По его мнению, кройка и шитье белья более необходимы для девушек в обыденной жизни, чем другие предметы [13, с. 39]. Программа и методы обучения в женских гимназиях вызывали недовольство со стороны многих учениц, некоторые из них хотели после окончания гимназии продолжить образование. В начале XX в. гимназистки указывали на пороки преподавания: «Наша школьная программа далеко ниже мужской школы, а девочки совершенно не подготовлены для продолжения высшего образования. С учительской кафедры слышатся высказывания (Погуляй – преподаватель Красноярской женской гимназии): «Об этом научном вопросе не стоит распространяться, ведь вам в жизни это не понадобится. Вам надо уметь стряпать и шить, а эти все науки вы всерьез забудете потом». На первом плане гимназисткам преподают языки, танцы, рукоделие, вышивание и выжигание. Ученицы малоуспешны в математике и русском языке, но могут рассчитывать на блестящее окончание курса. Физику превратили в забавную дамскую науку с занятными фокусами»².

¹ ГАКК. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.

² Там же. Ф. П 64. Оп. 1. Д. 380. Л. 2.

В 1913 г. в Красноярской мужской гимназии провели проверку успеваемости учеников IV и VII классов. Показатели были следующие (успеваемость в % отношении, получивших выше неудовлетворительной оценки): Закон Божий – 94,6 %, история – 91,8 %, русский язык – 81,1 %, французский язык – 69,2 %, латынь – 65,7 %, алгебра – 63,1 %, геометрия – 63,1 %, немецкий язык – 62,1 %, география – 53,9 %. Таким образом, менее всего неудовлетворительных оценок ученики получили по таким предметам, как Закон Божий, история и русский язык. Классный наставник видел причину неуспеваемости гимназистов по многим предметам в лености и разнице возраста учеников одного класса. Некоторые родители без внимания относились к успеваемости своих детей, например, 15 родителей не подписали дневники с четвертными оценками. Алгебра и геометрия являлись сложными предметами, ученики были подготовлены плохо в предыдущем классе. Учителя латинского и немецкого языков предъявили завышенные требования к гимназистам из-за предстоящих экзаменов [16].

С момента образования гимназий и прогимназий серьезное внимание уделялось религиозному воспитанию учащихся. Такому предмету, как Закон божий отводилось значительное количество часов. Обширная программа данного предмета утверждалась на педсоветах наряду с другими учебными дисциплинами. Учащиеся совместно с наставниками и надзирательницами должны были посещать церковь в воскресные и праздничные дни. В церкви обычно гимназисты занимали одну из сторон, выстаивали долгую обедню и с нетерпением ждали конца. После службы они спокойно продвигались к выходу, но уже у паперти начинался невообразимый шум и беготня¹. Как правило, ученики не любили уроки Закона Божьего, доказательством чему служат воспоминания гимназистов. Так, например, А. Л. Яворский писал, как проходили занятия по этому предмету в мужской гимназии: «Урок начинался

с молитвы. На уроке каждый занимался чем хотел, в классе присутствовал заметный шумок. Батюшка говорил шепотом, начал повышать голос, постукивая по кафедре карандашом, повторял зарвавшимся в шуме: «Встань, встань, встань». Учитель красноречиво перечислял, что и кто из святых отцов сказал и как понимать смертным. Слушать мудрые богословские цитаты не хотелось»². В воспитании учащихся даже применялись силовые приемы воздействия. Так, со стороны родителей мужской гимназии поступали жалобы на то, что надзиратели «позволяют себе давать учащимся подзатыльники и применять другие педагогические приемы воспитания» [17].

Для того чтобы у учащихся было желание учиться, преподаватель должен был уметь заинтересовать их своим предметом. Однако не многие учителя обладали такими способностями, большинство из них не выявляло желание и стремление совершенствоваться в профессии. Как правило, на уроках, которые были не интересны и не важны для учеников, была плохая дисциплина. А. Л. Яворский вспоминал, чем занимались гимназисты на таких уроках: «Разговоры с соседями, у которых было много новостей, играли в перышки, делали из бумаги гармошки с сопелками и храпелками»³. В то же время ученики понимали важность и необходимость изучения некоторых предметов. Например, учащиеся мужской гимназии на уроках геометрии и алгебры внимательно слушали преподавателя. Многие из гимназистов хотели поступать в политехнический и технологический институты, в то время профессия инженера была очень востребована. Некоторые преподаватели стремились не только донести свой предмет до учащихся, но и расширить их кругозор и сформировать собственное мировоззрение. В мужской гимназии преподаватель законоведения Д. Е. Лаппо мог поговорить о политике и на отвлеченные предметы⁴. Гимназистка Катя Гайдуко-

² Там же. Д. 31. Л. 4.

³ Там же. Д. 28. Л. 3.

⁴ Там же. Д. 31. Л. 5.

¹ ГАКК. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 28. Л. 5.

вич привела пример, когда учитель давал учащимся высказать свое мнение по какой-нибудь проблеме: «Мне очень нравится наш преподаватель педагогики Констанция Афанасьевна, она объясняла много сама, потом предлагала вопросы, на которые мы отвечали. Я высказала: «Многие говорят, мы так воспитывались. По-моему, это неверно: ведь жизнь идет вперед и поэтому мать должна сама себя перевоспитывать, чтобы понимать своего ребенка». Не знаю, правильно или нет, но Констанция Афанасьевна просила всех запомнить это замечание»¹.

В начале XX в. в гимназиях Красноярска появились ученические организации «Луч» (1902) и «Светоч» (1904). Целью этих обществ было добиться усовершенствования школьной программы и улучшения положения учащихся в школе. Ученические организации выпускали журналы, в которых критиковали преподавателей, систему обучения, взаимоотношения учеников и т.д. Так, например, учащиеся характеризовали школу: «Во мраке утопала школа, так как нет лучше средства властвовать над массой, как держать ее в полном невежестве, или давать ей жалкие обрывки ни к чему не пригодных знаний. И школа давила и изгоняла в учащихся все живое, все человеческое». Руководство гимназий не оставляло без внимания подобные заявления. Начальница женской гимназии передала найденные бумаги в жандармское управление, а директор мужской гимназии обратился к губернским властям о необходимости принятия мер².

Согласно «Уставу гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения», учащиеся данных учебных заведений имели соответствующую форму. Руководство гимназий обязывало учеников носить форму даже во внеучебное время. Одежда мальчика из гимназии состояла из темно-синего суконного мундира с девятью оловянными пуговицами впереди и четырьмя пуговицами на клапанах на спине. С мундиром ученик одевал темно-синие

суконные шаровары. Также гимназисты носили серую шинель, фуражку с козырьком и жестяным посеребренным знаком в виде двух перекрещенных лавровых листьев, между которыми две заглавные буквы, указывавшие названия города и гимназии с ее номером [18, с. 178]. А. Л. Яворский описывал зимнюю одежду красноярских гимназистов следующим образом: «В зимнее время учащиеся Красноярской мужской гимназии обычно носили черную овечью шубу «барнаулку» или «минусинку» и большую папаху с гербом, который показывал, что перед вами гимназист. Темные катанки вместо ботинок с калошами нейтрализовали учебное заведение. Закутанный в такую теплоту ученик почти всегда бегал нараспашку из опасности перегрева»³. Форма учащегося Енисейской прогимназии конца XIX в. выглядела следующим образом: «Серая форма, на фуражке герб под серебро из двух перекрещенных внизу дубовых листьев. На бляхе кожаного пояса две буквы «Е. П.», что означало Енисейская прогимназия»⁴.

Гимназическая форма девочек не отличалась от общероссийского образца. Она состояла из коричневого платья с длинными рукавами, с прямым воротником-стойкой и белым подворотничком. В будни ученицы носили черный сатиновый фартук на бретельках, на торжественные мероприятия – белый фартук с оборками без карманов. Чулки и ленты только коричневого и черного цветов. Прическа девочек представляла либо заплетенные косы, либо короткую стрижку. Гимназисткам запрещалось носить украшения [18, с. 179]. В то же время на школьные вечера некоторые гимназистки преображались, они стремились внешне себя приукрасить, в этом проявлялась тяга к женственности и разнообразию. Школьная газета «Светоч» в 1905 г. по этому поводу писала: «... заботятся о своих завитых волосах, нацепляют серьги, закалывают яркие банты на волосы, чтобы хоть чем-нибудь выделиться из однообразных форменных платьев»⁵.

³ Там же. Ф. 2120. Оп. 13. Д. 28. Л. 5.

⁴ Там же. Д. 27. Л. 107.

⁵ Там же. Д. 380. Л. 2.

¹ ККМ. О/ф. 4733-1/Пир 494. Л. 30.

² ГАКК. Ф. П 64. Оп. 1. Д. 382. Л. 3.

На переменах гимназисты предпочитали активный отдых. В обширном дворе Красноярской гимназии они играли в мяч или занимались гимнастикой на снарядах. Нередко учеников заставляли маршировать во время перемен, считалось, что маршировка пригодится во время парадов, которые бывали очень редко. Летом гимназисты маршировали во дворе, а зимой по гимназическому длинному коридору¹. А. Л. Яворский вспоминал о переменах в Енисейской прогимназии: «Одной из популярных игр на перемене и после уроков была чехарда-езда в классе, коридоре и уборной. В уборной курили те, которые уже умели, там же и начинали малоопытные. Уборная – это своего рода клуб учащихся, здесь можно говорить со всеми классами и обо всем. Во время большой перемены, начинавшейся в 12 часов дня и длившейся 30 мин., в уборной начиналась чехарда-езда. Учащиеся делились на две равные группы по количеству и силе, кидали жребий. Игра требовала высокого и далекого скачка»².

На большой перемене ученики могли купить горячий чай, съесть принесенный завтрак или купленный пирожок. В Красноярской женской гимназии месячная плата за чай с каждой ученицы составляла 6–7 коп., в мужской гимназии она была повыше, и ученики платили 5–10 коп. Позднее совет мужской гимназии решил на большой перемене отменить плату за чай, так как дети употребляли сырую и холодную воду и часто болели [19]. Городская санитарная комиссия особое внимание уделяла качеству питьевой воды. В учебных заведениях настоятельно рекомендовалось каждый день кипятить воду для питья и держать ее в закрытых чистых сосудах [20]. О завтраках в женской гимназии газета «Сибирский край» опубликовала следующую заметку: «Завтраки в женской гимназии, вначале хорошо приготовленные, завоевали значительное потребление среди учениц. За последнее время понижение качества завтраков сократило спрос на них. Неудивительно,

¹ ГАКК. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 31. Л. 6.

² Там же. Д. 28. Л. 7.

если это начинание ликвидируется» [21]. А. Л. Яворский вспоминал о завтраках в Енисейской прогимназии: «Тетушка Александра Михайловна Щербакова каждое утро давала мне на завтрак пятак, на который можно было купить «солонушку» (присоленную сверху булочку), выпить стакан чая и съесть три кусочка колбасы»³.

Учащиеся проводили значительное время в школе, затем начиналась подготовка домашнего задания, обязательное посещение церкви в воскресные и праздничные дни, помощь родителям по хозяйству – все это ограничивало их свободное время. Волнения родителей по поводу загруженности детей в гимназии выразил корреспондент «Енисейского листка»: «Родители учащихся младших классов мужской гимназии жаловались на то, что дети задерживаются до 4–5 ч. вечера ради уроков пения, назначенных на послеобеденное время. Дети оставались без обеда, в зимнее время возвращались домой по темноте, а ведь им было необходимо еще и приготовить уроки. Когда играть и отдыхать?» [22]

Интерес представляет проведение досуга учащихся в рассматриваемый период. В свободное время они гуляли в парке, катались на велосипедах, участвовали в постановках любительских спектаклей, ходили в гости, встречались со сверстниками и т. д. Руководство гимназий контролировало жизнь учащихся вне школы. Например, гимназистам запрещалось прогуливаться на улице после 7 часов вечера. Нередко школьные власти пытались препятствовать появлению школьников в театре, кинематографе, библиотеке и т. д. Однако подобные ограничения нередко нарушались учащимися. Например, в 1908 г. в Красноярске широкую огласку получило убийство гимназиста Б. Кускова в доме Н. Переплетчикова, где обычно собиралась «золотая» молодежь. Сам хозяин дома был наследником золотопромышленника, вел разгульную жизнь. В его квартире проходили постоянные пьянки и собирались девицы легкого поведения. Сын врача

³ Там же. Л. 3.

Борис Кусков характеризовался как прилежный ученик, в то же время предпочитал проводить свободное время в сомнительной компании. Переплетчиков застрелил гимназиста Кускова по причине ревности к своей любимице Смирновой [23].

Ученицы женской гимназии делились впечатлениями о проведенных вечерах, обсуждали прически и туалеты, особое внимание уделяли моменту гуляний и ухаживаний. Современник по собственным наблюдениям заметил: «...примерно с III–IV-х классов начиналась погоня за симпатиями (наиболее нравящийся человек). Обычный разговор учениц был следующим: «А кто твоя симпатия?» Инициалами симпатии исписаны парты, черновые тетради, книги. Насколько наши гимназистки ушли недалеко от дикарей, когда выписывают какой-то жидкостью на руках, иногда на шее инициалы своих симпатий»¹.

Руководство учебных заведений стремилось разнообразить досуг учащихся, нередко проводились разнообразные мероприятия, которые носили не только развлекательный, но и познавательный характер. В летний период педагогами мужской или женской гимназии организовывались экскурсии на пароходе по Енисею, походы в заповедник Столбы, разнообразные пикники и прогулки. Со стороны учащихся подобные мероприятия вызвали большой интерес. Педагогический совет Красноярской женской гимназии видел ценность экскурсии на пароходе по Енисею до Минусинска в том, что ученицы могут познакомиться с окружающей природой и посмотреть экспонаты Минусинского краеведческого музея².

Широкое распространение в городских учебных заведениях получили подготовка и проведение познавательных чтений, литературно-музыкальных вечеров, постановка спектаклей и праздничных мероприятий. Корреспондент «Енисейской мысли» восторженно писал о проведении годовичного акта Енисейской женской гимназии: «Небольшой, но изящно декорированный зал, эле-

гантные костюмы, солнечный осенний день и веселые лица учениц – все это представляло изящный ансамбль. Акт женской гимназии – лучшее впечатление, тем более, что наша провинциальная среда еще бедна проявлениями духовной жизни» [24]. Особой популярностью пользовались литературные вечера, посвященные юбилею известных писателей и поэтов. Как правило, на данные мероприятия ученики готовили рефераты на разнообразные темы. Например, в Минусинской женской прогимназии на Некрасовском утреннике воспитанницы выступили стемами: «Семья детства Н. А. Некрасова», «Русские женщины в произведениях Н. А. Некрасова», «Русский народ в произведениях Н. А. Некрасова» и т. д. [25].

В свободное от учебы время учащиеся могли посетить лекции, проводимые разнообразными учебными заведениями, общественными организациями, собраниями и т. д. В начале XX в. в губернском центре для проведения досуга молодежи действовал Дом юношества. Красноярская гимназистка Катя Гайдукович в своих дневниковых записях поделилась впечатлениями о собраниях и лекциях: «После уроков, пообедав, сразу же пошла в дом юношества. На собрание опоздала, но там беседовали о литературе, намечали рефераты. Мне очень нравится там, как будто одна семья собралась вечером, каждый занят. У одних идут споры, другие развлекаются игрой в шахматы и шашки, пьют чай, а то просто так болтают. На лекции в железнодорожном училище читал эмигрант Соколов. Ничего нового я не узнала. После лекции дискуссия, которая дала много пищи моему уму»³.

Несмотря на то, что в дореволюционный период школьное обучение девочек и мальчиков было отдельным, старшекласники мужской и женской школ встречались, они вместе проводили свободное время. Катя Гайдукович вспоминала о совместных встречах гимназисток с ребятами: «В самом начале вечера все сидели серьезно. Просматривали и примеряли вещи, смешили ребят. Смех,

¹ ГАКК. Ф. П 64. Оп. 1. Д. 380. Л. 1 об.

² ККМ. В/Ф. 3761-1. Л. 18 об.

³ Там же. О/ф. 4733-1/Пир 494. Л. 43, 45.

шутки, дым коромыслом. Затем принялись петь русские народные, малороссийские, студенческие и хулиганские песни. Все пели кто как умел и что умел. Вместо вина в стаканах искрился чай, провозглашали тосты, пили на брудершафт...»¹ Учащиеся принимали активное участие в любительских благотворительных спектаклях. Например, воспитанники старших классов мужской и женской гимназий играли в комедии «Недоросль», посвященной 150-летию со дня смерти Д. И. Фонвизина. Сбор со спектакля пошел в пользу «Общества помощи учащихся Енисейской губернии». После постановки были танцы, которые закончились за полночь [26].

Таким образом, открывшиеся во второй половине XIX в. в городах Енисейской губернии гимназии и прогимназии положили начало среднему образованию в реги-

оне. Учащиеся получили возможность пройти гимназический курс, не выезжая за пределы губернии, и подготовиться к поступлению в высшие учебные заведения. Однако гимназии и прогимназии приенисейских городов, как и в целом по Сибири, испытывали ряд трудностей, которые сдерживали учебный процесс. Слабая материальная база и недостаточное финансирование учебных заведений, неустроенность помещений и нехватка квалифицированных педагогических кадров сказывались на качестве преподавания. Нараставшая в начале XX в. неудовлетворенность учащихся красноярских гимназий программой и методами преподавания являлась показателем их стремления повысить уровень знаний и получить качественное образование. Руководство учебных заведений стремилось организовать досуг учеников, с этой целью проводились такие мероприятия, как культурно-познавательные вечера, экскурсии, постановки спектаклей.

¹ ККМ. О/ф. 4733-1/Пир 494. Л. 46.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров, Ю. М. Будни Барнаульской женской гимназии глазами учителя (по материалам дневника И. Ф. Шубкина) // Краеведческие записки. Вып. 5. – Барнаул, 2003.
2. Жеравина, А. Н. Из истории гимназического образования в Томске // Вестник ТГУ. – № 276. – Томск, 2003.
3. Журавлева, Н. Н. Повседневная жизнь женской школы Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Города Сибири XVII – начало XX в. – Вып. 2: История повседневности – Барнаул, 2004.
4. Сулимов, В. С. Светское школьное образование Тобольской губернии конца XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук – Барнаул, 2006.
5. Клюквина, А. А. О гуманитарном классическом образовании в царской России на примере Красноярской мужской гимназии // Исторические этапы социально-экономического и культурного развития Красноярского края. – Красноярск, 1998.
6. Бибикина, В. В. Роль частной и общественной инициативы в развитии образования Енисейской губернии в XIX – начале XX в. – Красноярск, 2004.
7. Мешалкин, П. Н. Женщины Красноярья на рубеже XIX – начала XX в. – Красноярск, 2005.
8. Комлева, Е. В. Народное образование на Красноярской земле: первые шаги (Енисейское и Красноярское уездные училища в первой четверти XIX в.) // Наука и образование в Сибири: сборник научных трудов. – Красноярск, 2006.
9. Комлева, Е. В. Сибирское учительство в конце XVIII – первой половине XIX в.: проблемы социокультурной адаптации // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: сборник научных трудов. – Новосибирск, 2006.
10. Красноярск. Очерки истории города / под ред. П. Н. Мешалкина. – Красноярск, 1988.
11. Статистический обзор Енисейской губернии за 1914 г. – Красноярск, 1915. Приложение 8.
12. Красноярск в дореволюционном прошлом XVII – XIX века. – Красноярск, 1990.
13. Бакай, Н. Н. К 25-летию Красноярской женской гимназии (1869–1894). – Красноярск, 1895.
14. Енисейский листок. – 1892. – 23 ноября.
15. Красноярец. – 1908. – 26 октября.
16. Енисейская мысль. – 1913. – 15 января.

17. Сибирская мысль. – 1911. – 12 июня.	21. Сибирский край. – 1911. – 27 января.
18. Гончаров, Ю. М. Очерки истории городского быта населения дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). – Новосибирск, 2004.	22. Енисейский листок. – 1892. – 6 сентября.
19. Енисейский листок. – 1892. – 6 сентября, 18 октября.	23. Красноярец. – 1908. – 10 апреля, 24 апреля.
20. Красноярец. – 1908. – 20 августа.	24. Енисейская мысль. – 1892. – 18 октября.
	25. Красноярец. – 1908. – 10 февраля.
	26. Енисейский листок. – 1893. – 17 января.

СТРАТЕГИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ТУВЫ В 20-е гг. XX в.

С. В. Саая

УДК 94(47)

В статье раскрывается место Тувинской Народной Республики в структуре Советского импорта. Автор приходит к выводу, что внешнеэкономическая политика Тувинского государства была ориентирована на СССР. В 1920-е гг. основные доходы Тувинского государства поступали за счет таможенных пошлин, арендной платы СССР за пользование золотыми приисками и др.

Ключевые слова: торговля, экономические связи, импорт, иностранные фирмы, протекционизм.

Торгово-экономические связи народов России, Монголии и Тувы имеют глубокие исторические корни. Особенно в XX в. они неизменно расширялись, хотя и были периоды спада. Так, в 1920-е гг. народные хозяйства молодых государств – Советской России и Тувинской Народной Республики – были подорваны долгим перерывом в международной торговле, вызванным социально-политическими катаклизмами. Следовательно, в первые годы существования тувинского государства (1921–1922) торговые отношения между ними не могли принять широкие размеры и ограничивались большей частью приграничным товарообменом, сделки носили случайный характер. Торговля между соседними государствами на общегосударственном уровне стала возможной лишь с 1923 г., когда стабилизация внутривосточной обстановки привела к некоторому росту экономических показателей в этих государствах.

Экономические связи СССР с новыми сопредельными государствами в Центре Азии –ТНР, МНР – напрямую определялись осо-

бенностями политических связей, степенью экономического развития этих государств. В 1920-х гг. усилия советского правительства были направлены на установление тесного экономического сотрудничества со всеми государствами, независимо от их политической ориентации. Перед ней стояла задача преодоления международной изоляции и восстановления экономики, разрушенной за годы революций, гражданской войны [1, с. 80]. На начальных этапах становления советско-тувинских отношений приоритет был отдан экономическому и культурному сотрудничеству, в чем интересы обеих сторон совпадали [2, с. 18].

Еще до революции Россия получала от поставки пушнины и другого местного сырья тувинскими араатами значительную прибыль. Советская Россия также не хотела терять эту статью своих внешнеэкономических доходов. В начале 1920-х гг. уполномоченный в Туве от Сиббюро ЦК РКП (б) неоднократно получал от Советского правительства инструкции о том, что следует пока ограничиться работой по двум направлениям: во-первых,

развить культурно-просветительскую работу в соответствии с интернациональными принципами; во-вторых, установить тесные торговые связи с Тувой [3, с. 142].

Прежде чем перейти к рассмотрению экономических отношений СССР и ТНР, следует остановиться на вопросах формирования внешнеэкономической политики тувинского правительства. Развитие внешнеэкономических связей находится в прямой зависимости от подъема народного хозяйства, но в определенных условиях, или в некоторые периоды они могут стать инструментом эффективного включения его в международные мирохозяйственные процессы, что зависит от наличия действенных внешнеэкономических стратегии и политики [4, с. 291–292]. При выработке последних руководство ТНР должно было исходить из комплексной оценки возможностей и потребностей народного хозяйства, а также экономической и геополитической значимости того или иного направления.

В первой Конституции ТНР в качестве внешнеэкономических задач было закреплено, что «Республика заботится о создании собственных государственных средств и поднятии экономического положения страны при сотрудничестве с другими республиками, избегая при этом захвата страны иностранными капиталистами» [5, с. 275].

С этой целью в конце 1922 г. было создано пятое министерство – Министерство финансов ТНР, при котором в конце февраля 1923 г. открылся и отдел торговли – Тувгосторг [6, с. 125]. С этого момента Тувгосторг стал первой государственной торговой организацией (имела в г. Кызыле один магазин, два склада и три отделения в Шагаан-Арыге, Чадаане, Тоджа). Для дальнейшего стимулирования торговли 9 января 1924 г. тувинское правительство приняло закон «О торговле», который брал под защиту интересы частных торговцев, в том числе и иностранных [7, с. 23].

В 1920-х гг. на территории ТНР действовали торговые фирмы нескольких государств. К 1923 г. иностранные фирмы осуществляли 75 % всех торговых операций в ТНР, и основная их часть приходилась на долю частных

предпринимателей: китайских, монгольских, русских, корейских и тувинских [8, с. 169].

Советским торговым организациям пришлось наравне с другими иностранными торговыми фирмами в конкурентной борьбе завоевывать новые позиции на тувинском рынке, преодолевая при этом немало трудностей, связанных с дорожно-транспортными неудобствами и отсутствием традиционных для местного рынка товаров и т.д. В первые годы советские торговые организации в ТНР ориентировались на традиционный спрос на тувинском рынке. Советские представители, исследуя потребительский спрос, сообщали руководству, что у тувинцев пользуются популярностью традиционно китайские товары. «Сибвнешторг» закупал эти товары в Китае на достаточно крупную сумму – до полумиллиона рублей, транспортировал по железным дорогам из Шанхая во Владивосток и далее до ближайших пограничных пунктов – Минусинск, Абакан, а оттуда до места реализации – водным путем верх по р. Енисею, гужевым и вьючным транспортом [8, с. 27]. При этом советские торговые организации не только не получали прибыль, а наоборот, терпели убытки, если еще учесть, что с таким трудом доставленные товары нередко продавались по цене более низкой, чем фактическая их стоимость [10, с. 169]. Но такое положение на начальных этапах оправдало себя в дальнейший период, когда советско-тувинские торговые отношения стали преобладающими во внешней торговле Тувинской Республики.

Структуру советского импорта из ТНР составляла в основном пушнина, шерсть, кожа, золото и т. д. Операциями по закупке тувинской продукции с марта 1923 г. стало целенаправленно заниматься отделение «Сибвнешторга» – «Сибпушнина», учрежденная совместно с Правительством ТНР. Параллельно грузоперевозками через Саяны, добычей золота и другими различными видами экспортного производства, как и до революции, занимались члены РСТК. В своем учредительном документе «Положение о местном самоуправлении русской

колонии в Урянхае (Танну-Туве)» был зафиксирован пункт об ориентации граждан РСТК на организацию внешней торговли путем развития потребительской и местной кооперации. Русская колония в Туве играла немаловажную роль в установлении и развитии тувинско-советских связей в сфере торговли. Вследствие чего Министерство финансов ТНР уделяло большое внимание договорным отношениям с РСТК.

В сентябре 1922 г. при содействии Правительства ТНР на базе РСТК было организовано потребительское общество, которое осуществляло торговые операции по линии «Сибкрайсоюза» и «Дальгосторга». В целях облегчения их деятельности, а также стимулирования роста советско-тувинских торговых операций 20 сентября 1922 г. Таможенное Управление Народного Комиссариата внешней торговли СССР приняло постановление о пропуске товаров в Урянхай и обратно¹. А в октябре 1922 г. в соответствии с постановлением на заседании Малого СНК принято Постановление «О льготном пропуске товаров, вывозимых из РСФСР для РСТК в Урянхай, а также ввозимых этой колонией в РСФСР»². Был установлен беспошлинный ввоз и вывоз товаров, снабженных визой Уполномоченного РСФСР в ТНР³.

В последующий период для дальнейшего развития торговых связей с ТНР и Монголией в СССР было создано специальное Все-союзное экспортно-импортное объединение «Совмонгтвоторг», которое взяло на себя решение вопросов доставки товаров из СССР, что сыграло определяющую роль в увеличении как объема поставок между этими государствами, так всего внешнего товарооборота [9, с. 169].

В рамках международной тройственной конференции представителей правительств – СССР, МНР и ТНР, – проходившей летом 1924 г. в Кызыле, в числе других обсуждавшихся проблем был поднят также вопрос о грабеже товаров с товарных точек «Госторга» СССР

[10]. Советская делегация добилась компенсации за нанесенный ущерб, заручилась поддержкой тувинского правительства в своих торговых делах в Туве⁴.

Рост экономического сотрудничества в какой-то степени содействовал созданию предпосылок для юридического закрепления дипломатических отношений ТНР с СССР. В 1925 г. заключение советско-тувинского договора об установлении дружественных отношений создало условия для расширения международных экономических и культурных связей между тувинским и советским государствами [10, с. 169].

VI-й Великий Хурал, ратифицировавший Договор о дружбе между ТНР и СССР, принял решение об организации в республике советского торгового представительства (до этого торговые связи осуществляли несколько организаций, но в процессе их дальнейшего развития возникла необходимость в организующем центре). Правительство ТНР направило отношение НКВД СССР с инициативой создания советского торгового представительства в республике⁵.

В конце 1925 г. по договоренности с тувинским правительством СССР учредил в Кызыле свое торговое представительство. Его создание способствовало сосредоточению в одних руках советской торговли и внесло организованность в эти отношения, а также содействовало дальнейшему расширению сфер взаимодействия двух государств.

Внешнеторговый оборот между ТНР и СССР в период с 1923 г., когда торговые связи между государствами стали более стабильными, по 1929 г. наметился его рост. По итогам 1920-х гг. объем советско-тувинской торговли вырос в два раза [9, с. 169]. Статистика показывает, что растет не только импорт ТНР, но экспорт, что обеспечивалось главным образом добычей и экспортом золота, пушнины, продукции животноводства. Обе стороны, осо-

¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 6. Д. 1231. Л. 42.

² Там же. Л. 37–41.

³ Там же. Л. 43.

⁴ Центральный государственный архив Республики Тыва (ЦГА РТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 21. Л. 24.

⁵ Центр архивных документов партий и общественных организаций Центрального государственного архива Республики Тыва (ЦАДПОО ЦГА РТ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1590. Л. 5.

бенно со времени заключения советско-тувинского договора, сосредотачивают усилия на решении этих и других практических вопросов экономических отношений. В процессе реализации этих целей имели смысл меры по либерализации режима двухсторонней торговли, по оказанию совместной поддержки проектам хозяйственного строительства. 5 мая 1925 г. Советское правительство приняло Постановление «О предоставлении таможенных льгот гражданам ТНР»¹, в соответствии с которым разрешался беспошлинный ввоз товаров в пределы Усинского района. Порядком реализации этого положения должен был заниматься Таможенно-тарифный комитет².

Тувгосторг в мае 1925 г. передал свое имущество Национальному Тувинскому кооперативу (ТЦК), организованному в декабре 1924 г. ТЦК осуществлял торговые операции на внутреннем и внешнем рынках, но его преимущество заключалось в поддержке со стороны государства. С 1925 г. ТЦК приступил к приему первых партий товаров, закупленных в СССР и Китае [7, с. 126].

В 1926 г. Российская внешнеторговая палата признала важным согласовать деятельность «Госторга» РСФСР и Тувинского торгово-промышленного банка, обеспечение систематического завоза российских товаров на тувинский рынок с применением льгот по советско-восточной торговле. Хозяйственные организации, учитывая отдаленность промышленных центров России от тувинского рынка, согласились на предоставление длительных кредитов под товары, отправляемые в ТНР, с тем чтобы систематический завоз удовлетворял тувинский спрос как в отношении ассортимента, так и цен на них [10, с. 13].

В 1920-х гг. основные доходы Тувинского государства поступали за счет таможенных пошлин (составляла 5 % стоимости завезенного товара), арендной платы СССР за пользование золотыми приисками (взималась натурой, т. е. золотом), платежных и других сборов [11, с. 271]. Но этих средств явно не хватало для развития экономики Тувинского государ-

ства. Это был период формирования основ не только внешнеэкономической доктрины, но всей экономики для молодого государства, эффективными средствами протекционистской политики стали и нетарифные инструменты, предоставлявшие возможность использования защитных мер национальных интересов.

В сфере внешнеторговых отношений эти протекционистские меры начинают проявляться в стремлении постепенно вытеснить частный торговый капитал. Третья Конституция ТНР, принятая в ноябре 1926 г. IV-м Великим Хуралом, ввела монополию на внешнюю торговлю как средство экономического закрепления существующего строя Тувинской Республики. В связи с этим Министерство финансов ТНР вводит в практику лицензирование. Иностранные фирмы должны были пройти регистрацию, взять обязательства соблюдать ряд технических норм и получить разрешение на введение торговых операций на территории Тувы. Лицензирование создавало препятствия в деятельности иностранных торговых фирм, так как не все были готовы пройти контроль, легализовать свои доходы и т. д. Тем не менее иностранные фирмы до 1930-х гг. продолжали свою деятельность. В 1927 г. было зарегистрировано еще 45 частных торговых фирм с 65 отделениями [9, с. 169].

И все же в конце 1920-х гг. иностранные фирмы (кроме советских) вынуждены были сворачивать свою деятельность, что было вызвано протекционистской политикой руководства ТНР [11, с. 7].

Министр иностранных дел ТНР Куулар Дондук в 1926 г., характеризуя основные направления связей республики с другими государствами, особо выделил экономическое, культурно-научное направления³. К основным звеньям этих связей в достижении и реализации поставленных задач он также отнес то, что из СССР были приглашены специалисты в различных областях: товароведы, технологи, инструкторы по военному делу, врачи, ветеринары, научные сотрудники. Кроме того, он отметил, что в СССР была отправлена молодежь на учебу, из СССР импортировалась раз-

¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

² Там же. Л. 254–255.

³ ЦГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 23. Л. 26.

личная техника и изделия¹. Министр заметил, что с приходом в ТНР хозяйственных советских организаций снабжение тувинского населения необходимыми товарами значительно улучшилось [12].

Советское руководство для определения дальнейшей стратегии двустороннего экономического и культурного сотрудничества начало целенаправленное исследование природных ресурсов ТНР. В 1925–1926 гг. при СНК СССР была создана комиссия по исследованию Монголии и Тувы, председателем которой был назначен Н. П. Горбунов, управляющий делами СНК СССР.

Между тем отметим, что в 1920–1930 гг. из СССР в ТНР направлялись научные экспедиции, связанные преимущественно с неотложными практическими нуждами СССР и ТНР. Они вели исследования в области экономики, сельского хозяйства, демографии, зоологии, геологии, медицины. В сфере внешнеторговых отношений экспедиция должна была установить условия, при которых возможно было вытеснить китайский капитал, а также укрепить позиции русской и тувинской коопераций как проводников внешнеторговой политики; определить ассортимент товаров, пользующихся спросом на тувинском рынке; выяснить значение таможи и таможенных ставок в тувинской торговле; подсчитать размер внешней и внутренней торговли и оборотного капитала; выяснить роль Тувинского торгово-промышленного банка (далее – Тувинбанк) в экономике ТНР².

В конечном счете 14 января 1927 г. СНК СССР принял постановление о ликвидации комиссии по научному исследованию Тувы и Монголии, передав ее функции Академии наук СССР³. Тем самым, как отражение перспективного развития советско-тувинских связей проблемами изучения ресурсов ТНР, наряду с собственными регионами, стали заниматься советские научные учреждения.

Другим направлением во внешнеэкономических отношениях ТНР было тувинско-мон-

гольские торговые связи. При анализе монгольского направления внешнеэкономического курса Правительства ТНР также необходимо учитывать, что и в Туве, и в Монголии основными отраслями народного хозяйства являлось животноводство. В тот период промышленность в обеих республиках только зарождалась, вследствие чего ввоз советских промышленных товаров превышал долю импорта ТНР из МНР [10, с. 169].

В 1920-х гг. на территории ТНР действовали торговые фирмы нескольких государств, а самой активной была сеть китайских фирм, насчитывавших всего 37 фирм и 70 их подразделений [13, с. 14; 14, с. 282]. В их числе были даже довольно крупные, например, оборот по продаже у китайского купца, зарегистрированного под именем Нам-Сарай, в 1927–1928 гг. составил 8,8 % всего розничного товарооборота ТНР [6, с. 128]. К 1923 г. иностранные фирмы осуществляли 75 % всех торговых операций в Туве, и основная их часть приходилась на долю частных предпринимателей, в том числе китайских, корейских и монгольских. Они ориентировались на традиционный спрос на тувинском рынке и привозили для реализации далембу, селембу, шелка, юфть, растительные краски, зеленый чай, дунза, трубки, серебро, ножи, огнива и т. д.

С другой стороны, из ТНР в Монголию и Китай иностранные частные торговцы вывозили пушнину, шерсть, кожу, золото, служившими одновременно и эквивалентами в торговых операциях с тувинскими гражданами.

К концу 1929 г. Тувинское правительство объявило монополию государства во внешней торговле, запретило всякую скупку пушнины и другого сырья иностранцами [15, с. 85]. В связи с чем иностранные фирмы вынуждены были сворачивать свою деятельность, за 1928 г. закрылись 9 иностранных фирм с 17 отделениями [9, с. 169].

К такого рода просчетам тувинского руководства можно отнести торгово-экономические отношения с южным соседом. Хотя в 1920-е гг. вне рамок правительственных органов между тувинским и монгольским народами начинается возобновление экономических связей. Традици-

¹ ЦГА РТ. Л. 27.

² ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 25. ЛЛ. 169–170.

³ ЦГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 25. Л. 84.

онно оживленными были связи в приграничных хошунах, так как на некоторых участках границы доступ к источникам воды, топлива для жителей Монголии и Тувы, вплоть до установления государственной границы, оставался общим. Это позволяло тратить меньше усилий и средств на перевозку, в сравнении с тем, что если бы это добывалось из внутренних районов самих этих государств. Объективно оба молодых государства нуждались во взаимной поддержке для решения актуальных проблем народного хозяйства. Однако недалёкая политика тувинского руководства, направленная на одностороннее развитие советско-тувинских торговых связей, не способствовала расширению торгового сотрудничества с Монголией на государственном уровне. Как закономерный результат такой политики, тувинско-монгольские внешнеэкономические отношения в конце 1920-х гг. ограничивались лишь перевозкой китайских товаров транзитом через территорию МНР, а также было встречное движение товарного потока из СССР и МНР в Китай¹.

Монгольское правительство заостряло внимание в своих обращениях к руководству ТНР на необходимость хозяйственной и культурной взаимопомощи. Правительство МНР после заключения тувинско-монгольского договора об установлении дружественных связей попыталось зондировать тувинское направление и направило в МИД ТНР ряд проектов по внешнеэкономическому сотрудничеству². В них предлагалось предоставление МНР концессий на золотые прииски в Танну-Тува, допуск на тувинский рынок Монголценкоопа, введения единой валюты для двух государств³. Все эти предложения Монголии обсуждались Правительством ТНР, но по настоянию ЦК ТНРП не нашли по существу никакого отклика. Советский представитель Богданов отмечал, что «...связь с Монголией со стороны Танну-Тувы понимается как обмен опытом партийной работы»⁴.

¹ ЦГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 23. Л. 26–27.

² Там же. Д. 34. Л. 1.

³ Там же. Д. 23. Л. 1–3.

⁴ ЦАДООПП ЦГА РТ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

На наш взгляд, именно такая позиция тувинского руководства явилась одним из его просчетов и была не в пользу ни одной стороне. Возможно, это было своего рода продолжением той политики недоверия, которая имела место в тувинско-монгольских отношениях до налаживания и установления дипломатических отношений, когда по инерции всякое активное сотрудничество воспринималось как угроза возможного навязывания идей панмонголизма, возникновения политической зависимости и т. д.

Подводя итог, следует отметить, что в 1920-х гг. отношения СССР с ТНР складывались весьма успешно, они стали охватывать сферы торгового и экономического сотрудничества, благодаря их развитию формировались основы политического сближения обеих стран. К концу 1920-х гг. были определены общие направления внешнеэкономического сотрудничества двух государств. В свою очередь, в ТНР торговые и хозяйственные связи, являясь факторами укрепления внешнеполитических контактов, сами еще находились в стадии формирования, как следствие этого, они носили несистемный характер. Советско-тувинское сотрудничество в основном было направлено на решение практических задач, для чего руководства двух государств использовали дипломатические и партийные каналы. В свою очередь, культурные связи, являясь одним из направлений межгосударственного сотрудничества, отражали и общее состояние внешнеполитических отношений СССР и ТНР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хвостов, В. М. Основные этапы внешней политики Советского государства за сорок лет // Новая и новейшая история. – 1957. – № 4.
2. Хейфец, А. Н. Советская дипломатия и народы Востока. 1921–1929 гг. – М., 1968.
3. Дальневосточная политика Советской России (1921–1922 гг.): сб. документов. – М., 1996.

4. Юдин, В. Современное социально-экономическое положение Тувинской Республики // Революционный Восток. – 1928. – № 3.
5. См.: Дубровский, В. А. Конституции Тувинской Народной Республики // Ученые записки Тувин. НИИЯЛИ. – Вып. 6. – Кызыл, 1958.
6. История Тувы. – М., 1964. – Т. 2.
7. Сборник законов и постановлений правительства ТНР. – Кызыл, 1944.
8. См.: Саая, С. В. Россия – Тува – Монголия: «центрально-азиатский треугольник» в 1921–1944 годах. – Абакан, 2003.
9. Борисова, С. Россия и Тува: опыт торгово-экономического и внешнеполитического сотрудничества. – Владимир, 1996.
10. Тульский, Л. И. К вопросу о зарождении и развитии финансово-кредитной системы в Туве (1921–1944 гг.) // Ученые записки Тувин. НИИЯЛИ. – Вып. 10. – Кызыл, 1963.
11. Борисова, И. Д. Россия и Тува: очерки по истории политических и торгово-экономических отношений (1921–1940 гг.). – Владимир, 1995.
12. Известия. – 1925. – 12 июля.
13. Современная Тува. – Кызыл, 1929. – № 1.
14. Тыванын Тоогузу. Кыска очерк. – Кызыл, 1956.
15. См.: Кучерский, В. Торговые взаимоотношения Танну-Тувой // Торговля СССР с Востоком. – 1930.

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОБУСТРОЙСТВУ ДЕМОБИЛИЗОВАННЫХ В 1945–1946 гг. (на примере Ойротской и Тувинской автономных областей)

М. М.-Б. Харунова

УДК 94 (47)

В статье раскрывается содержание одного из основных направлений социальной политики Ойротской и Тувинской автономных областей в 1945–1946 гг. – обустройство демобилизовавшихся воинов. Определены основные формы обустройства фронтовиков и дана характеристика их реализации в национальных автономиях Южной Сибири.

Ключевые слова: социальная политика, демобилизация, трудоустройство, денежные пособия.

Одной из главных особенностей социальной политики в послевоенный период была необходимость устройства жизни и быта фронтовиков. 23 июня 1945 г. на XII-й сессии Верховного Совета СССР был принят Закон «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии». С докладом выступил начальник Генерального штаба генерал Антонов Алексей Иннокентьевич [1].

В нем шла речь об увольнении «первой очереди – тринадцати старших возрастов личного состава Действующей Армии». Дальнейшие этапы демобилизации осуществлялись на основе специальных Указов Президиума ВС СССР: «О демобилизации второй очереди личного состава Красной Армии» от 25 сентября 1945 г., «О демобилизации третьей очереди личного состава сухопутных войск и военно-воздушных сил»

от 20 марта 1946 г., «Об очередной демобилизации личного состава сухопутных войск» от 22 октября 1946 г. и «Об очередной демобилизации личного состава Вооруженных Сил» от 4 февраля 1947 г.

Демобилизация началась с 5 июля 1945 г. При переводе армии на мирное положение были созданы несколько новых военных округов. Так, например, Сибирский военный округ был преобразован в Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский военные округа. В первый входили Новосибирская, Тюменская, Омская, Томская, Кемеровская области и Алтайский край (в состав которого входила Ойротская автономная область). Во второй – Иркутская область, Красноярский край, Якутская АССР и Тувинская автономная область. Работа по встрече демобилизованных фронтовиков возлагалась на республиканские, краевые, областные, городские и районные военкоматы. В круг их обязанностей входила постановка прибывших на учет, оформление документов на получение паспортов, продовольственных карточек, талонов на дрова. Помимо этого оказывалась посильная помощь в трудоустройстве и обеспечении жильем¹.

Вслед за этим Совет Народных Комиссаров СССР 21 сентября 1945 г. принял Постановление № 2436 за подписями И. Сталина – Председателя СНК СССР и Я. Чадаева – Управляющего Делами СНК СССР «О мероприятиях по оказанию помощи демобилизованным, семьям погибших воинов, инвалидам Отечественной войны и семьям военнослужащих» [2].

Согласно данному Постановлению, с семей, потерявших на фронте кормильца, а также инвалидов Отечественной войны I–II групп снимались недоимки прошлых лет по сельскохозяйственному налогу, по обязательному окладному страхованию, по обязательным поставкам сельскохозяйственных продуктов государству и штрафы. Освобождались от платы за обучение дети военнослужащих рядового, сержантского, старшин-

ского и офицерского составов, погибших на фронтах Отечественной войны, а также дети инвалидов Отечественной войны I–II групп. Освобождались от сельскохозяйственного налога и обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству хозяйства инвалидов Отечественной войны I–II групп при наличии в семье только одного трудоспособного; если в семье при одном трудоспособном имеются дети в возрасте до 8 лет; хозяйства, имеющие в своем составе инвалида Отечественной войны I или II группы и двух трудоспособных членов семьи, при наличии 5 и более детей в возрасте до 16 лет, в том числе детей до 8 лет.

Несколько пунктов Постановления касалось обеспечения жильем: через выдачу ссуд на строительство и восстановление жилых домов в сумме от 5 до 10 тысяч рублей со сроком погашения от 5 до 10 лет, выделение лесосеки на заготовку строительного леса и продажи по установленным ценам местного строительного материала. Также наркоматы и ведомства обязывались выделять 10 % всей жилой площади во вновь выстроенных и восстановленных домах семьям погибших воинов, инвалидам Отечественной войны и нуждающимся семьям военнослужащих.

Народным комиссарам и руководителям ведомств разрешалось в случаях необходимости организовывать на предприятиях производственное обучение демобилизованных, не имеющих специальности, как в порядке индивидуально-бригадного ученичества, так и путем организации краткосрочных курсов.

Для детей погибших воинов, инвалидов Отечественной войны, а также для нуждающихся детей военнослужащих и демобилизованных в сентябре 1945 г. Наркомторг СССР обеспечивал единовременную выдачу продуктов: муки, крупы, сахара, кондитерских изделий. А также выдачу семьям промышленных товаров.

Вопросы работы по встрече и устройству демобилизованных постоянно контролировались местными областными комитетами ВКП(б). Так, в июле 1945 г. зав. военным отделом Усть-Канского РК ВКП(б) доклады-

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5446. Оп. 9.Д. 3741. Л. 30–32, 60.

вал в Ойротский областной комитет ВКП(б) об организации перевалочного пункта, о подготовке двух агитаторов и выделении специального помещения для встреч с демобилизованными, об организации столовых и подготовке пьесы¹.

В информации военного отдела Чойского РК ВКП(б) Ойротскому обкому ВКП(б) отмечено следующее: «на Ваш запрос от 13/X – 1945 года райком ВКП(б) сообщает, что за период демобилизации воинов Красной Армии первой очереди в наш аймак прибыло 73 человека, из них 70 мужчин, женщин 3 чел. На 15/X с/г из всех прибывших трудоустроено 57 человек. Еще не приступили к работе 16 человек, из них по болезни не работает 1 и четыре человека выбыли из пределов Чойского аймака по семейным обстоятельствам»². Из прибывших 27 человек устроились работать в колхозы, один из них – председателем колхоза, 5 человек – в промартелях и 25 работали в различных учреждениях и предприятиях.

Специально созданная комиссия организовывала вечера встречи с демобилизованными и их доставку до места жительства. Далее в информации говорилось о материальной помощи, выделенной демобилизованным в виде скота, продуктов питания (хлеба, масла, меда, сыра, яиц, картофеля), промышленных товаров (мануфактуры, импортных вещей) и денежных выплат³. Всего к 12 сентября 1945 г., как докладывал облвоенком Киреев, Ойротским райвоенкоматом было принято на учет 796 демобилизованных, из них 708 мужчин и 88 женщин⁴. В октябре 1945 г. их насчитывалось 1368 человек, 1243 мужчин и 125 женщин. Из них 821 чел. получили работу. Большая их часть, 229 чел., устроились в госучреждения, 121 чел. – в сельскохозяйственном производстве и 60 чел. – в промышленности. Жилье было

предоставлено лишь 65 демобилизованным в трех аймаках: 5 чел. получили в Усть-Коксинском, 21 чел. – в Чойском, 11 чел. – в Ойрот-Турском и 28 чел. – в г. Ойрот-Тура. Также демобилизованным было выделено 909 кубометров дров (в Усть-Коксинском, Чойском аймаках и г. Ойрот-Тура), продуктов на 235 кг (в Чойском аймаке) и 100 голов скота (в Усть-Коксинском, Турачакском, Чойском аймаках и в г. Ойрот-Тура)⁵.

Несмотря на проводившиеся мероприятия, существовали объективные трудности в приеме и трудоустройстве демобилизованных. В частности, на заседании бюро Алтайского краевого комитета ВКП(б) от 17 ноября 1945 г. было выявлено, что по данным на 1 ноября 1945 г. не трудоустроено по краю 11 300 чел., что свидетельствовало, по мнению членов бюро, «о полнейшем самотеке в работе по трудоустройству демобилизованных»⁶. Секретари горкомов, райкомов партии, Ойротского обкома ВКП(б) обязывались рассмотреть вопрос о приеме и трудоустройстве демобилизованных второй очереди и принять меры.

Также зав. военным отделом обкома ВКП(б) Ешов докладывал на отношение от 30 ноября 1945 г. № 10116 помощнику 1-го секретаря ОК ВКП(б) тов. Чернову о том, что в ходе проверки выявлено, что горисполком и горком ВКП(б) и Ойрот-Турский РК ВКП(б) и райисполком самоустранились от работы по встрече демобилизованных. Большая часть фронтовиков вынуждена самостоятельно заниматься трудоустройством. Плохо организована их доставка до места жительства. Несмотря на то, что демобилизованным предоставлялись квартиры и производился ремонт жилья, материально-бытовым обеспечением райкомы партии занимались крайне неудовлетворительно⁷.

Руководство аймаков, колхозов, совхозов пытались своими силами помочь людям. Например, создавались хлебные фонды, собирались подарки для демобилизован-

¹ Отдел хранения спецдокументов Государственной архивной службы Республики Алтай (ОХСП ГАС РА). Ф. 1. Оп. 2. Д. 413. Л. 5.

² ОХСП ГАС РА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 413. Л. 9.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 12.

⁵ Там же. Л. 18.

⁶ Там же. Л. 24.

⁷ Там же. Л. 32.

ных воинов. Нередко отсутствие должного контроля со стороны местных Советов приводило к тому, что материальная помощь не доходила до нуждающихся, попадая в руки вполне обеспеченных семей, знакомым чиновников. Подобные нарушения были выявлены в Усть-Канском, Усть-Коксинском, Чойском и Онгудайском аймаках [3, С. 67].

В условиях однопартийной системы особое внимание уделялось демобилизовавшимся коммунистам. Массово-разъяснительная работа проводилась на совещаниях, в индивидуальных беседах в отделе кадров ВКП(б). Материальная помощь оказывалась через отдел гособеспечения, горторготдел и через предприятия, на которых коммунисты работали¹.

Всего за 1945 г. и начало 1946 г. в Ойротской автономной области в порядке оказания материальной помощи демобилизованным было выдано 2832 комплекта разной обуви и одежды, 6618 предметов импортных вещей, выдано и продано 2085 голов скота, в том числе 1324 коровы. А также 7489 хозяйствам были предоставлены льготы по денежным налогам и госпоставкам сельхозпродукции².

К 25 мая 1946 г. в Ойротскую автономную область прибыло 4369 чел., из которых трудоустроились 3991 чел., отправлено на учебу 65 чел. Из 4369 чел. 1061 были коммунистами. 16 чел. работали председателями сельсоветов, 59 чел. – председателями колхозов³.

За 1946–1948 гг. в области было выдано пособий инвалидам войны на сумму 33 млн 400 тыс. руб., пособий семьям бывших военнослужащих – 20 млн 900 тыс. руб. [3, с. 68].

В своем письме обком ВКП (б) от 17 мая 1946 г. обращал внимание райкомов партии и аймакисполкомов о принятии необходимых мер по завершению трудоустройства демобилизованных первой и второй очередей и организации приема и устройства демобилизованных третьей очереди⁴.

Результаты работы по оказанию помощи участникам Великой Отечественной войны в

Тувинской автономной области были обсуждены в ходе областной партийной конференции, состоявшейся с 24 по 27 ноября 1945 г. По данному вопросу выступила Анчима Х.А., зав. облсобесом. Еще в годы войны со стороны государства оказывалась помощь семьям военнослужащих, мобилизованных в Красную Армию, в виде денежной помощи и льгот по сельскохозяйственному налогу и по обязательным поставкам хлеба государству, а также по трудоустройству инвалидов и материально-бытовому обслуживанию. До октября 1945 г. было выплачено пенсий и пособий на сумму 1 млн 500 тыс. руб.⁵

Было отмечено, что областные и районные финансовые органы допускали ошибки в вопросах правильного оказания денежной помощи. Так, в начале 1945 г. в Тандинском районе незаконно перечислены 24 000 руб. пенсий и пособий, а также в Каа-Хемском районе переплачено 16 000 руб. Тогда как в некоторых районах (Тес-Хемском, Эрзинском, Барун-Хемчикском и Овюрском) имелись факты невыплат пенсий и пособий инвалидам войны и семьям военнослужащих⁶.

Наряду с вышеназванными недостатками, отмечались также сложности с трудоустройством инвалидов Великой Отечественной войны. В августе 1945 г. были трудоустроены 86 % инвалидов войны. По РСФСР это был 14-й показатель⁷.

Отмечены случаи грубого обращения с инвалидами, отказа в приеме на работу. Иногда отпущенные промтовары для семей военнослужащих и инвалидов войны не доходили до них, а выдавались людям, имеющим лимитные книжки, а порой и вовсе лежали без движения⁸.

Требовалось более чуткое отношение к инвалидам и участникам войны, обеспечение их одеждой и обувью, своевременное устройство на подходящую работу. Одним из решений партконференции стало: «Обязать обком, горком, райкомы ВКП(б) и Совет депутатов

¹ ОХСП ГАС РА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 446. Л. 25.

² Там же. Л. 156.

³ Там же. Л. 16.

⁴ Там же.

⁵ ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 127.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 128.

⁸ Там же. Л. 129.

трудящихся проявлять постоянную заботу о воинах, возвращавшихся из армии домой, об инвалидах и детях-сиротах, считая это дело важнейшей обязанностью советских, профсоюзных, комсомольских организаций и хозяйственных руководителей»¹.

Ознакомившись с жизнью 13 семей фронтовиков и с бытом 7 инвалидов Великой Отечественной войны, проживавших в г. Кызыле, Анчима Х.А. отметила недостаточное их обеспечение промтоварами и продуктами питания. В г. Кызыле проживали на тот момент 986 чел. – детей и нетрудоспособных родителей, демобилизовавшихся из армии, 230 чел. – инвалидов войны².

На одном из заседаний Тувинского обкома ВКП(б) было принято решение создать специальные фонды промтоваров и продуктов питания в г. Кызыле и промтоваров в райцентрах Тандинского, Улуг-Хемского, Пий-Хемского и Каа-Хемского райнов, облпотребсоюзу совместно с облсобесом разработать систему снабжения инвалидов войны и семей фронтовиков.

Ситуация по обустройству демобилизованных фронтовиков в Ойротской автономной области и Туве отражала трудности и проблемы, имевшие место в целом по стране.

20 марта 1946 г. зам. председателя комитета по учету и распределению рабочей силы при СМ СССР Л. Погребный в своей докладной записке В. М. Молотову сообщил следующее: «С момента издания Закона о демобилизации старших возрастов личного состава Действующей Армии от 23 июня 1945 г. и Указа о демобилизации второй очереди личного состава Красной Армии от 25 сентября 1945 г. прибыло в города и сельские местности 5.314,7 тыс. человек демобилизованных, из них в города прибыло 1.771,5 тыс. человек и остальные, 3.543,2 тыс. человек, – в сельские местности.

На 15 февраля 1946 г. в городах трудоустроено 1.286,5 тыс. человек и поступило на учебу 41,9 тыс. человек, что составляет

75 % к числу прибывших. Из этого количества 531,7 тыс. человек трудоустроено городским бюро по учету и распределению рабочей силы и 754,8 тыс. человек устроились самостоятельно.

Из 443 тыс. человек нетрудоустроенных 147 тыс. человек прибыло к месту жительства в течение последнего месяца и используют полагающийся им отпуск.

Многие возвратившиеся из Красной Армии длительное время, от 3-х до 4-х месяцев, не поступают на работу, мотивируя необходимостью устройства своих квартирных и домашних дел, часть демобилизованных не хотят возвращаться на производство для работы по своей специальности и требуют предоставления административно-хозяйственной работы»³.

Как видно из документа, в целом по стране ситуация с трудоустройством вернувшихся с фронта воинов была сложной. Представлены данные только о трудоустройстве демобилизованных, вернувшихся в города, хотя подавляющее большинство фронтовиков жили на селе.

Тот факт, что многие длительное время не поступали на работу, И. В. Пелих в своем исследовании объясняет условиями труда и его оплаты. «Крайний низкий уровень заработной платы привел к тому, что на январь 1946 г. только 71,1 % демобилизованных приступил к труду, несмотря на стремление правительства задействовать как можно большее число рабочих рук» [4, с. 317]. Так, она указывает, что ЦСУ СССР в докладной записке на имя Л. П. Берия сообщало, что за июнь 1946 г. полностью получили заработную плату 24 млн из 30,5 млн рабочих и служащих. Из этого числа 5,6 % получили до 100 руб., 9,2% – от 101 до 150 руб., 10,7 % – от 151 до 200 руб., 8,8 % – от 201 до 250 руб. и 8,7 % от 251 до 300 руб. 43 % рабочих и служащих страны жили впроголодь, так как почти половина заработка расходовалась на оплату питания [4, с. 28].

¹ ЦАДПОО ЦГА РТ. Л. 213–214.

² Там же. Д. 1. Л. 129.

³ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 49. Д. 3741. Л. 30–32, 60.

Дифференциация доходов населения напрямую зависела от существования карточной системы, введенной в начале войны. Число людей, находившихся осенью 1946 г. на карточном снабжении хлебом по городским нормам, насчитывало 58,8 млн, что было на 6 млн чел. больше, чем в 1945 г. К моменту отмены карточной системы, к декабрю 1947 г., гарантированному снабжению подлежало 55,3 млн чел. и 1 млн городских жителей снабжались хлебом в закрытых учреждениях [4, С. 32].

Таким образом, после окончания Второй мировой войны перед СССР наряду с другими, не менее важными, стояли задачи обустройства демобилизовавшихся воинов. Основные направления социальной политики в данном вопросе были predeterminedены Законом «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии» и Постановлением «О мероприятиях по оказанию помощи демобилизованным, семьям погибших воинов, инвалидам

Отечественной войны и семьям военнослужащих».

Забота государства и общества о войнах-победителях проявлялась в их торжественной встрече на вокзалах и обеспечении транспортом, доставлявшим демобилизовавшихся до места жительства. Выдавалось единовременное денежное вознаграждение за каждый год службы в армии в период Великой Отечественной войны в зависимости от воинского звания и родов войск.

Советы Народных Комиссаров союзных и автономных республик, Исполнительные Комитеты краевых и областных Советов депутатов трудящихся, руководители предприятий, учреждений и организаций в городских районах должны были содействовать в скорейшем трудоустройстве фронтовиков, обеспечении их жильем, необходимым лечением, продуктами питания и промышленными товарами, своевременным выплатам денежных пособий и пенсий, на селе – в обзаведении хозяйством.

ЛИТЕРАТУРА

1. <http://protown.ru/information/hide>
2. http://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_СНК_СССР_от_21.09.1945_№_2436.
3. Социальная история Горного Алтая в документах и материалах: монография. – Горно-Алтайск, 2010.
4. Пелих, И. В. Социальная политика СССР в 1945–1953 гг. (на материалах Краснодарского края). Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2005.

СОСТОЯНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ГОРНОГО АЛТАЯ НА РУБЕЖЕ 80–90-х гг. XX в.

М. С. Каташев

УДК 94(47)

Статья посвящена проблеме экономического состояния Горного Алтая в последние годы перестройки. Вводимый в архивный оборот комплекс архивных документов позволяет показать особенности и тенденции промышленного развития региона на рубеже 80–90-х гг. XX в. Отмечены причины слабой эффективности работы предприятий Горного Алтая в указанные годы.

Ключевые слова: промышленность, строительная база, техническое оснащение, сырьевой характер, производственная инфраструктура, прибыль, инфляция.

Кампании, организованные союзным руководством в 1985–1986 гг. в интересах модернизации экономики страны, в 1987–1988 гг. уступили место более целенаправленным мероприятиям по реформе экономической системы государства. Ключевым элементом реформ, предпринятых в это время, стал Закон «О госпредприятии», который с 1 января 1988 г. заменил традиционные плановые обязательства госзаказом, дал промышленным предприятиям некоторую свободу в заключении прямых договоров друг с другом, а также предоставил большую автономию в распоряжении собственными средствами, в частности, выплате заработной платы и премиальных [1].

Государство оказывало ощутимую поддержку экономике Горно-Алтайской автономной области. В соответствии с январским (1986 г.) постановлением Совмина СССР № 47 народному хозяйству автономной области в 1986–1990 гг. выделялось 278 млн руб., что превосходило объем капиталовложений за предыдущее пятилетие на 55,7 %. В результате ввод в действие основных фондов предприятий в указанный период увеличился на 54,6 %¹.

Благодаря расширенному финансированию производственной сферы, повысился уровень материально-технического оснащения машиностроительной промышленности, перерабатывающих отраслей агропромышленного ком-

плекса, кирпичного производства в области, улучшения деятельности рудника «Веселый».

Вместе с тем переход промышленности Горного Алтая на новую систему хозяйствования происходил в сложных условиях, развитие промышленного сектора области сдерживал груз застарелых проблем.

Одна из них заключалась в слабости собственной строительной базы. В Горно-Алтайской автономной области работали два предприятия по производству строительных материалов – Горно-Алтайский завод железобетонных изделий и Горно-Алтайский кирпичный завод. Их производственные мощности не могли покрыть потребности народного хозяйства региона в стройматериалах, их приходилось завозить из г. Бийска, ближайшей железнодорожной станции, которая находилась в 100 км от г. Горно-Алтайска. Затраты на доставку автотранспортом оставались высокими, что вело к увеличению себестоимости строительства. Из-за отдаленности доставки стройматериалов работы по реконструкции и расширению действовавших мощностей предприятий затягивались во времени, зачастую велись с недоделками и браком [2, с. 62].

Другой причиной слабой эффективности промышленного производства в регионе оставалась низкая техническая оснащенность предприятий. На техническое перевооружение выделялись немалые средства, но их было явно недостаточно. Преобладала экстенсивная форма

¹ Архив государственного комитета по статистике Республики Алтай (АГКС РА). Д. 1792-а. Л. 5

воспроизводства основных фондов – новое оборудование во многих случаях направлялось не на замену физически и морально устаревшего оборудования, а на расширение действующего парка. В результате в отраслях усилился процесс накопления старых производственных фондов. Наличие большого количества устаревшего оборудования не могло не сказаться на ассортименте изделий и ее качественных характеристиках.

В итоге процесс технического переоснащения промышленных предприятий Горного Алтая к концу 1980-х гг. остался незавершенным. Для промышленности области, представленной главным образом мелкими и средними предприятиями, были характерны низкие темпы обновления основных производственных фондов, высокий (около 60 %) удельный вес ручного труда.

Были большими потери выделяемых государством материально-технических ресурсов по причине недостатка производственных площадей на предприятиях. Часто уже полученное оборудование не устанавливалось и не эксплуатировалось из-за нехватки квалифицированных кадров основного и вспомогательного производств (в том числе ремонтной службы), медленного строительства и реконструкции производственных помещений, неувязок в планировании, некомплектной поставки оборудования. Особенно много оборудования было на реконструируемых предприятиях. Как правило, работы по реконструкции затягивались, и поступающее на предприятия оборудование скапливалось на складах.

Серьезно сдерживал экономическое развитие Горно-Алтайской автономной области сырьевой характер производства, особенно наглядно это прослеживается на примере ведущей отрасли народного хозяйства региона – агропромышленного комплекса. Для экономики области был характерен низкий уровень переработки продукции животноводства. Скот сдавался на Бийский, Лениногорский, Усть-Каменогорский и Семипалатинский мясокомбинаты, основным пунктом переработки козьего пуха являлся Оренбург, панты маралов

отправлялись на переработку во Владивосток, а шерсть – в Омск.

Помимо потерь, связанных с реализацией конечного продукта за пределами области, предприятия и организации ежегодно несли большие убытки при транспортировке и переработке продукции. Так, например, потери мясопродуктов при транспортировке в 1989 г. составили почти 2,5 тыс. тонн, что соответствовало примерно половине выделяемых государственным фондам области на питание ее населения [3, с. 2].

Из-за низкого технического уровня мощностей по переработке, несовершенства способов заготовки, транспортировки и хранения не использовалось большое количество сельскохозяйственного сырья. В условиях горного бездорожья, из-за недостатка количества автомашин высокой проходимости большая часть молока вывозилась гусеничными тракторами, медленная доставка в значительной мере снижала его качество¹.

Определяющую роль в развитии экономики Горного Алтая играла производственная инфраструктура. Особенно серьезное значение имели такие ее элементы, как дорожная отрасль и электроэнергетика. В рассматриваемый период удалось добиться серьезных успехов в данных секторах экономики, но эффективность работ снижали недостаточно высокие темпы строительства.

К середине 1980-х гг. доля дорог с усовершенствованным покрытием в Горно-Алтайской автономной области составляла всего 29 % от их общей протяженности. Слабая материально-техническая база дорожно-строительной отрасли не позволила решить проблему обеспечения области качественными дорогами. Управление «Горно-Алтайавтодор» было укомплектовано техникой в основном старых образцов, собственного транспорта имелось мало. Управление включало 2 строительных и 9 эксплуатационных организаций, но не имело постоянного поставщика железобетонных изделий, плит, мостовых конструкций. Неудовлетворительным оставалось и материально-

¹ Комитет по делам архивов Республики Алтай (КПДА). Ф. 33. Оп. 7. Д. 54. Л. 34.

техническое снабжение организаций отрасли. Так, выделение фондов по ГСМ во второй половине 1980-х гг. составляло 20 % от потребности, по стройматериалам – около 75 %, а уровень обеспечения материально-техническими фондами составлял около 30 %¹. В результате дорожно-строительные работы осуществлялись медленно, и даже усиленное финансирование отрасли не могло на тот момент решить проблему повышения качественного состояния дорог.

Крайне слабой оставалась производственная база дорожных организаций. Большинство автотранспортных предприятий были убыточны или низкорентабельны. Одним из главных факторов, снижавших эффективность работы автотранспорта, являлась слабость производственной базы, вследствие чего эксплуатационная возможность транспорта оставалась низкой. Доля подвижного состава к концу 1980-х гг. составляла в общей стоимости основных фондов 70–90 %, тогда как она должна была составлять 40 %².

В электроэнергетике существовали те же проблемы – отставание строительной базы и невысокий уровень технической оснащенности отрасли. Подрядными строительными организациями работы по электрификации области велись медленно, причиной чему являлись: несвоевременные поставки оборудования, слабая обеспеченность подрядных строительных организаций треста «Алтайсельэлектрострой» кадрами и техникой. Сложная система взаимоотношений между потребителями и поставщиками влекла перебои в поставках материалов для проводов и оборудования для подстанций, что вело к простоям производства.

Имеющиеся же мощности электроэнергетики отличались слабой надежностью ввиду низкого уровня производственной базы, недостатком, а порой и полным отсутствием техники на некоторых участках.

Между тем низкий уровень электрификации народного хозяйства являлся одной из важнейших причин отставания развития экономики Горно-Алтайской автономной области.

Так, электровооруженность труда в промышленности Горно-Алтайской автономной области в 1988 г. составляла 7 тыс. кВт. ч/чел. против 13,9 в Алтайском крае и 35,5 по стране³.

Недостаточно развитый уровень производственной инфраструктуры серьезно снижал эффективность государственных капиталовложений. Например, на удорожание работ влияла необходимость поставки электроэнергии на большие расстояния из Алтайского края. Стоимость электроэнергии в Горно-Алтайской автономной области по данной причине оставалась самой высокой среди регионов Западной Сибири, поэтому энергоемкие перерабатывающие производства в Горном Алтае отличались высокой себестоимостью и оставались неконкурентноспособными в сравнении с производствами соседних регионов, где имелись собственные источники производства электроэнергии. На удорожание строительных работ влияла и необходимость доставки грузов автотранспортом. Так, на перевозку стройматериалов, сырья и оборудования для предприятий промышленности автотранспортом требовались большие расходы ГСМ, что вело к удорожанию стоимости конечного продукта в промышленности, замедлению темпов работ в строительном секторе. По данной причине развитие переработки сырья в Горно-Алтайской автономной области, в особенности в ее отдаленных районах, являлось нерентабельным занятием.

Характерной чертой промышленного производства в Горном Алтае являлась жесткая зависимость большинства предприятий от централизованных поставок сырья из других регионов страны. Например, сырье для фабрик легкой промышленности автономной области поставлялось из Казахстана, г. Минск, Воронеж. Разрыв традиционных хозяйственных связей в начале 1990-х гг. при отсутствии сколь угодно развитых посреднических рыночных структур ставило предприятия в затруднительное положение. Производственные мощности из-за перебоев в материально-техническом снабжении не использовались в полной мере, потери рабочего времени из-за простоев пред-

¹ КПДА. Оп. 8. Д. 900. Л. 8, 29.

² Там же. Ф. 59. Оп. 2. Д. 1. Л. 19.

³ Там же. Л. 6.

приятый, например, увеличились в 1991 г. в 1,8 раза в сравнении с предыдущим годом¹.

Итак, развитие промышленности Горного Алтая к началу 1990-х гг. сдерживало груз нерешенных проблем, к наиболее серьезным из которых относились: 1) низкий уровень строительной базы в области; 2) устаревшее изношенное оборудование на предприятиях; 3) нехватка производственных площадей и недостаток техники; 4) высокая текучесть и нехватка квалифицированных кадров; 5) слабость собственной ремонтной базы, перебои в поставках запчастей для технических средств и оборудования; 6) зависимость предприятий от внешних источников сырья и низкая освоенность местных запасов; 7) низкий удельный вес перерабатывающих производств в структуре промышленности; 8) невысокий уровень развития производственной инфраструктуры и в первую очередь – дорожно-транспортной отрасли и электроэнергетики.

В результате выделяемые на развитие народного хозяйства области ассигнования не давали ожидаемого эффекта. Так, за 1988–1990 гг. фондовооруженность (отношение стоимости основных фондов на 1 работника производственно-промышленного персонала) возросла на 42,5 %, тогда как выработка продукции одним работником производственно-промышленного персонала в эти годы увеличилась на 7,5 %, а в 1991 г. она выросла лишь на 4,76 %. При этом фондовооруженность в этом году увеличилась на 6,6 %. Фондоотдача же (отношение стоимости произведенной продукции к стоимости основных фондов) снизилась – за 1988–1990 гг. она уменьшалась на 5,7 %, а в 1991 г. – на 1,8 %².

За 1988–1991 гг. производство продукции в натуральном выражении сократилось по всем ее видам, за исключением выработки ртути, вывозки пиломатериалов и производства овощных консервов.

Тем не менее заводы и фабрики продолжали стабильно работать. Благодаря завершению реконструкции предприятий цветной металлургии, они понизили себестоимость выпу-

скаемой продукции почти в 2 раза и перешли из разряда убыточных в прибыльные, что не могло не отразиться на общих показателях. За 1988–1991 гг. себестоимость выпускаемой продукции в целом по промышленности уменьшилась на 2 коп.

Стали давать свои положительные результаты механизмы экономического стимулирования, которые заработали в конце 1980-х гг. Предприятия увеличили объемы прибыли, несмотря на снижение валовых показателей. В области оставалось немало число планово убыточных предприятий, которые понесли серьезные потери при переходе на хозрасчет. Но в целом промышленность Горного Алтая в конце 1980 – начале 1990-х гг. заканчивала каждый год с прибылью, которая значительно возросла после принятия Закона «О госпредприятии».

Если за 1985–1988 гг. прибыль в промышленности выросла в 1,4 раза, то в 1989 и в 1990 гг. – в 1,8 и в 1,3 раза в сравнении с предыдущими годами. С прибылью закончили предприятия и 1991 г. Рост прибыли произошел за счет предприятий легкой, пищевой и промышленности производства стройматериалов. Сложнее ситуация обстояла в лесозаготовительной и деревообрабатывающей отраслях, леспромхозы и лесхозы которые в конце 1980 – начале 1990-х гг. несли убытки.

Необходимо учитывать, что с переходом предприятий на хозрасчет был запущен процесс роста цен на сырье и товары, но в 1989–1990 гг. его масштабы пока еще были небольшими по сравнению с увеличением прибыли предприятий. Такие успехи можно объяснить особенностями структуры промышленного сектора экономики области, в котором значительную долю занимали предприятия легкой и пищевой промышленности. Именно эти предприятия, продукция которых отличалась повышенным спросом в условиях жесткого дефицита, смогли улучшить свое финансовое положение. Подобная ситуация наблюдалась в целом по всей стране [4, с. 22, 23]. Предприятия, ориентированные на потребление и быстрое получение прибыли, сумели в новых условиях хозяйствования извлечь для себя большую выгоду.

¹ АГКС РА. Д. 1792-а. Л. 5.

² Рассчитано по: АГКС. Д. 1526. ЛЛ. 29, 34.

Но внешне благоприятная картина имела свою оборотную сторону. Увеличение прибылей многочисленных кооперативов, предприятий группы «Б», рост заработной платы работников в условиях сокращения объемов производства привели к разрастанию денежной массы в стране. Избыточные деньги требовали их покрытия товарами, выпуск которых сократился. В итоге был запущен механизм инфляции, которая в 1989 г. имела пока еще скрытую форму и проявлялась в опустении прилавков магазинов. В условиях же увеличения дефицита предприятия группы «Б» и кооперативы наращивали прибыль, что при сокращении производства еще более раскручивало инфляционную спираль. Так, за 1986–1991 гг. товарная масса возросла незначительно, а затем уменьшилась. Между тем денежная масса, по мнению экспертов-экономистов Академии наук СССР, возросла в 3,6 раза (из них в 2 раза – в 1991 г.) [5, с. 14].

Попытки союзного правительства во главе с В. С. Павловым ограничить в 1991 г. инфляцию путем замораживания вкладов граждан и административного повышения цен не привели к желаемому результату. Августовский путч привел к фактическому распаду страны и развалу потребительского рынка.

Итак, период рубежа конца 1980 – начала 1990-х гг. отмечен противоречивыми процессами в развитии экономики Горного Алтая. В девяностые годы промышленность автономной области вступила с целым комплексом проблем. К ним, в первую очередь, следует отнести: низкий уровень материально-технической базы, зависимость предприятий от внешних поставщиков сырья, нехватку квалифицированных кадров, сырьевой характер производства, слабый уровень производственной инфраструктуры и др.

По вышеуказанным причинам, несмотря на рост капиталовложений, их отдача с течением времени снижалась. Увеличивался разрыв между темпами роста фондовооруженности промышленно-производственного персонала и темпами роста производительности труда, снижалась фондоотдача, себестоимость продукции не уменьшалась. Отход от плановой директив-

ной экономики при отсутствии налаженных рыночных структур привел к свертыванию хозяйственных связей, что серьезно усложнило деятельность промышленных предприятий в области.

Тем не менее в новых условиях хозяйствования, когда заработали экономические стимулы развития производства, рентабельные предприятия, ориентированные на сбыт и быструю оборачиваемость средств, сумели улучшить свое материальное положение и повысить объемы прибыли. В этом отношении развитие промышленности в Горном Алтае происходило в русле общероссийских тенденций. Обратной стороной увеличения прибыли предприятий группы «Б» являлись такие негативные моменты, как разрастание денежной массы и рост инфляции. Попытки союзного правительства ограничить инфляцию административными мерами не увенчались успехом.

Можно сказать, что непосредственные причины кризиса в последние годы существования Советского Союза заключались в неудачной политике правительства, основанной на невосприятии руководством страны рыночных законов, на ошибочной вере в реформируемость командно-административной системы экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон Союза Советских Социалистических Республик о государственном предприятии (объединении). – М., 1987.
2. Казанцев, А. Ю. Развитие промышленности Горного Алтая в 80–90-х годах XX в. // Горный Алтай: исторический сборник. – Горно-Алтайск, Бийск, 2006. – Вып. 10.
3. Агропром: пути радикальной реформы // Звезда Алтая. – 10 июля. – 1990.
4. Народное хозяйство СССР в 1990 г.: стат. сборник. – М., 1991.
5. Амосов, А. Инфляция и кризис: пути выхода // Вопросы экономики. – 1992. – № 2.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ НОРМ КАК ОДНОГО ИЗ УСЛОВИЙ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Г. Б. Эшматова

УДК 342

В статье анализируются вопросы развития конституционно-правового законодательства в условиях формирующегося в Российской Федерации гражданского общества. Уделено внимание законодательной деятельности Республики Алтай.

Ключевые слова: Конституция, конституционно-правовые нормы, федерализм, субъекты федерации, республика.

Развитие конституционализма является важным фактором исторического процесса. Эта проблема предполагает изучение политической системы. Политическая система складывается из политических институтов, посредством которых в обществе осуществляются власть или ее распределение. Составной частью политической системы являются социокультурные компоненты: правовые и культурные нормы, ценности, образцы поведения, политические доктрины. Политическая система осуществляет управление, координацию поведения отдельных людей и групп путем выработки определенных правил (законов, норм), организации их применения.

В науке конституционного права под конституцией понимается система норм, имеющих высшую юридическую силу и регулирующих основы отношений между человеком и обществом, с одной стороны, и государством – с другой, а также основы самого государства [1, с. 160].

Конституция – это Основной Закон государства. Главные вопросы содержания конституции – о власти, формах собственности, положении личности, обустройстве государства. Конституционные нормы являются основополагающими для деятельности государственных органов, политических партий и иных общественных объединений, должностных лиц, граждан страны и пребывающих на ее территории иностранцев. Конституция является ядром всей правовой

системы России и определяет смысл и содержание других законов.

В истории Российской Федерации насчитывается пять Конституций – 1918 г., 1925 г., 1937 г., 1978 г. и 1993 г. Принятие каждой из них знаменовало существенные изменения в жизни общества, подводило итог предшествующему развитию, определяло новый этап в истории развития государства, отражало утверждение новых концепций или углубление и развитие прежних.

Первые четыре конституции были по своему типу советскими социалистическими конституциями. Несмотря на существенные особенности, присущие каждой из них, они развивались в соответствии с принципом преемственности, отражающей сохранение социалистических ценностей, утверждение советской власти, носили классовый характер, выступая как воплощение диктатуры рабочего класса, затем его руководящей роли [2, 3, 4].

Нынешняя Конституция РФ принята на всенародном референдуме 12 декабря 1993 г., которая зафиксировала ликвидацию советской политической системы и придала государственному устройству России форму президентской республики. Конституция РФ закрепила федеративное устройство страны [5].

Современная Россия – конституционная федерация. Еще до принятия Конституции РФ 1993 г., закрепляющей ее федеративное устройство, в 1992 г. были заключены договоры о разграничении предметов ведения

между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти субъектов федерации. Эти договоры затем были сведены в единый Федеративный договор. Многие положения этого Договора нашли свое отражение в Конституции РФ.

Для российского федерализма характерно соединение национально-государственного и административно-территориального принципов построения системы правления. Это связано с многонациональным составом населения страны. В отличие от других государств, в России сложилась асимметричная форма федерализма: республики обладают большим объемом прав, чем края, области, города, округа в их взаимоотношениях с центром. В основе конституирования лежит национально-территориальный принцип.

При этом существующая асимметричность не затрагивает основных аспектов реализации принципа равноправия. В настоящее время в составе Российской Федерации 83 субъекта. Границы между субъектами РФ не могут быть изменены без их согласия. Единоличного права выхода из Российской Федерации ее субъекты не имеют. Правовой статус субъекта определяется Конституцией РФ и собственной конституцией (уставом) субъекта. Этот статус может быть изменен по взаимному согласию РФ и самого субъекта в соответствии с федеральным конституционным законом. Применительно к статусу субъектов РФ в Конституции категория «суверенитет» не употребляется, это понятие используется по отношению к Российской Федерации в целом, хотя некоторые республики называют себя суверенными государствами. Федеративные отношения субъектов с федерацией характеризуются разграничением предметов ведения и полномочий, относящихся только к компетенции государственной власти Российской Федерации (исключительное ведение РФ) и относящихся к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. По остальным предметам ведения и полномочий субъекты РФ согласно ст. 73 Конституции РФ обла-

дают всей полнотой государственной власти. Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов возможно как на основе Конституции РФ, так и на основе договоров между РФ и ее субъектами. Все субъекты имеют представительство на федеральном уровне и возможность обращения к Президенту РФ, Правительству РФ, в Конституционный суд РФ и другие органы федерации. Субъекты федерации имеют право законодательной инициативы в Государственной Думе. У каждого субъекта есть свой основополагающий акт: конституция – у республик, устав – у остальных субъектов, а также свое законодательство: законы и другие нормативные правовые акты. Важнейшим принципом федеративных отношений является принцип верховенства федеральной конституции по отношению ко всем правовым актам, принимаемым как федеральными, так и региональными органами власти, а также приоритет федеральных законов над законодательством субъектов федерации. Таким образом, Конституция РФ, с одной стороны, закрепляет единство правопорядка на всей территории России, с другой – защищает интересы субъектов РФ.

Каждый субъект федерации имеет свою систему органов государственной власти. Она устанавливается субъектом самостоятельно, в соответствии с основами конституционного строя РФ и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, определенными федеральным законом.

В субъектах федерации (только республиках) допускается наличие своего государственного языка, который в органах местного самоуправления употребляется наряду с государственным языком Российской Федерации, для иных субъектов наличие подобного порядка не предусмотрено. Конституция гарантирует право всем народам на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития, а также права малочисленных народов. Для осуществления

своих полномочий на территории субъектов федеральный центр может иметь там свои органы или соответствующих лиц. Статус личности в РФ является единым и не зависит от того, на территории какого субъекта проживает человек. По Конституции РФ защита прав и свобод человека и гражданина относится к совместному ведению РФ и ее субъектов, то регулирование статуса – исключительное ведение РФ, Российская Федерация обеспечивает на всей территории единый порядок, для чего создается единая система правоохранительных органов, безопасности, единые Вооруженные Силы. Поскольку республики в составе федерации являются государствами, существует понятие гражданства республики. Тем не менее это не создает особого статуса личности в республике. У всех субъектов Российской Федерации есть право на участие в международных и внешнеэкономических отношениях. Эта сфера относится к предметам совместного ведения, и федерация координирует международные связи своих субъектов. Регионы осуществляют разнообразные программы взаимовыгодного сотрудничества.

В республиках Российской Федерации действуют конституции, принятые в конце 70-х гг. XX в. с последующими изменениями и дополнениями (Карелия, Чувашия, Мордовия и др.); конституции, принятые в начале 1990-х гг., до принятия Конституции РФ (Татарстан, Саха (Якутия), Тыва); конституции, принятые после 12 декабря 1993 г. (Адыгея, Башкортостан, Бурятия, Дагестан и др.). Основными признаками республиканской конституции являются: высшая юридическая сила в правовой системе республики, прямое действие, применение на всей территории республики, соответствие ей законов и иных правовых актов республики, обязательность соблюдения органами государственной власти и местного самоуправления, должностными лицами, гражданами и объединениями. В конституциях республик отражается своеобразие их исторического развития, культуры и уклада жизни. Специфика выражается как в способах конкретизации

положений Конституции РФ и конституирования собственного статуса, так и в нормах, аналогов которым нет в Конституции РФ, при общем равенстве всех республик объем прав в результате собственной конституционной самоорганизации неодинаков. Статус республик определен в их конституциях по-разному: государство, добровольно входящее в состав РФ (Северная Осетия-Алания), суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с РФ на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения (Татарстан); суверенное, демократическое и правовое государство (Саха (Якутия); республика, имеющая право на выход из состава РФ (Тыва), государство в составе РФ (Адыгея) и др. Некоторые республики расширительно определяют объем своих полномочий, вторгаясь в сферы федеральной компетенции. В связи с этим Президент страны официально потребовал от регионов приведения конституционного и иного законодательства в соответствие с федеральным. Исключительной компетенцией республиканских конституций, позволяющей отразить специфику районов, городских, сельских поселений, является конституционное регулирование административно-территориального устройства республик. Конституции республик закрепляют форму правления, выделяя президентские, парламентские и смешанные формы (когда есть глава республики). Разнообразны и наименования парламентов республик – Государственный совет, Народный хурал, Парламент, Законодательное собрание и т. д. Некоторые из них являются двухпалатными (Карелия, Кабардино-Балкария, Саха (Якутия). В ряде республик созданы конституционные суды [6].

Республика Алтай была одним из последних регионов, где позже всех принята Конституция. Большая роль в подготовке проекта Основного Закона республики принадлежит Конституционной комиссии, образованной постановлением Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай от 2 марта 1994 г. в составе 23 человек (позд-

нее численность была увеличена до 27 человек). Председателем комиссии был избран В. И. Чаптынов, заместителем – Д. И. Табаев, ответственным секретарем – В. С. Максимов.

Более 5 лет проект Конституции был предметом широкой дискуссии. Так, проект Конституции обсуждался на пяти сессиях Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай, дважды публиковался в республиканских газетах. Проект отдельно издавался брошюрой, по несколько раз обсуждался на сессиях городского и районных Советов депутатов, а также на заседаниях в 35 сельских Советах. Поступило более 500 предложений и замечаний к проекту. Проект Конституции прошел правовую экспертизу в Госдуме, Совете Федерации, в Администрации Президента РФ, в Институте законодательства и сравнительного правоведения Правительства РФ [7, с. 3, 4].

Конституция принята на 21-й сессии Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай 7 июня 1997 г. Из 27 депутатов республики присутствовали 25, из них за принятие Конституции проголосовали 20 депутатов, четыре – против, один воздержался [7, с. 4].

С принятием Конституции (Основного Закона) Республики Алтай завершилось ее юридическое оформление. Республика признана демократическим государством с республиканской формой правления, входящим на правах субъекта в состав Российской Федерации и не делимым от нее.

Республика – форма правления, при которой основным источником государственной власти является народ; высшие органы власти либо избираются гражданами, либо формируются общенациональным представительным учреждением. Нашу республику в большей степени можно отнести к парламентской республике, т. к. Парламент (Государственное Собрание – Эл Курултай Республики Алтай), наряду с принятием законов, обладает контрольными функциями, формирует правительство, заслушивает его ежегодный доклад, имеет право выразить недоверие Правительству, утверждает структуру

исполнительных органов, в соответствии с Конституцией республики может отрешить от должности Главу республики, Председателя Правительства.

Как правовой статус Республики Алтай, так и ее Конституция (Основной Закон) обладают рядом отличительных особенностей от Конституции Российской Федерации и конституций других республик. Это касается, прежде всего, структуры и введения новых разделов и глав [6, с. 5–42].

В Конституцию были введены такие разделы и главы, которых нет в Основных Законах ряда республик: «Административно-территориальное устройство», «Основы экономики и финансовая система Республики Алтай», «Законодательство Республики Алтай», «Избирательная система Республики Алтай», «Законность и правопорядок». Раздел «Правовой статус человека и гражданина» содержит главы: «Общее положение», «Гражданские и политические права и свободы гражданина и человека», «Экономические, социальные и культурные права граждан», «Гарантии прав и свобод граждан», «Обязанности граждан». В то время она была одной из самых объемных конституций республик в составе РФ (состояла из 7 разделов, 23 глав, 170 статей). За прошедшие годы после принятия Конституции внесено более сотни поправок, сократилось количество статей и глав. В настоящее время Конституция республики состоит из 7 разделов, 18 глав и 151 статьи [8, с. 54–58].

В разделе «Государственное устройство Республики Алтай» нашли отражение вопросы разграничения полномочий и предметов ведения между Российской Федерацией и Республикой Алтай. Государственную власть в Республике Алтай осуществляют Государственное Собрание – Эл Курултай Республики Алтай, Глава Республики Алтай, Правительство Республики Алтай и суды Республики Алтай.

Государственное Собрание – Эл Курултай (парламент) Республики Алтай осуществляет функции высшего представительного законодательного органа государственной

власти. В его состав входит 41 депутат, избираемый сроком на 4 года.

Глава Республики Алтай является высшим должностным лицом Республики Алтай и возглавляет исполнительную власть (одновременно Председатель Правительства Республики Алтай). Если ранее он избирался населением на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании, то в настоящее время наделяется полномочиями по представлению Президента Российской Федерации Государственным Собранием – Эл Курултай Республики Алтай сроком на 4 года.

В Конституции Республики Алтай соблюдается принцип единого гражданства. Она не устанавливает своего республиканского гражданства и признает, что каждый гражданин Российской Федерации на территории республики обладает всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Республики Алтай (ст. 12).

В ст. 13 Конституции Республики Алтай государственными языками в республике признаны русский и алтайский языки. Республика Алтай гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. Для занятия высшей государственной должности не обязательно знание двух государственных языков [9, с. 6, 7, 31, 32, 36].

Согласно Конституции Республики Алтай, Государственным Собранием – Эл Курултай принимаются собственные законодательные акты, обладающие верховенством на территории республики и являющиеся обязательными к исполнению.

Территория республики не может быть изменена и использована без ее согласия. Вопрос о границах и административно-территориальном устройстве решается на основе действующих законов и заключенного договора с Российской Федерацией. Конституция охраняет права и законные интересы граждан и обеспечивает их социальную защищенность.

Народ республики имеет исключительное право на владение, пользование и распоряжение национальным богатством; использование природных ресурсов и другая хозяйственная деятельность предприятий, организаций на территории может производиться только с ее согласия. В Правительстве Республики Алтай создано Министерство по природным ресурсам.

Следует сказать, что содержащиеся в Конституции России нормы, характеризующие Российскую Федерацию как демократическое государство, на практике в полной мере не реализуются. Так, объявленный носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации, ее народ на деле все больше отстраняется от власти, поскольку свободные выборы, являющиеся высшим непосредственным выражением власти народа, там, где они проводятся, не могут отражать волю народа, так как в них обычно участвует незначительная часть избирателей. Достаточно сказать, что при проведении выборов в Государственную Думу, состоявшихся в 1993 г., требовалось участие в них только 25 % зарегистрированных избирателей, чтобы признать выборы состоявшимися.

Кроме того, с 2005 г. по настоящее время главной новой особенностью этого периода стал отказ губернаторских выборов и переход к назначению губернаторов президентом страны. В отличие от 1991–1995 гг., когда вертикаль исполнительной власти распространялась только на края, области, автономную область и автономные округа, то в данный момент назначения охватывают всю территорию страны, включая республики и политически активные столицы.

Снижается уровень доверия к власти, ее деятельность не находит отклика у населения. По мнению большинства населяющих республику, система органов государственной власти и органы самоуправления теряют свои позиции и связь с народом. Число полностью одобряющих деятельность органов власти в республике не превышает 10 %. Особенно заметно недоверие к властям у лиц тру-

деспособного и зрелого возраста (чуть более 40 %). Значительная доля не ответивших на поставленный вопрос – у лиц в возрасте до 29 лет. Молодежь характеризует безразличие к политическим институтам. Отличие сегодняшнего дня – нелегитимность властей.

Реальная практика деятельности государства отличается от той законодательной основы, которая существует как норма. Многие демократические понятия, на которые опираются конституционные нормы, являются формальными. Мало известно, что собой представляют по содержанию такие понятия, как «достойная жизнь», «гарантии социальной защиты», «местное самоуправление», «гарантия прав и свобод согласно нормам международного права» и т. д. Это подтверждается и социологическими данными. Например, на вопрос: «Насколько хорошо Вам известно, что представляет собой система местного самоуправления?» – лишь третья часть опрошенного населения в республике дали ответ – хорошо известно, более половины – мало что известно, 18,8 % – ничего не известно и 0,6 % не дали ответа.

Не реализованы на практике в должном виде и нормы о местном самоуправлении там, где оно создано, носит в значительной мере формальный характер. Многие территории получают 70–90 % доходов за счет внешней помощи, то в данной ситуации местное самоуправление превращается в фикцию.

В Конституции записано, что Россия – социальное государство, стремящееся к обеспечению достойной жизни и устанавливающее гарантированный минимальный размер оплаты труда. Заработная плата должна позволять работающему и членам его семьи хотя бы минимальное, но полноценное социальное существование, не говоря уже об обеспечении достойной жизни. Тот уровень оплаты труда, который может позволить сегодня государство, даже не обеспечивает человеку возможности оплатить коммунальные услуги.

Все это говорит о том, что становление в России демократического государства потребует немало времени и усилий ее народа для

создания условий, в которых конституционные нормы, предусматривающие построение демократического государства, могут быть в полной мере реализованы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Политология. – М., 2002.
2. История Советской Конституции. Сборник документов 1917–1957. – М., 1957.
3. История Советской Конституции в декретах и постановлениях советского правительства 1917–1936. – М., 1936.
4. Конституция и Законы СССР. – М., 1983.
5. Конституция Российской Федерации. – СПб., 2006.
6. Федеративное устройство: реализация Конституции Российской Федерации. – М., 1995.
7. Родник. – 2010. – 2 сентября.
8. Табаев, Д. И. На рубеже веков. Юридические заметки, 1997–2005 гг. – Т. 1: Республика Алтай на стремнине правовой переправы Российской Федерации. – Горно-Алтайск, 2006.
9. Конституция Республики Алтай (Основной Закон). – Горно-Алтайск, 2002.

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ У КАЛМАКОВ

(опыт интервального исследования)

В. М. Кимеев, В. П. Кривоногов

УДК 391

В статье приводятся результаты изучения современных этнических процессов среди калмаков, включающие массовый опрос по специальному опросному листу в 1993 и 2010 гг. Калмаки – небольшая тюркоязычная общность севера Кемеровской области, связанная происхождением с телеутами и находящаяся во взаимодействии с сибирскими татарами, а в последние десятилетия – с поволжскими татарами и русскими. Данные на две даты показали, что в последнее время калмаки быстро ассимилируются в среде преобладающих в этом районе переселенцев из Поволжья – казанских татар. Большинство из них говорит не на родном наречии, а на татарском и русском языках, состоят в смешанных браках с татарами и русскими, а те, кто сохранил этническое самосознание и этноним «калмаки», – считают себя составной частью татарского народа. Между двумя исследованиями численность калмаков сократилась в два раза, их осталось всего около 80 человек, и, возможно, в ближайшее время они окончательно сольются с татарами.

Ключевые слова: калмаки, современные этнические процессы, ассимиляция, языковые процессы, национально-смешанные браки, телеуты, сибирские татары, поволжские татары, этнодемография.

Под калмаками отечественная этнография подразумевает небольшую группу тюркоязычного населения, проживающую на северо-западе Кемеровской области, близ города Юрги. Это уточнение необходимо, так как в XVII–XIX вв. этноним «калмаки» относился и к другим группам коренного населения юга Сибири и Центральной Азии – предкам калмыков, телеутов, части алтайцев и т. д. Но постепенно у других народов этнонимы поменялись, а у названной группы он остался прежним. Происхождение этой группы коренного населения известно – оно относится к XVII в., когда часть телеутов из центральных районов нынешней Кемеровской области переселилась на север и постепенно потеряла связь с южными сородичами. Принятие ислама в конце XVIII в. под влиянием переселенцев из Поволжья и Средней Азии (так. наз. «бухарцев») создало эндогамный барьер между калмаками и окружающим русским населением, что способствовало сохранению этой группы коренного населения и предохранило от ассимиляции

русским большинством¹. В XVII–XIX вв. наладились связи, в том числе семейные и родственные, калмаков с соседней группой сибирских (томских) татар, так называемыми чатами, также мусульманами по вероисповеданию. Постепенное сближение с ними, в частности, в области языка [1, с. 165–166], привело к тому, что в отечественной этнографии калмаков стали рассматривать как составную часть сибирских (томских) татар, наряду с чатами и эуштинцами, до сих пор проживающими близ Томска [2, с. 12, 18]. В XIX–XX вв. калмаки-мусульмане сосредоточились в трех населенных пунктах: Зимнике и Большом Улусе, близ города Юрги, и Юрты-Константиновы, расположенных к северо-востоку от Юрги, ближе к Томской области. Кстати, максимальными связями

¹ Кстати, часть местных калмаков, принявших православие, к XX веку полностью растворились в русской среде. Наши попытки найти потомков православных калмаков в поселках Шарай и других, где они проживали еще в XIX веке, не увенчались успехом, видимо, ассимиляция произошла достаточно давно.

с чатами отличается именно эта часть калмаков, в силу территориальной близости к поселениям чатов.

Важнейшим событием, повлиявшим на судьбу калмаков и их дальнейшую этническую историю, явилось массовое вселение в район их обитания переселенцев-татар из Поволжья в начале XX в. Появление массы поволжских татар-мусульман, которые поселились и в самих калмацких селах, и по соседству с ними, привело к переориентации внешних связей калмаков с томских татар на поволжских, тем более что религиозного эндогамного барьера между ними не существовало. Численность татар-переселенцев в несколько раз превысила число калмаков, что предопределило направление этнических процессов. Тем не менее сближение с пришельцами шло постепенно, долгое время калмаки сохраняли этническую самобытность, чему способствовали явно заметные в начальный период контактов различия в языке, культуре, антропологии (калмаки были заметно более монголоидны, чем выходцы с Поволжья). В течение первой половины XX в. происходил постепенный процесс все большего сближения калмаков с потомками поволжских татар и угасание их связей с сибирскими татарами. И хотя по-прежнему в этнографической литературе калмаки считались составной частью сибирских татар, направление этнических процессов вело к отрыву их от этой общности и сближению с местными поволжскими татарами. Этому способствовало, в частности, и преподавание в местных школах татарского литературного языка в 1930–1950 гг. В трех поселках соотношение калмацкого и татарского населения было разным – в Большом Улусе пришлого населения было немного, в Зимнике татары явно преобладали над коренными жителями, в Юртах-Константиновых их было примерно поровну. Соответственно процессы сближения калмаков с татарами наиболее интенсивно шли в Зимнике, а в Большом Улусе, наоборот, немногочисленные здесь татары сливались с калмацким населением.

В 1993 г. Кемеровским университетом с участием авторов данного материала была проведена комплексная этнографическая экспедиция в район расселения калмаков. Среди различных методов был использован метод массового опроса калмаков со 100-процентным охватом на основной территории расселения¹. Но если ранее этническая территория была совершенно определенной – три вышеназванных населенных пункта, то в 1970-е гг. характер расселения существенно изменился. В эти годы был ликвидирован поселок Большой Улус, то есть самый калмацкий из всех трех поселков, где наиболее полно сохранялись калмацкий язык и культура. Калмацкое население Большого Улуса переселилось в основном в четыре соседних поселка – в Зимник (где к тому времени коренных калмаков почти не осталось – они были ассимилированы преобладающими здесь татарами), в татарский поселок Сар-Саз и в русские поселки Логовое и центральная усадьба совхоза «Искитимский» (позже этот поселок был объединен с соседним поселком «станция Юрга-2» и известен сейчас под последним названием). Таким образом, в южном анклав калмаки проживали в четырех названных поселках, в северном – по-прежнему в Юртах-Константиновых². Все поселки были смешанными по национальному составу, в Логовом и Юрге-2 преобладали русские, в Юртах-Константиновых, Сар-Сазе и Зимнике проживали и русские, и татары. Ни в одном из этих поселков калмаки не составляли большинства населения, в Юртах-Константиновых они составляли заметную долю – треть, в остальных –

¹ Опросные листы составлялись и на детей – со слов родителей. На взрослых калмаков опросный лист составлялся при личной беседе.

² Во время первого исследования мы включили в территорию калмаков и город Юргу, где проживало значительное их число, в основном мигрантов из Большого Улуса. Однако, проанализировав материал, мы сочли более целесообразным этот населенный пункт из этнической территории калмаков исключить, поскольку калмаки составляют там ничтожную долю – всего 40–50 человек на более, чем 80-тысячный город. В данной статье на 1993 год мы данные по городским калмакам из таблиц исключили.

очень незначительный процент. В 2010 г. было решено, используя метод интервальных исследований, повторить исследование и еще раз провести массовый опрос со 100-процентным охватом проживающих в пяти поселках калмаков. Результаты предыдущего исследования, 1993 г., были введены в научный оборот в ряде статей [3, с. 125–129; 4, с. 86–106]. О соотношении калмаков и остального населения по населенным пунктам на две даты дает представление таблица 1.

Таким образом, естественное движение дало убыль в 44 человека, отрицательное сальдо миграций оказалось 17 человек, колебания этнического самосознания смешанного населения сократило число калмаков еще на 18 человек, в результате численность калмаков упала в два раза. Убыль калмаков пожилого возраста объясняется естественными причинами – смертностью, а сокращение численности средних возрастных групп и детей определяется двумя остальными факторами, причем

Таблица 1

Численность и доля калмаков в населенных пунктах основной территории населения

	1993 г.			2010 г.		
	Общая численность	В т.ч. калмаки	% калмаков	Общая численность	В т.ч. калмаки	% калмаков
Юрты-Константиновы	164	52	33,1	126	34	27,0
Зимник	709	41	5,8	881	19	2,2
Сар-Саз	475	32	6,7	512	12	2,3
Логовое	129	20	15,5	123	5	4,1
Юрга-2	1324	12	0,9	2912	8	0,3

Сравнивая данные двух исследований, мы обратили внимание, что численность тех, кто относит себя к калмакам, резко сократилась – с 157 до 78 человек¹. Численность калмаков менялась под влиянием трех факторов – соотношения рождаемости и смертности, внешних, по отношению к основной территории расселения миграций, и колебаний этнического самосознания смешанного населения. За период между исследованиями умерло 52 калмака, родилось – 8². За пределы основной территории выехало 24 человека, вернулось 7,23 человека, в основном смешанного происхождения (калмацко-татарского или калмацко-русского) ранее причислявших себя к калмакам, изменили свое мнение и калмаками себя уже не считают, в то время как 5 человек, наоборот, отнесли себя к калмакам.

это сокращение оказалось существеннее, чем в старшей возрастной группе. Это изменило половозрастную структуру и привело к старению населения (табл. 2). Средний возраст калмаков в 1993 г. был 42 года, сейчас – 52 года. Доля лиц 40 лет и старше составляла 49,0 %, а сейчас – уже 79,5 %.

Нам удалось подсчитать, что если все три фактора, влияющие на численность калмаков, будут играть ту же роль, что и в предшествующий период, то через такой же промежуток времени (т. е. через 17 лет) численность калмаков составит всего 25–30 человек, и почти все они будут пенсионного возраста, средний возраст составит 65 лет. Перспектива этих демографических изменений просчитывается самым определенным образом – скоро калмаки в качестве особого этнического подразделения попросту перестанут существовать, потомки калмаков будут относить себя к татарам, не выделяя себя из этой общности.

Как уже говорилось, за основу опроса и подсчета численности мы взяли принцип этнического самоопределения (если речь

¹ При отнесении местного населения к калмацкой общности мы основывались на самоопределении респондентов. При определении этнической принадлежности детей в смешанных семьях мы руководствовались мнением родителей.

² На самом деле детей родилось больше. Но все дети родились в национально-смешанных семьях, и мы учли только тех из них, кого родители определили как «калмаки».

идет о детях, то принималось во внимание мнение родителей об этнической принадлежности детей). Те потомки калмаков, которые себя к этой общности не относят, считают себя «просто татарами», нами опрошены не были, можно сказать, что в этой группе коренного населения процесс ассимиляции уже завершился. Однако надо иметь в виду, что среди тех, кто относит себя к калмакам, мнения о статусе оказались различ-

Как соотносятся по численности эти две группы калмаков? В 1993 г. из числа взрослого населения 37,6 % считали себя особым коренным народом, 56,8 % – составной частью поволжских татар и 2,4 % – частью сибирских татар (остальные 3,2 % затруднились в ответе). Тогда же было замечено, что первых было больше в старших возрастных группах, вторых – в средних и младших, то есть со сменой поколений влияние поволж-

Таблица 2

Половозрастная структура калмаков

Возраст	1993 г.		2010 г.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
80 и старше	1	8	2	3
75–79	1	3	3	5
70–74	1	4	4	3
65–69	2	3	1	4
60–64	7	10	1	1
55–59	13	10	1	3
50–54	4	4	8	7
45–49	-	3	5	9
40–44	1	2	1	1
35–39	7	6	1	2
30–34	9	11	1	1
25–29	7	3	1	1
20–24	4	3	1	-
15–19	-	3	-	-
10–14	6	5	1	3
5–9	6	5	-	1
0–4	3	2	1	2
Итого	72	85	32	46

ными. В настоящее время почти никто не относит себя к сибирским татарам (в 1993 г. таких оказалось только 3 человека, а в 2010 г. – ни одного), можно сделать вывод, что примерно с середины XX в. на основе самоопределения относить калмаков к сибирским татарам стало нецелесообразным, произошел отрыв калмаков от этой общности под влиянием окружающего татарского большинства. В последующем основная часть калмаков разделилась на две группы – тех, кто считает калмаков особой этнической общностью, особым этносом, и тех, кто считает калмаков составной частью поволжских татар или, говоря научным языком, субэтническим подразделением поволжских татар.

ских татар возрастало. Так, в возрасте старше 40 лет во время первого исследования считали калмаков особым народом 40,3 %, а младше этого возраста – 33,3 %. Мы предположили тогда, что со временем возобладает мнение о единстве калмаков с татарами. Так и произошло – в 2010 году лишь 18,6 % взрослых сочли возможным определить калмаков в качестве особого народа, в абсолютных цифрах это всего лишь 13 человек (в 1993 г. – 47 чел.), остальные посчитали себя частью татарского этноса (80,0 %), еще 1,4 % – затруднились в ответе. Изменилось и использование этнонимов. Уже в 1993 г. все калмаки использовали по отношению к себе этноним «татары», но при этом широко применялся и этноним «калмаки» – все использовали его

не только для самоопределения (поскольку это было главным условием нашего опроса), но и при внешнем общении (с русскими, татарами) его использовали 93,7 % (остальные 6,3 % считали себя калмаками «в душе», но при внешнем общении не использовали). При повторном исследовании выяснилось, что лишь 40,0 % использовали его при общении с другими национальностями, а остальные считали себя калмаками «в душе», но в разговорной речи использовать перестали, называли себя просто татарами.

Межэтническое взаимодействие в регионе характеризуют национально-смешанные браки калмаков. Их оказалось существенно больше, чем однонациональных, особенно много семей, смешанных с татарами. В 1993 г. однонациональных семей калмаков (не считая одиночек) оказалось 19, а смешанных – 59 (75,6 %), то есть три из четырех, в том числе 37 – с татарами, 2 – с башкирами, 14 – с русскими, 2 – с мордвинами, в 3 семьях представлены сразу три национальности – калмаки, татары и русские, встретилась также одна калмацко-русско-украинская. За истекший период сократилось число и однонациональных, и смешанных семей, соотношение осталось примерно таким же: однонациональных мы обнаружили 9, национально-смешанных – 32 (78,1 %), в том числе 17 – с татарами, 1 – с чатами, 1 – с башкирами, 9 – с русскими, 2 – с татарами и русскими, 1 – с русскими и мордвинами, 1 – с русскими и украинцами. Эти сведения дополняют материалы по супружеским парам калмаков. В 1993 г. они образовали 15 однонациональных пар, кроме того, у 15 мужчин женами были татарки, у одного – башкирка, у 9 – русские, у одного – мордовка; у 15 женщин мужьями были татары, у одной – башкир, у 7 – русские, у одной – украинец, у одной – немец, у одной – мордвин. Всего в смешанных браках состояли 63,4 % женатых мужчин-калмаков, в том числе с представителями тюркских, мусульманских народов – 39,0 %, с русскими и другими европейскими – 24,4 %. У женщин оказались точно такие же показатели, состоят в смешанных браках также

63,4 % замужних женщин, в таком же соотношении имели мужьями представителей тюркских и европейских народов. В 2010 г. однородных супружеских пар осталось лишь пять, кроме того, 5 мужчин оказались женатыми на татарках, один – на чатке, 6 – на русских женщинах, доля состоящих в смешанных браках – 70,6 %, в том числе с представителями тюркских, мусульманских народов – 35,3 %, столько же – с русскими. В смешанных браках состоят 12 женщин (так же, как и у мужчин – 70,6 %), в том числе 6 имеют мужей татар, одна – башкира, 3 – русских, одна – украинца и одна – мордвина. Все эти данные однозначно указывают на прорыв эндогамии, что является одной из причин развития ассимиляционных процессов. Все калмаки вполне толерантно относятся к бракам с татарами, а многие даже не воспринимают их национально-смешанными – ведь многие считают калмаков составной частью татарского народа. В последнее время изменилось в лучшую сторону и отношение к бракам с русскими (в прошлом такие браки были редкостью, прежде всего из-за религиозных различий). В настоящее время 17,2 % взрослых калмаков относятся к бракам с русскими положительно, еще 50,0 % считают, что национальность в таких браках вообще не имеет значения, и лишь 25,7 % считают, что браки с русскими нежелательны.

Национально-смешанные браки привели к тому, что многие калмаки имеют смешанное происхождение. Иначе говоря – являются метисами. В 1993 г. из 157 калмаков лишь 53 имели среди своих ближайших предков только калмаков, а 104 – имели смешанное происхождение (66,2 %), то есть двое из трех. Такое происхождение и объясняет значительные колебания в этническом самосознании. В числе 104 метисов имели среди своих ближайших предков, кроме калмаков, татар – 64, чатов – 17, башкир – 2, казахов – 1, русских – 1, мордву – 4, татар и русских – 1, башкир и русских – 2, корейцев и русских – 2, русских и немцев – 1, татар и башкир – 3, татар и чатов – 4, татар и мордву – 2. Всего калмаков, имеющих татарский компонент, оказалось 74 человека – 47,1 %, чат-

ский – 21 (13,4 %), русский – 7 (4,5 %). В 2010 г. из 78 калмаков лишь 19 были «чистокровными», остальные – имели смешанное происхождение (доля метисов выросла до 75,6 %). Среди метисов среди предков имели татар – 35 чел., чатов – 9, башкир – 3, казахов – 1, мордву – 1, татар и русских – 5, башкир и русских – 1, татар и чатов – 2, русских и чатов – 1, татар и мордву – 1. Всего имели татарский компонент 43 калмака (55,1 %), чатский – 12 (15,4 %), русский – 7 (9,0 %). Надо иметь в виду, что доля метисов повысилась, несмотря на то, что среди лиц, сменивших за последние годы этническое самоопределение и убывших по этой причине из числа калмаков, практически все – также смешанного происхождения. Если бы не это, доля метисов была бы еще выше. Как изменяется доля метисов по возрастным группам? Оказалось, что в возрасте 60 лет и старше доля лиц смешанного происхождения составила 59,3 %, в возрасте 40–59 лет – 77,1 %, в возрасте до 40 лет метисами оказались все (табл. 3).

стали взрослыми, этого выбора родителей не подтвердили – при повторном исследовании выяснилось, что они относят себя либо к татарам, либо к русским. Если бы не такая ориентация детей в смешанных семьях, то метисов в составе калмаков было бы еще больше.

Такое интенсивное смешение с соседними народами привело к тому, что практически все калмаки имеют родственников среди татар, а 69,6 % – и среди русских. Дружеские отношения также выходят далеко за пределы этнических границ, имеют ближайших друзей среди татар – 71,6 % (старше 7 лет), среди русских – 68,9 %.

Каковы основные этнические характеристики тех, кто еще относит себя к калмакам? Обратимся к языковым процессам.

В обоих исследованиях получены практически одинаковые показатели по родному и основному разговорному языку. И это удивительно – ведь все данные говорят, что калмаки активно ассимилируются татарами.

Таблица 3

Доля смешанного населения в разных возрастных группах калмаков

Возраст	1*	2*	3*	4*
80 и старше	20,0	80,0	-	-
70–79	40,0	60,0	-	-
60–69	57,1	42,9	-	-
50–59	21,1	78,9	-	-
40–49	25,0	68,8	-	6,2
30–39	-	100,0	-	-
20–29	-	33,3	33,3	33,4
10–19	-	25,0	-	75,0
0–9	-	25,0	-	75,0

Раньше в калмацко-татарских семьях 20,8 % детей родители относили к калмакам и 37,0 % – в калмацко-русских. Сейчас в калмацко-татарских семьях всех детей относят к татарам, а в калмацко-русских калмаками называют лишь 28,5 % детей. Надо сказать, что большинство детей в смешанных семьях, которых родители назвали в 1990-е гг. калмаками, когда

В чем же дело? Дело в том, что из числа калмаков убывают не только старики, хорошо знающие калмацкий язык. Не менее, и даже более активно выбывает молодежь, хуже владеющая калмацким языком, в результате миграций и смены этнического самосознания. Эти два процесса и уравнивают языковые показатели. Приводим последние данные по родному и основному разговорному языку калмаков (табл. 4).

При сравнении родного и основного разговорного языка выясняется, что практическое применение русского и татарского языка значительно шире, чем калмацкого. Всего

* 1 – чистокровные калмаки; 2* – среди ближайших предков, кроме калмаков, есть татары и др. тюркские, мусульманские народы; 3* – среди предков кроме калмаков есть русские и другие европ. народы; 4* – среди предков, кроме калмаков, есть и тюркские, и европ. народы.

Таблица 4

Родной и основной разговорный язык калмаков (в %, 2010)

	Языки						
	калмацкий	татарский	русский	калм. и тат.	калм. и рус.	тат.и рус.	калм., тат. и рус.
Родной	67,9	10,3	15,4	2,6	3,8	-	-
Основной разговорный	18,0	5,1	35,9	11,5	15,4	7,7	6,4

Таблица 5

Степень владения калмаками основными языками региона (в %, 2010)

Языки	Владеют свободно	С некот. затрудн.	Со значит. затр.	Понимают, но не говорят	Не владеют
Калмацкий	70,5	5,1	3,8	18,0	2,6
Татарский	51,3	12,8	9,0	17,9	9,0
Русский	87,2	3,8	9,0	-	-

Таблица 6

Доля свободно владеющих калмацким языком по возрастным группам (в %, 1993, 2010 гг.)

Возраст	1993	2010
80 и старше	77,8	100,0
70–79	88,9	86,7
60–69	90,9	100
50–59	87,1	84,2
40–49	83,3	81,3
30–39	75,8	20,0
20–29	64,7	0
10–19	14,3	0
0–9	31,3	0

Таблица 7

Доля свободно владеющих калмацким языком по возрастным группам (в %, 1993, 2010 гг.)

Возраст	1993	2010
80 и старше	44,4	100,0
70–79	66,7	53,3
60–69	68,2	85,7
50–59	74,2	47,4
40–49	50,0	56,3
30–39	48,5	60,0
20–29	58,8	0
10–19	21,4	0
0–9	25,0	0

назвали в качестве родного калмацкий язык 74,3 %, а регулярно используют лишь 51,3 %. По татарскому языку показатели составили соответственно 12,9 % и 30,7 %, по русскому языку – 19,2 % и 65,4 %.

В какой степени калмаки владеют тремя основными языками региона (табл. 5)?

За период между исследованиями особых изменений в степени владения калмацким и татарским языками не произошло, по выше-

Использование калмаками основных языков региона в разных ситуациях (в %, 2010)

Используют при общении с	Калмацкий язык	Татарский язык	Русский язык
-родителями*	75,6	11,5	23,1
-братьями и сестрами*	66,2	16,9	28,2
-друзьями*	60,8	47,3	79,7
-супругами*	37,5	29,7	48,4
-детьми*	39,3	19,7	70,5
На производстве*	29,9	25,4	89,6

приведенным причинам. А вот по русскому языку, которым калмаки владеют лучше, чем двумя другими, показатели еще больше возросли (свободно владели 73,9 %, сейчас – 87,2 %).

Как изменяется степень владения языками по возрастным группам? Оказалось, что если общие показатели между исследованиями по калмацкому языку почти не изменились, то по возрастным группам дифференциация оказалась существенно больше, молодежь и дети знают калмацкий язык намного хуже (табл. 6), чем раньше. Общие усредненные показатели не изменились только потому, что доля стариков в общей численности возросла, а детей – уменьшилась.

Немного похожая ситуация и по владению татарским языком. Им также молодежь владеет хуже, и в настоящее время свободно языком не владеет никто до 30 лет (табл. 7).

В каких ситуациях калмаки используют тот или иной язык (табл. 8)?

Калмацкий язык чаще всего используется при общении внутри семьи – с родителями, а также между братьями и сестрами, по татарскому языку выше всего показатели в общении с друзьями, по русскому языку – при общении на работе, с друзьями и детьми. Последнее обстоятельство и объясняет, почему дети у калмаков в основном русскоязычны. Существенных изменений между исследованиями в этих показателях не произошло по причине старения населения, изменения возрастной структуры в пользу

старших возрастных групп, но несколько сузилось применение калмацкого языка в общении с детьми и на производстве, а русский язык стал чаще применяться при общении с детьми.

Есть ли какие-либо различия в языковых показателях у калмаков разных населенных пунктов? Для сравнения возьмем калмацкое население Юрт-Константиновых (северные калмаки) и суммарно население четырех южных поселков – в большинстве уроженцев Большого Улуса. Языковые процессы часто обусловлены национальным составом поселков. На севере все последние десятилетия калмаки составляли около трети населения Юрт-Константиновых, на юге же калмаки первую часть жизни проживали в чисто калмацком поселке Большой Улус, а затем оказались разбросанными по разным поселкам, оказавшись там в незначительном меньшинстве. Так что сравнение может дать неоднозначные результаты. Оказалось, несмотря на то, что южные калмаки оказались в смешанной среде уже 30–35 лет назад, они до сих пор сохранили лучшее, чем на севере, знание калмацкого языка. Это объясняется еще и тем, что в составе южных калмаков почти нет детей и молодежи, резко преобладают пенсионеры, большую часть жизни прожившие в Большом Улусе. А в Юртах-Константиновых детей и молодежи больше, и они «ухудшают» языковые показатели, так как сплошь русскоязычны. В Юртах-Константиновых дети и молодежь до 30 лет составляет в общем числе калмаков 26,5 %, а в южных поселках – только 4,5 %, причем в Зимнике, Сар-Сазе и Юрге-2 вообще нет ни одного ребенка-калмака. По последнему исследо-

* Сумма по горизонтали не равна 100 %, так как многие назвали по 2 или 3 языка.

ванию, признали калмацкий язык родным (наряду с другими языками, так как многие называли в качестве родного по два языка) на севере 58,8 %, на юге – 86,4 %, основным разговорным на севере 44,1 %, на юге – 56,8 %. Владели свободно калмацким языком на севере 61,8 % калмаков, на юге – 77,3 %.

В 1930–1950 гг. татарский язык преподавался в местных школах. Помнят ли эту письменность татары? Оказалось, старшее поколение помнит, сообщили, что изучали татарскую письменность в школе 32,4 % всех калмаков старше 7 лет, но среди пожилых людей (60 лет и старше) показатель намного выше – 77,8 %.

Всего умеют читать по-татарски половина калмаков старше 7 лет, в том числе 24,3 % – могут и писать. Что касается русской письменности, то ею владеют практически все калмаки, кроме нескольких неграмотных стариков (точнее, не умеют читать по-русски лишь 2 старика. В первом исследовании их было 12).

Калмацкой письменности нет, и как к этому относятся сами татары?

Считают, что эту письменность надо разработать 23,2 %, 66,7 % не видят в этом необходимости (считают, что калмаков слишком мало, чтобы разрабатывать для них особую письменность), остальные, 10,1 %, затруднились в ответе. Лишь 23,2 % думают, что изучение калмацкого языка надо ввести в программу школ, 63,8 % не видят в этом необходимости. А вот желающих видеть в местных школах татарский литературный язык гораздо больше – 72,5 %. В этих показателях четко проявляется ориентация на татарскую культуру.

В области духовной культуры собственно калмацкого осталось мало, духовная культура практически идентична с культурой окружающего татарского населения. Будучи мусульманами, калмаки по религии не отличаются от окружающего татарского населения. Также посещают мечеть, построенную в 1990-е гг. в Сар-Сазе, соблюдают некоторые мусульманские обычаи. Из числа опрошенных взрослых 71,4 % отнесли себя к мусульманам, 28,6 % – к атеистам. При-

мерно такое же соотношение было и в прошлом исследовании. Проявление религиозных чувств выражается, в частности, в том, что калмаки в большинстве своем отмечают мусульманские праздники, об этом сообщили 98,6 % опрошенных взрослых. Правда, и гражданские праздники также отмечают почти все – 97,1 % (чаще всего Новый год, 8 Марта, 9 Мая и др.). А вот православные праздники отмечает гораздо меньшее число калмаков – лишь 18,6 %. Но далеко не все предписания ислама калмаки выполняют старательно, в частности, здесь распространено употребление алкоголя, употребление в пищу свинины, а такой обряд, как обрезание, производится далеко не во всех семьях – на него указали лишь 15,7 % опрошенных. На вопрос, имеются ли в доме какие-либо национальные предметы и вещи, выяснилось, что собственно калмацких вещей, предметов или орудий труда нет, а единственные вещи, указывающие на национальную принадлежность хозяев, связаны не столько с национальной культурой, сколько с исламской традицией – у многих на стенах висят изречения из корана, напечатанные на бумаге или оформленные в виде ковриков – об этом нам сообщили в 50,0 % семей (в прошлом исследовании такие вещи имелись лишь в 7,8 % семей). Доминирующее влияние татарской культуры на калмаков выразилось, в частности, в том, что в песенном жанре татарский язык (а также русский) явно превалирует над калмацким. В настоящее время лишь 4,1 % сообщили, что они поют на калмацком языке, причем эта цифра падает (в первом исследовании было 7,0 %), на татарском – намного больше – 64,9 % (столько же – на русском – 66,2 %). Среди молодежи чаще поют на русском языке. Многие поют на двух языках, чаще – на русском и татарском. Лишь 2,7 % заявили, что поют только на калмацком языке, 31,1 % – только на татарском, 32,4 % – только на русском, 32,4 % – на русском и татарском и 1,4 % – на трех языках – калмацком, татарском и русском. Знание калмацких песен весьма ограничено – в первом исследовании 88,9 % калмаков старше 7 лет

заявили, что не помнят ни одной песни на калмацком языке, (из остальных 6,3 % знали 1–3 песни, 4,1 % – свыше трех), позже их доля возросла до 96,0 % (из остальных 2,7 % помнили 1–3 песню, 1,3 % – свыше трех).

Гораздо лучше калмаки знакомы с песнями на татарском языке, лишь 29,7 % опрошенных не знают ни одной татарской песни, 31,1 % знают хотя бы несколько песен, а 39,2 % – свыше трех.

Одним из проявлений возрождения калмацкой культуры должен был бы стать калмацкий ансамбль, созданный в Юртах-Константиновых в начале 1990-х гг. Однако этого возрождения не получилось – ансамбль поет песни не на калмацком, а на татарском языке, и одежда для выступлений у них тоже не калмацкая, а татарская.

В сказочном жанре элементов традиционной духовной культуры осталось больше, по крайней мере, сказки на калмацком языке калмаки слышали не реже, чем на татарском. Так, 39,2 % калмаков старше 7 лет слышали сказки на калмацком языке, в том числе 4,1 % сами знают хотя бы несколько сказок, а 2,7 % – свыше трех. Аналогичные показатели по знанию сказок на татарском языке – 36,5 % слышали сказки на татарском языке, в том числе 2,7 % знают хотя бы 1–3 сказки, столько же – 2,7 % – свыше трех.

Состояние традиционной обрядности мы проследили на примере свадебного обряда – 72,8 % взрослых калмаков заявили, что в их семьях свадьба имела особенности, отличающие ее от свадеб русского окружения. Но были ли эти обряды калмацкими? Лишь 1,4 % считают, что их свадьба была калмацкой, еще 1,4 % – смешанной, калмацко-татарской, остальные 70,0 % заявили, что свадьба была такой же, как у соседних с ними татар,

то есть и в этом вопросе доминирует общетатарская культура.

Татарскими являются также имеющиеся у калмаков элементы «национальной» одежды, чаще всего – это мужские тубетейки, причем число людей, у которых есть отдельные элементы татарской одежды, за последние годы резко возросло, имели их 7,0 % калмаков всех возрастных групп, а сейчас уже – 32,1 %. Их имеют 40,6 % мужчин и 26,1 % женщин. Чаще ее приобретают пожилые люди (табл. 9).

Преобладают общетатарские черты и в таком виде материальной культуры, как пища. В основном блюда, которые готовят калмаки, ничем не отличаются от татарских. Подавляющее число калмаков знакомо с татарской кухней – 91,4 % опрошенных. А вот на калмацкие особенности в пище указало лишь всего 11,4 % взрослых калмаков, причем даже из этого числа многие имеют весьма смутное представление об особенностях калмацкой кухни. Большинство утверждающих, что знакомы с некоторыми особенностями калмацкой кухни, – пожилые женщины.

Сохранятся ли калмаки в ближайшие десятилетия или их судьба – полная ассимиляция татарами? Обратимся к самим калмакам. Из них лишь 17,1 % считают, что калмаки имеют шанс сохраниться в качестве особой этнической группы. Гораздо больше тех, кто считает, что калмаки полностью растворятся среди окружающего татарского и русского большинства, – 62,9 % (остальные 20 % затруднились в ответе). Судя по результатам в этой работе, большинство калмаков оценивает перспективу своего дальнейшего существования в качестве особой этнической группы вполне объективно, авторам остается лишь присоединиться к этому большинству.

Таблица 9

Наличие татарской одежды в разных половозрастных группах калмаков (в %, 2010)

Возраст	Мужчины	Женщины
60 и старше	54,5	50,0
40–59	40,0	15,0
20–39	25,0	25,0
0–19	0	0

ЛИТЕРАТУРА

1. Тумашева, Д. Г. Язык сибирских татар. – Казань, 1968.
2. Томилов, Н. А. Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья. – Томск, 1983.
3. Кимеев В. М., Кривоногов В. П. Трансформация этнического самосознания калмаков // Этническое обозрение – 1996. – № 2.
4. Кимеев, В. М., Кривоногов, В. П. Современные этнические процессы у притомских калмаков // Притомские калмаки: историко-этнографический очерк. – Кемерово, 1998.

РОЛЬ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В СОХРАНЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

В. П. Барабаш

УДК 351.85

Статья посвящена анализу отдельных направлений деятельности профессиональных учебных заведений культуры и искусства Восточно-Сибирского региона по сохранению художественной культуры тюркоязычных народов.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, художественная культура, тюркоязычные народы, учебные заведения.

Тюркоязычные народы в Восточной Сибири компактно проживают на территории Хакасии, Красноярского края, Республики Тыва, в Иркутской области. К ним относятся многочисленные группы: хакасы и тувинцы и малочисленные: тофалары и шорцы.

Роль профессиональных учебных заведений культуры и искусства в сохранении художественной культуры этих народов всегда была значима. Преподаватели вузов, средних специальных учебных заведений выступали в качестве трансляторов знаний, методистов, ученых-исследователей, педагогов-воспитателей, организаторов и руководителей творческих коллективов, фольклорных экспедиций, исполнителей и участников многих культурных проектов, акций, событий.

Учебные заведения ведут многогранную работу по подготовке специалистов в области сохранения и развития народного художественного творчества, сохранению

творческого ресурса регионов, развитию существующего потенциала. Во многом благодаря педагогическим коллективам и отдельным персоналиям развивались такие важные направления, как изучение языка, фольклора, художественных традиций, поднимались огромные пласты народной культуры.

Сложившаяся в XX в. система художественного образования позволила создать в Восточно-Сибирском регионе такие кадровые ресурсы, которые сумели сохранить, развить и донести обществу богатейший накопленный опыт.

В Туве в 1960 г. было открыто Кызылское музыкальное училище, которое стало форпостом художественного образования в этом национальном регионе. Возглавил училище первый профессиональный композитор Тувы А. Б. Чыргал-оол [1, с. 23]. Анализ развития музыкального искусства дан в солидной монографии Екатерины Константиновны

Карелиной «История тувинской музыки от падения династии Цин и до наших дней», вышедшей в Москве в 2009 г. В своей монографии она раскрывает роль и значение начального профессионального образования и Кызылского музыкального училища в подготовке кадров музыкантов. Сильной стороной ее исследования является многогранная оценка деятельности преподавателей, директоров училища по созданию сплоченного коллектива училища, творческой атмосферы, большого вклада в развитие целостной музыкальной инфраструктуры республики. Екатерина Константиновна была сдержанна в той части контекста, где она рассматривала учебный процесс [2, с. 191–198]. Но надо отдать должное тому времени, когда формировалось и развивалось учебное заведение. Это происходило на основе универсальной художественно-образовательной парадигмы, в основе которой лежала система классического европейского образования. К 1990 гг. в Туве работала целая плеяда квалифицированных, талантливых музыкантов, преподавателей, мастеров своего дела, которые сумели на волне смены эпох органично вплести мощный национальный аспект в развитие музыкальной культуры. В первую очередь, это относится к такому важному решению, как открытие в Кызылском училище искусств отделения тувинских национальных инструментов (1991). Благодаря этому отделению, в Туве сформировались такие национальные коллективы, как фолк-группа «Чиргилчин», «Тыва кызы», «Алаш» фольклорные отделения в музыкальных школах, гимназиях, педколледже. В республике был открыт Тувинский национальный оркестр (2003).

Национальное отделение училища (сейчас – колледж), готовит исполнителей игры на национальных инструментах: игиле, дошпулуре, бызанчи, чанзе, чадагане. Студенты овладевают и духовыми национальными инструментами: лимби, шоором, амыргой, туном и др. Универсальным является владение каждым музыкантом темир-хомусом. Успешные выступления Национального

оркестра в России и за рубежом во многом обязаны наличию образовательного фундамента в республике.

Хореографическое искусство республики, визитной карточкой которого является государственный хореографический ансамбль «Саяны», ежегодно пополняется артистами из числа выпускников Кызылского колледжа искусств.

Преподаватели колледжа продолжают традиции древних мастеров тувинской земли на художественном отделении. Открытое в 1967 г. по инициативе известного тувинского художника Сергея Ланзы художественное отделение сохраняет и транслирует богатейший опыт тувинских камнерезов, других направлений тувинского искусства.

В Хакасии с 1960 г. подготовку кадров для сферы культуры и искусства осуществляет Абаканское музыкальное училище (ныне – колледж). Скованные рамками классической школы и единого для всех учебных заведений учебного плана, педагоги училища не замыкались только на существующих установках. Огромную роль в популяризации хакасского искусства сыграл созданный в конце 1950-х гг. ансамбль песни и танца «Жарки». Базой исполнителей в этом ансамбле с 1960-х гг. стали студенты хореографического отделения училища. Руководитель ансамбля С. Д. Словина придумала и поставила все самые знаменитые танцы ансамбля: «Рукавицы любимому», «Охотник» и др.; первый профессиональный композитор Хакасии А. А. Кенель написал музыку к этим танцам, глубоко изучив национальный хакасский эпос. Позже, в конце 1960-х гг., А. А. Кенель создал первую хакасскую оперу «Чанар Хус и Ах Чибек»; и постановка первых двух актов этой оперы будет осуществлена преподавателями, студентами Абаканского музыкального училища, актерами Хакасского национального драматического театра и музыкантами-любителями. В Абаканском музыкальном училище учились не только представители хакасской национальности, но и шорцы, большая часть которых в Хакасии проживает в Таштыпском районе.

Так, в 1963 г. в ансамбле «Жарки» танцевали 8 юношей хакасов и 2 шорца.

Преподаватель Абаканской музыкальной школы А. А. Кенель начинал работу в этом качестве, преподавая по классу фортепиано и чатхана. Им же в 1962 г. было написано методическое пособие игры на чатхане [3, с. 11–12]. В 1960-е гг. классы чатхана были открыты в областной национальной школе, и чатхан преподавали А. А. Кенель и А. В. Янгулов. Как отмечает Л. Ю. Мазай, с 1977 г. в Абаканском музыкальном училище все учащиеся коренной национальности обучались игре на чатхане под руководством Г. И. Челборакова.

С начала 1990-х гг. в Хакасии «стремительно развивается профессиональная национальная музыка, при Хакасской филармонии создается национальный ансамбль «Ульгер», фольклорная группа в ансамбле «Жарки», возник ансамбль «Айланьс», кадровую основу которого составляют выпускники Абакан-

ского музыкального колледжа. В музыкальных школах и школах искусств Республики Хакасия открыты классы национальных инструментов: хомыса, чатхана [4. С. 80].

Среди национальной молодежи популярным становится увлечение горловым пением («хоомей», «хай»). Так, в 2009 г. в Красноярском краевом колледже культуры и искусства (г. Минусинск) студенты-тувинцы создали ансамбль «Чаа салгал» и исполняют тувинские народные и современные песни. С 2010 г. возник здесь же под руководством Ю. П. Куцева ансамбль тувинских национальных инструментов «Экспромт-оол».

Учебные заведения Хакасии, Тувы и других регионов Сибири являются кадровой основой для развития профессионального искусства и исполнительства. Но они призваны и для выполнения не менее важной задачи-миссии – через своих выпускников изучать опыт народной души, бережно сохранять то ценное, что есть в наследии каждого народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чыргал-оол: жизнь и творчество / авт.-сост. З. К. Казанцева. – Кызыл, 2003.
2. Карелина, Е. К. История тувинской музыки от падения династии Цин и до наших дней. – М., 2009.
3. Глаголев, В. В. Александр Александрович Кенель. Биография // К 100-летию со дня рождения А. А. Кенеля. Педагогические чтения. – Абакан, 2000.
4. Мазай, Л. Ю. Музыкальная культура Хакасии: учебное пособие. – Абакан, 2009.

КОМПОЗИТОРСКОЕ ТВОРЧЕСТВО В РЕСПУБЛИКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ (к вопросу о путях развития и проблемах изучения)

Е. К. Карелина

УДК 78.071.1

В статье выявляется специфика музыкальных культур Южной Сибири, в том числе национальной композиторской школы в Хакасии, Туве и на Алтае. Автор приходит к выводу, что в национальных республиках Южной Сибири место классического типа профессионального композитора займет несколько иной тип, совмещающий в себе черты традиционного музыканта и композитора-индивидуума.

Ключевые слова: музыкальная культура, народы Южной Сибири, композиторское творчество.

Музыкальная культура народов Южной Сибири, проживающих на территории Саяно-Алтайского нагорья, вплоть до XX в. была представлена разными видами и жанрами традиционной музыки. Композиторское творчество в условиях национальных культур алтайцев, хакасов и тувинцев появилось лишь в XX в. в результате мировых и общероссийских политических преобразований, напрямую или косвенно затронувших жизнь коренных народов Саяно-Алтая. Процесс инспирирования российской (а через нее – европейской и мировой) культуры был начат благодаря путешественникам, ученым, переселенцам, ссыльным, приезжими специалистами из разных регионов Российской империи (позже прибывавшим из разных регионов СССР). Становление композиторского творчества в республиках Южной Сибири раскрывается в капитальном труде Новосибирской консерватории [1].

Принципиальное отличие традиционной музыки и композиторского творчества заключается в *категории авторства*, которое несущественно в первом случае и крайне важно – во втором. Авторство должно осознаваться всеми участниками музыкально-творческого акта (самим автором, исполнителями и слушательской аудиторией), также должен присутствовать момент фиксации авторства в какой-либо форме (нотная запись произведения, аудио/видеоза-

пись музыки). В традиционной музыке при воспроизведении традиционных моделей важна определенная доля импровизации, обеспечивающая обновление традиции в рамках заданного канона. Конечно, такое обновление без участия талантливого музыканта, его лично-авторского подхода невозможно. Однако профессионализм устной традиции, различные типы которого рассмотрены в исследовании Н. Г. Шахназаровой [2], не ориентирован на выявление индивидуально-авторского. Поэтому в условиях традиционных культур процесс рождения первых профессиональных национальных композиторов непрост и, как правило, многоэтапен. Его можно наблюдать на примере музыкальных культур союзных и автономных республик бывшего СССР, что нашло отражение в целом ряде музыковедческих работ [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22].

Типологические черты зарождения национальных композиторских школ, которые М. Дрожжина рассматривает в более широком контексте [23] (предлагая именовать их «молодыми национальными композиторскими школами»), безусловно, есть. Также всегда присутствуют и свои специфические локальные черты. Задачей нашей статьи является попытка обозначить особенности развития композиторского творчества в современных республиках Южной Сибири.

На пути развития профессионального композиторского дела обязательным условием был пример российских специалистов, благодаря чему категория *личного авторства* начинала осознаваться носителями традиционных культур. Результатом становилось появление первых авторских песен, музыкальная стилистика которых поначалу почти не отличалась от песенных жанров национального фольклора. Стимулом к развитию национальных композиторских школ становился процесс построения музыкальных культур малых народов по советскому образцу, частью которого было основание необходимых социальных институтов, не свойственных данным культурам ранее. Открытие национальных театров, музыкальных творческих коллективов и учебных заведений, радиокомитетов, концертно-эстрадных бюро и филармоний, наконец, творческих объединений вплоть до отделений профессионального Союза композиторов — все это постепенно формировало необходимую социокультурную среду потребителей нового типа музыкального творчества. Миграционные потоки на территории бывшего СССР, приток приезжих специалистов в национальные автономии Сибири служили ускорителями отмеченных процессов. Функционирование музыкальных коллективов требовало появления соответствующего репертуара, который часто создавался «на потребу» дня. В его сочинении активное участие принимали как приезжие, так и местные музыканты, нередко имел место процесс совместного творчества. Так, помимо песен, стали появляться инструментальные произведения бытовых жанров, а также театральная музыка. Подготовительные этапы формирования национальных композиторских школ, называемые И. Даниловой «ментальным», «личностным» и «структурно-функциональным» [4, с. 8], завершались осознанным решением первых национальных авторов обучаться композиторской профессии в профильных учебных заведениях.

Здесь следует отметить специфику музыкальных культур Южной Сибири, в которых (в отличие от ряда союзных и крупных автономных республик бывшего СССР) отсутствуют театры оперы и балета, а также высшие учебные заведения консерваторского типа. Функции недостающих звеньев полноценной музыкальной культуры по новоевропейскому образцу в Хакасии, Туве и на Алтае выполняли и во многом продолжают выполнять национальные драматические театры (в которых возможны музыкально-драматические постановки), филармонические коллективы, средние специальные учебные заведения (Абаканское музыкальное училище – ныне колледж ХГУ им. Н. Ф. Катанова, Кызылское музыкальное училище – ныне колледж искусств им. А. Б. Чыргал-оола, Горно-Алтайский колледж искусств). Имеющиеся ныне вузы региона – Институт искусств ХГУ им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан), Алтайская академия культуры и искусств (г. Барнаул) — все же нельзя отнести к учебным заведениям консерваторского типа (как Новосибирская консерватория или Красноярская академия музыки и театра), так как только на базе последних обучают профессиональных композиторов и именно там возможна полноценная подготовка музыкантов-исполнителей академического профиля. Разная картина получилась с творческими объединениями авторов республик. Отделение общероссийского профессионального союза композиторов еще в советский период было открыто в Туве, совсем недавно – в Хакасии, до сих пор отсутствует на Алтае. При этом самодеятельных авторов во всех республиках немало. Здесь и возникает первая проблема изучения национальных композиторских школ. Привычное музыковедческое клише «переходности» самодеятельного песнетворчества (своеобразного временного этапа между фольклором и композиторским творчеством) мешает оценить это явление как объективно существующий самостоятельный пласт музыкальной культуры. Проблемой остается методология исследования: в

классическом музыкознании по отношению к подобного типа творчеству она до конца не выработана. Пока можно говорить о пробных подходах, один из которых мы применили в нашем исследовании на тувинском материале [7]. Нами также было выявлено, что рассматриваемый пласт национальной музыкальной культуры по социокультурной и эстетической значимости не уступает как традиционной музыке, так и творчеству профессиональных композиторов, обнаруживая внутреннюю динамику развития и востребованность слушательской аудитории.

Думается, что столь бурное развитие самодеятельного песнетворчества (причем в среде национальной интеллигенции) в определенной мере отражает компенсационный механизм трансформированной музыкально-культурной традиции по восполнению значимых элементов целостной конструкции. К примеру: национальные оперы и балеты с разной степенью интенсивности создаются во всех республиках, но нет соответствующего театра и необходимых исполнительских сил для их полноценной постановки; там, где композиторы активно работают в симфоническом жанре, нет соответствующего оркестрового состава; или есть композиторы, но нет полноценного музыковедческого отклика на новые творческие проекты и т. д., т. е. полная система функционирования музыкальной культуры новоевропейского типа (а именно она и породила явление, называемое «композитор») постоянно испытывает в чем-то недостаток. Полагаем, именно самодеятельные авторы, которые способны не только к сочинению музыки, но часто пишут стихи и прозу, являются талантливыми исполнителями своих сочинений и активистами музыкальной жизни в селах и городах республик, помогают воссоздавать полноту «музыкального бытия» своего народа. Для этой полноты важны все аспекты музыкальной жизни: не только наличие разного типа композиторов и должное функционирование социальных институтов (театрально-концертных организаций, творческих коллективов, профильных учеб-

ных заведений, композиторских объединений), но и сформированные потребности слушательской аудитории, и наличие «обратной связи» в форме профессионального музыковедческого отклика.

Уровни проявления феномена национальной композиторской школы (НКШ) в республиках различны. Наиболее полно (включая жанровостилевую и художественный уровни) НКШ представлена в Туве: это три поколения профессиональных композиторов (1920-х, 1940-х и 1970-х гг. рождения), наличие центральной фигуры – ориентира для всех последующих авторов (А. Б. Чыргал-оол), генеральных художественных тем и жанров, факт саморефлексии, говорящий в пользу завершающей стадии формирования НКШ. В Хакасии НКШ пока находится на стадии завершения подготовительного этапа, к тому же количество профессиональных композиторов недостаточно, что мешает формированию национальной творческой школы. На Алтае пока все указывает лишь на начальную стадию формирования НКШ.

При этом во всех республиках развиты самодеятельное музыкальное творчество и разнообразные формы фольклоризма, что обеспечивает музыкальным культурам полноценную этническую самоидентификацию. В условиях глобализации механизм сохранения этнического самосознания во многом осуществляется за счет музыкального творчества. Однако сформируются ли НКШ Хакасии и Алтая в этих условиях в полной мере, пока остается неясным. Возможно, в этих республиках место классического типа профессионального композитора займет несколько иной тип, совмещающий в себе черты традиционного музыканта (хайджи, кайчи, тахпахчи и т. п.) и композитора-индивидуала, способного к коллективным проектам на грани письменного и устного профессионализма. Музыкальная практика современной Тувы свидетельствует, что такой новый тип композитора не только возможен, но и обладает достаточно большим творческим потенциалом при условии необходимой образованности и наличия музыкального кругозора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Музыкальная культура Сибири: в 3-х тт. и 6 кн. / Ком. по культуре администрации Новосиб. обл.; НГК им. М. И. Глинки; гл. ред. Б. А. Шиндин. – Новосибирск, 1997.
2. Шахназарова, Н. Музыка Востока и музыка Запада. Типы музыкального профессионализма: исследование. – М., 1983.
3. Асиновская, А. А. Музыкальная культура Хакасии: народные традиции и современность: автореф. дис. ... канд. иск. – Ташкент, 1988.
4. Данилова, И. В. Этапы развития чувашской профессиональной музыки. К проблеме становления национальной композиторской школы: автореф. дис. ... канд. иск. – М., 2003.
5. Джумакова, У. Р. Творчество композиторов Казахстана 1920–1980-х годов. Проблемы истории, смысла и ценности: автореф. дис. ... док. иск. – М., 2003.
6. Дулат-Алеев, В. Р. Национальная музыкальная культура как текст: татарская музыка XX века: автореф. дис. ... д-ра. иск. – М., 1999.
7. Карелина, Е. К. История тувинской музыки от падения династии Цин и до наших дней: исследование / Московская гос. консерватория им. П. И. Чайковского; науч. ред. док. иск. В. Н. Юнусова. – М., 2009. нот., ил.
8. Карелина, Е. К. Специфика творческой деятельности композиторов-песенников Тувы // Научные труды Тывинского государственного университета. – Вып. VI. – Т. I. – Кызыл, 2008.
9. Карелина, Е. К. Тува: вехи становления профессиональной музыки // Музыкальная академия. – 2002. – № 3.
10. Кондратова, Н., Крупин, Д. История развития музыкальной культуры Хакасии (ее взаимодействие и взаимообогащение с русской музыкальной культурой). – Абакан, 2000.
11. Мазай, Л. Ю. Музыкальная культура Хакасии: учебное пособие. – Абакан, 2009.
12. Маклыгин, А. Л. Музыкальные культуры Среднего Поволжья. Становление профессионализма: автореф. дис. ... док. иск. – М., 2001.
13. Мелик-Шахназарова, Н. Г. Национальная традиция и композиторское творчество. Эволюция взаимодействия (опыт музыкального искусства республик Закавказья и Средней Азии): автореф. дис. ... д-ра. иск. / ВНИИИ. – М., 1988.
14. Осипенко, Г. А. Специфические черты формирования профессионального композиторского творчества в Туве // Музыкальная жизнь, творчество, методологические проблемы музыкальной науки: тезисы науч. конф., 11–16 декабря 1982 г., г. Новосибирск / СК РСФСР, Сибирская организация СК РСФСР, сост.: Т. С. Макарова, Б. А. Шиндин. – Новосибирск, 1982.
15. Осипенко, Г. А. Тувинская музыкальная литература: учебник. – Кызыл, 1994., нот. (рукопись).
16. Пыльнева, Л. Л. К вопросу изучения композиторского творчества на территории Сибири и Дальнего Востока // Наука и художественное образование: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию Красноярской гос. академии музыки и театра (14–16 ноября 2003 г.) / отв. ред. Л. В. Гаврилова, О. Ю. Колпецкая. – Красноярск, 2003.
17. Пыльнева, Л. Л. Проблемы периодизации национальных композиторских школ в Сибири: к постановке проблемы // Отечественная музыка как историко-культурное и художественное явление: сб. материалов Всероссийской науч. конф. (г. Новосибирск, 17–19 марта 2008 г.) / Новосибирская гос. консерватория (академия) им. М. И. Глинки. – Новосибирск, 2008.
18. Сапельцев, В. На пути к социалистической культуре: очерк о музыкальной жизни Тувы // Музыка Сибири и Дальнего Востока: сб. ст. – М., 1982. – Вып. 1.
19. Сапельцев, В. Композиторы Тувы // Композиторы Российской Федерации: сб. ст. – М., 1986. – Вып. 3.
20. Скурко, Е. Р. Башкирская академическая музыка: традиции и современность. – Уфа, 2005.
21. Сузукей, В. Ю. Музыкальная культура Тувы в XX столетии / науч. ред. М. В. Есипова. – М., 2007.
22. Тараканов, М. Музыкальная культура РСФСР. – М., 1987.
23. Дрожжина, М. Н. Молодые национальные композиторские школы Востока как явление музыкального искусства XX века/ Новосиб. гос. консерватория им. М. И. Глинки. – Новосибирск, 2004.

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ УСТАНОВОК ШКОЛЬНИКОВ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО РЫНКА ТРУДА

А. П. Коновалов

УДК 37.047: 331.5 (574.4)

В статье представлены результаты социологического мониторинга рынка труда и профессиональных предпочтений школьников Восточно-Казахстанской области.

Ключевые слова: школьники, рынок труда, профессиональные предпочтения.

На территории Восточного Казахстана проживает более полутора миллиона человек. Из них 30 процентов – школьники. Рано или поздно, но каждому из них приходится выбирать: учиться дальше или работать. Если учиться, то где и по какой специальности. Насколько удачным оказывается такой выбор – вопрос и личный, и общественный. Именно это обстоятельство мотивирует центр социального мониторинга и прогнозирования Семипалатинского государственного университета имени Шакарима регулярно прослеживать основные тенденции в развитии профориентационных предпочтений школьников. В конечном счете мы по видению школьников своего профессионального будущего пытаемся выявить многие ценностные жизненные установки наших детей и подростков.

Очередное исследование по интересующей нас теме проведено в конце 2011 г. на территории Восточно-Казахстанской области (ВКО). Исследования состоялись в двух основных плоскостях. Первое состояло из мониторинга всех информационных источников, содержащих сведения о наличии вакансий по всем девятнадцати административным территориям ВКО (города, районы, поселки и села): газеты, сайты акимов, материалы по предприятиям, организациям и учреждениям области. Второе исследование проведено в форме социологического опроса среди учащихся 9-х и 11-х классов. Это – выпускные классы. После девятого класса подростки могут продолжить обучение в

средней школе или поступить на учебу в профессиональные лицеи, колледжи. Только после одиннадцатого класса открывается путь в высшие учебные заведения.

В социологическом опросе приняли участие 1340 девяти- и одиннадцатиклассников Восточного Казахстана. Учитывая ограниченные рамки настоящей статьи, мы больше не останавливаемся на деталях социологического опроса. Заметим только, что социологическим мониторингом наш центр занимается уже более двадцати лет.

Прикладное значение проведенных исследований заключается прежде всего в необходимости использования его результатов для развития профориентационной деятельности в школах, лицеях, колледжах и вузах. В принципе, забегаая вперед, можно говорить о необходимости коренных перемен в организации профориентационной работы и, прежде всего, на уровне общеобразовательной школы, и родителей обучающихся. Дело в том, как показали наши исследования, профориентационные установки среди значительной части школьников ВКО находятся в глубоком противоречии с потребностями рынка труда региона и не могут в полной мере обеспечивать выпускникам благополучное будущее, а стране – отдачу от их будущей трудовой занятости. О чем мы подробнее собираемся рассказать ниже.

Комментарии результатов социологического опроса предлагаем в купе с анализом состояния рынка труда. Надеемся, что читатели найдут в них что-то интересное для себя.

Начнем с «дежурного» вопроса – с анализа успеваемости школьников и характера оценок респондентами качества школьных знаний (табл. 1).

Представленный расклад предлагаем читать следующим образом. Во-первых, большая часть школьников, получая «тройки», демонстрирует посредственные знания, что само по себе явление не самое благоприятное. К тому же, если еще учитывать, что многие «тройки» – это не выставленные «двойки», и, как показывают наши исследования среди педагогов, «тройки» часто являются попыткой учителей «вытянуть» некоторых школьников, дать им возможности закончить школу. Во-вторых, надо понимать, что многое, что дают школьникам учителя, нельзя назвать вполне достаточным. Следовательно, мы можем судить о наличии серьезных проблем и в качестве школьного образования.

уже сейчас претендуют именно на те профессии, для которых необходим весьма и весьма серьезный запас школьных знаний. В-четвертых, динамика качества образования в разрезе территорий показывает, насколько разнится уровень обучения детей в тех или иных регионах области, или говорит о том, насколько выпускники сами способны анализировать уровень базовых знаний, а также качество преподавания в своих школах. Хотя, по большому счету, об этом они осознают позже, например, при сдаче выпускных экзаменов или при поступлении в колледжи, вузы. Как показывают данные опросов среди абитуриентов и первокурсников, которые ежегодно проводит наш центр, средний балл поступающих в вузы не превышает восьмидесяти (из ста двадцати возможных), а процент получающих гранты – 25 % от числа всех претендентов. Следо-

Таблица 1

Школьники о своей успеваемости и качестве образования (в %)

Вопросы и ответы	По ВКО	в том числе по некоторым адмтерриториям								
		Аягозский район	Бескарагайский район	Бородулихинский район	г. Зырянск	г. Семей	г. Серебрянск	г. Усть-Каменогорск	Кокпектинский район	Тарбагатайский район
1. Поделитесь своей успеваемостью...										
Учусь только на «5»	6,3	5,0	9,2	4,7	4,0	4,6	0,9	9,0	12,5	8,6
На «5» и «4»	41,8	38,3	41,4	32,6	34,1	38,0	35,5	48,4	47,5	57,1
Имеются «тройки»	51,9	56,7	49,4	62,8	61,9	57,4	63,6	42,6	40,0	34,3
2. В целом оцените свои знания, получаемые в школе...										
Как высокие, скорее высокие	31,1	48,3	36,8	16,3	27,0	26,2	10,3	34,2	22,5	53,3
Средние	56,1	42,5	55,2	61,6	57,9	61,1	66,4	54,8	65,0	41,0
Скорее не высокие, невысокие	7,4	5,8	4,6	11,6	8,7	9,0	14,0	3,8	10,0	5,7
Затруднились ответить	5,4	3,3	3,4	10,5	6,3	3,7	9,3	7,2	2,5	-

В-третьих, если школьник не получил качественного образования, то, как известно, ему в дальнейшем трудно претендовать на те профессии, которые требуют глубоких базовых знаний. Однако, о чем мы еще будем говорить ниже, многие из таких учеников

остается актуальной проблемой и нуждается в своем разрешении. Что, собственно, и подтверждают наши респонденты.

В таблице 2 представлен рейтинг первого десятка профессий (в структурных дефини-

циях), которые школьники считают и самыми престижными, и высокооплачиваемыми, и которые им больше других нравятся, и по которым они хотели бы учиться, а затем работать.

Всего, без дефиниций, школьники назвали 113 таких профессий. Однако насколько они являются престижными, высокооплачиваемыми и по ним можно легко трудиться, вопрос – спорный. В связи с этим социологи обнаружили причины того, почему для многих школьников, скажем, медсестра в сельской

поликлинике, делопроизводитель в акимате, связист в отделении телекоммуникации и другие незаурядные профессии воспринимаются «с восторгом». Дело в том, что в списке «понравившихся» специальностей, особенно в сельской среде, преобладают именно те профессии, содержание которых оплачивается из госбюджета и которые существовали даже в самые тяжелые времена – в девяностых годах, и которые отложились в сознании детей и подростков соответствующим образом.

Таблица 2

Рейтинг профессиональных предпочтений (в %)

№№ п/п	Наименования специальностей	По ВКО	В том числе		№№ п/п	Наименования специальностей	По ВКО	В том числе	
			9 кл.	11 кл.				9 кл.	11 кл.
	Затруднились ответить	16,3	16,4	16,3					
1.	Врач, в том числе	15,8	15,7	15,5	7.	Инженер, в том числе	2,3	1,1	3,3
	Врач-хирург	1,2	1,7	0,6		Инженер информационных технологий	0,1	-	0,2
	Врач-стоматолог	1,1	1,4	0,8		Инженер связи	0,1	-	0,2
	Врач-патологоанатом	0,2	0,4	-		Инженер телекоммуникации	0,1	-	0,2
	Врач-акушер	0,1	-	0,2		Инженер-технолог	0,1	-	0,2
	Врач-гематолог	0,1	-	0,2		Инженер-конструктор машиностроения	0,1	-	0,2
	Врач-кардиолог	0,1	0,1	-		Инженер-механик	0,1	0,1	0,2
	Врач-кардиохирург	0,1	0,1	-		Инженер-нефтяник	0,1	0,1	-
	Врач-психотерапевт	0,1	0,1	-		Инженер-программист	0,1	0,1	-
	Врач-травматолог	0,1	0,1	-		Инженер-радиотехник	0,1	-	0,2
2.	Учитель, преподаватель, в том числе	4,5	4,0	5,1		Инженер-системотехник	0,1	-	0,2
	Учитель, преподаватель географии	0,1	-	0,2		Инженер-строитель	0,1	0,1	-
	Учитель, преподаватель истории	0,1	-	0,2	8.	Вычислительная техника, программист	2,2	2,9	1,4
	Учитель, преподаватель физкультуры	0,3	0,3	0,3	9.	Дизайнер, в том числе	2,2	2,1	2,0
3.	Военнослужащий	4,0	3,2	4,7		Дизайнер-модельер	0,2	0,4	-
4.	Адвокат, юрист	3,3	3,5	3,1		Дизайнер интерьера	0,1	-	0,2
5.	Переводчик	3,0	3,0	3,0		Дизайнер ландшафтный	0,1	0,1	-
6.	Полиция, в том числе	2,9	2,6	3,2		Дизайнер одежды	0,1	0,1	-
	«ГАИ»	0,5	0,4	0,6		Дизайнер рекламы	0,1	0,1	-
	Инспектор по делам несовершеннолетних	0,3	0,1	0,6		Художник	0,1	-	0,2
					10.	Банкир, финансист	1,8	2,3	1,3

В этой связи нам представляется, что на профессиональном сознании школьников отражается казахстанская специфика развития рынка труда, основанная на преобладающей роли госбюджетных профессий. Действительно, после распада СССР, обвала хозяйственных связей, массовой остановки производств и наступления глобальной безработицы самыми относительно массовыми остались те должности, которые поддерживало государство, – врачи, учителя, военнослужащие и др. Такая же ситуация, как показали наши исследования, продолжается до сегодняшнего дня и сохраняется в так называемых животноводческих районах Восточного Казахстана (Тарбагатайский, Бескарагайский, Абайский, Катон-Карагайский, Курчумский и др.). Именно в этих районах (судим по вакансиям) в основном фигурируют социальные, госбюджетные профессии.

Мы видим также, что среди школьников продолжают котироваться профессии, связанные с экономикой (экономика и финансы, бухгалтер и аудит), нефтяной отраслью (нефтяник, причем – магнат), спортом (тренер, профессиональный спортсмен) и другими сферами, где долгое время сохраняется высокий уровень доходов. Кроме того, в средствах массовой информации продолжает широко освещаться престижность именно таких институтов. Что, разумеется, не проходит мимо внимания школьников. К примеру, чуть ли не каждую неделю можно смотреть телепрограммы, в которых афишируется шикарный образ жизни различных теле-, кинозвезд, артистов, певцов и музыкантов. Детей не могут не восторгать машины, наряды, в целом доходы «звезд». Поэтому не удивительно, что многие из респондентов выбрали графы: актер, музыкант, певец, шоумен и др. Однако, насколько они смогут претворить в жизнь эти желания, – вопрос остается открытым.

Однако в последние годы рейтинг «интересных» стали активно наполнять такие профессии, как инженер, технолог, физик, химик, летчик-испытатель, агроном, геолог и другие производственно-организующие специальности. Что, на наш взгляд, демонстрирует такое

явление, как подъем производственной сферы, оживление материального сектора.

В перечне специальностей, по которым респонденты «будут работать», мы насчитали всего лишь двадцать рабочих профессий. В то время как на рынке труда области их в десятки раз больше. К сожалению, школьники практически не владеют информацией по поводу того, что на территории ВКО имеется спрос на более чем двести рабочих специальностей, что здесь имеется самая реальная возможность обрести для себя надежный источник материального дохода со всеми отсюда вытекающими последствиями. Особенно это важно, как мы уже отмечали выше, для «троечников». Поскольку большая часть массовых профессий не требует длительной и основательной подготовки. Многие из них готовят колледжи и профессиональные лицеи.

Еще одно замечание по поводу востребованности массовых профессий среди школьников ВКО. Речь идет о том, что на рабочие профессии указали всего лишь 6,5 % респондентов. Если допустить, что таким же образом смогут реализоваться желания всех выпускников общеобразовательных школ, то уже, к примеру, через несколько лет некому будет строить дома, печь хлеб, пахать землю, варить металл, управлять техникой, выращивать скот, создавать элементарные материальные блага, условия для нормальной жизни.

Данные опроса в таблице 3 раскрывают основные причины социализации профессиональных установок школьниками.

Что мы видим за цифрами таблицы 3? Во-первых, некоторые достаточно убедительные основания в выборе специальности: «по ней работают мои родители, родственники...», «...имеются предприятия, организации, где смогу по данной специальности трудоустроиться» и «специальность соответствует бизнесу моей семьи». Однако эти причины отметили всего 17,8 % опрошенных. Во-вторых, видим и тех, кто руководствуется весьма проблематичными основаниями: «престижность...», «мнение родителей...», «... много учебных заведений, где ее готовят»,

Таблица 3

Рейтинг причин сформировавшихся профессиональных предпочтений среди школьников ВКО (в %)

№№ п/п	Наименования специальностей	По ВКО	В том числе		№№ п/п	Наименования специальностей	По ВКО	В том числе	
			9 кл.	11 кл.				9 кл.	11 кл.
	Затруднились назвать	7,1	10,5	11,8					
1.	Она наиболее престижная	20,2	28,4	34,7	7.	По ней работают мои родители (кто-то из них)	4,3	6,9	6,4
2.	Этого хотят мои родители	13,6	23,0	19,1	8.	Ее легче других можно освоить, не надо много учиться	3,0	5,9	3,3
3.	Она в нашем регионе более оплачиваемая	8,3	13,1	12,9	9.	Советуют друзья	3,0	4,6	4,7
4.	Она более доступна. Имеется много учебных заведений, где ее можно получить	6,6	10,9	9,6	10.	Специальность соответствует бизнесу нашей семьи, наших родственников	2,3	3,9	3,3
5.	По ней работают мои родственники (брат, сестра или другие)	6,5	11,0	9,0	11.	Ее рекомендовали мои учителя	1,5	2,6	2,0
6.	В нашем городе, поселке имеются предприятия, организации, где я смогу по данной специальности трудоустроиться	4,7	7,0	7,6	12.	Другое	19,0	29,4	29,9

«более оплачиваемая...» и др. Такие причины называет большинство (более 70 % опрошенных).

В понятие «престижные» большинство школьников вкладывают те специальности, которые требуют обучения, причем в высших учебных заведениях. Это легко определить по результатам опроса, размещенных в таблице 4.

Однако анализ рынка труда предполагает сегодня совершенно иной расклад в востребованности профессий. К примеру, среди

4184 выявленных нами вакансий требовались: 24,1 % – с высшим, 8,7 % – со средне-специальным и 67,2 % – профессионально-техническим образованием.

Интересным дополнением к картине о современных профориентационных вкусах школьников ВКО могут служить данные опроса, помещенные в таблице 5. В ней показаны ответы респондентов на вопрос: «Если бы были только рабочие профессии, то какую из них вы предпочли?»

Таблица 4

Распределение профессиональных предпочтений по уровню обучения (в %)

№№ п/п	Варианты предпочтений по уровню образования	По ВКО
	Затруднились ответить	8,1
1.	Та специальность, которая требует высшего образования, обучения в вузе	61,1
2.	Для меня все представляются интересными	19,1
3.	Та специальность, которая требует подготовки в колледже	7,5
4.	Та специальность, которую готовят профессиональные лицеи	3,0
5.	Другое	1,4

В таблице названо 40 рабочих специальностей из двухсот, на которые по ВКО имеется спрос. В первых строчках, как видим, находится больше тех, которые связаны с сервисом, обслуживанием людей. Лишь гораздо ниже, примерно с двадцатой позиции, начинаются чисто производственные профессии, связанные с созданием материальных благ (мебельщик, крановщик, механизатор, кузнец, токарь, штукатур, каменщик и др.). То есть, с одной стороны, школьники, отражая свои предпочтения, демонстрируют то, что им лучше известно и, скорее, находится в их населенных пунктах. С другой стороны,

сали специальности, которые им нравятся, но не имеют отношения к рабочим категориям: врач, военнослужащий, полицейский, дизайнер, актер, юрист, нефтяник, адвокат и др. Все это подтверждает истину о том, что среди школьников сформировалась устойчивая профессиональная направленность на специальности, о которых можно узнавать больше из СМИ, что и делает это серьезной проблемой.

В таблице 6 систематизированы результаты опроса школьников по поводу их намерений чем-то заняться после обучения в разрезе 9-х и 11-х классов. Что в итоге получилось, не требует особых пояснений. Пред-

Таблица 5

Распределение профессиональных предпочтений по уровню обучения (в %)

№№ п/п	Наименования специальностей	По ВКО	В том числе		№№ п/п	Наименования специальностей	По ВКО	В том числе	
			9 кл.	11 кл.				9 кл.	11 кл.
	Затруднились назвать	4,6	4,3	5,0					
1.	Визажист	21,4	20,2	22,7	21.	Крановщик	2,9	2,9	3,0
2.	Оператор связи	19,8	14,9	25,0	22.	Официант	2,9	3,7	2,0
3.	Повар	15,7	15,9	15,6	23.	Механизатор	2,8	2,9	2,8
4.	Делопроизводитель	15,2	13,8	16,8	24.	Верхолаз	2,4	2,2	2,6
5.	Парикмахер	14,8	15,9	13,5	25.	Кузнец	2,1	2,4	1,7
6.	Секретарь-референт	14,3	14,2	14,5	26.	Токарь	1,9	1,9	2,0
7.	Оператор	12,2	13,3	10,9	27.	Сантехник	1,9	2,0	1,9
8.	Бармен	10,1	10,5	9,6	28.	Штукатур-маляр	1,8	2,0	1,6
9.	Водитель авто...	9,5	10,0	8,9	29.	Пекарь	1,7	1,4	2,0
10.	Массажист	8,8	8,8	8,9	30.	Садовник	1,6	1,4	1,9
11.	Кондитер	7,7	8,0	7,3	31.	Банщик	1,3	1,4	1,2
12.	Слесарь по ремонту авто...	6,7	7,5	5,9	32.	Горничная	1,1	0,6	1,7
13.	Кассир	6,7	6,3	7,2	33.	Каменщик	1,1	1,4	0,8
14.	Машинист	6,5	7,5	5,4	34.	Кондуктор	0,8	1,0	0,6
15.	Продавец	4,9	4,7	5,0	35.	Чабан	0,7	0,6	0,9
16.	Машинист тепловоза	4,3	3,6	5,0	36.	Экскаваторщик	0,7	0,6	0,8
17.	Мастер по ремонту	4,3	3,4	5,1	37.	Бахчевод	0,5	0,4	0,6
18.	Швея	3,7	3,2	4,4	38.	Доярка	0,4	0,3	0,6
19.	Электрослесарь	3,5	3,7	3,3	39.	Обувщик	0,1	-	0,3
20.	Мебельщик	3,0	2,2	3,9	40.	Формовщик	0,1	0,1	0,2

выпускники практически не владеют информацией о рынке труда по месту жительства. Не отслеживают, в чем больше спрос, а потому не занимаются выявлением своей выгоды на перспективу. Более того, многие из опрошенных в разделе «другое» вновь впи-

ложенные материалы формализуют уже известные данные о характере профессиональных предпочтений, приведенных выше

В таблице 6 можно видеть, что половина девятиклассников намерена продолжить обучение в десятом классе. Целью такого

решения наверняка является желание затем поступить в высшее учебное заведение. Третья часть опрошенных планирует поступить в колледжи и только 5 % – в профессиональные лицеи. Часть из опрошенных (19,0 %) еще не определилась. Однако они определятся к концу девятого класса в той же пропорции, как и выглядит вышеобозначенная структура: большая часть – останется в школе, другая – будет поступать в колледжи и меньшая – в профессиональные лицеи.

Что касается одиннадцатиклассников, то среди них подтверждается та же картина: большинство ориентируется на продолжение

Социологи, предвидя преобладающие желания школьников продолжить обучение в вузах и колледжах, задали респондентам вопрос, касающийся возможности оплачивать дальнейшее образование, в случае если им не удастся завоевать грант. Результаты ответов на данный вопрос обобщены в таблице 7. Из которых следует, что хотим того или нет, но у преобладающей части выпускников таких возможностей нет и они рассчитывают только на госгрант. В этой связи возникает риторический вопрос: является ли обязательным обучение в вузе, если не располагаешь необходимыми материальными ресурсами, да еще

Таблица 6

Распределения намерений респондентов чем-то заняться после окончания школы (9-е, 11-е классы) (в %)

№№ п/п	Варианты (девятнадцатиклассники)	По ВКО	№№ п/п	Варианты (одиннадцатиклассники)	По ВКО
1.	Не определились вообще	19,0	1.	Еще не определились	25,0
2.	Продолжат обучение в десятом классе	49,5	2.	Продолжат обучение в вузе	68,3
3.	Продолжат обучение в колледже	25,5	3.	Продолжат обучение в колледже	3,7
4.	Продолжат обучение в профессиональном лицее	5,0	4.	Продолжат обучение в профессиональном лицее	1,1
5.	Будут работать	0,3	5.	Будут работать	1,4
6.	Другое	0,7	6.	Другое	0,5

обучения в вузе, на получение тех профессий, о которых мы говорили в начале нашего анализа.

Можно заметить также, что среди вузов, в которых хотели бы получить желаемые специальности, имеются и региональные (Семипалатинский медицинский университет, Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева, Семипалатинский государственный университет им. Шакарима и др.), и центральные (Евразийский национальный университет им. Гумилева, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Казахский национальный технический университет им. Сатпаева), и российские (Новосибирский государственный технический университет, Томский политехнический университет, Омский государственный технический университет и др.), и некоторые международные, такие как Гарвардский университет.

при относительно невысоком багаже базовых знаний и необоснованности в выборе профессии? Может, лучше начать с малого – с рабочей специальности.

Завершающие таблицы нашего анализа касаются чисто социальных и духовно-развивающихся сторон подростков, их увлечений и ценностных ориентаций (табл. 8).

Что можно сказать по поводу досуговых и творческих занятий школьников? Во-первых, что называется, как отдыхают выпускники, так они и развиваются. К сожалению, большая часть из них пассивно проводит свободное от учебы время. По крайней мере, далеко не с пользой для себя и своего будущего. Во-вторых, дополнительные физические и творческие занятия проходят не организованно, что, как известно, не всегда приносит желаемую пользу. Хотя спортом увлекаются более 50,0 % респондентов, однако в секциях занимаются только 20,9 % опрошенных.

Таблица 7

Респонденты о возможностях оплачивать свое образование (в %)

Варианты	По ВКО	в том числе								
		Аягозский район	Бескарагайский район	Бородулихинский район	г. Зыряновск	г. Семей	г. Серебрянск	г. Усть-Каменогорск	Кокпектинский район	Тарбагатайский район
Рассчитывают только на госгрант	44,6	61,6	68,9	34,9	33,3	37,3	32,7	41,4	62,5	63,9
Возможно смогут оплачивать родители	33,1	22,5	23,0	44,2	40,5	41,6	26,1	34,2	12,5	19,0
Затруднились ответить	16,5	10,0	6,9	12,8	22,2	15,1	38,3	17,4	10,0	9,5
Могут помочь родственники	3,9	3,3	1,1	3,5	2,4	4,3	1,9	5,2	7,5	3,8
Другое	1,9	2,6	0,1	4,6	1,6	1,7	1,0	1,7	7,5	3,8

Очевидно, мы имеем дело с населенными пунктами, где имеется недостаточное количество спортивных и фитнес-залов для занятий во внеурочное время, а может быть, вообще нет таковых.

Последняя таблица (№ 9) раскрывает отношения школьников к некоторым источ-

никам дохода и показывает основные статьи их материальных расходов.

Распределение ответов по источникам дохода говорит о том, в частности, что мы имеем дело с новой формацией молодежи, в сознании которой значительно меньше стало роли такой категории, как «труд».

Таблица 8

Формы досуговых занятий, спортивных и творческих увлечений школьников (в %)

№№ п/п	Наименования форм досуговых занятий	По ВКО	№№ п/п	Наименования форм спортивных и творческих увлечений	По ВКО
				Ничем не увлекаюсь, нет ответа	10,3
1.	Слушают музыку	33,4	1.	Спорт	55,9
2.	Встречаются с друзьями	32,2	2.	Танцюю	27,0
3.	Готовятся к занятиям	31,5	3.	Пою	19,3
4.	Просмотр телепередач	22,0	4.	Дизайн	12,9
5.	Посещают спортсекции, фитнес-залы	21,8	5.	Сочиняю стихи	12,0
6.	Отсыпаются	21,5	6.	Туризм	11,3
7.	Читают книги	20,0	7.	Играю на музыкальном инструменте	10,9
8.	Дополнительное образование	15,4	8.	Работа на дачном, приусадебном участке	7,9
9.	Встречаются с другом, подругой	14,1	9.	Вяжу	6,5
10.	Занимаются с младшими – братом, сестрой	13,6	10.	Мастер	4,2
11.	Творческие занятия (рисуют, сочиняют стихи, гитара)	9,4	11.	Альпинизм	2,2
12.	Свободного времени не бывает	7,9	12.	Другое	10,3
13.	Общественная работа	3,9			
14.	Другое	3,8			

Если в советское время труд являлся основным мерилем материального дохода, то сегодня, как видим, он стал важен только для третьей части школьников. Хорошо это или плохо, сказать однозначно трудно. Поскольку изменились времена, появилась частная собственность, образовались новые источники дохода, что и нашло отражение в общественном мнении школьников. Тем не менее общественно значимый труд останется источником материальных благ, поэтому всегда будет актуальной проблема выбора такой формы и такого места в разделении труда, которые бы максимально гармонизировали между известными социальными категориями: «потребности» и «возможности».

Вторая часть таблицы 9 раскрывает структуру основных расходов в содержании опрошенных, то есть указывает характер финансирования повседневной жизни подростков. Какие выводы можно сделать, глядя на представленные дан-

ные? Во-первых, совершенно очевидно, что для абсолютно большей части опрошенных статьи расходов ограничены самыми элементарными потребностями: питание и одежда. Что касается финансирования спортивных и творческих занятий, то такими благами пользуется не более одной третьей части школьников, что весьма печально. Поскольку речь идет о комплексном развитии детей, о формировании у них потенциала более высоких и более прогрессивных начал. К примеру, как свидетельствуют социологи, в Англии более 70 % детей ежегодно отправляются в путешествия. А в США – каждый второй подросток регулярно посещает физкультурно-оздоровительные учреждения.

Таким образом, проведенные исследования позволили достаточно рельефно увидеть состояние профессиональных ориентаций среди учащихся старших классов Восточно-Казахстанской области. Основные состав-

Таблица 9

Отношения школьников к некоторым источникам дохода; основные статьи материальных расходов (в %)

Ответы на вопросы:	По ВКО
1. Какие источники дохода Вы приветствуете?	
Удача: «Выиграл миллион долларов»	56,9
Большое наследство	39,0
Работа не по душе, но с большим доходом	36,7
По душе работа, но с небольшим доходом	35,1
Богатый муж (состоятельная жена)	31,0
Постоянная материальная помощь родителей	19,2
2. Назовите основные статьи Ваших расходов...	
Обувь и одежда	71,9
Питание	61,0
Оплата за учебу	26,9
Дополнительные занятия	17,5
Освоение знаний по будущей профессии	14,4
Канцтовары	13,6
Спортивные секции	10,2
Проезд в общественном транспорте	9,7
Лечение	8,9
Танцы, музыка, другое творчество	5,7
Косметика, украшения	5,5
Путешествия	4,3
Кафе	1,6
Научные исследования	1,6
Другое	5,7

ляющие профессиональных предпочтений выразились в следующих тенденциях:

- большинство школьников в выборе профессий ориентируется не на рынок труда, а на престижность и другие популистские критерии, формируемые средствами массовой информации и поддерживаемые ближайшим окружением подростков;
- ориентация на престижные и высокооплачиваемые специальности обрекает значительную часть выпускников на ошибки и изначально ограничивает их возможности на получение интересной и достаточно востребованной работы;
- в профессиональном сознании школьников ВКО отразились постперестроечные депрессионные явления. Именно они предопределили ориентации существенной части подростков на специальности, финансируемые государством;
- в сознании значительной части подростков не разделяются понятия «престижность», «высокооплачиваемость» и «специальность, которая мне нравится». Это обусловлено в большей мере фактическим положением многих профессий, которые во многих населенных пунктах оказываются чуть ли не единственными, но которые имеются и регулярно оплачиваются;
- высшее образование – главная доминанта престижности профессии. Это явление отражает современное общественное развитие, но для многих школьников может оказаться фикцией. Так как уровень способности значительной части школьников, качество базовых знаний не гарантируют получение искомым специальностей. Для них лучше – соответствующий, более доступный и перспективный уровень – это средне-специальное или профессионально-техническое образование;
- массовые рабочие профессии на рынке труда области остаются лидирующими и составляют 2/3 от всех вакансий. Однако только 5–7 % учащихся готовы посвятить себя им, что ставит под угрозу поступательное развитие производственной сферы региона даже в ближайшем будущем;
- противоречия между профессиональным сознанием и реалиями на рынке труда возникли и усугубляются вследствие недостаточной постановки дел с соответствующим воспитанием школьников. Опрос не выявил сколько-нибудь существенные проявления организованного профвоспитания в школах области. Ситуация развивается стихийно, а потому требует коренных изменений;
- на развитие профессионального сознания школьников сдерживающее влияние оказывают недостатки материального характера, ошибки и заблуждения родителей выпускников, другого их окружения;
- деятельность СМИ в формировании профессионального сознания проявляется противоречиво. С одной стороны, имеются передачи, рубрики и программы, возвышающие ценности труда, а с другой – часто абсолютизируются отдельные профессии, их социальный и экономический статус, что отрицательно влияет на сознание детей, нарушает у них целостность и системность в восприятии рынка труда и собственного места в нем и др.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В СССР (1928–1953 гг.) В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

М. Г. Степанов

УДК 930

В статье проводится аналитический обзор историографических публикаций в которых рассматривается проблема политических репрессий в СССР (1928–1953). Делается вывод о том, что современные историографические исследования отличает от советских как постановка новых тем, так и использование ранее засекреченных архивных материалов, с помощью которых историографы пытаются провести верификацию выводов историков.

Ключевые слова: советская историческая наука, постсоветская историография, репрессии, сталинизм, «большой террор», этнические депортации.

Комплекс историографической литературы, в котором рассматривается проблема политических репрессий в СССР (1928–1953), следует дифференцировать на два периода: советский (конец 1950-х гг. – условно 1991 г.) и постсоветский (условно 1991 г. и по настоящее время). Такого рода периодизация наиболее полно отражает движение историографической мысли от наиболее общих публикаций (историография сталинских политических репрессий затрагивается лишь косвенно) в советский период к конкретным (объектом историографических исследований становятся заметные проблемы по истории политических репрессий) в постсоветский.

В советской исторической науке проблема сталинских политических репрессий в СССР в силу идеологических и политических факторов не смогла стать самостоятельным объектом изучения. Вместе с тем отдельные темы затрагивались в ряде историографических исследований. Такого рода работы стали появляться лишь в конце 1950-х – начале 1960-х гг.

Фактором, который привел к некоторой либерализации советских исторических исследований во второй половине 1950-х гг.,

стал XX съезд КПСС с его осуждением «культы личности». Как справедливо заметила Л. А. Сидорова, после XX съезда КПСС возродилось «стремление к научности в исследованиях», что было «высшим достижением тех лет» [1, с. 4]. Л. А. Сидорова обратила также внимание на то, что среди характерных черт десятилетия «оттепели» можно выделить, в первую очередь, отказ от сталинского прочтения истории и стремление к ее переосмыслению на основе оценок и методологического инструментария, содержащихся в ленинских работах; во-вторых, включение в научный оборот больших документальных массивов [1, с. 3–4]. Критика культа личности Сталина и его последствий произвела тот необходимый взрыв в общественном сознании, которому и была обязана своим возникновением постановка вопроса о свободе исследовательской деятельности, вернее – о расширении рамок, ограничивавших эту свободу [1, с. 218].

Так, в период «оттепели» В. И. Погудин проанализировал отечественную историографию коллективизации в СССР и, в частности, рассмотрел изучение проблемы «ликвидации кулачества как класса». Автор

считал, что «...в исторической литературе верно подчеркивается необходимость ликвидации кулачества как класса в ходе социалистического преобразования деревни. Однако некоторые авторы не вскрывают своеобразия внутренней и внешней обстановки, определившего специфические формы и способы ликвидации кулачества в СССР. В литературе преобладало мнение, что эта ликвидация вообще возможна только путем насильственной экспроприации... В исторической литературе чрезвычайно слабо показано участие широких народных масс в ликвидации кулачества как класса в СССР» [2, с. 130]. Кроме того, В. И. Погудин отметил высокую гуманность социалистического строя в процессе «ликвидации кулачества как класса» в СССР [2, с. 131].

А. М. Чинчиков обратил внимание на то, что все советские историки констатируют следующий факт: «...ликвидация кулачества как класса» являлась «объективной необходимостью» [3, с. 114]. Вместе с тем сама эта «объективная необходимость» недостаточно изучена [3, с. 142]. Далее исследователь указал на слабые стороны в разработке проблемы историками: «Однако в этих работах не прослеживается дальнейшая судьба бывших кулаков, не показывается их перевоспитание в равноправных членов социалистического общества» [3, с. 115]. Такое уточнение историка лишь в очередной раз показало исследовательскую ограниченность темы антикрестьянских репрессий периода насильственной коллективизации в СССР.

В «Очерках по историографии советского общества», вышедших в 1965 г., также отмечалось, что в советской исторической науке процесс «ликвидации кулачества как класса» еще недостаточно изучен» [4, с. 375].

Кроме того, историография процесса «раскулачивания» в Сибири была рассмотрена в работе «Историография советской Сибири (1917–1945)» [5, с. 125–143].

В коллективном труде «Строительство социализма в СССР. Историографический очерк» Л. М. Зак, В. С. Лельчук и В. И. Погудин подчеркнули, что в литера-

туре присутствует нечеткость в определении исторической необходимости «ликвидации кулачества как класса». Государство вынуждено ликвидировать «кулачество как класс» только потому, что оно оказывало колхозному движению сопротивление [6, с. 224].

В 1975 г. была опубликована работа В. И. Погудина «Путь советского крестьянства к социализму: историографический очерк», в которой автор поставил следующую исследовательскую задачу: «...показать степень изученности данной проблемы, выявить пробелы в литературе, наметить некоторые актуальные вопросы для дальнейшего изучения» [7, с. 4]. Однако в данной работе он оперировал вполне устоявшимися к тому времени шаблонами советской исторической науки: «...ликвидация сельской буржуазии является общей закономерностью для всех стран, строящих социализм» [7, с. 145].

Также В. И. Погудин отстаивал точку зрения, согласно которой «политика ликвидации кулачества как класса вообще не была вызвана его борьбой против Советской власти. Она вызывалась потребностями создания нового, социалистического общества, общества без антагонистических классов, без эксплуатации человека человеком. Другое дело – формы, способы осуществления этой политики, они-то и определяются конкретными историческими условиями, о чем верно пишут многие авторы» [7, с. 146].

Затрагивая работу В. И. Погудина, следует выделить ее сильную сторону – он один из немногих тогда исследователей начал сомневаться в целесообразности применения жестких мер в отношении советского крестьянства периода «массовой коллективизации».

Подобная историографическая работа с четко заданными «сверху» исследовательскими рамками, правда, уже на региональном материале, опубликована в 1976 г. – «Историография крестьянства советской Сибири» [8].

В целом, главное внимание в историографических публикациях, вышедших в 1960-х – первой половине 1980-х гг., уделялось анализу работ по истории «ликвидации

кулачества как класса» с точки зрения проблематики (основной задачей региональных исследований являлось подтверждение теоретических выкладок ведущих специалистов по советской аграрной истории). В рамках обозначенного подхода возрастающее количество публикаций, защита новых диссертаций, например, по истории коллективизации, расширение проблематики получали положительные оценки и трактовались как поступательное развитие историографии, как накопление новых знаний и дальнейшая разработка общепринятой концепции истории советского общества. Отчасти это было справедливо, поскольку расширение тематики исследований, углубленный анализ различных проблем советской истории вызывали определенные модификации официальной концепции. Однако не учитывался другой факт, что количество опубликованных работ не всегда свидетельствует о степени разработанности той или иной проблемы. Точно так же и постановка новой проблемы не всегда свидетельствовала об углубленном изучении того или иного исторического явления. Здесь важно учитывать научную значимость поднимаемого вопроса, использованных источников. К сожалению, в силу объективных идеологических факторов не могли появиться историографические обзоры, в которых была подвергнута критике сама антикрестьянская репрессивная политика.

Наряду с указанными трудами, в 1960–1980-е гг. в рамках отечественной историографии появились работы, в которых содержались анализ и оценка научного уровня разработки официальной концепции истории советского общества и ее основных положений. К такого рода историографическим исследованиям следует отнести работы Г. А. Алексеева, В. П. Данилова, В. С. Лельчука, В. И. Погудина, Н. А. Ивницкого, Л. М. Зака и др. [9, с. 395–428; 10, с. 449–492; 6; 11, с. 127–142], которые позволяют судить о степени изученности различных проблем истории советского общества в рамках советской историографии с точки зрения аргументированности основных концептуальных

положений, постановки и разрешения дискуссионных вопросов и в конечном итоге определить степень научной обоснованности концепции в целом.

К указанному выше типу исследований можно отнести многочисленные монографии и статьи советских авторов, в которых был дан критический анализ концепций советской истории, представленных в зарубежной историографии (применительно к данному исследованию речь идет о так называемой «критике буржуазных и ревизионистских концепций истории советского общества») [12; 13; 14, с. 343–358; 15].

Во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. историографические работы советских историков были подвергнуты острой критике.

М. С. Горбачев, ставший в 1985 г. генеральным секретарем ЦК КПСС, провозгласил программу ускорения социально-экономического развития страны, а затем «перестройки». Структурным элементом этих документов было концептуальное переосмысление прошлого Советского Союза. Особо болезненным был вопрос об оценке событий 1917 г., 1920–1930-х гг., как качественно изменивших траекторию исторического развития. В целом М. С. Горбачев определил перестройку как «...процесс революционный, ибо это скачок в развитии социализма, в реализации его сущностных характеристик» [16, с. 39, 41]. Предполагалось, что во имя созидания необходимо произвести ломку сложившихся стереотипов, устаревших порядков, догматического мышления.

По мнению историка А. Н. Сахарова, работы конца 1980-х гг. в основном носили характер разоблачения сталинизма и «реабилитации» ленинского периода в истории страны. Создавался прочный историко-нигилистический фон, который резко разделил историю страны на две части – «ленинский» и «сталинский» периоды [17, с. 13]. В целом ученый делает два немаловажных вывода, возвращаясь к ситуации тех лет: «Во-первых, историческая картина, создаваемая публицистами в те годы, была крайне

однообразной. Это не была взвешенная, объективная история страны. Это был лишь быстрый, крайне политизированный ответ на те фальсификации, умолчания, искажения, которые так щедро расточал по части истории, как режим Сталина, так и режим его эпигонов, в том числе и организаторов «перестройки». Это была неправда, но это была лишь полуправда, даже если брать ее в применении к «сталинскому» периоду истории страны. Это была типичная политизация истории. Именно поэтому в среде основной части историков-профессионалов такая история встретила непонимание и удивление. Но других методов воссоздания даже этой полуправды на то время не было, и это необходимо учитывать. Во-вторых, такой поворот событий подталкивал историков к активизации своих профессиональных действий в области как теоретического, так и конкретно-исторического осмысления событий» [17, с. 14–15].

В 1990 г. была опубликована статья Л. Н. Лопатина, в которой впервые была предпринята попытка осмысления истории репрессий в 1920–1930 гг. в историографическом контексте. Автор охарактеризовал судебные политические процессы конца 1920–1930 гг. в СССР как «сфальсифицированные» официальной властью [18, с. 162].

Далее Л. Н. Лопатин сделал объективное замечание об общей слабости публикаций, посвященных сталинским репрессиям, вышедших с середины 1980-х гг.: «В публикациях, даже самых последних, явно не достает ссылок на первоисточники, особенно архивные» [18, с. 163]. Кроме того, автор одним из первых призвал исследователей не дожидаться рассекречивания фондов ведомственных архивов, причастных к реализации репрессивной политики в СССР, а приступить к анализу архивных данных государственных архивов с целью сбора прямой и косвенной информации о репрессиях: «По имеющимся в открытом доступе архивным материалам можно установить время начала массовых репрессий, их направленность в разные годы, масштабы, фамилии репресси-

рованных и даже предположить механизм фабрикации дел» [18, с. 164].

Переходя ко второму историографическому периоду (условно с начала 1991 г.), хотелось бы особо выделить изменения, произошедшие в архивном деле (названные впоследствии «архивной революцией»). Так, в 1991 г. президент России издал указы о передаче архивов органов КПСС и КГБ в ведение российских архивных органов. Центральный партийный архив был преобразован в Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (сегодня Российский государственный архив социально-политической истории).

Кроме того, радикальные изменения произошли и в издательском деле. В апреле 1991 г. Правительство РСФСР приняло Постановление «О регулировании издательской деятельности в РСФСР». В соответствии с этим документом на территории России отменялась цензура, что сказалось на масштабах издательской деятельности. По подсчетам В. А. Невежина и О. А. Пруцковой, общий тираж выпущенной в 1991 г. исторической литературы достиг почти 34 млн экземпляров, причем 92 % работ посвящалось периоду 1917–1991 гг. [19, с. 26–27].

Изменились названия исторических журналов: «История СССР» стал «Отечественной историей», «Коммунист» – «Свободной мыслью», «Вопросы истории КПСС» – «Кентавром». Стали выходить новые периодические издания: «Родина», «Исторический архив» и др.

В постсоветской исторической науке предпринят ряд попыток рассмотрения отдельных аспектов темы сталинских репрессий в историографической плоскости. Современные историографические обзоры отличаются не только использованием новых методологических подходов, но и глубиной анализа, критическим подходом в оценке исторических исследований, что в определенной области позволяет определить важнейшие тенденции разработки данной проблемы, научно-теоретический и методологический уровень ряда работ, широту

тематики, выявить некоторые спорные позиции и мнения. К примеру, ряд исследователей проанализировал историографию репрессивных акций государства в отношении крестьянства периода насильственной коллективизации.

Наиболее фундаментальным историографическим исследованием, посвященным данной проблеме, где широкое освещение получили репрессии против советского крестьянства, стала монография омского историка В. М. Самосудова «Современная отечественная историография коллективизации (1980-е – середина 1990-х годов)». Автор рассмотрел эволюцию – не только в отечественной, но и в зарубежной исторической науке – проблемы репрессий в отношении крестьянства в 1929–1933 гг. на основе вышедших публикаций, начиная с середины 1930-х гг. [20]. В частности, В. М. Самосудов впервые в отечественной исторической науке поставил проблему формирования отдельного направления в историографии-коллективизации в СССР, связанного с изучением особенностей реализации репрессий в отношении советского крестьянства. Ко времени публикации историка это направление лишь начинало оформляться как в контексте исследовательской проблематики, так и в кадровом плане (появилась целая плеяда историков-аграрников, исследующих антикрестьянские репрессии на широкой источниковой базе).

В 2001 г. была опубликована статья новосибирского ученого С. А. Красильникова, посвященная феномену спецпереселенчества 1930-х гг. в новейшей исторической литературе. В частности, можно согласиться со следующим выводом автора: «Несмотря на обилие и разнообразие публикаций, пока нет достаточных оснований считать эту проблематику не только исчерпанной, но даже в достаточной мере сложившейся. Прорыв в методологической и концептуальной сферах, а также в накоплении источниковой базы, происшедший в начале 1990-х гг., оборачивается ныне если не спадом, то определенного рода стагнацией, признаком чего служит не только повторение в прошлом

апробированных схем и подходов зрелыми, сложившимися исследователями, но и копирование их молодыми историками. Подходы маститых ученых оказалось легче тиражировать, накладывая на местные материалы и документы, зачастую даже без должной адаптации к региональным условиям» [21, с. 82–83].

Кроме того, С. А. Красильников призывает современных историков обратить внимание на проведение микроисследований, которые помогут вскрыть механизмы реального поведения в экстремальных условиях обеих сторон – местной власти и крестьянства, когда сопротивление и протест последнего существенно корректировал процессы реализации принимаемых властных решений. Автор рассматриваемой публикации также обратил внимание на немаловажный источниковедческий момент: «Историками недооценен и поэтому не используется в должной мере такой массовый источник, как реабилитационные дела репрессированных крестьянских семей» [21, с. 83].

Советская и современная историография (1930–1990) процесса «раскулачивания» в СССР была проанализирована Е. Н. Германом [22, с. 69–70].

Также следует отметить, что на настоящее время единственным диссертационным исследованием, в котором в историографическом контексте рассматривается переселенческая политика Советского государства в 1920–1930 гг., является работа И. В. Володиной, которая проанализировала комплекс исторической литературы, опубликованной до 2002 г. [23]. А. А. Раковым в кратком обзоре были выделены направления развития современной отечественной историографии раскулачивания крестьян на Урале: «1) расширение круга изучаемых категорий крестьянского населения, на которых обрушились репрессии; 2) освещение в рамках журнальных и газетных статей конкретных судеб раскулаченных, истории их семей; 3) появление обобщающих работ, особенно диссертаций, охватывающих значительные территории и временные периоды. При этом

взгляды на раскулачивание сменились с традиционных советских на более реалистичные: показываются репрессивные методы государства в политике по отношению к деревне в 1930-х гг., поднят вопрос о соотношении ее цели и средств ее достижения» [24].

Несмотря на ряд опубликованных историографических работ, в которых получили отражение репрессии в отношении советского крестьянства в 1929–1933 гг., следует констатировать, что единое, сводное исследование по проблеме, в котором получили бы отражение различные аспекты темы, на данный момент отсутствует.

Другой проблемой, которая привлекла историков с историографической стороны, стал «большой террор» 1937–1938 гг. В своем преимуществе первые историографические публикации, посвященные «большому террору», увидели свет лишь с начала 2000-х гг., когда на первый план выходит систематизация и обобщение исторических исследований, начиная с «перестроечного» времени и заканчивая рубежом 1990–2000 гг.

Впервые в современной российской историографии к проблеме «большого террора» в 2004 г. обратился московский историк О. В. Хлевнюк. Автор обосновал вполне целесообразный тезис о том, что тема «большого террора», как проблема российской исторической науки, ведет отсчет с начала «архивной революции» 1990-х гг. – открытия и освоения (общественного и научного) архивов советского периода [25, с. 435]. О. В. Хлевнюк аргументированно показал, что «большой террор» следует замыкать только 1937–1938 гг., т. к. в предыдущие годы репрессии проводились по единому сценарию. Слабой стороной анализируемой статьи стало то, что историк не показал особенности разработки проблемы «большого террора» в СССР региональными научными центрами и исследователями.

В. Э. Багдасарян предложил оригинальный подход к историографическому моделированию в осмыслении «большого террора» 1937–1938 гг. В частности, доступная литература по проблеме позволила историку выде-

литель 15 историографических моделей: «самоистребление революционеров», «сталинская узурпация власти», «патологическая личность», «обманутый вождь», «сталинский термидор», «модификация восточной деспотии», «антисталинская демократическая альтернатива», «кадровая ротация», «охота на ведьм», «идеологическая эманация», «этатизация революции», «внешнеполитическая инверсия», «предвоенная чрезвычайщина», «еврейский погром в партии», «цивилизационное отторжение». Исходя из анализа вышеперечисленных моделей, В. Э. Багдасарян делает вывод, с которым, безусловно, можно согласиться: «Несмотря на декларируемый историографический плюрализм, тематика «большого террора» очерчена рамками идеологических табу. Ряд реконструированных каузальных моделей тридцать седьмого года попросту игнорируется академической наукой. Нет уверенности, что при очередной идеологической инверсии не произойдет смены приоритетного концепта. Необходима широкая полемика о сущности сталинизма, а не проводимые до сих пор пропагандистские кампании» [26, с. 206].

В 2010 г. С. А. Кропачевым в историографическом контексте была актуализирована проблема масштабов политических репрессий в СССР в 1937–1938 гг. Проанализировав отечественные публикации, раскрывающие данную проблематику и вышедшие в первое десятилетие XXI в., он показал, что на данный момент проведена большая работа в изучении причин, масштабов, механизмов, видов репрессий и категорий репрессированных, определены масштабы «большого террора». Мы также полностью согласны с мнением С. А. Кропачева о том, что работа по увековечиванию памяти репрессированных граждан еще далеко не завершена [27, с. 166–172].

В рамках историографической проблемы «большого террора» российские историки затронули тему политических репрессий в 1937–1938 гг. в Вооруженных Силах СССР.

В статье М. И. Мельтюхова был проведен историографический анализ опубликованных к середине 1990-х гг. исторических иссле-

дований по различным аспектам репрессий в Рабоче-Крестьянской Красной Армии (далее – РККА) и Рабоче-Крестьянском Красном Флоте (далее – РККФ). Так, автор выделил две основные тенденции в отечественной историографии массовых репрессий в Советских Вооруженных Силах: «Одну из них можно назвать «проармейской», т. к. в ней довольно четко проводится мысль, что офицерский корпус – элита не только армии, но и страны в целом, а поэтому организованные и проводившиеся НКВД репрессии не только необоснованны, но и преступны в отношении судеб страны и являются «самым страшным» преступлением органов. Другая тенденция имеет явно «антисталинскую» направленность, поскольку в ней акцентируется внимание на роли Сталина в организации беспричинных и самоубийственных для страны репрессий офицерского корпуса».

Кроме того, историк обратил внимание на узость источниковой базы, которая недостаточно полно помогает раскрыть отдельные аспекты репрессий в РККА и РККФ. По мнению М. И. Мельтюхова, не решены или вообще не поставлены вопросы о причинах «чистки», о межведомственных трениях и борьбе группировок в РККА, что свидетельствует о недостаточной плодотворности изучения проблемы [28, с. 118]. Несмотря на то, что статья М. И. Мельтюхова была опубликована еще в 1997 г., ситуация с вводом недоступных архивных источников по проблеме в научный оборот остается полностью не решенной.

В 2005 г. в журнале «Отечественная история» была опубликована статья А. В. Короленкова, посвященная проблеме репрессий в РККА в предвоенные годы, в которой исследователь обратился к наиболее значимым работам, включая издания, вышедшие в начале XXI в. Автор подверг критике доказывающийся некоторыми отечественными историками тезис о якобы существовавшем «заговоре» военных против И. В. Сталина. Не согласен также А. В. Короленков с точкой зрения, что из-за ослабления Красной Армии в результате «чистки» СССР пришлось идти

на уступки Германии в 1939 г. В этом контексте автор заметил следующее: «Ведь Сталин искал соглашения с фюрером еще до «чистки» и уже в 1935 г. зондировал почву для сближения с Германией» [29].

В 2007 г. В. Э. Багдасарян в историографической статье обратился к стержневому вопросу репрессий в РККА и РККФ 1937–1938 гг. – «делу М. Н. Тухачевского». Автор, проанализировав вышедшую литературу по рассматриваемой проблеме, обозначил шесть версий, выдвигаемых исследователями: «дело Тухачевского» было целиком сфабриковано немцами; «дело Тухачевского» инициировал сам Сталин; «дело Тухачевского» явилось результатом интриги генерала Н. В. Скоблина; наличие советско-германской сети военного заговора; реально существовавший антисталинский заговор в РККА имел совершенно иную идейную направленность в сравнении с тем, что инкриминировалось его участникам на судебном процессе [30, с. 207–226]. Кроме того, Багдасарян показал, что, исходя из предложенных версий, наиболее разработанной является точка зрения, согласно которой «дело Тухачевского» было сфабриковано по личной инициативе И. В. Сталина.

Проблема политического развития СССР (в том числе и политических репрессий в 1930-е гг.) была проанализирована в историографическом контексте в диссертации и монографии М. В. Казьминой [31; 32]. Исследовательница дала оценку степени изученности заявленной проблематики, показала основные вопросы дискуссии, ранее уже поднимаемые в отечественной и зарубежной историографии: истоки, причины, цели репрессий; дискуссия о масштабах насилия в советском обществе в 1930-е гг.; значение принудительного труда в народном хозяйстве страны. Однако следует заметить, что далеко не все историографические источники, опубликованные по теме к середине 2000-х гг., получили научное осмысление в диссертационном сочинении М. В. Казьминой.

В 2010 г. С. В. Сосновских в рамках кандидатской диссертации предприняла

попытку изучения проблемы политических репрессий на Урале в конце 1920-х – начале 1950-х гг. в отечественной историографии [33]. Постановка темы диссертации не вызывает сомнения в ее актуальности, однако, проведя анализ степени разработанности проблемы в отечественной историографии, С. В. Сосновских, к сожалению, не отметила, что, помимо статей общероссийской проблематики, в которых раскрываются различные аспекты политических репрессий в СССР периода правления И. В. Сталина, существуют и специальные монографические исследования [34; 35; 36; 37; 38].

Современная историографическая литература по истории сталинских политических репрессий в СССР также представлена работами, в которых затрагиваются депортационные кампании второй половины 1930-х – 1940-х гг.

Так, еще в рамках «перестроечной» историографии Л. В. Малиновский в кратком аналитическом обзоре рассмотрел ряд публикаций историков ФРГ. В частности, автор акцентировал внимание на следующем немаловажном факте: «...несмотря на имеющиеся недоработки и недостатки, вызванные специфическим подходом к проблеме и нехваткой источников, выводы, сделанные немецкими историками, полезны и для советской науки, которая пока еще очень робко подходит к освещению истории немцев в России и СССР (в особенности проблемы депортации российских немцев в 1941 г. – М. С.)» [39, с. 241].

Первой крупной историографической публикацией, без сомнения, можно назвать статью Н. Ф. Бугая, посвященную проблеме депортации народов в СССР. Автор констатирует, что в работах отечественных исследователей превалируют эмоциональный фактор, неглубоко осмысленные факты, смещение к описательному характеру изложения событий [40, с. 511]. Это констатация Н. Ф. Бугая вполне понятна, т. к. он отразил состояние изученности депортации народов в СССР к середине 1990-х гг., когда доминировали действительно работы так называемого «разрушительного» направления (настроенные

по отношению к советскому историографическому наследию крайне отрицательно. – М.С.).

К числу заслуг Н. Ф. Бугая следует отнести определение перспективных направлений в изучении темы: проблема межнационального конфликта в условиях социализма, форм и методов его урегулирования; последствия депортационных процессов для всех без исключения групп населения; роль и место репрессированных народов в преумножении экономического потенциала страны; развитие повстанческого движения и его причины; реабилитационные процессы [40, с. 511].

В 2003 г. вышла статья М. Н. Кубановой, в которой дан краткий историографический обзор основных публикаций по проблеме депортаций на страницах таких академических журналов, как «Вестник Российской академии наук», «Вопросы истории», «Отечественная история», «Этнографическое обозрение» [41, с. 53–58]. Исследовательница в очередной раз подтвердила тот факт, что интерес к изучению данной проблематики резко возрос лишь в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда постепенно начинают вводиться в научный оборот ранее засекреченные архивные материалы.

В постсоветских историографических публикациях проблема депортации была рассмотрена и на примере отдельно взятых народов. Анализ историографии причин депортации карачаевского народа содержится в публикации И. К. Семенова [42, с. 92–97]. Обзор отечественной историографии проблемы политических репрессий в отношении немецкого населения в СССР проведен в работах Т. Черновой [43, с. 261–279; 44, с. 45–60]. Процесс депортации поволжских немцев в историографическом контексте был проанализирован в статье А. Айсфельда [45, с. 87–96].

Феномен «трудовой армии» периода Великой Отечественной войны рассмотрен в опубликованной в 2001 г. историографической статье Г. А. Гончарова. Автор, в частности, заключил, что проделанная исследователями работа по изучению такого исторического феномена, как «тру-

довая армия» военного периода позволила за короткий промежуток времени сделать существенный прорыв и перейти от тезисов и статей фрагментарного характера к более подробным комплексным исследованиям проблемы [46, с. 154–168].

В. Б. Убушаев в историографической статье впервые в отечественной исторической науке показал процесс депортации калмыцкого народа не только в научной литературе (причем и в советской тоже), но и художественной [48, с. 91–100]. Кроме того, историком был отмечен немаловажный аспект в исследовании данной проблематики: «Говоря об изданных до настоящего времени трудах по теме депортации некоторых народов в СССР и их реабилитации, следует подчеркнуть, что большинство авторов занимается историей депортации и реабилитации только одного народа, почти не увязывая его судьбу с другими, без сравнительного анализа, ссылок на документы, свидетельствующие о лишениях и потерях других народов» [47, с. 98].

Историографический контекст темы сталинских репрессий привлек также внимание и зарубежных исследователей.

В 2003 г. была опубликована статья А. С. Кана, доктора исторических наук, профессора и почетного доктора Упсальского университета (Швеция), посвященная постсоветским исследованиям проблемы политических репрессий в России и СССР. В ней историк сделал вывод, что «подобная литература не одинакова по своей научной ценности и полиграфическому исполнению, что зависит от квалификации авторов и финансовых возможностей издателей». А. Кан заметил, что «впечатляют, например, объемистые книги о депортации немцев, поляков и прибалтов, тогда как рассказы о судьбах чеченцев, балкарцев, карачаевцев, крымских татар, калмыков выглядят значительно скромнее» [48, с. 130].

В литературе о репрессиях А. С. Кан первым выделил две главные группы: публицистические повествования на основе документов (большая часть всех изданий) и научные исследования о политических репрессиях,

репрессивном законодательстве и соответствующих органах, о группах населения, подвергавшихся репрессиям [48, с. 123–124]. Бесспорна заслуга автора в систематизации значительного пласта литературы по репрессивной проблематике; однако рамки статьи объективно не позволили дать более детальный анализ всех составляющих компонентов темы.

Одним из новейших исследований, в котором рассматривается историография феномена сталинизма, стала монография Дж. Кипа и А. Литвина «Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография», опубликованная в 2009 г. (серия «История сталинизма») [49]. Обозревая западную историографию сталинской эпохи, Дж. Кип говорит о трех возрастных когортах исследователей – «отцах», «детях» и «внуках» [49, с. 13–15]. Смена поколений принесла с собой новые научные методики: особенно резонансным стал приход постмодернизма, выразившийся, например, в пристальном внимании к «повседневности» сталинизма, который повлек за собой своеобразное разделение труда между сторонниками новых взглядов и «эмпириками». Постмодернистская парадигма заметно обогатила разнообразие позиций и точек зрения, применяемых в зарубежной историографии для оценки времени Сталина. В частности, это четко проявилось в исследованиях тоталитаризма, нынешние трактовки которого далеко ушли от примитивных толкований эпохи «холодной войны». По мнению Дж. Кипа и его предшественников, в осмыслении феномена тоталитаризма следует одно, что ныне «тоталитаризм не может претендовать на звание созревшей общественной теории или даже модели, в лучшем случае это наводящая на размышление концепция, требующая проверки исторической реальностью» [49, с. 24]. И в этом смысле мы полностью разделяем точку зрения ученого.

Дж. Кип считает, что синхронизация зарубежной и российской историографии по ряду проблем репрессивной политики в СССР начинается со времени «перестройки». Новые обстоятельства отразились буквально

на всех элементах исторической картины: и на периодизации террора, и на попытках подсчета его жертв, и на изучении его институциональных механизмов. Единственной областью, где согласия между учеными пока нет, остается проблема моральной ответственности за террор его непосредственных исполнителей, а также вольных и невольных соучастников [49, с. 157–158]. Касаясь проблемы моральной ответственности за политические репрессии в СССР, следует заметить, что в настоящее время в отечественной историографии серьезным тормозящим фактором выступают работы неосталинистского направления, в которых преобладают идеи реанимации элементов сталинизма и гипертрофированного этатизма.

А. Литвин в своей части анализируемой работы актуализировал проблему, что комплекс источников, имеющийся у современных исследователей по репрессивной проблематике, носит ограниченный характер. В частности, историк отметил, что в условиях, когда источники частью уничтожены, часть фальсифицирована, а частью по-прежнему закрыты, говорить о полном преодолении архивной проблемы не приходится. Не способствует ее снятию и то, что в последние годы условия работы ученых в отечественных хранилищах документов постоянно усложняются [49, с. 207]. Несмотря на такую пессимистическую линию, Литвин также говорит о том, что затруднения с источниками отнюдь не должны позволять утверждать, что сталинская историография вообще не имеет твердого фундамента, поскольку

насквозь субъективна. И в этой части мы, безусловно, солидарны с ученым. Вместе с тем А. Литвин вынужден констатировать, что, несмотря на громадные массивы собранных и обобщенных исследователями материалов, на русском языке до сих пор не имеется ни научной биографии Сталина, ни документированной летописи карательных органов «государства рабочих и крестьян» [49, с. 273].

Проведя историографический анализ опубликованных историографических исследований советского и постсоветского периодов, в которых затрагиваются политические репрессии в СССР в 1928–1953 гг., необходимо остановиться на следующих моментах. Появление первых историографических работ относится к концу 1950-х гг., причем единственно доступной темой стали репрессивные акции государства в отношении так называемого «кулачества». Качественной чертой данного рода публикаций являлось жесткое отражение точки зрения государства в отношении проблематики. Расширение исследовательской тематики наблюдается лишь на рубеже 1980–1990 гг., в связи с известными мерами государства, направленными на изменение официального взгляда на политику репрессий периода правления И. В. Сталина. Современные историографические исследования отличает от советских как постановка новых тем, так и использование огромного пласта ранее засекреченных архивных материалов, с помощью которых историографы пытаются провести верификацию выводов историков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сидорова, Л. А. Оттепель в исторической науке: Советская историческая наука первого послесталинского десятилетия. – М., 1997.
2. Погудин, В. И. Некоторые вопросы историографии коллективизации в СССР // Вопросы истории. – 1958. – № 9.
3. Чинчиков, А. М. О некоторых проблемах историографии социалистического преобразования сельского хозяйства в СССР // Некоторые проблемы истории советского общества (Историография) / под ред. З. А. Астаповича, К. В. Гусева. – М., 1964.
4. Очерки по историографии советского общества / под ред. П. А. Жилина. – М., 1965.
5. Историография советской Сибири (1917–1945 гг.). – Новосибирск, 1968.

6. Зак, Л. М., Лельчук, В. С., Погудин, В. И. Строительство социализма в СССР: историографический очерк. – М., 1971.
7. Погудин, В. И. Путь советского крестьянства к социализму: историографический очерк. – М., 1975.
8. Историография крестьянства советской Сибири / отв. ред. Н. Я. Гущин. – Новосибирск, 1976.
9. Алексеев, Г. А., Лельчук, В. С. Некоторые вопросы социалистической индустриализации СССР // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР: сб. статей / под ред. Н. М. Дружинина. – М., 1962.
10. Данилов, В. П. Изучение истории советского крестьянства // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР: сб. статей / под ред. Н. М. Дружинина. – М., 1962.
11. Ивницкий Н.А. Ликвидация кулачества как класса в современной советской историографии // Классовая борьба в сибирской деревне в период построения социализма / отв. ред. Н. Я. Гущин. – Новосибирск, 1978.
12. Макаров, Б. И. Критика троцкизма по вопросам строительства социализма в СССР. – М., 1965.
13. Марушкин, Б. И. История в современной идеологической борьбе (Строительство социализма в СССР сквозь призму антикоммунистической историографии США). – М., 1972.
14. Максакова, А. Д. Критика современной французской буржуазной историографии по вопросу ликвидации кулачества как класса в СССР // Из истории борьбы КПСС за победу социалистической революции и построение коммунистического общества. Вып. 6 / отв. ред. Н. В. Савинченко. – М., 1976.
15. Гущин, Н. Я., Жданов, В. А. Критика буржуазных концепций истории советской сибирской деревни. – Новосибирск, 1987 и др.
16. Горбачев, М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. – М., 1987.
17. Сахаров, А. Н. Новая политизация истории или научный плюрализм? (О некоторых тенденциях в мировой историографии истории России XX в.) // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки / под ред. А. Н. Сахарова. – М., 1996.
18. Лопатин, Л. Н. Некоторые вопросы историографии и источниковедения истории репрессий 20-х – 30-х гг. // Вопросы историографии и общественно-политической истории Сибири / под ред. В. М. Самосудова. – Омск, 1990.
19. Небезин, В. А., Пруцкова, О. А. Издание исторической литературы: кризис или стабилизация? // Исторические исследования в России: Тенденции последних лет / под ред. Г. А. Бордюгова. – М., 1996.
20. Самосудов, В. М. Современная отечественная историография коллективизации (1980-е – середина 1990-х годов). – Омск, 1998.
21. Красильников, С. А. Спецпереселенцы 1930-х гг. в новейшей отечественной историографии // Маргиналы в советском обществе 1920–1930 годов: историография, источники / отв. ред. С. А. Красильников. – Новосибирск, 2001.
22. Герман, Е. Н. Советская и российская историография «раскулачивания»: этапы и тенденции (1930–1990 годы) // Гуманитарный ежегодник. Выпуск 1: сборник научных трудов аспирантов и соискателей / отв. ред. С. А. Красильников. – Новосибирск, 2001.
23. Волошина, И. В. Переселенческая политика Советского государства в 1920–1930 годы в отечественной историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2002.
24. Раков, А. А. Раскулачивание на Урале: новейшая отечественная историография // URL:http://www.nivestnik.ru/2007_1/09.shtml (дата обращения: 13.11.2009).
25. Хлевнюк, О. В. «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии // Историческая наука и образование на рубеже веков / сост. А. А. Данилов. – М., 2004.
26. Багдасарян, В. Э. «Загадочный тридцать седьмой»: опыт историографического моделирования // Историография сталинизма: сборник статей / под ред. Н. А. Симонии. – М., 2007.
27. Кропачев, С. А. Новейшая отечественная историография о масштабах политических репрессий в 1937–1938 гг. // Российская история. – 2010. – № 1.
28. Мельтюхов, М. И. Репрессии в Красной Армии: итоги новейших исследований // Отечественная история. – 1997. – № 5.
29. Короленков, А. В. Еще раз о репрессиях в РККА в предвоенные годы // Отечественная история. – 2005. – № 2.

30. Багдасарян, В. Э. Заговор в РККА: историографический дискурс о «Деле М. Н. Тухачевского» // *Историография сталинизма: Сборник статей / под ред. Н. А. Симонии.* – М., 2007.
31. Казьмина, М. В. Отечественная историография второй половины 1980-х гг. – начала XXI века о политическом и социально-экономическом развитии СССР в 1930-е гг. Дис. ... д-ра ист. наук. – Кемерово, 2006.
32. Кузьмина, М. В. Отечественная историография второй половины 1980-х годов – начала XXI века о политической и социально-экономической модели развития СССР 1930-х годов. – Кемерово, 2006.
33. Сосновских, С. В. Политические репрессии на Урале в конце 1920-х – начале 1950-х гг. в отечественной историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2010.
34. Самосудов, В. М. Современная отечественная историография коллективизации (1980-е – середина 1990-х годов). – Омск, 1998.
35. Степанов, М. Г. Российская историография «большого террора» в СССР (1937–1938 гг.). – Абакан, 2008.
36. Кип, Дж., Литвин, А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. – М., 2009.
37. Степанов, М. Г. Политические репрессии в СССР периода сталинской диктатуры (1928–1953 гг.): взгляд советской и постсоветской историографии. – Абакан, 2009.
38. Отечественная историография антикрестьянских репрессий в СССР (1929–1933 гг.). – Абакан, 2010.
39. Малиновский, Л. В. История советских немцев в современной историографии ФРГ // *Вопросы истории.* – 1991. – № 2–3.
40. Бугай, Н. Ф. Депортация народов в СССР – новое направление в отечественной историографии: проблемы изучения // *Россия в XX веке. Судьбы исторической науки / под ред. А. Н. Сахарова.* – М., 1996.
41. Кубанова, М. Н. Проблемы депортаций на страницах академических исторических журналов // *Репрессированные народы: история и современность: материалы респуб. науч. конф. / отв. ред. М. Н. Кубанова.* – Карачаевск, 2003.
42. Семенов, И. К. Отечественная историография о причинах депортации карачаевского народа // *Репрессированные народы: история и современность: материалы респуб. науч. конф. / отв. ред. М. Н. Кубанова.* – Карачаевск, 2003.
43. Чернова, Т. Проблема политических репрессий в отношении немецкого населения в СССР (обзор отечественной историографии) // *Репрессии против российских немцев. Наказанный народ.* – М., 1999.
44. Чернова, Т. Фрагменты новейшей историографии по проблемам немецкого этноса в России // *Немцы России на рубеже веков: история, современное положение, перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. В. Амелина.* – Оренбург, 2000.
45. Айсфельд, А. «Немецкий вопрос» в России и в СССР в исследованиях 1990–2005 гг. в России и странах СНГ // *Немцы Сибири: история и культура.* – Омск, 2006.
46. Гончаров, Г. А. «Трудовая армия» периода Великой Отечественной войны: российская историография // *Экономическая история. Обзорение.* Вып. 7 / под ред. Б. Н. Бородкина. – М., 2001.
47. Убушаев, В. Б. Проблема изучения депортации калмыцкого народа в отечественной историографии // *Новые исследования Тувы.* – 2009. – № 4.
48. Кан, А. С. Постсоветские исследования о политических репрессиях в России и СССР // *Отечественная история.* – 2003. – № 1.
49. Кип, Дж., Литвин, А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. – М., 2009.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ БУРЯТИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Н. А. Данькина

УДК 930

В статье рассматривается историография культурной революции и интеллигенции Бурятии в XX в. Выделяются основные этапы и тенденции в изучении культурной революции и бурятской интеллигенции. Автор приходит к выводу об изучении интеллигенции Бурятии в 1920–1930-е гг. в русле культурной революции, интеллигенция Бурятии стала самостоятельно изучаться только с 1960-х гг. На современном этапе развития исторической науки интерес к изучению бурятской интеллигенции усилился, выросло число публикаций по данной теме.

Ключевые слова: интеллигенция, Бурятия, историография, культурная революция, идеология, междисциплинарный подход.

После Октября 1917 г. до начала 1930-х гг. культурная революция и интеллигенция Бурятии рассматривались взаимосвязано. Ученые Бурятии выделяют следующие тенденции развития историографии культурной революции в Бурятии.

Во-первых, формированию исследовательского пространства культурной революции в Бурятии, определению смысловых акцентов понимания ее социальной природы и политической цели во многом способствовали материалы, издававшиеся Госпланом, ЦИК и СНК Бурят-Монгольской АССР, в которых содержались краткие очерки о развитии культуры. Во-вторых, основные проблемы культурных преобразований обсуждались на страницах периодической печати. В-третьих, большинство работ в основном создано партийными и советскими работниками. Авторами работы являлись непосредственные участники событий. Их целями и задачами являлось не строгое следование научным требованиям, а политическая оценка, базировавшаяся на представлениях об идеологических основах советского строительства. Отсюда и отсутствие выверенного научного аппарата, произвольное оперирование источниковой базой, а зачастую ее полное отсутствие, описательность, невысо-

кая требовательность к решению вопроса о предпосылках культурного развития нации, декларативность выводов [1, с. 22–23].

Среди первых работ по культурному строительству и формированию национальной интеллигенции можно назвать брошюру М. Н. Ербанова «Вопросы культурно-национального строительства Бурятии», которая была опубликована по результатам культурно-национального совещания в сентябре 1926 г. М. Н. Ербанов определил такие основные задачи развития национальной культуры: коренизация, создание собственной письменности, ликвидация неграмотности, усиление работы среди женщин, борьба с влиянием ламаизма [2; 3; 4].

Особое место в историографии интеллигенции Бурятии в конце 1920-х – начале 1930-х гг. уделялось вопросам коренизации и связанной с ней проблеме подготовки национальных кадров [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12]. Со второй половины 1930-х гг. под влиянием сталинских представлений о путях и методах социалистического строительства начинает меняться концептуальная основа проблемы. Все большее распространение получают взгляды, допускающие возможность и предпочтительность решения вопросов развития культуры

«волевым», административным путем, с использованием форм и методов «штурма», «натиска». Это, по мнению В. В. Номогоевой, привело к затуханию исследовательской работы [13]. Проблемы формирования интеллигенции Бурятии затрагивались лишь в юбилейных статьях и сборниках [14, 15, 16].

Таким образом, в конце 1930–1940-х гг. продолжается историографическая традиция в изучении истории и культуры Бурятии. Рассматривались вопросы культурного строительства [17, 18], развития народного образования [19], языкового строительства [20].

В конце 1920–1930-х гг. появились первые работы, посвященные организации высшего образования в Бурятии [21, 22, 23].

В 1940-е гг. работ по культурному строительству фактически не было, исключение составляют несколько статей и сборников о роли русского населения в формировании интеллигенции Бурятии и формировании педагогического образования [24, 25].

С 1950-х гг. интерес к истории интеллигенции Бурятии возрос. С одной стороны, история интеллигенции продолжала рассматриваться в рамках культурной революции, с другой, большое влияние на нее оказала партийная идеология.

В 1955 г. была защищена кандидатская диссертация Н. М. Бильтаевой по культурной революции в Бурятии, которая, как пишет В. В. Номогоева, стала точкой отсчета нового этапа в изучении советского и национального строительства в Бурятии [26].

Комплексное исследование о состоянии культуры и формировании интеллигенции 1920-х гг. сделал Б. Д. Цибиков. Несмотря на узкие хронологические рамки, исследователь рассматривает широкий круг вопросов: развитие народного образования и начало обучения на родном языке, подготовку учителей кадров и их роль в ликвидации безграмотности взрослого населения, развитие печати, зарождение бурятской советской литературы, образование первых научных учреждений. Вместе с тем работа не лишена излишней идеологизации, большое место

уделяется «проискам буржуазных националистов» и их разоблачению [27].

Таким образом, исследователи характеризуют историографию 1950-х гг. возросшим теоретическим уровнем, более полным освещением всего комплекса культурных преобразований, некоторым расширением источниковой базы.

После XX съезда КПСС появляются труды обобщающего характера по истории Сибири, в которых затрагиваются вопросы формирования интеллигенции [28].

Проблемы деятельности интеллигенции Бурятии в 1960-е гг. стали рассматриваться через исследование национальной школы Бурятии в работах Б. М. Митупова, Г. Л. Санжиева, А. А. Дуринова, В. И. Андреева [29, 30, 31, 32]. В работах этих ученых делался упор на роль местных органов управления в подготовке учительских кадров.

В 1960-е гг. появляются первые работы, которые посвящены проблеме формирования национальной интеллигенции Бурятии. В. В. Номогоева пишет, что «эта тема, почти не затронутая в предшествующие периоды историографии, прочно утвердилась в историко-культурных исследованиях этого периода» [33, с. 33]. Предметом исследования стал вопрос о вовлечении в социалистическое строительство представителей старой, дореволюционной интеллигенции. Эти исследования были также подвержены идеологизации [34, 35, 36].

С 1960-х гг. стали выходить работы, касающиеся вопросов высшего образования [37, 38, 39, 49, 41, 42].

В 1960-е гг. большое внимание уделялось изучению обновленческого движения бурятского ламаистского духовенства [43, 44, 45, 46, 47].

Как пишет исследователь В. В. Номогоева: «С середины 1980-х гг. начался новый этап развития исторической науки. Отличительной чертой его в национальных регионах России было то, что в нем изначально достойное место заняли историки, в отличие от центральных районов, где лидировали публицисты. В постсоветской литературе, в

результате более интенсивных и углубленных теоретико-методологических изысканий, советская культура в Бурятии начинает исследоваться при помощи новых подходов в области конкретно-исторического изучения, что нашло отражение в применении междисциплинарных подходов, расширении источников базы, усилении «информативной отдачи» уже введенных в научный оборот документов и материалов, изменении проблематики исследований» [48].

В. В. Номогоева отмечает, что большую роль в переосмыслении и переоценки проблем социалистического строительства сыграли научные мероприятия, которые послужили основой перестройки исследовательской работы, методологии исторических исследований [49, 50, 51, 52, 53]. Продолжалось накопление ценного эмпирического материала, источниковедческого и историографического опыта, совершенствовалась методика, углублялась научная проблематика исследований, обсуждалась обновлялась терминология культурно-исторических работ, развивались оригинальные подходы, рождались новые интересные идеи, уточнялись и корректировались выводы в области изучения культурной революции в Бурятии. Некоторые исследователи пошли по пути создания трудов междисциплинарного характера, появление которых было связано с невозможностью в рамках прежней методологии ответить на ряд накопившихся вопросов.

С начала 1990-х гг. происходящая интеграция теоретико-концептуальной и методологической практики, наработанной в мировой науке, открывает большие возможности для постановки и анализа «модернизационной» проблематики, поскольку именно в социокультурной структуре нарождающегося советского общества происходили наиболее заметные и динамичные модернизационные подвижки. В этом ключе были проведены исследования проблемы развития этничности коллективом авторов – Т. Д. Скрынниковой, Г. А. Дырхеевой, С. Д. Батомункуевым и П. К. Варнавским [54,

55]. Т. Д. Скрынникова, Г. А. Дырхеева и др. Отмечают, что советская социокультурная модернизация породила суррогатные формы – утрату привычных этнических связей при половинчатом обретении новых, периферийность как по отношению к «родной» этнической среде, так и социокультурному пространству, вновь обретаемому.

В. В. Номогоева считает, что пополнение концепции советской (большевистской) модернизации феноменом современности позволяет современным исследователям анализировать парадоксальный характер советских преобразований, по-новому осмыслить аспекты взаимодействия новой и старой культуры в создавшейся модели общественного устройства [56, с. 37].

В последние годы введены в научный оборот материалы, связанные с анализом и переоценкой деятельности крупных общественно-политических руководителей и представителей национальной культуры периода социалистического строительства [57, 58, 59, 60, 61, 62, 63].

Уровень изучения некоторых тем, например истории народного образования в период 1920–1930-х гг., существенно не меняется с 1960–1970-х гг. Известны лишь работы Б. Ч. Хасаранова, посвященные педагогическому аспекту в создании системы образования Бурятии [64].

История профессионального образования в Бурятии получила освещение в ряде работ [65, 66, 67]. И. Х. Бальхасовой было проведено исследование и опубликована монография «Формирование кадрового потенциала республики вузами Бурятии (1932–1996 гг.)» (Улан-Удэ, 2005), первая часть которой отражает период становления высшего образования в Бурятии (1930-е гг.).

В. В. Номогоева отмечает, что характерной чертой современной историографии является то, что на протяжении последних 15–20 лет сложились новые направления в области изучения культурной революции в Бурятии. Некоторые из них появились еще в 1960–1980 гг., но под воздействием новых методологических, источниковедческих и других приоритетов

существенно трансформировались, представляя по существу исследования так называемого «нового поколения». К ним относятся исследования в области национальной культуры, языкового строительства, национальной интеллигенции, социокультурных процессов в обществе, государственно-церковных отношений и антирелигиозной борьбы [68, с. 43–44].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ногомоева, В. В. Исторический опыт социально-культурной модернизации национальных районов Восточной Сибири в 1920–1930-е гг. (на материалах Республики Бурятия). Дис. ... д-ра ист. наук. – Улан-Удэ, 2011. – С. 22–23.
2. Ербанов, М. Н. Строительство Красной Бурятии. – Верхнеудинск, 1926.
3. Ербанов, М. Н. Вопросы национально-культурного строительства в Бурятии (Краткий очерк). – Верхнеудинск, 1926.
4. Ербанов, М. Н. Пять лет автономии (Краткий очерк). – Верхнеудинск, 1926.
5. Маккавеев, М. Шестая областная партконференция // Жизнь Бурятии. – 1929. – № 1.
6. Ербанов, М. Н. Решение ЦК ВКП(б) и задачи Бурят-Монгольской парторганизации: Доклад на объединенном пленуме ОК и ОКК ВКП(б) // Жизнь Бурятии. – 1929. – № 5.
7. Ербанов, М. Н. Об итогах и очередных задачах проведения ленинской национальной политики в Бурятии в связи с решением Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) по национальному вопросу: Доклад на XVI городской партийной конференции 28 декабря 1933 г. // Советская Бурятия. – 1933. – № 3. – С. 1–21.
8. Родиевич, Б. Коренизация аппарата в автономиях и районах нацменьшинств РСФСР // Революция и национальности. – 1931. – № 12.
9. Мункин, Д. Основные итоги и задачи национально-культурного строительства Бурят-Монголии. – Верхнеудинск, 1933.
10. Юнушев, Н. 10 лет социалистического строительства Бурят-Монголии // Революция и национальности. – 1933. – № 7.
11. Кузьмин, Н. Подготовка национальных кадров // Революция и национальности. – 1935. – № 4.
12. Социалистическое строительство Бурятии за 10 лет: Экономический обзор и статистический справочник, 1923–1932 гг. – Верхнеудинск, 1933.
13. Ногомоева, В. В. Исторический опыт социально-культурной модернизации национальных районов Восточной Сибири в 1920–1930 гг. (на материалах Республики Бурятия). Дис. ... д-ра ист. наук. – Улан-Удэ, 2011.
14. 15 лет Бурят-Монгольской АССР. – Улан-Удэ, 1938.
15. Бурят-Монголия за 30 лет Советской власти. – Улан-Удэ, 1947.
16. 30 лет Бурят-Монгольской АССР. – Улан-Удэ, 1953.
17. Иванов, С. М. Национально-культурное строительство БМАССР к ее 14-летию // XV лет Бурят-Монгольской АССР. – Улан-Удэ, 1938.
18. Варламов, А., Елбаев, А. Ликвидация культурной отсталости трудящихся бурят // Революция и национальности. – 1936. – № 12.
19. Панчуков, А. П. Очерки по истории развития школ в Бурят-Монголии. – Улан-Удэ, 1939.
20. Дампилов, И. Итоги языкового строительства Бурят-Монголии. – Улан-Удэ, 1936.
21. Данилов, А. Одна из проблем культурного строительства в Бурят-Монголии // Жизнь Бурятии. – 1928. – № 1–3.
22. Козьмин, Н. Проблема научного образования в Бурятии и его организационные формы // Жизнь Бурятии. – 1927. – № 1–3.
23. Кудрявцев, В. Высшее педагогическое образование в Бурятии // Культура Бурятии. – 1932. – № 2. – С. 30–32.
24. Кудрявцев, Ф. А. Роль русской культуры в развитии бурят-монгольского народа в XVIII–XX вв. // Вопросы истории. – 1946. – № 10.
25. Дуринов, А. А. Очерки истории школ и педагогического образования в Бурят-Монголии. – Улан-Удэ, 1948.
26. Бильгаева, Н. М. Культурная революция в ранее отсталых национальных республиках. Дис. ... канд. ист. наук, - М, 1955.
27. Цибииков, Б. Д. Культурное строительство в Бурят-Монголии в период становления народного хозяйства СССР (1921–1925) // Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры. – Улан-Удэ, 1955. – Вып. 20.
28. История Сибири. – Л., 1968.

29. Дуринов, А. А. Народное образование в первые годы Советской власти // Народное образование Бурятской АССР за 40 лет. – Улан-Удэ, 1964.
30. Андреев, В. И. Школьное образование в Бурятской АССР в первые годы образования республики (1923–1928) // Народное образование в Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1960.
31. Харнахоева, Т. Г. Осуществление ленинских заветов и вовлечение учителей в социалистическое строительство в Бурятии в первые гг. после образования республики // Осуществление ленинской программы строительства социализма в Восточной Сибири. – Иркутск, 1971.
32. Катоманов, Н. И. Народное образование в годы первых пятилеток и Великой Отечественной войны (1928–1945 гг.) // Народное образование Бурятской АССР за 40 лет. – Улан-Удэ, 1964.
33. Ногомоева, В. В. Исторический опыт социально-культурной модернизации национальных районов Восточной Сибири в 1920–1930 гг. (на материалах Республики Бурятия). Дис. ... д-ра ист. наук. – Улан-Удэ, 2011.
34. Соктоев, И. А. Формирование социалистической интеллигенции Бурятии: из опыта работы Бурятской партийной организации по созданию кадров интеллигенции в республике за период 1923–1937 гг. – Улан-Удэ, 1961.
35. Его же. Коммунистическая партия в борьбе за создание национальных кадров советской интеллигенции в Бурятии (1923–1937 гг.). – Улан-Удэ, 1960.
36. Халзанов, К. Х. Формирование кадров национальной интеллигенции в автономных республиках Сибири. – М., 1965.
37. Батуев, Б. Б. Развитие высшего и среднего специального образования (1924–1963 гг.) // Народное образование Бурятской АССР за 40 лет. – Улан-Удэ, 1964.
38. Бурятский государственный педагогический институт им. Доржи Банзарова: Сорок лет (1932–1972 гг.). – Улан-Удэ, 1972.
39. Халзанов, К. Х. Высшие и средние специальные учебные заведения Бурятии за 50 лет Советской власти // Бурятия от ликбеза до филиала Академии наук. – Улан-Удэ, 1969.
40. Хабаев, М. П. Славные 40 лет // 40 лет Бурятскому педагогическому институту. – Улан-Удэ, 1974.
41. Он же. Бурятский педагогический институт им. Доржи Банзарова – первое высшее учебное заведение республики // Бурятия от ликбеза до филиала Академии наук. – Улан-Удэ, 1969.
42. Давыдов, А. Г. Бурятский сельскохозяйственный институт. – Улан-Удэ, 1963.
43. Герасимова, К. М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства, 1917–1930 гг. – Улан-Удэ, 1964.
44. Овчинников, В. С. Борьба партийных организаций с реакционной деятельностью ламаистского духовенства: На материалах Бурятской, Калмыцкой и Тувинской АССР и Агинского Бурятского округа, 1917–1936 гг. // Уч. зап. / Читинский пед. ин-т. – 1967. – Вып. 15.
45. Баторов, Б. Н. К истории борьбы Бурятской партийной организации за преодоление ламаизма в годы социалистического строительства // Великий Октябрь и Восточная Сибирь. – Иркутск, 1968.
46. Баторов, Б. Н. Деятельность областной партийной организации по атеистическому воспитанию трудящихся и преодолению влияния ламаизма в годы социалистического строительства, 1923–1937 гг. Дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 1969.
47. Он же. Первый этап культурной революции и борьба по преодолению влияния ламаизма в Бурятии (1925–1929 гг.) // К 50-летию образования Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1974.
48. Ногомоева, В. В. Исторический опыт социально-культурной модернизации национальных районов Восточной Сибири в 1920–1930-е гг. (на материалах Республики Бурятия). Дис. ... д-ра ист. наук. – Улан-Удэ, 2011.
49. Проблемы истории Бурятии: тез. и докл. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию со дня образования Республики Бурятия. – Улан-Удэ, 1993.
50. Современное положение бурятского народа и перспективы его развития: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 175-летию со дня рождения Доржи Банзарова. – Улан-Удэ, 1997.
51. Проблемы истории и культурно-национального строительства в Республике Бурятия: материалы респ. науч.-практ. конф., посвященной 75-летию образования Республики Бурятия. – Улан-Удэ, 1998.
52. Республике Бурятия – 80 лет: материалы регион. науч. конф. – Улан-Удэ, 2003.

53. Актуальные проблемы истории и культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения д.и.н., профессора Б. Б. Батуева и 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Улан-Удэ, 2005.
54. Варнавский, П. К., Дырхеева, Г. А., Скрынникова, Т. Д. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (конец XIX – первая треть XX в.). – Иркутск, 2003.
55. Скрынникова, Т. Д., Варнавский, П. К. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период). – Улан-Удэ, 2004.
56. Ногомоева, В. В. Исторический опыт социально-культурной модернизации национальных районов Восточной Сибири в 1920–1930 гг. (на материалах Республики Бурятия). Дис. ... д-ра ист. наук. – Улан-Удэ, 2011. – С. 37.
57. Выдающиеся бурятские деятели XVII – начало XX в. – Вып. 1. – Улан-Удэ, 1994.
58. Национальная интеллигенция. Духовенство и проблемы социального, национального возрождения народов Республики Бурятия. – Улан-Удэ, 1995.
59. Российские монголоеды (XVIII – начало XIX в.). – Улан-Удэ, 1997.
60. Выдающие бурятские деятели. – Вып. 3. – Улан-Удэ, 1999.
61. Выдающие бурятские деятели. – Вып. 4. – Улан-Удэ, 2001.
62. Известные люди Бурятии. Выдающие бурятские деятели (XVII – нач. XX в.). – Улан-Удэ, 2001.
63. Цибилов, Б. Д. Бурятские ученые национал-демократы. – Улан-Удэ, 2004.
64. Хасаранов, Б. Ч. Особенности процесса становления и развития Бурятской национальной школы (1917–1931 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 1997.
65. Дагданова, А. О. История становления и развития средних специальных учебных заведений в Бурятии (1923–1991 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2003.
66. Бардамова, А. К. Становление и развитие системы профессионально-технического образования в Забайкалье (1724–1958 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2003.
67. Базаров, Б. Д. История создания и развития системы профессионально-технического образования в Республике Бурятия (1923–1991 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2003.
68. Ногомоева, В. В. Исторический опыт социально-культурной модернизации национальных районов Восточной Сибири в 1920–1930 гг. (на материалах Республики Бурятия). Дис. ... д-ра ист. наук. – Улан-Удэ, 2011.

ПЕРСОНАЛИИ

Н. Ф. КАТАНОВ КАК ПУТЕШЕСТВЕННИК И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ УРЯНХАЙСКОЙ ЗЕМЛИ

Ю. К. Махно

УДК 929

В статье дана характеристика дневника-путешествия Н. Ф. Катанова, показано значение первой научной экспедиции ученого в Хакасию, Урянхайский край и Восточный Туркестан, отражены основные темы «Очерков...».

Ключевые слова: **Урянхайский край, дневник-путешествия, исследования.**

Один и тот же фрагмент исторической действительности в русском языке обозначается разными терминами. В научной и учебной литературе встречаем такие заглавия: «Экспедиция Д. Г. Мессершмидта», «Академические экспедиции второй половины XVIII века», «Схема маршрута экспедиции тюрколога В. В. Радлова». И в то же время встречаем другой ряд заглавий, характеризующий экспедицию В. В. Радлова, например: «Из дневника моего путешествия. 1862 г.», «Дневник путешествия к соймам в 1861 году». Термин «экспедиция» – иноязычное слово латинского корня. В данном случае означает – поездка, поход группы лиц с научным заданием. Термин «путешествие» – это русское слово, происходит от существительного «путь». В данном случае также обозначает «поездку с научными целями». Эти слова являются синонимами.

Н. Ф. Катанов свою поездку в Урянхайский край назвал «Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 г. по поручению Императорской Академии Наук и Императорского Русского Географического Общества». В данной статье ставятся следующие задачи: дать характеристику дневника-путешествия Н. Ф. Катанова; показать значение первой научной экспедиции; отразить основные темы данного научного труда.

Этот период своей жизни Николай Федорович в автобиографии излагает академическим языком. «По окончании курса в университете, – пишет Н. Ф. Катанов, – я был командирован Географическим Обществом и Академией наук в Восточную и Западную Сибирь, Северную Монголию, Дзунгарию и Китайский Туркестан для подробного исследования быта и языка тюркских (татарских) племен».

Изучение данного периода его жизни требует знаний историко-географического материала. Дадим некоторые пояснения. **Северная Монголия (Урянхайский край)** – это территория современной Республики Тыва, которая во времена экспедиции Н. Ф. Катанова находилась под властью Китайской империи. **Дзунгария (Джунгария)** – это Западная Монголия, часть территории Северо-Западного Китая, где ныне расположен национальный автономный район. **Туркестан** – название (в XIX — начале XX в.) территории Средней Азии, населенная тюркскими народами. Территория Туркестана была поделена между царской Россией и Китайской империей. Восточный, или Китайский, Туркестан – это часть Китайской империи, а Западный, или Русский, Туркестан – это владения царской России в Средней Азии. Северная Монголия, или Урянхайский край, Джунгария (Дзунгария), Китайский Туркестан – это заграница Российской импе-

рии, эта территория принадлежала Китаю, в которой правила маньчжурская династия Цынь (1644–1911).

Тувинская народность сложилась в конце XVIII – начале XIX в., самоназвание – тыва. Впервые это самоназвание народа установил тюрколог немецкого происхождения В. В. Радлов, который побывал с экспедицией в этих краях во второй половине XIX в. Сойонами, сойотами, урянхайцами, урянхайцами в дореволюционной литературе именовали тувинцев. Сойоты – это название древнего племени сойон, которое вошло в состав тувинской народности; урянхайцы – так тувинцев называли монголы по названию одного племени. В исторической литературе XIX в. территория современной Республики Тыва имела разные названия, а именно:

- Урянхайский край – такое название территория носила в документах конца XIX – начала XX в.

- Северо-Западная Монголия – такое название она носила в западной исторической литературе. В работах В. В. Радлова эта территория называлась Западная Монголия, а в работах Н. Ф. Катанова она называлась Северная Монголия [1, С. 585].

Сведения о путешествии Н. Ф. Катанова в Сибирь и Центральную Азию изложены в работе ученого-востоковеда С. Н. Иванова. Ученый в своих исследованиях опирался на письма Н. Ф. Катанова к академику В. В. Радлову, опубликованные в 1893 г. [2, с. 24]. В настоящее время с письмами Н. Ф. Катанова можно познакомиться в сборнике «Н. Ф. Катанов. Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях» [3].

Экспедиция в Урянхайскую землю (современное название Тыва) началась 9 марта 1889 г. На Тувинскую землю Н. Ф. Катанов и его постоянный спутник И. К. Реполовский прибыли 13 марта, покинули данную территорию и прибыли в село Аскиз 6 сентября 1889 г. Через 20 дней – 26 сентября 1889 г. – дневники были подготовлены к печати, однако они не были опубликованы. Рукопись дневника «Очерки Урянхайской земли» хранились в архиве Музея антропологии и

этнографии Академии Наук СССР и была опубликована только в 2011 г.

«Очерки Урянхайской земли», как отмечают исследователи, – труд этнографического профиля, который был известен лишь отдельным исследователям [4].

Дневник начинается с предисловия, в котором автор дает общую характеристику путешествия. Он пишет: «Путешествие, принятое мною по поручению Императорской Академии Наук и Императорского Географического Общества с целью исследования языка и быта Урянхайского народа, начата весною сего года и продолжалось шесть месяцев. Денег на все расходы во время путешествия отпущено из Министерских сумм по ходатайству Академии Наук 720 рублей и от Географического Общества 600 рублей в год» [5, с. 15]. Далее он описывает свою дорогу из Санкт-Петербурга в село Аскиз, откуда начато путешествие. «В Минусинске, – пишет Н. Ф. Катанов, – были сделаны необходимые покупки для дальнейшего путешествия, преимущественно: табак, чай, нитки, иголки, писчая бумага, складные ножи и сахар, предназначавшиеся для подарков урянхайцам». Он отмечает, что «в Аскизе нанял для переписки бумаг И. К. Реполовского, который и сопровождал мне всю дорогу». Он благодарит пофамильно русских людей, которые так или иначе содействовали успехам экспедиции. Путешественник отмечает, что основательное знакомство с урянхайским языком дало ему возможность точно записывать имена не только рассказчиков, но и их родовую принадлежность и места жительства. Н. Ф. Катанов писал: «Песни во время путешествия удалось записать до 1000. Записано также много сказок, загадок, легенд и шаманских молитв» [5, с. 16].

Первая запись дневника датируется 9 марта 1889 г. Н. Ф. Катанов описывает первые четыре дня путешествия: 9–12 марта. Он пишет, что выехал с И. К. Реполовским в 10 часов утра. Дорога проходила через деревню Заилюшная: (на правом берегу реки Абакан), расположенную более одной версты от Аскиза. Далее путь лежал через села Бейское,

Сабинское, деревни Малые Калы и Означенное до деревни Усинская. Дает описание дороги: «Дорога прилегает по льду реки Енисей. Енисей становится уже и уже. Местами полыньи». Рассказывает о зимовьях, которые встретились на их пути. Приведем отрывок из дневника: «Зимовщик на заимке Камешки получает 40 рублей за зиму и наблюдает за другими зимовьями. Весною с зимовья убирается печь и рамы... На зимовьях два отделения: одно для рабочих, другое – для господ. Зимовщики греют чай. Ночевал на зимовье Камешки; тут же ночевали в семье и 30 человек на 11 санях, идущих из села Бейское селиться в деревню Усинское [5, с. 19].

Заканчивается дневник записью, в которой рассказывается о последних трех днях экспедиции: 4–6 сентября. Эта запись содержит описание дороги из Тувы в Хакасию.

«4 сентября. Дорога пошла по левому берегу Чехана. Чехан становится тут глубже и шире, протекая по покато́й плоскости. По берегам реки всюду сенокосные луга и пашни. Далее поехали мы по правому берегу Чехана, который в нижнем течении называется Чебашем.

В 12 часов дня мы приехали в деревню Арбатскую, сделав 15 верст. От устья Чебаша, впадающего в Абакан с правой стороны, до деревни Арбаты – 5 верст и от устья Чехана – 25 верст. По сообщению одних, Чехан впадает в Чебаш, а Чебаш в Абакан; по сообщению же других, Чебашем называется только нижнее течение Чехана. Не доезжая до Арбатов 7 верст, мы перебрали с левой стороны Чебаша на правую, оставив устье этой реки по левую руку.

Из Арбатов я и гн. Реполовский поехали вдвоем в село Аскыс (Минусинского округа). Дорога идет по правому берегу Абакана ровная и сухая. На 7 версте начинается гора Матрос; подъем на нее 3 и спуск 4 версты. Далее переехали мы речку Монок и прибыли в деревню Монок, сделав 25 верст в 3 часа. В этой деревне мы переменили лошадей и переплыли в лодке через Абакан. Ночью приехали в село Усть-Есь и продневав тут (6 сентября), прибыли в село Аскыс, где оставлены

были все мои книги, необходимые для справок при окончательной обработке собранных во время путешествия научных материалов» [5, с. 322–323].

В течение всего путешествия Н. Ф. Катанов ведет кочевой образ жизни, передвигаясь от одного улуса к другому, его сопровождают проводники и торговцы, т. е. владельцы торговых заведений. Его рабочий день очень насыщен. Примером данного тезиса может служить дневниковая запись от 27 августа. Эта запись интересна тем, что в ней сообщаются сведения об образе жизни урянхайцев, путь-дорога, описание рабочего дня по часам. Приведем отрывок из дневника от 27 августа. (Запись дана в сокращенном виде.)

«В 8 часов утра урянхаец Чалбак из племени Мады сообщил о своем народе следующие подробности.

1. Если умрет какой-нибудь урянхаец, то поминки об нем справляют через 7 дней, 49 дней и 1 год. В течение всего этого времени не выносят из юрты, где жил покойник, ни одной вещи и не приносят.

2. Двоюродные братья и сестры сочетаются браком только тогда, когда произошли от родных сестер, а не от братьев.

3. Женятся даже до 8 раз, возвращая нелюбимых жен домой.

4. Вдова с детьми выходит за другого из другой семьи, или за неженатого брата покойника.

5. Бедные и богатые берут сразу 2 жены, 3 жен берут довольно редко. Жена, взятая прежде другой, считается старшею и наследует большую часть имущества, нежели младшая жена.

6. Наследство отдается больше всего младшему сыну, как не заработавшему ничего. Раздел наследства производят обыкновенно низшие чиновники: бошко, зайсан и кундэ. За свой труд они получают плату от каждого лица, получающего часть наследственного имущества.

В 10 часов утра пришел ко мне вчерашний собеседник, шаман Топтан. Он продик-

товал мне 8 песен и получил за них 8 толстых иголок (на 4 копейки).

(Приводится содержание восьми тувинских песен.)

В 4 часа пополудни мы прибыли к реке Ак-сугу, названной на карте Г. Н. Потанина по-монгольски Цаган-су (белая вода) в «Очерках Северо-Западной Монголии» (в. III. 1883 год).

По дороге мы не встретили ни одного урянхайского улуса. На правом берегу Ак-суга, перед переправой на северо-восток через него, стоит улус из 2 цилиндрических юрт. Перебредя в мелком месте Ак-суг, мы увидели на левом берегу его еще 2 юрты...

В самые сумерки к нам подъехали 3 сойота сумына Кеде-Орчжак и, получив по шепотке табаку, уехали далее своею дорогою. Эти урянхайцы на быках перевозили свое имущество вверх по правому берегу Манжурека. За весь день мы проехали около 40 верст. Остановку сделали в 7 часов вечера. Вечером приезжало еще 10 человек урянхайцев: 6 мужчин и 4 женщины. Е. П. Сафьянов дал им сухарей. Пользуясь случаем, я вступил с ними в разговор. Один из урянхайцев, по имени Айычы (Айжы), из племени Ондар, 18 лет, имеющий жену 15 лет и 2 сыновей, сказал мне 5 песен и получил за них 5 толстых иголок. Получив иголки, он даром сказал еще одну песню...

Другой урянхаец по имени Себек, родом из племени Ишти-Орчжак, 42 лет, живущий в устье Баян-Гола, левого притока Ак-суга, за ржаные сухари сказал мне 3 песни и 3 загадки (излагается содержание песен и загадок)» [9].

В дневнике отражены две основные темы: этнографическое описание жизни тувинского народа и русско-тувинские отношения. Тувинская тема – главная тема: описание жизни и быта тувинского народа, их религиозные верования – шаманизм и ламаизм, семейно-брачные отношения в центре внимания автора дневника.

Приведем некоторые записи. Традиционные правила общественного поведения автор дневника описывает следующим образом: «Сойоты, увидев впервые человека, пред-

лагают ему свою трубку, чтобы он наложил туда табаку. Получив табак, они закуривают трубку, и эта трубка обходит все рты.

Сойоты, подарив русскому человеку или единоплеменнику что-нибудь на память, непременно требуют отдариванья, в противном случае, легко можно в них нажать врага.

Я заметил, что сойоты благодарят или просят милости выкушать или попробовать (только при принятии пищи и курении табаку) поднесением правой руки к своему правому виску. Перед высшим начальством они становятся на колено левой или правой ноги, отставив другую ногу назад. Вообще подчиненные не имеют права сидеть так, как сидят начальники. Это право соблюдалось при мне перед джурганом на Чакуле 17 марта ухеридами и зайсанами; соблюдается и теперь во время приезда зайсанов.

Сегодня приехали на заведение новые и старые сойоты. Новые говорили мне: «Здоров ли ты? Здоров ли твой скот?» Старые спрашивали только: «Хорошо ли ты провел ночь?» (Запись от 8 июня.)

О клятве сойотов: «Клянутся собачьим навозом. Они говорят: «Пусть у меня спадут волосы от собачьего навоза, если я видел что-либо или слышал!» (Запись от 27 июня.)

Изучая (запись от 27 июня) **религиозные верования**, исследователь отмечает синтез (соединение) буддизма и шаманизма в религии урянхайского народа. Он пишет: «Из всех опрошенных мною сведений видно, что прежние шаманские верования, которые еще в настоящее время сохраняются у сойотов единоплеменников минусинских татар, теперь примешались отчасти с буддийскими религиозными верованиями, которые усердно пропагандируются в Урянхайской земле ламами или хувараками. Сегодняшний хуварак говорит: «Если лама прочитает в Священном писании, что душа умершего человека злая (худая), то она уходит в землю Ерликов, под землю. Небес считается 33, а земель только 3 слоя; ерликов 18, столько же существует и адов (тамы). Очевидно, что эти сведения хувараками заимствованы из буддийской космологии. Он, как жрец буд-

дийский, говорит, что душа шамана нигде не принимается: ни на небесах, ни в обителях ерликов; она вселяется только в камни и деревья, в медведя». (Запись от 20 мая.)

Новая форма буддизма в Урянхайском крае и ряде других регионов Центральной Азии получила название ламаизм (лама – буддийский монах или хуварак – священник).

В дневнике подробно описаны **занятия населения**. Приведем некоторые выдержки из дневника. «Мужчины у сойотов пасут скот, сеют хлеб, ходят на охоту, занимаются мастерствами; женщины шьют и починяют одежду, готовят пищу, угощают гостей и делают кошмы.

Рыбу ловят руками или убивают острогами. Птиц ловят только силками. Зверей ловят капканами или бьют пулями. Ружья получают от русских, монголов и китайцев. Ружья китайцев ценятся больше других. Порох делают сами сойоты, растирая селитру (шу), серу (кегер) и уголь (көмер). (Запись от 28 марта.)

На зиму сойоты вовсе не запасают сена для своего скота, так как он круглый год ходит на подножном корму, благодаря не глубоко выпадающему здесь снегу. Здесь серпы русские появились только недавно. Не имеющие их хлеб рвут руками или режут ножами». (Запись от 20 мая.)

А вот сведения об охоте: «Во время охоты на зверей натравливают также собак. Здесь нет вовсе бобров, зато много медведей, лисиц, рысей, зайцев, коз, оленей, маралов (лосей), белок и волков. Кабан водится только в лесах местности Джир-Джарик, находящейся в верховьях Бом-Кемчика, левого притока Улуг-Кема. Рысь и медведь ходят по тайге стадами, состоящими из 4–6 штук» (Запись от 30 мая.)

В дневнике содержится детальное описание юрты местного населения. Приведем выдержки из дневника:

«Эта юрта принадлежала зятю Ойнарского джалана, следовательно, человеку богатому. Юрта также была устлана вся кочмами. Для гостей был постлан тюфяк или матрац (кудус), находившийся в юрте

по левую сторону от входа. Хозяин юрты по имени Сендэ, получивший *от русских имя Семена Ивановича*, угостил остальных моих спутников табаком из длинной трехчетвертной трубки. В юрте нас, кроме хозяина, встретили две женщины, которые шили платье, две девицы, сучившие нитки, и четверо девочек. Прямо против дверей стоял ящик с бурханами. Шкапулки или ящики деревянные своего изделия стояли у стен решетчатой юрты в два яруса. Ящики были размалеваны красками синего, красного и черного цветов. Налево от дверей висел на перекладине кожаный мешок для кумысу. На кудусе или тюфяке, предназначенном для гостей, были начерчены синие и красные крестики. Тюфяк сделан из войлока, длиной в два и шириной в 1 аршин. Войлок обшит холстом, на котором именно и нарисованы крестики. Края тюфяка окаймлены красной материей в 2 вершка ширины. Постель положена на доски и состоит из нескольких [5, с. 314–316] слоев положенной друг на друга кочмы. Подушка – продолговатая, к публике обращенная четырехугольным своим концом. И постель, и подушка точь-в-точь, какие и поныне делаются у кочевников абаканской долины. Перед постелью постлана такая же кочма (чертеж)». (Запись от 22 мая.)

Много внимания исследователь уделяет описанию семейно-брачных отношений. Описывает все тонкости взаимоотношений между мужчиной и женщиной. **Женитьба и сватовство**. «При женитьбе никогда не крадут невест, как у минусинских татар. Предварительно сватают девицу жениховы отец и мать, привезя просо и мяса, материй и водку. Потом один день пьют водку все. На другой день возвращаются домой. Подношение «подарков» называется «тадазын», при первом посещении родителей невесты.

Пир свадебный по-сойотски называется «той». Он идет только одни сутки, как у богатых, так и у бедных». (Запись от 27 июня.)

О замужестве рассказывается следующее:

«Замуж выходят девицы только с 15-летнего возраста, но не моложе, а жениху может быть сколько угодно, даже возраст 10 лет.

Говорят, что урянхайки выходили замуж 12–13 лет и рожали благополучно. Жениться на девице, потерявшей невинность и имеющей детей, не считается преступлением. Могут сочетаться браком даже происшедшие от родных братьев и сестер. Могут также жениться два родных брата на двух родных сестрах». (Запись от 27 августа.)

Представляют интерес **записи о рождении и воспитании детей**. «Пир по случаю рождения младенца справляется в тот же год, когда младенец родится. Едят мясо, пьют вино. Дети не называют по имени ни отца, ни матери. Сойоты не обращают строгого внимания на лета и разницу лет бракосочетающихся лиц.

Говорить о половых сношениях при родителях не вменяется в большой грех детям. Дети урянхайские развиваются слишком рано как физически, так и умственно. Уже у 8–9-летнего мальчика есть достаточный запас песен о «чернобровых и милых красотках». Один урянхайский юноша при своей сестре спрашивал меня, охотник ли я до урянхайских девиц; получив отрицательный ответ, немало удивился». (Запись от 24 августа.)

«Если отец захватит сына или дочь в прелюбодеянии, то бьет их кулаками или кнутом». (Запись от 14 марта.)

Обряд похорон описан в дневнике от 28 марта. «Человека в землю не погребают. Сойот, пришедший ко мне, сказал, что сойоты не кладут своих покойников в землю, потому что народ тубинский – глупый (танак), – только его прежние великие цари, жившие вниз по Енисею, погребают в землю, а он сам, тубинский народ, этого делать не может. Когда тело покойника лежит на поверхности земли, то тело его едят сороки и вороны, но собаки не находят его, потому что покойника кладут вдали от жилых мест. Покойника к месту похорон везут обыкновенно на лошади

вдоль ее спины; один человек сидит на этой лошади и поддерживает тело покойника, а другой ведет ее под уздцы».

О продолжительности жизни
Н. Ф. Катанов пишет следующее :

«Сведения, сообщенные сегодня Ойнарцем Чапсараем, суть: старики у сойотов редко достигают семидесятилетнего возраста, а достигших ста лет вовсе не встречается». (Запись от 20 мая.)

«**Русская тема**» занимает большое место в очерках: дается характеристика различных слоев русского населения, проживающих в Урянхайском крае, рассказывается о торговых заведениях, приводится родословие купцов Бяковых, приводятся сведения и о других русских купцах и золотопромышленниках. Большой интерес представляют материалы дневника **о русско-тувинских отношениях**, их зарождении и развитии. Не остались без внимания и исследования о тувинско-китайских (монгольских) отношениях. «Слово «русский» как в наречиях минусинских и ачинских татар, так и в урянхайском передается через «орус» и «казак», потому что из русских впервые появились в Енисейской долине казаки. Это же случилось и в урянхайской земле ... и все русские торговцы говорят, что в урянхайской земле первыми по времени русскими торговцами были только казаки, ходившие для торговли в известное время на пограничный знак (Бомдабага). Появление русских здесь впервые случилось в начале шестидесятых годов». (Запись от 18 июля.)

О жизни русских людей:

«Около Кури живет Тункинский крестьянин Николай Гаврилович Томилов, у которого скотогоны берут провизию на дальний путь. У него есть тут заведение: лавка, амбары и жилые помещения. В земле дархатской есть и другие заведения». (Запись от 22 июля.)

«На заведении Л. И. Бякова высоко и издали красуется перед подъезжающими к нему русский национальный трехцветный флаг. Оказывается, что о флагах сделал распоряжение Минусинский окружный исправник, дорожащий русским именем. Флаги

украшают не только дома, но и плоты русских, заселившихся и плавающих по урянхайской земле.

Верстах в 2-3 от заведения Л. И. Бякова вниз по Кемчику, на этой же правой стороне его, находится заведение Максима Ивановича Бякова, основанное недавно.

Все Бяковы торгуют в кредит, а не на собственные деньги. Леонтий Иванович привез ныне товаров тысяч на 26 рублей. По его мнению, главную статью отпускной русской торговли составляют здесь меха, бязь и табак, а у урянхайцев получают шкуры домашних животных, масло и скот.

На зиму семьи всех торговцев выезжают в город Минусинск по первому зимнему пути, то есть в конце декабря месяца, обратно приезжают по последнему зимнему пути, то есть в конце марта». (Запись от 8 июля.)

«Прииск г. Гусева, кроме добывания золота, ведет также торговлю с сойотами, которых летом близ прииска очень много. По словам Василия Васильевича Иванова, служащего на прииске смотрителем, сойотских юрт близ прииска от 50 до 100 ежегодно. Сойоты вообще очень довольны русскими, живущими на прииске, потому что от них получают все нужное по низкой цене.

А вот характеристика тувино-китайских отношений

«Приезд китайских чиновников обходится очень дорого местным жителям: им дают от 40 до 80 подвод, готовую убранную юрту и взятки, которые подносятся не только самому чиновнику, но и всем сопровождающим его. В виде взятки идут: лошади, коровы, бараны, шкуры их и даже шерсть. Сойоты весьма обеднели за последнее время, в особенности от поборов китайских чиновников». (Запись от 18 марта.)

«Китайское начальство над урянхайцами запрещает своим подданным сноситься с русскими, выживать последних, «дабы места урянхов были чистыми». Урянхам запрещается «продавать русским лес, траву, соль и скот по низкой цене». (Запись от 20 июня.)

О русско-тувинских отношениях
Н. Ф. Катанов пишет следующее: «Сойоты

более тяготеют к русским, чем к китайцам; ибо чиновники последних разъезжают с большою свитой и много берут, а русские – одни и мало берут». (Запись от 18 марта.)

«Взаимные мирные отношения урянхайцев и русских установились в последнее время настолько прочно, что девицы урянхайские нашли возможным выходить замуж за русских».

Подведем итоги. За 36 лет трудовой деятельности Н. Ф. Катанов опубликовал 382 научных работы: по языкознанию, фольклору, литературе, истории, этнографии, археологии, нумизматике, статистике и библиографии народов Востока. Венцом его научного творчества является труд «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений к другим языкам тюркского корня». Основы этого труда, безусловно, были заложены в его научном путешествии по Урянхайской земле. Ярким свидетельством этому служат его опубликованный дневник «Очерки Урянхайской земли», в котором содержится богатый исследовательский материал по различным отраслям научных знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Радлов, В. В. Страницы дневника / Пер. с нем. К. Д. Цивиной и Б. Г. Чистовой; примеч. и послесл. С. И. Вайнштейна. – М., 1989.
2. Иванов, С. Н. Николай Федорович Катанов. (Очерк жизни и деятельности.) – М., 1973.
3. Катанов, Н. Ф. Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях / сост. С. А. Угдыжиков – Абакан, 2004.
4. Татаринцев, Б. И. Н. Ф. Катанов и его очерки Урянхайской земли // Катанов Николай Федорович. Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году. – Кызыл, 2011.
5. Катанов, Н. Ф. Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году. – Кызыл, 2011.

ЭРДЭМТО РИНЧИНОВИЧ РЫГДЫЛОН – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОГО РАЙОНА

В. Г. Дацышен

УДК 929

Статья посвящена красноярскому периоду жизни Эрдэмто Ринчиновича Рыгдылона, в той части, что была связана с изучением южной части Приенисейского края. В Красноярском крае ученый жил пять лет, из них почти два года работал в Минусинском музее. Вскоре после начала работы в Красноярске, в 1945 г., Э. Р. Рыгдылон наладил тесное сотрудничество с коллегами из Абакана и Минусинска, а с 1 октября 1947 г. он был уже принят на работу в Минусинске. За непродолжительный период жизни и работы в Красноярском крае Э. Р. Рыгдылон сделал очень много в деле изучения древней истории Южной Сибири. Уникальность штатного археолога музея заключалась в том, что он был одновременно историком-востоковедом и филологом-монголистом. Работая в Красноярском крае, Э. Р. Рыгдылон защитил кандидатскую и начал писать докторскую диссертацию, однако в марте 1949 г. он был уволен из музея и покинул Красноярский край. Огромный вклад Э. Р. Рыгдылона в развитие науки и образования в Приенисейском крае до сих пор недостаточно изучен и оценен.

Ключевые слова: Э. Р. Рыгдылон, история Южной Сибири, Красноярский край, Хакасия, Минусинск, археология, востоковедение, наука и власть в СССР, Мартяновский музей, ХакНИИЯЛИ.

В ряду исследователей Южной Сибири особое место занимает Эрдэмто Ринчинович Рыгдылон. Это была уникальная личность, как по уровню своего профессионализма, так и по вкладу в научное изучение истории южной части Приенисейского края. Сложившийся как зрелый ученый в трудные и противоречивые 1930-е гг., он прошел сталинские репрессии и передовую Великой Отечественной, но, выйдя из госпиталя, фактически инкогнито, вернулся в большую науку.

Красноярский период в биографии Э. Р. Рыгдылона был не очень продолжительным, всего пять лет, из них меньше двух лет он работал в Минусинском музее. Время изучения древностей юга Красноярского края, в состав которого тогда входила и Хакасия, было одним из самых ярких и плодотворных периодов в биографии ученого. В тяжелейшие годы войны и послевоенной разрухи Э. Р. Рыгдылон везде в нашем крае был или первым, или единственным. Но, как справедливо отмечают исследователи, «за последние 50 лет после смерти Э. Р. он оказался полностью забытым. О нем ничего не

знают ни монгольские, ни российские исследователи» [1, с. 159]. Годы жизни Э. Р. Рыгдылона были неизвестны даже составителям вышедшего в 2003 г. в Петербурге «Словаря репрессированных востоковедов» [2]. Столетний юбилей со дня рождения ученого стал поводом для восстановления имени, в Бурятии и Иркутске прошли персональные выставки памяти Э. Р. Рыгдылона. В Красноярске память об этом исследователе сохраняли работники Краеведческого музея [3], и в последнее время имя Эрдэмто Ринчиновича все чаще стало звучать в работах абаканских и красноярских историков [4; 5; 6, с. 183].

Эрдэмто Рыгдылон родился в 1906 г. в семье учителя в улусе Кусота современного Хилокского района Читинской области. Он рано осиротел, и лишь в 14-летнем возрасте смог пойти в школу, а затем окончил Бурят-монгольский педтехникум. В 1930 г. Э. Р. Рыгдылон распределился преподавателем начальной школы, но затем был направлен на монгольское отделение Ленинградского восточного института. В 1931–1932 гг. он проходил

учебно-производственную практику в Монголии и там же женился на своей сокурснице по педтехникуму, Н. Г. Назаровой. Получив лингвистическое образование, Э. Р. Рыгдылон сначала поступил в аспирантуру к археологу Г. П. Сосновскому, принимал участие в археологических экспедициях. В Ленинграде Э. Р. Рыгдылон под руководством будущего академика С. А. Козина закончил в 1936 г. работу над кандидатской диссертацией «Монгольские летописные источники по истории монголов конца XII века».

Но карьера молодого успешного исследователя была на время прервана, в 1937 г. он был исключен из партии, в апреле 1938 г. арестован и после долгих месяцев следствия осужден по антисоветской статье. Арест Э. Р. Рыгдылона был каким-то образом связан восходящей звездой отечественной археологии, будущим академиком с А. П. Окладниковым. Накануне Эрдэмто Ринчинович, будучи редактором книги А. П. Окладникова «Очерки западных бурят-монголов», подписал выход в свет этой книги. До сих пор не ясно, что в конечном итоге привело к аресту, поддержка Э. Р. Рыгдылоном А. П. Окладникова или его критика. В «Очерках западных бурят-монголов» упоминались имена ученых, уже объявленных врагами народа. Отмечая достоинства книги в своей рецензии, Эрдэмто Ринчинович отметил «многочисленные и существенные недостатки» [7, с. 170]. И в дальнейшем, после войны, отношения между двумя учеными были противоречивыми. С одной стороны, А. П. Окладников публично признавал достижения Э. Р. Рыгдылона, сотрудничал с ним, но исследователи личного архива Эрдэмто Ринчиновича отметили: «Внешне это были дружественные отношения, но в так называемых определенных рамках» [7, с. 171].

В декабре 1939 г. Э. Р. Рыгдылон был осужден по «антисоветской» статье на 3 года лагерей и отбыл остаток срока в Солекамске Пермского края. Реабилитирован ученый был уже после смерти, и в партии большевиков-коммунистов он больше никогда не состоял.

Перед войной Э. Р. Рыгдылон был освобожден из лагеря, а в декабре 1941 г. был мобили-

зован в действующую армию. После тяжелого ранения под Ржевом в ноябре 1943 г. он получил инвалидность и по окончании лечения в эвакогоспитале под Москвой, в декабре 1944 г., распоряжением Наркомпроса был направлен на работу в Красноярский пединститут.

Говоря о приезде Э. Р. Рыгдылона в Красноярск, следует отметить, в это время сложилась ситуация, когда научно-педагогические кадры не очень жаловали город на Енисее, при первой же возможности покидали его. В частности, в составленной в феврале 1944 г. справке о состоянии научно-исследовательской работы в вузах края говорилось: «...Все это создает среди научных работников настроение неудовлетворенности условиями работы в Красноярске и стремление при первой возможности уехать отсюда. Эти настроения подогреваются реэвакуировавшимися из Красноярска специалистами, сравнивающими в своих письмах отношение к работникам науки в Красноярске с отношением, имеющим место в других краях и областях Союза к профессорско-преподавательскому персоналу вузов» [8, с. 272]. О нетерпимости сложившейся в Красноярске ситуации говорит тот факт, что в мае 1944 г. сами научные работники Красноярска обратились с докладной запиской по этому поводу в ЦК ВКП(б).

Однако Э. Р. Рыгдылон не стал отказываться от работы в Красноярске, он ехал в город, который не был для него чужим, который сулил новые открытия для соскучившегося по науке уже немолодого ученого. Красноярский край был давно знаком Эрдэмто Ринчиновичу. Исследователи отмечают: «Главным событием «верхнеудинского» периода жизни Э. Р. Р. стало его участие во время летних каникул в 1929 г. в археологической экспедиции Г. П. Сосновского... в раскопках при арх. экспедиции АН в Енисейском районе...» [7, с. 169]. Та поездка начинающего ученого в Красноярский край не была случайной, еще раньше здесь же, в Красноярском крае, начал свою трудовую деятельность и путь в науку учитель Э. Р. Рыгдылона известный советский археолог Г. П. Сосновский. И вообще, еще начиная с XVIII в. до конца 20-х гг. XX в. Приенисейский

край был ведущим центром становления и развития российской археологии.

В 1942 г. до берегов Енисея дошло и высшее историческое образование, был открыт исторический факультет. С конца 1944 г. Э. Р. Рыгдылон начал работать в Красноярском пединституте, он читал курсы истории Востока, археологии, музееведения. В тяжелые для страны 1940-е значение Э. Р. Рыгдылона для Красноярского края невозможно переоценить, этот энциклопедически образованный человек стал знаковой фигурой гуманитарного образования и науки. Исследователи отмечают: «...Красноярск на долгие годы остается фактически без «своего» археолога... Только после Великой Отечественной войны несколько лет в Красноярском краеведческом музее работает Э. Р. Рыгдылон... После его отъезда дело с археологическими исследованиями красноярских археологов вообще встало...» [9, с. 27]. При этом он был единственным за всю историю Красноярска археологом, который читал средневековые монгольские тексты и переводил енисейскую рунику. Не случайно именно востоковед Э. Р. Рыгдылон и стал основателем первой в Красноярске кафедры всеобщей истории, которая в августе 1946 г. была открыта на историческом факультете пединститута.

Устроившись работать по совместительству в Красноярский краеведческий музей в конце 1944 г., уже летом 1945 г. Э. Р. Рыгдылон выступил организатором археологической экспедиции на юг Красноярского края. В архиве красноярского музея сохранился «Список студентов Красноярского Педагогического Института, едущих в Минусинск на раскопочные работы от Красноярского Краевого Музея»¹. В списке были указаны 10 студентов, с росписями за «плату за работу».

С 1945 г. Э. Р. Рыгдылон наладил тесное сотрудничество с коллегами из Абакана и Минусинска, что подтверждается хранящимся в фондах Хакасского научно-исследовательского института языка, лите-

ратуры и истории (ХакНИИЯЛИ) «Отчетом о научной командировке в г.г. Абакан и Минусинск»². Историк из Красноярска пишет: «Я был в командировке в г. Абакан для участия в работе научной конференции Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, посвященной 15-й годовщине образования Хакасской автономной области. Конференция проходила в актовом зале Абаканского педагогического института с 10 по 16 декабря 1945 г. Я приехал в Абакан утром 15 декабря (возможна опечатка. – В. Д.) и имел возможность в общих чертах познакомиться с работой института по опубликованным в печати материалам и из бесед с сотрудниками и главным образом с директором института тов. Н. Г. Доможаковым. Хакасский научный исследовательский институт организован год тому назад...»³. Далее отмечалось: «По окончании конференции я поехал в Минусинск для работы с архивом сибирского ученого И. Т. Савенкова... Кроме того, ХакНИИЯЛИ поручил мне написать работу по каменному веку Приенисейской долины... считаю нужным привести вкратце описание его архива... Из его архива я отобрал для обработки 21 дело»⁴.

Приезд Э. Р. Рыгдылона и открывавшиеся перспективы сотрудничества были очень важны для ХакНИИЯЛИ, директор Н. Г. Доможаков в своей статье «Центр научной мысли» писал: «...насколько сложны научные проблемы, стоящие перед институтом. Ясно, что для разрешения их требуется большая помощь со стороны Академии Наук СССР... у нас нет специалистов по истории, литературе и этнографии. Их нужно готовить... Научные работники института добиваются, чтобы научно-исследовательский институт языка, литературы и истории Хакасии стал равноправным членом в семье

¹ НА ККМ. Оп. 2. Д. 96. Л. 8.

² Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ (РФ ХакНИИЯЛИ). И-3. Оп. 1. Д. 312.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Там же. Л.1.

научно-исследовательских институтов братских республик великого Советского Союза»¹.

Уже по приезду на конференцию в конце 1945 г. Э. Р. Рыгдылон вступил в сотрудничество с хакасскими учеными. В отчете он записал: «...для сравнительного изучения по просьбе тов. Шибаевой я написал термины родства и свойства у бурят...»². За кратковременный период посещения Абакана и Минусинска в конце 1945 г. Э. Р. Рыгдылон договорился о приезде весной 1946 г. в Красноярск местных ведущих ученых: «Отдельные работники Минусинского музея и института изъявили желание дать следующие доклады: В. П. Левашева... А. Н. Соколова... А. Н. Липский... Н. Г. Доможаков... Т. Ф. Маркова...»³ Заметным свидетельством сотрудничества Э. Р. Рыгдылона с хакасскими учеными стало то, что бывший директор музея П. И. Каралькин и ученый секретарь института Ц. Д. Номинханов предложили ему пользоваться фондами своих личных архивов и библиотек.

Сотрудничество Э. Р. Рыгдылона с абаканскими и минусинскими учеными отражено в его письме к директору ХакНИИЯЛИ Н. Г. Доможакову: «Насчет гонорара боюсь Вам написать. Дело в том, что найти «каменный» материал и написать работу – это вообще неблагодарный труд. Это необычная тема работы. Поэтому я полагаю, что Вы учтете эту сторону дела и с Вашим мнением приедете к нам для участия в работе совещания, тогда мы договоримся. Еще к Вам и Петру Ивановичу, очень кстати его письмо получил сегодня, за что очень благодарен, хочу сообщить, что я Альберта Ник. просить поручить к.-нибудь в Минусинском музее записать место находок четвертичной фауны до мартовского совещания, т. к. мы могли бы, сообразуясь с данными животного мира, наметить маршруты летних поисков следов жизни человека кам. века, ибо др. данных очень мало. Прошу посоветоваться с В. П. Левашовой... Наконец, прошу передать мой самый теплый привет Вашим сотрудникам.

¹ Красноярский Рабочий. – 1945. – 27 октября.

² РФ ХакНИИЯЛИ. И-3. Оп. 1. Д. 312. Л. 7 об.

³ РФ ХакНИИЯЛИ. И-3. Оп.1. Д. 312. Л. 10 об-11.

Я с удовольствием вспоминаю всех членов Вашего трудового коллектива. С уважением жму Ваши руки. Рыгдылон»⁴.

Уже при первом же посещении Абакана в конце 1945 г. Э. Р. Рыгдылон отметил значение ХакНИИЯЛИ для всего большого Красноярского края: «Этот молодой институт пока единственное научно-исследовательское специальное учреждение в крае, который заслуженно претендует стать более солидным учреждением при поддержке вышестоящих организаций...»⁵ Вообще, «Отчет о научной командировке сотрудника Красноярского краевого музея Рыгдылона» стал первым исследованием по истории недавно открытого ХакНИИЯЛИ. В нем же показана текущая работа: «Затем институт собирает материал для составления истории хакасского народа с древнейших времен до сегодняшнего дня; планируется большая пяти-, шеститомная работа с разделами: Хакасия до монгольского завоевания; от монгольского завоевания до Великой Октябрьской социалистической революции; после Октябрьской революции до образования автономной области и сегодняшнего дня. Эта история должна иметь в качестве приложения большие альбомы по истории материальной культуры. По этнографии, по искусству...»⁶.

Не обошел Э. Р. Рыгдылон своим вниманием Хакасский областной краеведческий музей: «Два слова о музее в Абакане... Отдела истории в музее нет... к тому времени, когда будет построено здание музея, должен быть подготовлен хороший исторический отдел»⁷. Стоит отметить оценку Э. Р. Рыгдылоном фундаментальной работы выдающегося хакасского ученого Н. Ф. Катанова «Опыт исследования урянхайского языка» – «огромный энциклопедический труд не только по тюркским и монгольским языкам, но и по истории»⁸.

⁴ Там же. И-3. Оп. 1. Д. 312. Л. 5.

⁵ РФ ХакНИИЯЛИ И-3. Оп. 1. Д. 312. Л. 11.

⁶ НА КККМ. Оп. 2. Д. 96. Л.11.

⁷ РФ ХакНИИЯЛИ. И-3. Оп. 1. Д. 312. Л. 3.

⁸ НА КККМ. Оп. 5. Д.96. Л. 13.

Указанный выше «Отчет» Э. Р. Рыгдылона является документом, отразившим уровень исторических исследований на юге Красноярского края и существовавшие на то время планы и перспективы развития исторической науки в Абакане. Например, в части анализа прозвучавших на конференции докладов и связанных с ними дискуссии Э. Р. Рыгдылон писал: «Конференция начала работу с заслушивания доклада секретаря обкома ВКП(б) т. Афонасьева «О пятилетию Хакасской автономной области»... был заслушан доклад зав. отделом истории института тов. А. Липского (канд. биологических наук) на тему «К вопросу о происхождении хакасов». Докладчик на основе литературных источников... и своего исследования по антропологии сделал интересный доклад... Выступавшие по докладу тов. Липского указывали, что взятый докладчиком материал очень обширен... достаточно глубоко не мог быть изученным и освещенным в одном докладе... Затем конференция заслушала доклад старшего научного сотрудника института кандидата исторических наук тов. В. П. Левашевой «О ремесле и торговле в древнем хакасском государстве». Доклад тов. Левашевой отличался конкретностью и богатством исторического материала... Доклад тов. Федорова показал, как тщательное изучение небольшого на внешний взгляд вопроса дает основание для больших научных выводов. Далее был заслушан доклад тов. Ю. А. Шибяевой, старшего научного сотрудника института, «О пережитках родового строя у хакасов»... Методологическая подготовка докладчика чувствуется достаточная... 14 декабря 1946 г. был заслушан доклад на тему «К вопросу о развитии долгих гласных на хакасском языке» – ученого секретаря института – кандидата филологических наук т. Ц. Д. Номинханова... Очень ценный высоконаучный доклад много проиграл ограниченностью примеров из хакасских диалектов... «Китайский дом» Результаты раскопок 1945 года... Первое сообщение сделал бывш. директор Абаканского музея, демобилизованный из рядов Красной Армии

тов. Каралькин... Далее выступил директор Абаканского музея тов. А. Н. Липский, который сообщил об открытии второго дома...». Э. Р. Рыгдылон делает выводы: «Если позволительно вкратце подытожить работу конференции, то следует сказать, что вопросы узкоформулированные в специальные доклады дали больше результатов, чем большие доклады до конца еще не доработанные...»¹.

В Отчете о командировке на юг Красноярского края Э. Р. Рыгдылон сделал очень важное замечание: «Научная история Хакасии имеет значение более широкое, т. к. культуры ее древних обитателей имели влияние на разные народы СССР... изучение далекое прошлое Хакасии имеет общесоюзный интерес»².

Посещение Абакана оставило у исследователя Э. Р. Рыгдылона самые хорошие впечатления. В своем «Отчете о декабрьской конференции 1945 года» он написал: «Все присутствующие разошлись с конференции с полной уверенностью в том, что это начало большой научной работы коллектива, в котором молодая научная интеллигенция Хакасии работает наравне с русскими товарищами»³. Хакасские ученые не просто остались довольны знакомством с Эрдэмто Ринчиновичем, но и сразу же пригласили его к тесному сотрудничеству. В письме директора ХакНИИЯЛИ Н. Г. Доможакова на имя директора Красноярского музея И. Л. Нейтмана от 20 декабря 1945 г. говорилось: «Институт просит разрешить... научному работнику тов. Рыгдылону вести работу по тематике нашего ин-та. Благодарим Вас за посылку тов. Рыгдылона на нашу сессию, ибо тов. Рыгдылон принял весьма активное участие»⁴.

Годы, проведенные ученым в лагерях, на фронте, в госпиталях, и даже погружение в археологию Приенисейского края не заставили Э. Р. Рыгдылона отказаться от

¹ НА КККМ. Оп. 5. Д. 60. Л. 2.

² Там же. Оп. 5. Д. 60. Л. 1–15.

³ Там же. Оп. 5. Д. 60. Л. 1–15.

⁴ ГАКК. Ф.р-2217. Оп.1. Д. 129. Л. 5об.

завершения своей работы по средневековой истории монголов. После окончания Великой Отечественной, с восстановлением мирной жизни 40-летний ученый возвращается к своей диссертации, на время отложив запланированную работу в Хакасии. В письме Н. Г. Доможакову он отмечает: «Н. Г., может быть, я поеду в Москву. Поэтому прошу пока денег не переводить»¹.

Своим приездом в Ленинград Э. Р. Рыгдылон немало удивил коллег и знакомых, давно «похоронивших» репрессированного ученого. Диссертация, работа над которой была завершена еще в 1936 г, чудом сохранилась, но потребовались огромные усилия для того, чтобы в кратчайшие сроки закрыть образовавшиеся за десять лет «пробелы». В письме директору Красноярского краеведческого музея от 22 февраля 1946 г. Э. Р. Рыгдылон пишет: «Дорогой Иосиф Львович. Так много нового, интересного... Дни и ночи сижу над диссертацией. Так много материалов и книг, боюсь не хватит времени. Очень редко бываю в музеях...»². Триумфальная защита кандидатской диссертации Э. Р. Рыгдылона состоялась 31 мая 1946 г., отмечали защиту историки-востоковеды на квартире Анны Ахматовой и Л. Н. Гумилева.

Отработав летний сезон 1946 г. в районе Красноярска, на следующий год Э. Р. Рыгдылон отправился на юг Красноярского края, в Хакасию. Исследователь Н. П. Макаров отмечает: «В полевом сезоне 1947 года Рыгдылон по заданию Минусинского и Красноярского музеев работает на юге края. Маршрут экспедиции первоначально проходил по р. Абакан от д. Белояр...»³.

В «Смете археологической экспедиции на 1947 г.» был такой пункт «5». Для производства раскопочной работы в Копенах (Минусинск) требуется: а) на оплату 3 научн. работникам в течение 3 недель... б) на оплату 4 рабочим в течение этого времени... в) транс-

портные расходы... итого – 7700»⁴. Экспедиция летом 1947 г. состоялась в несколько ином формате. В «Предварительном отчете о работе археологической экспедиции Красноярского Краевого Музея летом 1947 года» говорилось: «Несмотря на короткий срок полевой работы (около одного месяца), экспедицией проделана значительная работа, которая протекала в следующих пунктах. I. АБАКАН. 1) Поиски следов жизни людей каменного века в районе горы Изых... мною был осмотрен весь правый берег Абакана, начиная от деревни Белояр... до залива Заварковского... 2) Раскопка «кухонной кучи» времени Карасукской культуры... 3) Экскурсия на берег реки Абакан... II. Ст. Шира. 1) Поиски могил «таштыкского» типа в районе ст. Шира... 2) раскопка кольцевидных в плане могид... III. Курорт Шира. 1) «Долина смерти»... 2) «Ширинские писаницы»... 3) «Каменные бабы»...»⁵.

В ноябре 1947 г. Э. Р. Рыгдылон получил аттестат доцента и почти одновременно диплом кандидата наук. Как написал его ученик В. В. Свинин: «С триумфом возвращался Э. Р. Рыгдылон в Красноярск... Вместо радости получил огорчение: ставки его сократили с октября 1947 г. Красноярскому пединституту он был не нужен... Рыгдылон из Красноярска отправился в административную ссылку в Минусинск, где устроился научным сотрудником краеведческого музея» [10, с. 158–159]. Исследователи личного архива Э. Р. Рыгдылона написали: «...из-за отмены читаемых курсов в Педагогическом институте, как необязательных, Эрдемто Ринчинович перешел на другую работу в Минусинский музей им. Н. М. Мартыанова на ставку... которая освободилась после отъезда В. П. Левашовой в Москву» [7, с. 172].

Здесь следует оговориться, детали переезда из Красноярска в Минусинск еще недостаточно изучены. Исполнять обязанности заведующего кафедрой всеобщей истории уже весной 1947 г. стал только что прибывший в Красноярский пединститут специ-

¹ РФ ХакНИИЯЛИ. И-3. Оп. 1. Д. 312. Л. 3.

² НА КККМ. Оп. 5. Д. 96. Л. 13.

³ Макаров Н. П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижности. – Красноярск, 1989. – С. 157.

⁴ НА КККМ. Оп. 5. Д. 60. Л. 1–15.

⁵ Там же. Оп. 5. Д. 60. Л. 1–15.

алист по языкам и культуре народа маори в Новой Зеландии А. И. Блинов. Последняя из найденных записей в документах педагогического института, где упоминается Э. Р. Рыгдылон, относится к материалам Ученого совета КГПИ за 30 сентября 1947 года. В документе читаем: «Качество преподавания по некоторым дисциплинам проводилось на недостаточно высоком идейно-теоретическом уровне (история средних веков – Морозов, новая истории народов Востока – Рыгдылон, истории нового времени – Погонкин)»¹. С 1 октября 1947 г. Э. Р. Рыгдылон был уже принят на работу в Минусинске.

Сложно говорить о причинах переезда Э. Р. Рыгдылона из Красноярска в Минусинск. Исследователь из Абакана предполагает: «Причина, вероятно, кроется в очередной политической кампании, развязанной в стране в эти годы» [4, с. 222]. Автор, вероятно, имеет в виду ту общую атмосферу, которая сложилась в стране после окончания Великой Отечественной войны. Изменения нашли свое отражение на страницах газет тех лет. Например, если в 1945 г. в «Красноярском рабочем» нередко печатались материалы об историческом прошлом Красноярского края, то в 1947 г. из номера в номер шел материал об И. В. Сталине, его гениальности. Партийные руководители обрушили критику на всю местную культуру. Интеллектуальные силы Красноярского пединститута, где работал Э. Р. Рыгдылон, как и всего Красноярска, в 1947 г. были брошены на обсуждение трудов И. В. Сталина.

Вообще, историки, судя по всему, у властей не были в любимчиках. Например, в «Красноярском рабочем» целый лист отдали под материал «Здесь готовят кадры народных учителей» [11], в котором рассказывалось про пединститут, но об историках не упоминалось. Внутри пединститута критиковали за «недостаточно высокий идейно-теоретический уровень» во всем институте только тех, кто преподавал историю стран Запада и Востока. Газеты замалчивали историков, хотя исторический факультет был

самым большим в пединституте, и по количеству научных тем, которые вели преподаватели, больше всего было исторических. В информационной заметке о III научной сессии Красноярского государственного педагогического института в марте 1947 г. в «Красноярском рабочем» говорилось лишь о двух секциях – «физико-математической» и «биологической» [12]. При этом в документах самого пединститута мы читаем: «На 3-й научной сессии Красноярского педагогического института в марте 1947 года были заслушаны сообщения по 20 научно-исследовательским темам... 1. «Новейшие археологические данные в приенисейских пещерах» (канд. наук Рыгдылон Э. Р.)...»².

Сложная ситуация в 1947 г. сложилась вокруг Красноярского краеведческого музея. Общие недостатки и бедность, в которой пребывал музей, были использованы для массовой критики за недостаточную пропаганду И. В. Сталина и успехов социалистического строительства. Опубликованная в «Красноярском рабочем» статья начиналась со слов: «Странное впечатление овладевает посетителем Красноярского краевого музея после того, как он пройдет хотя бы половину первого зала... особенно нетерпимой является небрежность, проявленная при отражении событий, связанных с пребыванием в пределах бывшей Енисейской губернии гениев революции – Ленина и Сталина... Музей явно не справился с ответственной задачей, не сумел отразить исторические события, связанные с именами величайших людей всех времен и народов – Ленина и Сталина...» [13].

Возможно, причина отъезда заключалась в том, что Э. Р. Рыгдылон не вписывался в чиновничье-бюрократическую систему, не терпевшую «выскачек». Ученый не боролся с системой, просто в нее не вписывался. Показательный пример еще из благополучного 1945 г., когда директор Красноярского краеведческого музея заканчивает свою статью в газете «Красноярский рабочий» в 1945 г. словами: «Когда обозреваешь зал геологии – становится ясным, какие блестящие перспек-

¹ ГАКК. Ф.р-2217. Оп. 1. Д. 129. Л. 5об.

² Там же.

тивы у нашего края!» [14] Но следом в этой же газете выходит статья сотрудника музея Эрдэмто Рыгдылона, которая начинается со слов: «Недра нашего края богаты не только полезными ископаемыми. Они таят в себе также следы древних людей, населявших край в самые отдаленные времена...» [15] В 1945 г. подобная «выходка» не имела последствий, эпоха была такая, да и с И. Л. Нейтманом Э. Р. Рыгдылон, судя по всему, был в хороших отношениях. Но в 1947 г. была уже другая атмосфера, и директор в музее – другой.

Таким образом, партийное руководство в Красноярске демонстрировало незаинтересованность в Э. Р. Рыгдылоне, что, в общем-то, не удивительно, так как ученый-востоковед и археолог никак себя не проявил в изучении «гениальных трудов И. В. Сталина». При этом не удалось найти документов, которые хотя бы косвенно говорили об его антисоветских взглядах, тем более о прямом противостоянии режиму. «Беда» ученого была в том, что его уровень, как и авторитет в научном мире, позволял вести относительно независимый образ жизни.

По поводу перспектив работы в Минусинске Э. Р. Рыгдылон особых иллюзий тоже питать не мог. Показательной представляется опубликованная в газете «Красноярский рабочий» заметка «Музею имени Мартьянова 70 лет». Вот ее дословный текст: «Второго марта исполняется 70 лет со дня основания старейшего в крае Минусинского краеведческого музея имени Н. М. Мартьянова. Музей стал любимым местом посещения горожан. Минусинцы немало потрудились, чтобы обогатить его залы экспонатами животноводства и растительного мира, коллекцией полезных ископаемых минусинской зоны. Количество экспонатов увеличилось с 1352 на день организации музея до 106901 в нынешнем году. Втрое увеличился книжный фонд библиотеки, которой пользовались В. И. Ленин и Н. К. Крупская, отбывавшие ссылку в с. Шушенском. Большую научную и пропагандистскую работу проводит сейчас коллектив сотрудников во главе с директором музея т. Макаровой. Открыт ряд выставок, в

частности, по разделам «Полезные ископаемые Минусинского района», «Основы дарвинизма» и другим. Готовится к обозрению капитальная экспозиция на тему «Пятилетка Минусинского района». Для экспозиции собраны сельскохозяйственные продукты, а также предметы широкого потребления, над выпуском которых сейчас работает местная промышленность. Одновременно готовится выставка работ минусинских художников» [16]. Как мы видим, древняя и средневековая история края не входила в приоритеты вышестоящего начальства.

Несмотря ни на что, отъезд в Минусинск давал шанс. Освободилась должность археолога в старейшем музее Сибири с его богатыми традициями и богатейшим материалом. Кроме того, совсем рядом, в Абакане, был еще один краеведческий музей, педагогический институт с истфаком и, конечно же, ХакНИИЯЛИ, уже хорошо знакомые Э. Р. Рыгдылону. Подальше от партийного начальства, рвущегося выполнять сталинские пятилетки в индустриальном Красноярске, и поближе к маленькой национальной автономии, где можно было рассчитывать и на финансирование, и на поддержку общественного мнения.

В книге приказов по Минусинскому музею за 1947 г. сохранилась запись: «Рыгдылона Эрдэмто Ринчиновича с 1-го октября зачислить ст. научным сотрудником и археологом музея»¹. Можно отметить, что одновременно с Э. Р. Рыгдылоном 4 октября 1947 г. на работу в Минусинский музей приняли работать на должность художника известного сегодня всем А. Г. Поздеева. С 1 ноября 1947 г. на Э. Р. Рыгдылона были возложены обязанности ученого-реставратора².

Тот 1947 г. был неординарным в истории Минусинского музея, по крайней мере, в отношении состава сотрудников. По штатному расписанию на 1947 г. было утверждено 29 человек. В музее высшее образование имели четыре человека, и еще один – непол-

¹ Архив Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова (АМКМ). ОП. 1. Д. 1083. Л. 13.

² Там же. Л. 17.

ное высшее¹. Через год с высшим образованием останется два человека. В 1948 г. в Минусинском краеведческом музее сохранились все 21 бюджетные ставки, включая уборщиц. Р. Э. Рыгдылон занимал единственную ставку археолога с окладом в 500 рублей. Оклад его был на 100 руб. меньше, чем у директора, Т. Ф. Марковой, но больше, например, чем у бухгалтера или завхоза. Кроме директора, больше, чем у Э. Р. Рыгдылона, ставки были только у художника А. Г. Поздеева и библиотекаря, вероятно, комсомолки, О. А. Марковой. Музей отличался текучестью кадров, в одной объяснительной записке мы читаем: «Ввиду отсутствия средств на счете в госбанке, не выдана зарплата списочному составу за 2-ю полов. декабря 1948 года в сумме 3753 руб. Кроме того, был недокомплект штата, отсутствие единиц: зав. отделом истории с окладом 500 руб. 4 м-ца. зав. отд. соц. строит. с окладом 500 руб. 3 м-ца...»². На 1 января 1949 г. из 27 человек в музее 11 человек работали меньше года, а больше двух лет стажа было только у пятерых работников. Указанный уже выше художник А. Г. Поздеев проработал в музее всего около года, несмотря на то, что имел самую высокую в музее зарплату, и перешел на работу в ремесленное училище.

Необходимо отметить, из общего числа 17 сотрудников музея на 1 января 1949 г. Э. Р. Рыгдылон был единственным представителем не русской национальности. Он был не только единственным остепененным, но одним из двух сотрудников, вообще имевших высшее образование, даже директор музея имела лишь среднее образование. Среди четырех заведующих отделами музея лишь двое имели среднее образование, заведующий отделом истории К. И. Зубин имел восемь классов, а зав. фондами – шесть классов образования.

В Минусинск Э. Р. Рыгдылон приехал «не с пустыми руками», в отчете музея за 1947 г. есть запись: «Археологом т. Э. Р. Рыгдылон проведены археологические обследования

в Ширинском районе и по речке Бирюса – стоянка»³. И на первое время надежды на поддержку в работе, казалось бы, оправдывались. В конце 1947 г. в «Комитет полевого исследования Института истории материальной культуры Академии Наук СССР» за подписью директора Мартъяновского музея было направлено письмо: «Минусинский музей им Н. М. Мартъянова в 1948 году должен производить поиски памятников каменного века с ранней весны и исследовать отдельные писаницы и надписи, расположенные над реками, до вскрытия их. Поэтому Минусинский музей просит заслушать отчет нашего археолога тов. Э. Р. Рыгдылона о проделанной им работе и разрешить ему выдачу открытого листа на производство археологических разведок в Минусинской котловине с марта 1948 г., имея уже на руках выданный Вами открытый лист»⁴. В книге приказов по Минусинскому музею зафиксирована запись от 15 ноября 1947 г.: «Согласно заявлению Э. Р. Рыгдылон дать отпуск с сохранением содержания с 16 ноября по 15 декабря в связи с командировкой его в Москву – Ленинград как участника экспедиции Академии Наук СССР для отчетности»⁵.

Поездка в Ленинград была более чем успешной. На это указывают «Выписка из протокола заседания Сектора Палеолита и Неолита от 10/1-48 г.» и «Выписка из протокола сектора Бронзы и раннего железа ЛОИИМК». В первом документе мы читаем: «2. Сообщение Э. Р. Рыгдылона о находках на Енисее. II. Тезисы доклада. 1. История исследования памятников каменного века на Енисее. 2. О разведывательных работах и осмотре памятных для археологии памятников (Афонтова Гора, Кирпичный завод, Лодейка и др.). 3. О разведывательных раскопках «Новой пещеры» и стоянки каменного века на реке Бирюсе (демонстрация фотографий и чертежей). 4. О рекогносцировочных поездках в р-н станции Ширы и г. Изых. 5. О планах археологической работы Минусинского

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 15.

⁵ Там же. Д. 1083. Л. 17об.

¹ АМКМ. Оп. 1. Д. 622. Л. 2.

² Там же.

музея по поискам памятников каменного века в Хакасско-минусинских районах». Здесь же зафиксировано мнение А. П. Окладникова: «Сектору надлежит отметить значение работы Э. Р. Рыгдылона на Енисее и оказать ему максимальную поддержку, а также отблагодарить за сделанное сообщение»¹. Во втором документе было написано: «Заслушав сообщение тов. Рыгдылона, сектор считает необходимым продолжение разведочных и раскопочных работ Э. Р. Рыгдылона в Минусинском крае. Особенно интересными объектами являются могилы с каменными кольцами у оз. Шира и древнее поселение у г. Изых»².

Из Ленинградского отделения Института истории материальной культуры на имя заведующего отделом пропаганды Красноярского крайкома ВКП(б) и копией на имя директора Минусинского музея в январе 1948 г. было направлено письмо за подписью члена-корреспондента АН СССР В. Г. Равдоникаса: «В Ленинградском отделении Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР заслушан доклад археолога – Э. Р. Рыгдылона о его археологических разведках в долине Енисея. Учитывая значительный научный интерес обнаруженных им памятников для археологии Красноярского края и Сибири в целом, просим Вас оказать ему необходимое содействие в продолжении этих исследований»³.

Командировка длилась больше запланированных сроков. Согласно книге приказов, лишь 20 февраля 1948 г., по возвращению «из командировки по ангарской экспедиции»⁴, Э. Р. Рыгдылон приступил к работе в музее.

Работая в Минусинске, основное внимание Э. Р. Рыгдылон уделял научно-исследовательской деятельности, занимаясь археологическими разведками. Новый полевой сезон Э. Р. Рыгдылон начал уже в мае 1948 г., в отчете читаем: «В мае месяце во время краеведческого выезда на р. Оя проведены

раскопочные работы, в результате этих работ найдено 381 предмет, главным образом из камня... зарегистрировано впервые на р. Ое памятник эпохи камня»⁵.

Далее последовала большая экспедиция. В приказе по музею от 12 июня 1948 г. говорилось: «Археолога Э. Р. Рыгдылон с 14 июня по 15 июля с/г. считать в командировке в р-ны Минусинский, Артемовский и Курагинский по проведению научно-исследовательской археологической работы (обследование, учет и раскопки памятников материальной культуры)»¹. В отчете о работе музея за 1948 г.: «5. В июне и июле м-цах с/г. проведена археологическая экспедиция по р. Тубе в составе 4 человек: археолога, фотографа, 2-х рабочих. В результате собрано 2096 предметов... Зарегистрировано и заснято на 11 пунктах более 100 наскальных изображений... Кроме того, осмотрено более 1060 курганов тагарской культуры ... раскопано 6 земляных курганов и добыто 10 бронзовых предметов...»⁶. С этой экспедиции он вернулся 25 июля.

В том же году Э. Р. Рыгдылон работал и в Хакасии. На основании коллекций, сданных в 1948 г. в фонды Минусинского музея, исследователи делают вывод о том, что «в пределах тогдашней Хакасской автономной области были проведены сборы древних каменных артефактов в следующих пунктах: 1) на дюнах у п. Смирновка... 6) на дюнах у дер. Старый Сарагаш» [4, с. 223]. Кроме того, в 1948 г. Э. Р. Рыгдылон съездил в Туву для сбора археологических материалов и поисков письменных памятников.

В стенах Мартыановского музея Э. Р. Рыгдылон сотрудничал с ведущими учеными Советского Союза. Профессор Ленинградского университета член-корреспондент АН СССР С. Е. Малов написал в редакцию газеты «Красноярский рабочий»: «...в августе 1948 года я был в музее во второй раз... Мне надо было изучить теперь вновь поступившие памятники с надписями для своей будущей работы с текстами... Весь административно-научный состав музея ведет чрезвычайно

¹ АМКМ.Оп. 1 Д. 625. Л. 7.

² Там же. Л. 6.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 25.

⁵ Там же. Д. 477. С. 46. Л. 2об.

⁶ Там же. Л. 4. Л. 23об.

полезную научную работу. Я был на заседании ученого совета музея, где обсуждался доклад научного сотрудника музея археолога, кандидата филологических наук Э. Р. Рыгдылона. Я чувствую большую и приятную обязанность выразить глубокую благодарность, в лице директора Т. Ф. Марковой, всему составу сотрудников за полное содействие мне в моей работе в музее»¹.

В Минусинске Э. Р. Рыгдылон продолжил начатую в Красноярске работу с детьми, активно занимался общественно-пропагандистской деятельностью в сфере краеведения. Уже 20 апреля 1948 г. он в качестве руководителя археологического кружка участвовал в совещании руководителей секций и краеведческих кружков. Приказом о командировании на археологическую разведку по югу Красноярского края летом 1948 г. предписывалось: «По пути следования в населенных пунктах проводить лекции и беседы на тему: «Значение изучения древности в социалистическом строительстве» и др. темам»². Э. Р. Рыгдылон представлял Минусинский музей на состоявшемся 11 октября 1948 г. «Совещании Минусинского городского и районного отделов Общества краеведения, совместно с партийно-хозяйственным и советским активом города»³.

Судя по документам, на первых порах Э. Р. Рыгдылон встречал полную поддержку со стороны руководства музея. В «Приказе по Минусинскому музею от 27 февр. 1948 г.» за подписью директора Т. Ф. Марковой читаем: «Уезжая в г. Красноярск по вызову Краевого отдела культпросветучреждений на краевое совещание политпросветраб., – заместителем за себя с 29 февраля по день приезда оставляю научного сотруд. тов. Рыгдылон Э. Р.»⁴. В приказе по Минусинскому музею от 1 мая 1948 г. Э. Р. Рыгдылону в числе 13 сотрудников была объявлена благодарность «за добросовестное отношение к работе»⁵.

¹ АМКМ. Оп. 1. Д. 477. Л. 64.

² Там же. Д. 1083. Л. 31.

³ Там же. Оп. 2. Д. 4.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 1083. Л. 25об.

⁵ Там же. Л. 28.

За непродолжительный период жизни и работы в Минусинске Э. Р. Рыгдылон сделал много в деле изучения древней истории Южной Сибири. Вообще, Э. Р. Рыгдылон был вторым после В. П. Левашовой профессиональным археологом в Минусинском музее, и не случайно, как отмечают современные исследователи, именно «в его период» музей на короткий период возобновил археологическую деятельность, а его фонды пополнились новыми археологическими коллекциями» [4, с. 223]. Уникальность Э. Р. Рыгдылона как археолога заключалась в том, что он был одновременно историком-востоковедом и филологом-монголистом. Не случайно, работая в Южной Сибири, Эрдэмто Ринчинович особое внимание уделял исследованию древнетюркских и монгольских надписей Енисея. Член-корреспондент АН СССР С. Е. Малов писал в своей рецензии на одну из публикаций Э. Р. Рыгдылона: «Э. Р. Рыгдылон публикует впервые две надписи: одну из Тувинской автономной области... и другую из Хакасской автономной области. Э. Р. Рыгдылон затратил большой труд по сравнению букв и их групп этих новых памятников с буквами других опубликованных до сего времени опубликованных енисейских надписей...» [17, с. 197]. Кроме того, С. А. Малов не раз упоминал о помощи, оказанной ему в Минусинске Э. Р. Рыгдылоном, например, в предисловии к своей работе «Енисейская письменность тюрков».

Не вызывает сомнения, у Э. Р. Рыгдылона были большие планы в Красноярском крае, здесь он начал работу над докторской диссертацией на местном материале. Об этом, в частности, свидетельствует письмо за подписью директора Института истории материальной культуры в Москве члена-корреспондента АН СССР А. Д. Удальцова на имя директора музея Т. Ф. Марковой: «Институт истории материальной культуры имени Н. Я. Мара Академии Наук СССР, рассмотрев отчеты стар. научн. сотрудника В/Музея т. Рыгдылона Э. Р. настоящим сообщает, что было бы особенно желательно использование его по линии исследования палеолити-

ческих и неолитических стоянок Минусинской котловины... палеолит исследован на Енисее только предварительно, а по неолиту вообще нет ни одного изученного памятника, поэтому исследование в этой области особенно необходимо. Э. Р. Рыгдылон более всего подготовлен к работам по памятникам эпохи камня, и Институт истории материальной культуры АН СССР учел его намерение написать докторскую диссертацию на тему о каменном веке с р. Енисей. Институт истории материальной культуры готов оказывать т. Рыгдылону консультативную помощь в процессе подготовки им указанного труда. Обеспечение Вами его полевых исследований по палеолиту и неолиту является необходимым условием успешного завершения им намеченного исследования¹. Факт работы Э. Р. Рыгдылона над докторской диссертацией по материалам собственных археологических исследований в Приенисейском крае зафиксирован и в «Плане научно-исследовательских работ Красноярского пединститута на 1947 год»².

Несмотря на активную работу и значительные достижения в Минусинске и Абакане в 1948–1949 гг., имя Э. Р. Рыгдылона уже не попадало на страницы газет. Нет его имени ни в сообщении из Абаканского пединститута «Научная конференция» [18], ни в заметке «Научные труды института» [19], ни в информационном сообщении по Минусинску «Организация краеведческого общества» [20].

Научная карьера Э. Р. Рыгдылона в качестве штатного археолога Мартъяновского музея прервалась, на первый взгляд, неожиданно. Об этом говорит «Приказ № 17 по музею им. Н. М. Мартъянова от 4 марта 1949 г. п. 1. Рыгдылон Э. Р. с шестого марта с/г. от работы освободить как нежелающего в дальнейшем работать в музее на общем основании. Расчет произвести с выплатой за очередной отпуск из расчета 24 раб.дня»³.

¹ АМКМ. Оп. 1. Д. 625. Л. 4. Л. 23 об.

² ГАКК. Ф.р-2217. Оп. 1. Д. 148.

³ АМКМ. Оп. 1. Д. 1084. Л. 4.

Трудно однозначно сказать, в чем была главная причина неожиданного увольнения Э. Р. Рыгдылона из Мартъяновского музея и его отъезда в Ленинград. Без сомнения, такой ход событий был вызван комплексом причин и факторов. Общая политическая ситуация в стране особенно негативно отражалась на развитии науки и культуры наиболее отдаленных и бедных регионов Советского Союза, к числу которых, безусловно, всегда относилась Сибирь, где гуманитарные науки не особо жаловали. Показательно, уже 13 мая 1949 г. Мартъяновский музей был передан в ведение Главного Управления «Енисейстрой» Министерства внутренних дел СССР. В Ленинграде заниматься наукой было проще, дешевле, комфортнее, а в тех исторических условиях, возможно, это была единственная возможность для ученого остаться в большой науке. Не следует сбрасывать со счетов и тот факт, что в Ленинграде жили жена с сыном Э. Р. Рыгдылона. И хотя сын приезжал на летние каникулы к отцу в Красноярский край, участвовал в его археологических экспедициях, он требовал все больше и больше внимания. В фондах Красноярского музея сохранилась телеграмма на имя директора И. Л. Нейтмана: «Отпустите папу скорее в Москву, скучаю. Вова Рыгдылон»⁴.

В марте 1949 г. Э. Р. Рыгдылон вернулся в Ленинград к семье и устроился работать в Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР старшим лаборантом по обработке полевого материала. С 15 июля 1949 г. он уже официально исполнял обязанности начальника отряда в Киргизской экспедиции ИИМК АН СССР.

Выехав из Минусинска, Э. Р. Рыгдылон поддерживал связь с Приенисейским краем. Из Ленинграда он сразу же написал новому директору Красноярского краеведческого музея: «Уважаемая Зинаида Константиновна... Мне хотелось бы продолжать археологическую работу на Енисее... если вы намерены проводить экспедиционную работу по линии музея, то я прошу включить меня...»⁵.

⁴ НА КККМ. Оп. 5. Д. 96. Л. 17.

⁵ Там же.

Но Красноярские власти, вероятно, отказались от самостоятельных археологических исследований, и Эрдэмто Ринчинович больше не работал на берегах Енисея.

Пока трудно сказать, приезжал ли Э. Р. Рыгдылон еще в Красноярский край в 1949 г. Имеется интересный документ, «Книга поступлений археологического материала в Хакасский краеведческий музей», составленная в ноябре 1953 г. и обработанная Е. Н. Данькиным. Согласно этой «Книге», с 12 по 25 октября 1949 г. Э. Р. Рыгдылон сдал в Хакасский музей 4 454 предмета. Предметы в основном были собраны в районах улуса Маткечик Аскизского района, села Батени Боградского района. Вполне возможно, что зафиксированная на документе дата передачи коллекции не отражает факта посещения Эрдэмто Ринчиновичем Абакана в октябре 1949 г., а лишь указывает на огромный вклад в дело археологических исследований Хакасии. В любом случае в 1951–1952 гг. в Ленинграде вышла серия публикаций Э. Р. Рыгдылона по результатам работы на юге Красноярского края [21, с. 87–93; 22, с. 94–101; 23, с. 113–120].

В дальнейшем непросто складывалась судьба ученого-востоковеда Э. Р. Рыгдылона. Диссертация по палеолиту на Енисее была отложена, но он много работал в академических экспедициях в Сибири, Казахстане и Киргизии. В 1954 г. освободилась вакансия археолога на истфаке Иркутского университета, но устроиться удалось лишь доцентом по кафедре бурят-монгольских языков. Иркутский период научной биографии Э. Р. Рыгдылона был отмечен серией заметных публикаций и серьезным вкладом в развитие местной монголоведческой школы. Но тяжелые фронтовые ранения, а возможно, и душевные травмы от многих несправедливостей, оборвали жизнь ученого в 1957 году. Ушел из жизни выдающийся российский востоковед, исследователь истории и культуры Южной Сибири, Э. Р. Рыгдылон так же спокойно, незаметно для «широкой общественности», как и жил. Лишь в 1958 г. «Советская археология» пометила на своих страницах небольшой некролог: «24 апреля 1957 года в г. Иркутске скончался монголист и археолог Эрдэмто Ринчинович Рыгдылон» [22, 24].

ЛИТЕРАТУРА

1. Свинин, В. В. «Алтан тобчи» в переводах Н. П. Шастиной и Э. Р. Рыгдылона // Вестник международного центра азиатских исследований. – Вып. 18. – Иркутск, 2011.
2. Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). – СПб., 2003.
3. Макаров, Н. П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. – Красноярск, 1989.
4. Зубков, В. С. Э. Р. Рыгдылон – сотрудник Минусинского музея им. Н. М. Мартыанова // Мартыановские краеведческие чтения (2005–2006 гг.). – Вып. 4. – Абакан–Минусинск, 2007.
5. Красноярская археология: история и библиография. – Вып. 3 / сост. А. С. Вдовин, – Красноярск, 2010.
6. Край наш Красноярский: календарь знаменательных и памятных дат на 2011 г. – Красноярск, 2010.
7. Ярославцева, Л. Г. Жизненный путь и судьба первого бурятского археолога Эрдэмто Ринчиновича Рыгдылона (10.11.1906 – 24.04.1957). По материалам личного архива // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. – Иркутск, 2009.
8. Красноярский край в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: сб. док. – Красноярск, 2010.
9. Красноярская археология: история и библиография. – Вып. 3 / сост. А. С. Вдовин; науч. ред. Н. И. Дроздов – Красноярск, 2010. – С. 27.
10. Свинин, В. В. «Алтан тобчи» в переводах Н. П. Шастиной и Э. Р. Рыгдылона // Вестник международного центра азиатских исследований. – Вып. 18. – Иркутск, 2011.
11. Красноярский Рабочий. – 1947. – 13 июля.
12. Красноярский Рабочий. – 1947. – 26 марта.
13. Красноярский Рабочий. – 1947. – 1 августа.

14. Красноярский Рабочий. – 1945. – 27 октября.
15. Красноярский Рабочий. – 1945. – 18 ноября.
16. Красноярский Рабочий. – 1947. – 1 марта.
17. Малов, С. Е. [Рецензия] // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. – Т. XIII. – Вып. 2. – М., 1954.
18. Советская Хакассия. – 1948. – 5 мая.
19. Советская Хакассия. – 1948. – 13 июня.
20. Власть Труда. – 1948. – 5 марта.
21. Рыгдылон Э. Р. Новые рунические надписи Минусинского края // Эпиграфика Востока. – Вып. IV. – М.-Л., 1951.
22. Рыгдылон, Э. Р. Монгольские надписи на Енисее // Эпиграфика Востока. – Вып. IV. – М.-Л., 1951.
23. Рыгдылон, Э. Р. Китайские знаки и надписи на археологических предметах с Енисея // Эпиграфика Востока. – Вып. V. – М.-Л., 1951.
24. Хороших, П. П. Э. Р. Рыгдылон. Некролог // Советская археология. – 1958. – № 4.

ЯКУБ КАМАЛИЕВИЧ ЗАНКИЕВ – ВИДНЫЙ ПЕДАГОГ И ПИСАТЕЛЬ СИБИРСКИХ ТАТАР (к 95-летию со дня рождения)

Х. Ч. Алишина

УДК 37.03+821.512.145 (092)

Автор посвящает свою статью выдающемуся педагогу XX века, заслуженному учителю РСФСР, члену Союза писателей Республики Татарстан, лауреату Государственной премии Республики Татарстан им. Гайбулы Тукая, ветерану Великой Отечественной войны Якубу Камалиевичу Занкиеву. В ней раскрываются основные вехи жизненного пути этого выдающегося человека.

Ключевые слова: роман «Зори Иртыша», прототип главного героя, Занкиев – первый и единственный российский писатель, показавший трагедию Великой Отечественной войны через образ советского учителя.

Проблема развития личности учителя, его гуманитарной культуры и педагогических качеств сегодня стоит особенно остро. В наши дни происходит становление новой парадигмы педагогического мастерства и профессионализма. Воспитание педагога-профессионала было и остается одной из вечных проблем средних и высших учебных заведений, готовящих кадры для современной системы образования.

Сегодня многие ученые Российской академии образования ищут ответ на вопрос «Как обеспечить качество педагогической деятельности современного учителя в массовой школе?», на местах ежегодно проводятся региональные и всероссийские конкурсы, вручаются большие денежные премии и призы («Хрустальный пеликан» и др). Мы

попытаемся дать ответ на поставленный вопрос, взяв за образец педагогическую деятельность заслуженного учителя школы РСФСР Якуба Камалиевича Занкиева.

Самой лучшей, почетной профессией у татарского народа во все времена считалась профессия учителя. Так было прежде, когда учителя называли «мугаллим» (арабское слово, переводится как «обучающий, учитель, преподаватель» [1, с. 356], так происходит и в наши дни. Учитель в глазах нашего народа – это святой человек. Любовь и уважение к учителю наши дети впитывают с молоком матери. Священная книга мусульман – «Коран» – определяет статус мугаллима, который в жизни занимает второе место после матери, а после смерти ему уготовано место в раю.

Выдающийся педагог XX столетия Я. К. Занкиев обладал высокими социально значимыми профессионально-педагогическими и психолого-физиологическими качествами. Это был высокообразованный, творческий, культурный, талантливый человек, мудрый наставник, исследователь, психолог, мастер, труженик, творец и созидатель. «Учитель учителей» с любовью называли Якуба Камалиевича Занкиева современники, коллеги, ученики.

Школьные годы Якуба Занкиева.

Детские годы Якуба Занкиева прошли в родной деревне Епанчино Тобольского района Тюменской области (хотя он родился в Иркутске, первые шажки сделал на палубе парохода, который доставил молодую семью Занкиевых на родину). Он рано испытал на себе горькие уроки жизни. В восемь лет перенес большую личную трагедию, познал горечь утраты самого близкого в жизни человека – мамы. Возможно, эта душевная, постоянно кровоточащая, рана давала будущему писателю тонкое ощущение чужой боли как своей, научила состраданию и сопереживанию к окружающим людям.

Первого учителя Якуба звали Абдулахат-абый. По окончании третьего класса ученики, как и положено, перешли учиться в соседнюю Загваздинскую школу, где в течение года вновь занимались в третьем классе. В 1930–1931 уч. г. в Епанчино прибыл новый учитель, который преобразовал трехлетнюю начальную школу в четырехлетнюю, а Якуб и его друзья поступили в четвертый класс.

Новый учитель, Урамаев Мухамедулла, с первых дней произвел большое впечатление на маленького Якуба. «Это был авторитетный учитель, обладавший глубокими знаниями. Опрятно и со вкусом одетый, вежливый и культурный. У него было приятное выражение лица, с него никогда не сходила улыбка. На все наши вопросы он отвечал с неизменной улыбкой, никогда не повышал голоса, обладал прекрасным чувством юмора. Умел к месту похвалить ученика, погладить по головке. Из каждой поездки в город привозил много новых книг» [2].

Первый урок в начальной Епанчинской школе М. Урамаев посвятил истории тобольского края. Феноменальная память Якуба Занкиева позволила ему спустя много десятилетий воспроизвести этот эпизод в одной из книг: «Оказывается, прошло уже триста пятьдесят лет, как построили Тобольск. Город в 1587 г. основал Данила Чулков. Какие знаменитые личности выросли на Сибирской земле! Ученики узнали о выдающемся химике Дмитрие Ивановиче Менделееве. Писатель Фонвизин, художник-карикатурист Знаменский связали свою судьбу с Сибирью. На Тобольском кладбище сохранилось семь могил декабристов. Такие знатные личности, как Кюхельбекер, Муравьев, Семенов, Башмаков, Вольф, Краснокутский, Баятинский, обрели вечный покой в этих краях. В Тобольской тюрьме отбывали наказание Чернышевский, Герцен, Достоевский, Павло Грабовский и другие».

Образ любимого учителя стал прототипом главных героев романов Я. К. Занкиева «Зори Иртыша» и «Любовь, объятая пламенем». Литературный критик, доцент кафедры русской литературы ТюмГУ В. А. Рогачев, высоко ценивший произведения Я. К. Занкиева, в частности, подчеркивал, что Занкиев – первый и единственный российский писатель, показавший трагедию Великой Отечественной войны через образ советского учителя. «Я. Занкиев по-своему высветил старую истину – все начинается в семье, продолжается в школе. Человек не состоится, если не знает своего рода, не помнит родных корней, истории малой родины и своего народа» [3, с. 10]. «Большое открытие Я. Занкиева – образ Мухамеда Уразаева, чья судьба органично переплелась с движущейся панорамой десятилетий XX в., трагической историей сибирских татар. Совесть герой-правдоискатель показан настоящим народным интеллигентом, которому дороги родная культура, многовековой путь народной жизни и хорошо знакомы вехи российской и мировой культуры» [3, с. 5].

Но вернемся к любимому педагогу Якуба Занкиева М. Урамаеву...

Педагогическое мастерство педагога М. Урамаева Я. К. Занкиев описал в своих публицистических произведениях. После первого урока, посвященного истории Западной Сибири, молодой преподаватель приступил к проверке знаний учащихся и выяснил: читают дети по слогам, по-русски знают несколько слов, по математике – четыре арифметических действия. Он срочно составил авторскую программу, включив в нее общий курс математики, родной язык, русский язык, литературу. При изучении темы «Проценты» учитель принес сто зерен, поместил их между двумя влажными промокашками, накрыл стеклянной пластиной. Когда из ста зерен проросло 90, мы узнали, что всхожесть составила 90 %. Мы задавали ему разные вопросы – отчего человек видит сны, почему звезды не падают с неба, кто придумал пароход. Учитель М. Урамаев, не жалея сил и времени, вел внеклассную работу, организовывал соревнования, проводил репетиции. Например, в межшкольной ученической конференции в ю. Кулларовских, где участвовали школьники из Старицких, Абалакских, Шамшинских, Байгаринских, Усть-Тамацких, Кулларовских школ, первое место заняли ученики Епанчинской школы, подготовленные М. Урамаевым.

Весной Мухамедулла Урамаева перевели учителем математики и физики в городскую школу рабоче-крестьянской молодежи.

Урамаев сделал все, чтобы его лучший ученик Якуб продолжил образование. Через знакомых он отправил записку, в которой приглашал Якуба в пятый класс ШКМ. Как выправив одежку, собрав припасы, старый дед Занки отправил внука в город.

Школа располагалась в Тобольске на улице Семакова. Директор Мухаметзянов с порога отказал Якубу: «Ты еще не окончил четвертый класс, как я могу принять тебя в пятый? На дворе месяц май. Иди, приедешь осенью». Заявление Якуба о приеме в школу передали на рассмотрение в очередном педсовете, что также не дало ожидаемого результата. Тогда Урамаев, не желая сдаваться,

написал записку и отправил Якуба Занкиева к заведующему тобольским окроно Захарову.

Зав. окроно пригласил Якуба в свой кабинет. Прочитав заявление, строго спросил: «Что, мальчик, очень хочешь учиться?» «Ага». «Экзамены за пятый класс тоже сдашь?» «Ага». «Вот, молодец, тогда будешь учиться!» Через два месяца занятия в школе кончились. По итогам учебного года отличник Занкиев получил в награду белую рубашку и черные брюки.

Учеба в ШКМ стала стартовой площадкой в большую жизнь. Спустя годы Я. К. Занкиев с большой теплотой вспоминал тех, кто учил и учился рядом с ним. Химию преподавала Асхаб Галиева, родной язык – Захид Мирвалев. Директором ШКМ работали Мухаметзянов, Халитов, Урамаев. «Вскоре назначили нового директора, бывшего партизана Курмандаева Хабиба, который преподавал общественные дисциплины с помощью существовавшего тогда бригадного метода. На уроки он приходил с наганом в кобуре, иногда расстегивал кобуру и клал наган на стол ко всеобщему удовольствию пацанов. Обычно он давал задание, назначал бригадиров и уходил. Через несколько дней проверял задания, оценки выставлял оптом». В одном классе с Якубом учились Айтняковы Хамза, Тукай (ю. Пушнякацкие Тобольского р-на), Урамаева Никар, Сайтов Габдельбар, Бекшенева Начия (ю. Саусканские Тб. р.), Салима, Гульсафа, Тахир Шиховы (ю. Баишевские Вагайского р-на), Якуб, Закир Айнуллины, Назыров (ю. Абаульские Вг. р.), Гульсум, Юсуф Ряжевы (ю. Иштамальские Тб.р.), Салим Аникин (ю. Бегишевские Вг. р.), Нугманова Сарвар (ю. Истяцкие Вг. р.), Мустаевы (ю. Карагайские Вг. р.), Ашировы Гайният, Майсарвар (ю. Шульгунские Тб. р.), Бухарин (Вагайские), Якуб Шарипов, Нафиса Комарова (ю. Комаровские Тб. р.), Анвар Бекшенев (Тобольск), Салих Тагильбаев и др. Одноклассник Кинчин Юсуф из Карбино Уватского района окончил Московский гидрометеорологический техникум, с войны вернулся в звании капитана, сейчас живет в Казани. Аттестат об окончании седьмого класса, заполнен-

ный каллиграфическим почерком директора М. Урамаева, как дорогая реликвия хранится в семье Занкиевых. На выпускной фотографии по указанию директора была сделана надпись «Крснознаменный выпуск ШКМ им. Крупской 1933 г.»

Культурно-нравственный облик педагога Мухамедуллы Урамаева, который воссоздан Якубом Занкиевым в воспоминаниях, в газетных публикациях, в книгах, вызывает большое чувство уважения. Настоящий профессионал, мастер, деятельность которого была пронизана нравственным смыслом, пониманием долга, чувством ответственности. Для молодого Якуба Занкиева он был и учителем, и отцом.

Отец Якуба Камали после смерти супруги уехал на заработки в Иркутск, оставив сына на попечении деда Занки, дяди Саляхетдина и его жены Зиннатбану. «По окончании седьмого класса воспитывавшего меня дядю Саляхетдина по ложному клеветническому доносу осудили и сослали на десять лет лагерей, отправили строить Беломорканал. Я остался в доме за хозяина. Возможности учиться не было – заготовка дров, сена, уход за домашними животными были на мне. Дед старый, жене дяди тяжело вести хозяйство. Однажды Урамаев Камиль сказал мне, что меня назначили учителем вместо Алеевой Малихи, вышедшей замуж и уехавшей из деревни. Я не поверил, какой из меня, оборвыша, учитель? Но Камиль протянул мне бумагу. Это был приказ районо. Так по рекомендации Урамаева М. я в январе 1934 г. стал учителем. Спасибо моему дорогому наставнику, который продолжал заботиться обо мне. С его легкой руки 45 лет жизни я посвятил профессии учителя», – пишет Я. К. Занкиев в статье «Уразаев Урамаев?» [2].

Надо сказать, Якуб Камалиевич оставался примерным учеником до самой кончины своего учителя, да и Мухамедулла Урамаев очень любил и гордился своим учеником, работавшим директором школы

в Епанчино. Согласно завещанию, Якуб Камалиевич приехал на похороны. На мусульманском кладбище Тобольска, стоя у изголовья покойного, плечом к плечу с его сыном Альбертом Урамаевым и внуком Робертом Урамаевым, произнес речь: «Великий отец! Память о тебе навечно сохранится в наших сердцах. Твое красивое имя золотыми буквами будет вписано в наши книги. Искренне благодарю тебя, мой учитель, за то, что ты мне, осиротевшему мальчугану, заменил отца, вывел на дорогу жизни. Прощай, дорогой учитель!» [2]

После выхода в свет романа «Зори Иртыша» Я. К. Занкиев получил большое количество писем-откликов. Читателей волновал вопрос: «Кто такой Уразаев? Реальный или вымышленный герой?» Подробный ответ на все вопросы был опубликован в газете: «Роман «Иртыш таннары» (Зори Иртыша) – не документальное, а художественное произведение. Мухамед Уразаев – собирательный литературный образ. Все положительные черты моего любимого школьного учителя Мухамедуллы Урамаева нашли отражение в образе главного героя книги «Зори Иртыша». А отрицательные черты были вымышлены, так как по законам жанра идеальных героев не бывает» [2].

Таким образом, конкретная личность учителя Урамаева с особым мировосприятием, складом характера, творческим потенциалом стала образцом для подражания в дальнейшей профессиональной судьбе Якуба Камалиевича Занкиева. Преподаватель физики и математики Урамаев Мухамедулла, владевший педагогической культурой, способный создавать благоприятную психологическую атмосферу во взаимоотношениях с учениками, осознавая высокое социальное назначение педагогической деятельности, сумел увидеть и развить в юном Якубе Занкиеве зачатки таланта, сумел вырастить из своего ученика Учителя с большой буквы, воспитать продолжателя традиций и принципов гуманизма. Главная черта, которая роднит

Урамаева и Занкиева, – любовь к своим ученикам.

45 лет бескорыстного служения народному образованию.

В 2005 г. Тюменский государственный университет выпустил памятную книгу, посвященную 75-летию вуза. В ней на с. 43–45 написано: «Занкиев Якуб Камалиевич. Окончил учительский институт Тюменского государственного педагогического института в 1940 г. Участник Великой Отечественной войны. Долгие годы учительствовал, был директором школы, заведовал Тобольским районом. Член Союза писателей. Автор первого романа в сибирско-татарской литературе «Зори Иртыша». Лауреат Государственной премии Республики Татарстан. Заслуженный учитель школы РСФСР» [4, с. 44].

В предвоенные годы Якуб Занкиев совмещал обучение в институте с работой в татарской средней школе № 3 г. Тюмени. Его ученица Сафия Салихова, проживающая в с. Ембаево Тюменского района, вспоминает: «Якуб Камалиевич вел у нас в тюменской школе уроки физики и математики. Мягкий характер, спокойный нрав, обаятельная улыбка – таким он остался в моей памяти навсегда. Мы любили его предмет, нам было стыдно чего-то не знать, мы всегда старались приходиться с выполненными заданиями». Много лет спустя я увидела учителя по телевизору. Узнав адрес, написала. Несмотря на большую занятость, Якуб Камалиевич находил время для ответа...» [5].

В сентябре 1946 г. в жизни педагога Я. К. Занкиева наступил мирный период – он возвращается из армии и приступает к любимому труду. Зав. тюменским облоном Горкунов принял его с распростертыми объятиями: «Вот и замечательно! Пожалуйста, поезжай в Аслану. Там некому вести уроки в выпускном классе, учащихся оставили на второй год» [6].

В Аслане Я. К. Занкиев стал завучем, а в августе 1947 г., после отъезда директора З. Р. Бекшенева в д. Яр, занял пост директора.

Хозяйство директору-фронтовику досталось незавидное: деревянное здание школы обветшало, в классах холодно, неуютно. Учителя работали без настроения, учебно-воспитательный процесс был пущен на самотек. Асланинский период работы Я. К. Занкиева достаточно полно описан в романе «Любовь, объятая пламенем»: «Заведующая районом выделила немного материалов для благоустройства школьного здания, общежития. В выходные дни Зиннур и его команда занялись работой. Замазали места, из которых дул ветер, и прибили фанеру. Упросили лучшего в деревне печника осмотреть дымоходы. Побелили стены, печи. Кирпича не хватило только для дальней угловой комнаты, которую девятиклассники называли тюрьмой. Постепенно школа преобразилась, просветлели лица учеников и учителей. Но в школе по-прежнему холодно, ученики не снимают верхнюю одежду, сидят в рукавичках. Ученики вынуждены держать чернильницы подмышкой, так как чернила замерзают, а руки от стужи не чувствуют ручки.

– Эх, вот бы достать железную печь, – мечтательно сказал Зиннур Ахмадушу.

Решили, что Ахмадуш отправится в город на поиски кузнеца, закажет ему эту драгоценную печку. Ее в те годы днем с огнем невозможно было найти. Через неделю проворный Ахмадуш привез-таки дефицитную железную печку с трубой. К безмерной радости учащихся даже в самом дальнем углу стало тепло. Заготовка дров для школы пошла веселее. Никто в коллективе не отказался, не остался в стороне. Молодой директор начал чувствовать себя увереннее. Осязаемые результаты совместного труда прибавили сил. Теперь он мог прямо смотреть в глаза своим ученикам, требовать от учителей добросовестной работы, доведенной до конца.

Сельская школа в этой темной, занесенной снегами деревушке постепенно превратилась в настоящий очаг просвещения, стала центром притяжения».

Якуб Камалиевич Занкиев руководил школой умело, гордился тем, что в эти тяже-

лые послевоенные годы школа не прекращала работу ни на один день. Большое внимание уделял работе с педагогическими кадрами. В Асланинской школе работали опытные учителя: Хасанов Максим, Шабииков Ахмет, Гарипова Салиха, Идрисова Салима, Ханнанова Гульниса, молодые педагоги Шабиикова Луиза, Камалова Махуба, Кучукова Халима, Галеева Рашида, Пальянова Таня. Изучив и обобщив опыт работы учителей-супругов Мирсаита и Фархинур Халитовых, молодой директор опубликовал статью в журнале «Совет мэкътэбе» (г. Казань).

Вспоминает один из лучших учеников Я. К. Занкиева Искандар Булатович Янтимиров: «В 1946 г. я поступил учиться в восьмой класс. Молодой учитель Я. К. Занкиев, имеющий высшее образование, вел уроки физики. Мы сразу поняли, что он очень грамотный, эрудированный человек. На уроки приносил самодельные приборы, объяснял доходчиво, примеры приводил из жизни. Лабораторные работы по физике проходили в условиях городской школы Ялуторовска, куда по договоренности во время каникул нас возил учитель Занкиев Я. К. К концу 10 класса в нашей школе уже был свой кабинет физики. Он научил нас правилам культуры поведения, вежливости, терпению, спокойствию, соблюдению режима во время подготовки к выпускным экзаменам. Мы приходили на консультации в класс, каждый задавал по одному вопросу. Якуб абый доходчиво объяснял, не жалея сил и времени. Мы завершили обучение в средней школе благодаря таланту, терпению, труду нашего учителя. Многие поступили в вузы, стали настоящими профессионалами, мастерами своего дела.

Меня по окончании Тюменского пединститута направили директором во вновь открывшуюся школу. Мне было очень трудно, и я написал об этом учителю. Он пригласил меня к себе, дал советы, с чего начать. Так в нашей школе мы стали проводить внеклассные мероприятия, выступать перед родителями, поставили памятник павшим в 1921 г., стали участвовать в педчтениях, выставках. В 1956 г. открыли уголок Мусы Джалиля» [7, 8].

В романе «Любовь, объятая пламенем» есть узнаваемые эпизоды из жизни в Аслане:

«Молодые педагоги, вдохновленные примером директора, отдававшего всего себя работе, стали работать с огоньком. Молодой директор достал приборы для уроков химии и физики. Появилась возможность бывать в городской шефствующей школе для проведения лабораторных работ. Учительница ботаники принялась заготавливать семена для школьного огорода впрок. В теплых классных помещениях появились комнатные цветы. Раньше дети, услышав последний звонок, вприпрыжку бежали домой. Сейчас по собственному желанию ходят на кружки, домой не торопятся. В спортивных играх и состязаниях с удовольствием участвуют не только школьники, но и сам директор. Жизнь в школе кипит ключом. Учителя стали с радостью ходить на работу, у них возникло чувство уважения, доверия к руководителю».

В 1950 г. Я. К. Занкиев уезжает в родную деревню Епанчино и вплоть до выхода на пенсию в 1977 г. работает на руководящих должностях в Епанчинской школе и Тобольском роно.

Епанчинский период в жизни педагога Я. К. Занкиева надо признать самым счастливым и плодотворным. Здесь он достиг вершин педагогического мастерства. За добросовестный труд и высокие показатели Якуба Камалиевича Занкиева в 1957 г. наградили высшим профессиональным званием «Заслуженный учитель школы РСФСР». Видный педагог Зиннур Рахматуллович Бекшенев отозвался на это событие газетной статьей «Якын, туган кеше» [9, с. 302]: «Кто в Тобольском районе не знает Якуба Камалиевича Занкиева – эрудированного, интеллигентного, скромного, жизнерадостного и великодушного учителя? Разве можно забыть этого волшебника детских сердец? Односельчане смотрят на него с большим уважением, видя в нем опору и надежду... 40 годовщину Октябрьской революции он встречает с большой радостью. Во-первых, получил звание «Заслуженный учитель РСФСР», во-вторых, спутница его жизни

Рашида окончила пединститут и стала квалифицированным педагогом, в-третьих, он построил красивый, светлый трехкомнатный дом и справил новоселье».

Авторская методика обучения, воспитания и развития способностей сельских ребятшек, разработанная и претворенная в жизнь заслуженным учителем РСФСР Я. К. Занкиевым, до конца не изучена никем, хотя в бытность моей работы в Тюменском ИУУ мне часто доводилось слышать его славное имя. Литературовед В. А. Рогачев, давая высокую оценку роману «Зори Иртыша», сказал очень точные слова: «Образ Мухамеда – это образ сибирского Макаренко» [3, с. 10]. Он сравнивал образ учителя Уразаева с Макаренко и находил «черты Сухомлинского» [3, с. 10]. Да, педагогика Я. К. Занкиева в чем-то сопоставима с педагогикой Макаренко, Сухомлинского, Соловейчика, но превосходит по масштабности, оригинальности, самобытности. Ведь Якуб Камалиевич Занкиев состоялся как защитник Родины в годы Великой Отечественной войны, и на войне он был не рядовым солдатом, а офицером, имеет ордена и медали за проявленные храбрость и мужество. Якуб Камалиевич состоялся как выдающийся педагог и просветитель, воспитатель и наставник, одним из первых в Тюменской области получил правительственную награду – почетное звание «Заслуженный учитель школы РСФСР». Учитель математики и физики (не гуманитарных наук!) написал такое эпическое произведение, как («Зори Иртыша»), которое по уровню таланта было поставлено в один ряд с романом Михаила Шолохова «Тихий Дон»! Президент Татарстана М. Ш. Шаймиев в 2002 г. по ходатайству татарского населения Тюменской области подписал Указ о награждении писателя, не проживающего в Татарстане, Государственной премией РТ в области литературы за роман-дилогию «Иртеш таннары» («Зори Иртыша»). Наш великий земляк получил признание и у себя на родине: вначале его выбрали Почетным гражданином Загваздинского сель-

совета Тобольского района, чуть позже – заслуженным гражданином Тобольска!

«Янарыш» – педагогическая трибуна Я. К. Занкиева

Во все периоды жизнь Якуба Камалиевича была успешной и счастливой. Он сам ковал свое счастье неутомимым трудом, помноженным на талант. Объясняя истоки судьбы, говорил, что родители выбрали ему очень удачное имя Якуб [10, с. 302]. О высоком значении имен Якуб, Юсуф (Йосыф) можно прочесть в произведениях писателя, в письмах. И Якуб абый, и его супруга Рашида апа рассказывали о многочисленных случаях правдивости поверья, что человека, нареченного именем пророка, нельзя обижать, оскорблять, причинять ему зло.

Магическое имя Якуб было талисманом на протяжении всей жизни писателя. Якуб абый вышел на пенсию в 1977 г. и вплотную засел за роман «Иртеш таннары». К моменту завершения работы над романом в Тюменской области, как и по всей стране, началась перестройка, период ренессанса сибирских татар. Открылись татарские отделения в вузах, татарские СМИ, в том числе газета «Янарыш». Авторитетное имя Я. К. Занкиева помогло сохранить от различных нападков и от угрозы закрытия молодой, набирающей силы и вес областной татарской газеты «Янарыш» [11]. В течение 1990–2003 гг., по подсчетам сотрудников редакции, в «Янарыш» было опубликовано около 300 статей Я. К. Занкиева. Наиболее важные работы вошли в сборник Азата Сагитова под названием «Бирешмэ, сакла газетаны». Эта цитата из письма Я. К. Занкиева «Не сдавайся, береги газету!» выбрана не только в качестве названия, она стала девизом, призывом, духовным завещанием двух известных деятелей татарской культуры.

«Янарыш» стал своеобразной педагогической трибуной для Якуба Камалиевича Занкиева, который продолжал выполнять духовную миссию учителя и воспитателя своего народа. И эти 14 лет публицистической деятельности Я. К. Занкиева можно

назвать золотым периодом в его жизни, благодаря которому его голос и его идеи гуманизма, добра, порядочности, справедливости, долга перед потомками дошли до разума и сердца тысяч подписчиков и читателей. Благодаря газете мир еще ближе узнал славного сына сибирских татар, и мир воздал ему заслуженные почести и уважение...

Слава Якуба Камалиевича Занкиева приумножится благодаря Всероссийской научно-практической конференции «Занкиевские чтения», которую в год его 90-летия проводит славный Тобольский государственный педагогический институт им. И. Д. Менделеева. Конференция уделит внимание неисследованным граням таланта, малоизвестным страницам творческой и профессиональной биографии учителя и писателя, журналиста и публициста, общественного деятеля Я. К. Занкиева, поможет увековечить имя выдающегося земляка. Мы так мало еще сделали для человека, который всю свою жизнь трудился для блага страны! Необходимо глубоко исследовать литературное творчество, уделить особое внимание эпистолярному наследию, изучить сотни писем, сохранившиеся в редакциях, в личных архивах коллег, учеников, переиздать романы, подготовить к публикации и издать книгу рассказов «Остроушко», написать сценарии по его произведениям для театральных постановок, создать фильмы и книги о Якубе Занкиеве, назвать его именем школы, установить памятники и мемориальные доски, подумать об организации литературного музея...

В 2003 г. не стало нашего любимого Учителя. Некрологи о нем были напечатаны в газетах Татарстана «Мэдэни жомга», «Мэгрэфэт», в «Тюменских известиях», «Советской Сибири», «Янарыш», «Тюменской области сегодня» др. «У сотен его учеников и всех, кто его знал, дрогнуло сердце от печального известия. Он воспитывал в своих учениках высокую нравственность, гражданскую позицию, правдивость и доброе отношение к людям. Человек чести

и совести, он никогда никому не причинил зла, оставлял добрый след в душе каждого, с кем доводилось общаться хотя бы раз» [12]. Будем достойны памяти Якуба Камалиевича Занкиева, будем брать с него пример, следовать его принципам и заветам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Махмутов, М. И., Хамзин, К. З., Сайфуллин, Г. Ш. Арабско-татарско-русский словарь заимствований. Арабизмы и фарсизмы в языке татарской литературы. С приложением справочника по арабской грамматике, составленного М. И. Махмутовым. В двух томах. – Том 1. – Казань, 1993.
2. Занкиев Якуб. Уразаев Урамаевмы. // Янарыш. – 1997. – 8 апреля.
3. Рогачев, Вл. В ожидании рассвета. Предисловие // Зори Иртыша: роман. Книга II. – Тюмень, 1998.
4. Первый вуз земли тюменской: Тюменский государственный университет. 1930–2005. – Тюмень, 2005.
5. Салихова, С. Яшэунен мэгънэсе // Янарыш. – 2003. – 4 апреля.
6. Занкиев Якуб. Ул авыр елларда // Янарыш. – 1997. – 4 марта.
7. Янтимиров, И. Якуб абый турында истэлэклэр // Янарыш. – 1997. – 4 апреля.
8. Укытучым турында // Янарыш. – 1997. – 8 апреля.
9. Бекшенев, З. Якын, туган кеше // Ленин юлы. – 1957. – 7 ноября.
10. Саттаров Г. Татар исемнэре ни сойли? – Казань, 1998.
11. Занкиев – душа газеты! // Алишина, Х. «Янарыш» – энциклопедия жизни сибирских татар. – Янарыш. – 1996. – 30 апреля.
12. Коллектив редакции газеты «Советская Сибирь». Глубоко скорбим о Вас, Учитель // Советская Сибирь. – 2003. – 13 марта. – № 21.

АННОТАЦИИ К СТАТЬЯМ НОМЕРА (на английском языке)

Smolina I. G.

NICKOLAY FEDOROVICH KATANOV AND MODERNITY

The paper considers the importance of N.F. Katanov's work for modern science. The author emphasizes an invaluable contribution of the scientist to study, preservation of languages, folklore, literature and ethnography of the Turkic peoples. The author gives attention to N.F. Katanov's educational, public and museum activities. The article is devoted to the problem of eternizing the scientist's memory in Khakassia.

Key words: ethnography, culture, Turkic speaking peoples, educator, scientist, N.F. Katanov's scientific heritage.

Salata G. A.

THE LEGACY OF THE GREAT KHAKASS SCIENTIST NIKOLAI FEDOROVICH KATANOV

The article is devoted to the biography and scientific activity of N.F. Katanov. It reveals the influence of his scientific interests on the development of specific areas in the Turkology and folklore.

Key words: Katanov N. F., Khakassia, biography, legacy of the scientist, Turkology, folklore.

Esin Yu. N.

THE MOST ANCIENT IMAGES OF WHEELED VEHICLES OF MINUSINSK BASIN

The article is devoted to engravings of wheeled vehicles of latter half of the 3rd – beginning of the 2nd millennium B.C. in rock art of Minusinsk basin at Upper Yenisei. Two-wheel and four-wheel vehicles with or without tilt, with single-piece and composite disk wheels are presented. Draught-pole in the form of two bars converging under a corner is typical for them. All vehicles are intended for pair draught. Oxen and cows were draught cattle. Loop in nose, collar and special type of yoke were used to control animals. There are three groups of images after the manner of body presentation: 1) profile view; 2) plan view; 3) combination of profile and plan projections. Profile manner is the earliest. The connection of the images of wheeled vehicles, draught cattle and charioteers with ritually-mythological sphere of culture is proved. As a result of comparative analysis of construction and manner of body presentation it becomes possible to conclude that the most ancient images of wheeled vehicles of Minusinsk basin connected with western regions of Central Asia. A new hypothesis of double draught-pole genesis on the basis of earliest variants of shafts harnessing is proposed.

Key words: wagon, cart, disk wheel, ox, Okunev culture, Afanasev culture, Bronze Age, Central Asia, Southern Siberia, Minusinsk basin, rock art, archaeology.

Amzarakov P. B.

HORSE IMAGES ON TWO BRONZE KNIVES OF THE TAGAR CULTURE

The article introduces two bronze knives with horse images connected with the Tagar archeological culture of Scythian epoch of the Minusinsk basin into the scientific turn-over. Their dating is under consideration, stylistic and typological comparisons are made.

Key words: *Tagar archeological culture, Scythian-Siberian animal style, bronze knife, horse, Minusinsk basin, archaeology.*

Ushnitsky V. V.

OLD KHAKASS STATE

The article is devoted to the Kirgiz kaganat in Yenisei as to first State in the territory of Siberia. The article proves that the Kirgiz kaganat in Enisei is not a nomadic empire, but it can be defined as an earlier State. The ethnic continuity between the Kirgiz and the Khakas is traced in the clans of the Khakas ethnos. The article analyzes the role and importance of the epoch of Kirgiz great-power in the territory of Central Asia.

Key words: *History of Siberia, the Kakas, earlier State, nomadic chiefs, the Yenisei Kirgiz.*

Petrova S. I.

THE COMPLEX OF THE SAKHA TRADITIONAL WARMTH-KEEPING KINDS OF CLOTHES

This article considers the complex of the unique warmth-keeping kinds of Sakha traditional clothes that have been already forgotten now, but are preserved in the museum archives. The author focuses the main attention on describing the material of, the technology of manufacture of, and the functional properties of, warmth-keeping clothes from the point of view of the ethnographic science.

Key words and phrases: *clothes, fur, protection from cold, originality, uniqueness, nalobnik (a special piece of processed skin to protect one's forehead from cold), nanosnik (a special piece of processed skin to protect one's nose from cold), technology of processing.*

Dongak S. C.

SOME NOTIONS OF TUVINIAN PEOPLE ASSOCIATED WITH YURT

The author of the article, for the first time in native historiography, covers some questions connected with sacral aspects of Tuvinian yurt: location, internal arrangement, interior decoration of a yurt.

Key words: *traditional dwelling of Tuvinian people, interior decoration of a yurt, location.*

Suleymanova M. N.

MAGIC RITES AND RITUALS IN BASHKIR BELIEVES AND RITUALS

The paper attempts to analyze principles forming the basis of many Bashkir magic rites and rituals which appeared in pre- Islamic period reached our times in the form of hold-over. The represented

material shows that magic is a part of ancient people's knowledge about Nature, World order, laws of the Universe, about the possibility to influence (to direct or even rule) environment, acts of nature; magic is an evidence of people's wisdom in development of environment. In other words, different types of magic (love, deleterious, remedial, guard, economic, elemental) represented the methods of interaction between Man and Nature. But the rituals, preserving today, are officiated by force of habit and their profound meaning isn't realized. Two basic principles of magic suggested by a famous ethnographer J. Fraser: similarity principle and contact principle are proved out by the example of Bashkir material. Their operation is discernible in all components of traditional pre-Islamic Bashkir believes including ones connected with natural phenomena and environment, flora and fauna, ancestor worship, demonic perceptions.

Key words: Bashkir magic rites and rituals, similarity principle and contact principle of magic, traditional pre-Islamic Bashkir believes, ancient people's knowledge about Nature and World order, laws of the Universe, magic methods of interaction between Man and Nature.

Dirtik-ool A. O.

TRADITIONAL CLOTHES IN COLLECTIONS OF TUVINIAN MUSEUMS: HISTORY OF ACQUISITION AND STUDY

The article shows the formation of fund collections of different national costumes in the National Museum of the Republic of Tuva. The author characterizes costumes of Tuvinian public person, breeder, and rich woman. The author gives a considerable attention to the collection of headdresses and footwear kept in the museum.

Key words: headdresses, footwear, national costumes, museum collection, ethnography.

Ekeev N. V.

THE PROBLEM OF THE ETHNIC COMPOSITION OF THE INDIGENOUS POPULATION OF ALTAI XVII — THE FIRST HALF OF XVIII CENTURY IN THE SOVIET HISTORICAL SCIENCE

In this paper, based on analysis of historical literature established differences in the manner of settlement and ethnic composition of the nomadic and the sedentary population of the Altai during XVII - the first half of the XVIII century. In the composition and procedure of settlement of the settled population of the Northern Altai (Biya river), because of its inclusion in the early part of Russia, major changes have occurred. Nomadic pastoralists, on the contrary, gradually migrated from the Ob valley in the foothills and mountains of Altai. This led to the complication of their ethnic composition.

Key words: Altai, Dzungaria, sedentary hunters, nomads, white, lack kalmaki, telenguty, soyony, teles.

Kiskidosova T. A.

EVERYDAY LIFE OF THE PUPILS OF GYMNASIAS AND PROGYMNASIAS OF THE TOWNS OF THE YENISEY PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX AND THE BEGINNING OF THE XX C.

The article considers everyday life of the gymnasias and progymnasias pupils of the Yenisey Province. The problems of teaching of some disciplines of the curriculum, material and organizational difficulties of school are mirrored in the article as well as the out-of-class pastime of the pupils. Special attention is paid to the pupils' attitude to learning and to their teachers. To

support the data many archive sources have been used in the article as well as the materials of the current press. The drawbacks in teaching in the educational institutions provoked dissatisfaction of the pupils striving to get high quality education.

Key words: *everyday life, gymnasia, pupils, Yenisey Province, lesson, break (interval), teacher.*

Saaya S. V.

STRATEGY OF EXTERNAL ECONOMIC RELATIONS OF TUVA IN 1920-S

The article shows the role of Tuva People's Republic in structure of the Soviet import. The author comes to the point that foreign economic policy of the Tuvian State was aimed at USSR. In 1920-s primary incomes of Tuva were gained by means of customs duties, rent for use of gold field, etc.

Key words: *commerce, economic relations, import, foreign firms, protectionism.*

Kharunova M. M.-B.

MAIN AREAS OF SOCIAL POLICY AIMED AT PROVIDING THE NECESSARY AMENITIES FOR FRONT-LINE SOLDIERS DEMOBILIZED IN 1945-1946 (ON THE EXAMPLE OF OIROT AUTONOMOUS OBLAST AND TUVAN AUTONOMOUS OBLAST)

The article considers main areas and characteristic features of the implementation of social policy in relation to ex-servicemen in Oirot and Tuvan Autonomous Oblasts.

Key Words: *social policy, ex-servicemen, disabled war veterans, resettlement, pecuniary aid, allowances, Oirot Autonomous Oblast, Tuvan Autonomous Oblast.*

Katashev M. S.

CONDITION OF ALTAY MOUNTAINS INDUSTRY IN 80-90-S OF THE XX CENTURY

The article is devoted to the economic condition of the Altay Mountains in the last years of perestroika. Introduced into the turnover of complex archival documents enables us to show characteristics and trends in industrial development in the regional the turn of the 80-90-s. XX century. Noted reasons for the low efficiency of the enterprises of the Altay Mountains in those years.

Key words: *industry, construction facilities, technical equipment, raw nature, industrial infrastructure, income. Inflation.*

Eshmatova G. B.

IMPROVEMENT OF CONSTITUTIONAL LEGAL PROVISIONS AS ONE OF THE CONDITIONS OF POLITICAL LIFE DEVELOPMENT

The paper analyses the issues of the development of constitutional legal law amidst forming civil society of Russian Federation. The author gives attention to the legislation of the Republic of Altai.

Key words: *constitution, constitutional legal provisions, federalism, constituent territory of the federation, republic.*

Kimeyev V. M., Krivonogov V. P.

ETHNIC PROCESSES AMONG KALMAKS

In the article presented results of research of current ethnic processes among Kalmaks nation including results of mass survey according with special list of questions in 1993 and 2010 years. Kalmaks is a small turkic-speaking nation from the North of Kemerovskaya area. This area is connected with ancestry of Teleuts and also is in interaction with Siberian Tatars and in the last decades with Povolzhky Tatars and Russians. Data that were accumulated shows that for the last years Kalmaks quickly assimilated to Kazan Tatars those dominate in that area of settlers from Povolzhky region. Majority from them don't speak on the origin dialect but speak on Tatar and Russian languages. They are interethnic married with Tatars and Russians. But those who saved ethnic self-consciousness and ethnonym – Kalmaks,- feel themselves as a part of Tatar nation. Between 2 researches size of the nations decreased in 2 times. There are 80 people left and probably in the nearest future they will assimilate into Tatars finally.

Key words : Kalmaks nation, contemporary ethnic processes, assimilation, language processes, national-interethnic marriage, Siberian Tatars, Teleuts, Povolzhky Tatars, ethnodemography.

Barabash V. P.

ROLE OF CULTURE AND ART EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF EASTERN SIBERIA IN PRESERVING OF TURKIC PEOPLES ARTISTIC CULTURE

The article is devoted to the analysis of several field of concern of professional culture and art educational institutions of Eastern Siberia in preserving of Turkic peoples artistic culture.

Key words: Eastern Siberia, artistic culture, Turkic speaking peoples, educational institutions.

Karelina E. K.

THE COMPOSERS CREATIVE IN SOUTH SIBERIAN REPUBLICS (ABOUT DEVELOPMENT WAYS AND PROBLEMS OF STUDY)

The article is dedicated to the problems of development of the national composer's schools in South Siberian Republics. The typical and specific particularities of composers creative's development are studied in music-cultural context.

Key words: South Siberian Republics, composers creative, national composer's school.

Konovalov A. P.

PROFESSIONALLY-CULTURAL DEVELOPMENT OF SCHOOLCHILDREN IN EASTERN KAZAKHSTAN AMID THE MODERN LABOR MARKET

The article represents the results of labor market social monitoring and professional preferences of schoolchildren of East Kazakhstan Region.

Key words: schoolchildren, labor market, professional preferences.

Stepanov M. G.

THE PROBLEM OF POLITICAL REPRESSIONS IN THE USSR (1928-1953) IN HISTORIOGRAPHICAL STUDIES

The article presents an analytical overview of historiographical publications which address the problem of political repression in the USSR (1928-1953). It is concluded that the current historiographical study differs from the Soviet as a statement of the new order, so the use of previously secret archival material with which historiographers are trying to conduct verification of the conclusions of historians.

Key words: soviet history science, postsoviet historiography, the repression, military coup, stalinism, «great terror», ethnic deportations.

Dankina N. A.

BASIC TENDENCIES IN STUDY OF THE CULTURAL REVOLUTION OF BURYAT INTELLIGENTSIA IN AFTER-OCTOBER PERIOD OF RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

The article is devoted to the historiography of Buryat intelligentsia of the XX c. The basic stages and tendencies in study of the Buryat intelligentsia are emphasized. The author comes to the following points: 1) intelligentsia of Buryatia in 1920–1930-s had been studied in the midway of Cultural Revolution; 2) the independent study of the Buryat intelligentsia had been started only since 1960-s. In the present state of historical studies the interest in study of the Buryat intelligentsia and the number of publications on the topic increased.

Key words: intelligentsia, Buryatia, historiography, Cultural Revolution, ideology, interdisciplinary approach.

Datsyshen V. G.

RYGDYLON E.R. THE HISTORY OF SOUTHERN SIBERIA, KRASNOYARSK REGION, KHAKASSIA, MINUSINSK, ARCHEOLOGY, ORIENTAL STUDIES, SCIENCE AND POWER IN THE USSR, MARTYANOVSKY MUSEUM.

The article is devoted to Erdemto Rinchinovich Rygdylony life in Krasnoyarsk, especially the period which was spent for studying of the south of the Yenisei region. In Krasnoyarsk scientist lived for five years and almost two years was working in the Minusinsk museum. Shortly after beginning his work in Krasnoyarsk in 1945, E.R. Rygdylon has established close cooperation with colleagues from Abakan and Minusinsk, and from October 1st, 1947 he was hired in Minusinsk museum. During the short period of working in the Krasnoyarsk region E.R. Rygdylon did a lot in the ancient history of South Siberia study. The uniqueness that archaeologist was that he was both a historian- orientalist and philologist- mongolist. While working in the Krasnoyarsk region, E.R. Rygdylon finished his Ph.D. and began to write his "doctoral" dissertation, but in March 1949 he was dismissed from the museum and left Krasnoyarsk region. His huge contribution the development of science and education in the Yenisei region is still poorly understood and appreciated.

Rygdylon E.R. the history of southern Siberia, Krasnoyarsk region, Khakassia, Minusinsk, archeology, oriental studies, science and power in the USSR, Martyanovsky museum.

Makhno Y. K.

N.F. KATANOV AS A TRAVELER AND RESEARCHER OF URYANKHAY LAND

The article is devoted to the characterization of N.F. Katanov's travelogue. The importance of his first scientific expedition to Khakassia, Uryankhaisky Krai and Eastern Turkestan is shown. Main topics of "Ocharkovo..." are reflected.

Key words: *Uryankhaisky Krai, travelogue*

Alishina K. C.

YAKUB KAMALIEVICH ZANKIEV – NOTABLE EDUCATOR AND WRITER OF SIBERIAN TATARS (TO THE 95TH ANNIVERSARY)

The article is dedicated to the notable educator of the XXth century, Honoured teacher of RSFSR, member of the Writers Union of the Republic of Tatarstan, recipient of the State Prize of the Republic of Tatarstan n.a. Gaibula Tukai, veteran of the Great Patriotic War Yakub Kamalievich Zankiev. The article describes central milestones of his life journey.

Key words: *a novel "Dawns of Irtish", archetype of the protagonist, Zankiev – the first and singular Russian writer, who showed tragedy of the Great Patriotic War through the image of a Soviet writer.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алишина Ханиса Чавдатовна – доктор филологических наук, профессор Тюменского государственного университета

Амзараков Петр Борисович – научный сотрудник сектора археологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Барабаш Валентина Петровна – кандидат исторических наук, директор Красноярского краевого колледжа культуры и искусства

Данькина Надежда Анатольевна – кандидат исторических наук, ученый секретарь Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Дацышен Владимир Григорьевич – доктор исторических наук, зав. кафедрой истории Сибирского федерального университета

Донгак Светлана Чондан-ооловна – старший научный сотрудник сектора археологии и этнографии Тувинского института гуманитарных исследований при Правительстве Республики Тыва

Дыртык-оол Анна Оюновна – кандидат исторических наук, доцент Тувинского государственного университета

Екеев Николай Васильевич – кандидат исторических наук, заведующий сектором этнографии Института алтаистики им. С. С. Суразакова

Есин Юрий Николаевич – кандидат исторических наук, заведующий сектором археологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Карелина Екатерина Константиновна – доктор искусствоведения, заместитель директора по научно-методической работе Кызылского колледжа искусств им. А. Б. Чыргал-оола

Кимеев Валерий Максимович – доктор исторических наук, профессор Кемеровского государственного университета

Кискидосова Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Коновалов Алексей Петрович – кандидат исторических наук, директор Центра социального мониторинга и прогнозирования Семипалатинского государственного университета им. Шакарима

Кривоногов Виктор Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Сибирского федерального университета

Махно Юрий Карпович – доцент по кафедре методики преподавания истории

Петрова Светлана Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры фольклора и национальной культуры Северо-Востока РФ Северо-Восточного федерального университета

Саая Саида Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Тувинского государственного университета

Салата Галина Александровна – кандидат педагогических наук, министр образования и науки Республики Хакасия

Смолина Ирина Геннадиевна – кандидат юридических наук, заместитель Главы Республики Хакасия – Председателя Правительства Республики Хакасия

Степанов Михаил Геннадьевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Сулейманова Маргарита Нугмановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Республики Башкортостан и этнологии Башкирского государственного университета

Ушницкий Василий Васильевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Харунова Марианна Монге-Байыровна – кандидат исторических наук, заместитель директора по науке Тувинского института гуманитарных исследований при Правительстве Республики Тыва

Эшматова Гульнара Бахтияровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- археология;
- этнография, этнология и антропология, культурология;
- история, источниковедение и методы исторического исследования;
- история науки;
- история международных отношений и внешней политики;
- история и структура языка;
- языковые связи;
- литературоведение;
- фольклористика;
- персоналии.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии.

Автор представляет:

- заверенную рецензию доктора или кандидата наук по специальности;
- статью в файле в формате Microsoft Word (кроме Word-2007) (файлы с расширением doc или rtf);
- идентичный текст в печатном виде;
- краткую аннотацию (700–850 знаков с пробелами) на русском и английском языках, которая должна включать: фамилию автора, название, цель статьи, характеристику проблемного поля, перечень основных проблем, затронутых в статье, основные научные результаты, ключевые слова (не более 10).

Титул статьи должен содержать фамилию, имя, отчество, должность, ученую степень, место работы, служебный адрес, электронную почту, индекс УДК. Объем статьи не должен превышать 0,5 п. л. (20 тыс. знаков) с учетом пробелов, примечаний и объема аннотации, а также таблиц и рисунков, объем информационных заметок и рецензий — 0,2 п. л.

Статья оформляется со следующими параметрами:

- стандартный набор шрифтов Windows, кегль 14;
- если автор использует дополнительные шрифты, не входящие в основной набор Windows, эти шрифты должны быть записаны в электронном виде и переданы со статьей;
- межстрочный интервал — 1,5;
- не использовать макросы и стилевые оформления Microsoft Word;
- поля: сверху и снизу — 2 см, слева — 3, справа — 1,5 см.

Фамилия, имя, отчество автора и расположенный под ними заголовок должны быть написаны строчными буквами, жирным шрифтом и выровнены по центру страницы. Сведения об авторе размещаются под заголовком с правой стороны. Ниже следует аннотация с ключевыми словами на русском языке, под ними — фамилия, имя, отчество автора, заголовок, аннотация и ключевые слова на английском языке.

Текст статьи начинается на этой же странице.

Список литературы оформляется в конце статьи:

- названия работ приводятся в порядке упоминания;
- ссылки в тексте на упомянутые труды оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страницы [1, с. 21];
- сноски пояснительного характера, а также ссылки на архивы, рукописные собрания даются постранично с использованием последовательной нумерации (1...10 и т. д.), причем в тексте статьи номер сноски печатается в верхнем регистре;
- в публикациях документов могут быть использованы буквенные постраничные ссылки.

Графики и диаграммы представляются отдельными файлами, выполненными в Microsoft Excel 6.0/7.0/97/2000; иллюстрации в формате JPG.

От автора к публикации принимается не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с аспирантов за публикацию не взимается. Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу членов редколлегии и при необходимости направляются на внешнее рецензирование. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

Полная текстовая версия выставляется <http://www.haknii.ru>

Рукописи направлять по адресу: 655017, Абакан, Щетинкина, 23.

Редакция журнала «Научное обозрение Саяно-Алтая».

E-mail: khaknauka@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГУ – Алтайский государственный университет
АЭАЕ– Археология, этнография и антропология Евразии
ВДИ – Вестник древней истории
ГЭ – Государственный Эрмитаж
КемГУ – Кемеровский государственный университет
ККМ – Красноярский краевой краеведческий музей
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МГУ – Московский государственный университет
МКМ – Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартянова
НГУ – Новосибирский государственный университет
ОмГУ – Омский государственный университет
РВ – Ригведа
РГО – Русское географическое общество
СА – Советская археология
ХакНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ХНКМ – Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова

Выпуск 1
Серия: История

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ САЯНО-АЛТАЯ

Макет подготовлен ГБУ РХ
«Хакасское книжное издательство».
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 75-18н.
Тел./факс: (3902) 24-30-39
E-mail: izdatel@sibnet.ru

Подписано в печать 11.05.2012.
Бумага офсетная.
Формат 60x84/8. Печ. л. 24,75.
Гарнитура Liberation. Печать цифровая.
Тираж 500 экз. Заказ №9.

Отпечатано в ГБУ РХ
«Хакасское книжное издательство»
на цифровой печатной машине
Oce VarioPrint 4110
